

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>
<http://www.100top.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«ВЕЧЕ-НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига-Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

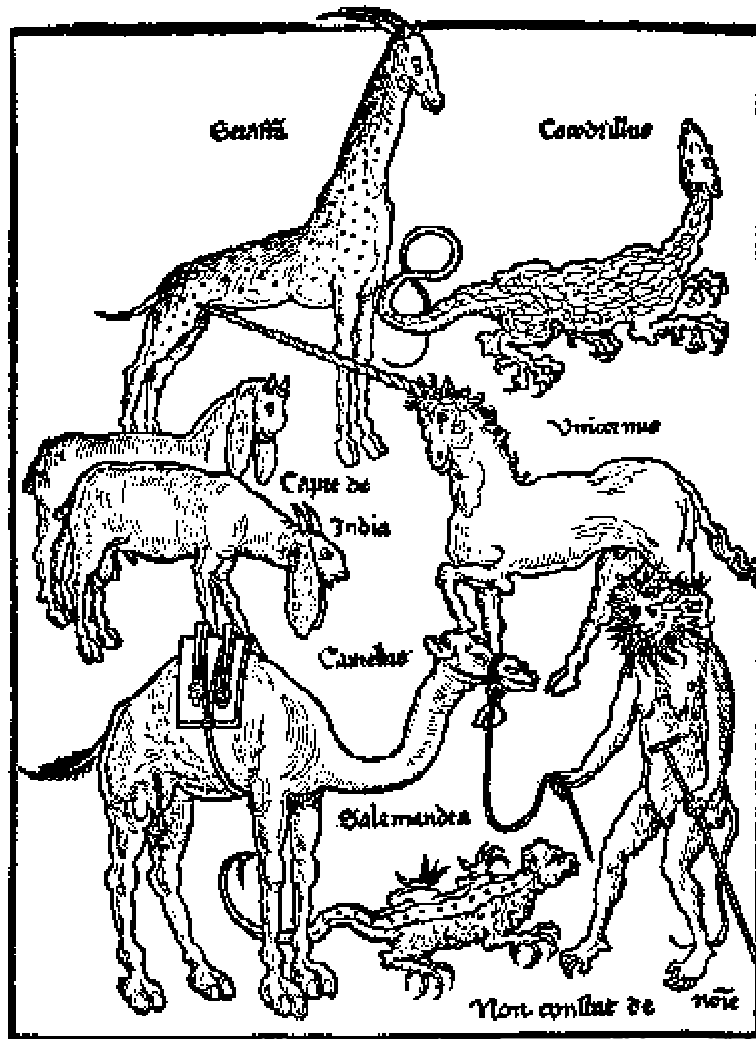
**С лучшими книгами издательства «Вече»
можно ознакомиться на сайте
www.100top.ru**

**ПРЕДИСЛОВИЕ,
ИЛИ НЕСКОЛЬКО
КРИТИЧЕСКИХ ЗАМЕЧАНИЙ
В АДРЕС «ДРАКОНОВЕДЕНИЯ»**

ГДЕ ВЫ, МОНСТРЫ?

В мире постоянно появляются сообщения о встречах с чудовищами. Есть книги, в которых говорится о гигантах со змеиными или лошадиными головами, проживающих в водах Тихого океана и Атлантики. По свидетельствам, встречи с длинношеими плезиозаврами происходят как в пресных, так и в соленых водах по всему миру. Во многих книгах собраны сообщения об огромных черепахах-монстрах и гигантских морских крокодилах, живущих в открытом океане. Из-за большого количества очевидцев, якобы видевших своими глазами появление чудовищ, эти сведения кажутся неоспоримыми, однако, с научной точки зрения, имеется много факторов, которые заставляют сомневаться в их достоверности. Люди вообще плохие наблюдатели и не осознают, что большинство обычных видов животных напоминают их чудовищ, а НЛО являются обыкновенными рукотворными или природными объектами, просто наблюдаемыми при необычных условиях. Обычно монстрами называют тюленей, больших рыб (таких, как осетры и угри), плывущих слонов или оленей или других животных. Часто ошибочные сообщения о появлении чудовищ приходят только из-за того, что какое-то конкретное место имеет репутацию «облюбованного монстрами». Также не подвергается сомнению, что люди, увидев непонятных животных, неосознанно сравнивают их

Такими представлялись средневековой Европе
самые обычные животные

с монстрами той или иной эпохи и упоминающимися в легендах; так, в XX веке после изучения останков динозавров люди стали сопоставлять своих чудовищ с их реконструкциями типа плезиозавра и зауропода...

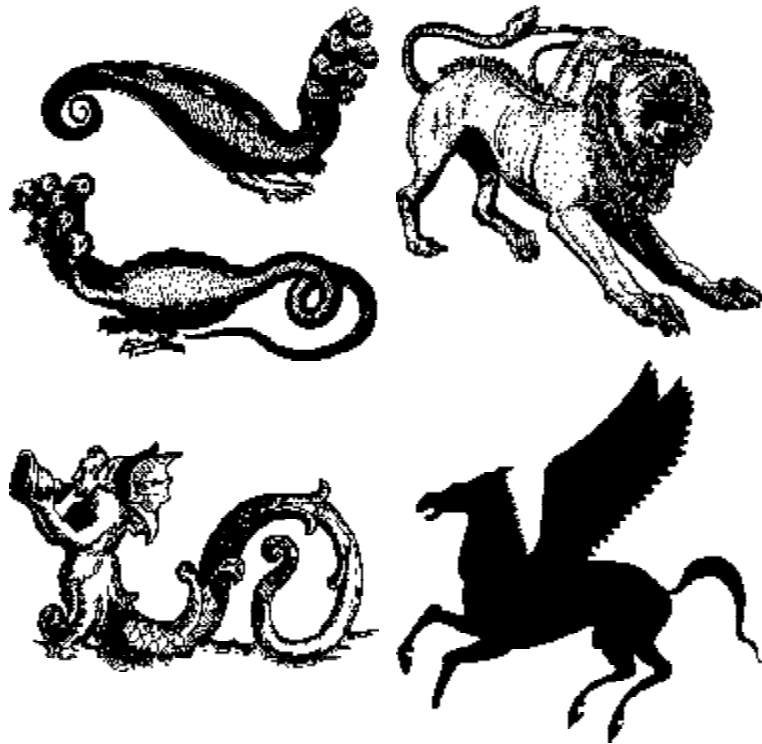
Криптозоология утверждает, что на Земле гораздо больше видов животных, чем об этом знает человечество. Мало того, эта наука заявляет, что биологи не только не сумели обнаружить множество мелких существ, но еще и умудрились пропустить немало наших соседей по планете размерами с кита и слона. Кроме того, криптозоологи говорят, что ископаемые останки находятся в земле не с таких уж древнейших времен, и в данный момент могли бы указывать не на полное исчезновение видов, а на то, что эти группы животных могли бы выжить к настоящему дню — только это никто не может доказать.

Немногие, если таковые вообще имеются, из ведущих зоологов спорят с криптозоологией о существовании неизвестных видов животных и о том, что большая часть живых организмов на Земле ждет открытия. Например, в Индокитае постоянно открывают все новые виды копытных, в 1976 году в мировом океане была найдена удивительная, с огромнейшим ртом акула, которую назвали «мегапасть», а в 90-х было обнаружено два неизвестных вида китообразных.

Но гипотезы, выдвигаемые криптозоологами, очень часто заставляют с недоверием относиться к самой науке. Хотя криптозоология твердо входит в перечень разнообразнейших дисциплин, она мало общего имеет хотя бы с той же палеонтологией, которая только и живет поисками и находками останков вымерших животных, которые и поддерживают ее существование. Очень немногие палеонтологи, изучающие позвоночных животных, знают, что многие из существ, которых они изучают (морские рептилии, динозавры, птерозавры, примитивные доисторические китообразные), оценены криптозоологами как дожившие до наших дней.

Скептики утверждают, что к настоящему времени никаких фактических свидетельств нет, и требуют доказать существование неизвестных науке животных путем показа «неопровер-

жимых» фотографий и рассказов очевидцев. Но найденные скелеты никогда не сохраняются, фотоаппараты ломаются как раз в тот момент, когда животных лучше всего видно, отсутствие достоверных свидетельств не только надоедает, но и заставляет относиться к науке с недоверием. Однако похоже, что не сведения, добытые криптозоологами, являются предметом споров, а их интерпретация. Общеизвестная гипотеза, что морской змей, водное чудовище из отдаленных геологических эпох, дожил до современности, является самым большим из парадоксов, краеугольным камнем современной криптозоологии.

Весь этот экзотический зоопарк возник явно не на пустом месте. За легендами и мифами древних скрывались какие-то реальные существа

Большой успех одно время имела девятиступенчатая классификация морских змей основателя современной криптозоологии Бернара Эйвельманса. Он утверждает, что, по крайней мере, два вида примитивных китообразных, а также морской крокодил мезозойской эры дожили до наших дней. Они существуют бок о бок с гигантскими черепахами, которые, возможно, в десять раз больше, чем шестиметровая протостегидс (самая крупная черепаха, известная палеонтологам). Рядом причудливый головастик «желтый живот» и два вида необычных тюленей («морская лошадь» и «тюлень с длинной шеей»).

Одним из важных результатов исследований Эйвельманса явилось утверждение, что водный длинношей монстр — скорее «тюлень с длинной шеей», чем реликтовый плезиозавр. Впрочем, идея не нова, ее защищал еще голландский биолог Антон Удеманс в своей книге 1892 года «Большой морской змей».

Хотя идеи Эйвельманса получили бесспорную поддержку, немногие согласились с его главной мыслью: в природе нет такого существа, как морской змей. Его схема, поддержанная многими криптозоологами, из-за множества неточностей ничего не стоит с точки зрения зоологии. Например, то, что «многоплавниковый» морской змей Эйвельманса предположительно живой базилозавр, имеющий по бокам небольшие плавники и со спины покрытый костяным панцирем. Панцирный кит? Бельгийский криптозоолог ссылается на литературу, в которой описываются ископаемые остатки базилозавров, имеющих костяные пластины. Похоже, он забыл, что еще Ремингтон Келлог в своем монументальном классическом труде 1936 года об археосетах (доисторических китах) указывал, что эти пластины принадлежат не китам, а черепахам. Таким образом, одна из главных причин для опровержения идеи, что эта морская змея может быть базилозавром, появилась еще до того, как Эйвельманс создал свое абсурдное животное в 1968 году.

Немецкий исследователь Ульрих Магин считает, что девятиступенчатая классификация Эйвельманса основана на

недостаточных знаниях, опирается на непроверенные источники и априорные рассуждения. Он говорил, что Эйвельманс всех своих существ «списал» с лохнесского чудовища и что когда в распоряжение криптозоолога попадают более подробные описания неизвестных существ, он не может их сопоставить ни с одним из девяти видов его классификации. Также, когда сообщение о змее приходило из определенного района, Эйвельманс помещал его в одну из своих категорий не из-за его строения, а просто потому, что в его схеме этот район известен как место обитания одного из видов чудовищ. В конечном счете его схема не выдержала испытания временем (как гипотеза морского змея не была принята широкой научной общественностью), и предположения Эйвельманса не были доказаны последующими находками. Карл

Всемирно известный зоолог Бернар Эйвельманс написал множество увлекательных книг по криптозоологии

Шукер, сегодня самый авторитетный криптозоолог, опровергает идентификацию Эйвельманса скандинавской «супер-выдры» как прототипа археосета и доказывает, что длинношеи водные монстры, скорее всего, не «тюлени с длинной шеей», а живые плезиозавры.

Было предпринято немало попыток, чтобы перенести водных чудовищ в плоскость зоологии. В 1975 году сэр Питер Скотт и Роберт Райнс дали лохнесскому чудовищу научное название – *Nessiteras rhombopteryx*, их статья была опубликована в «Нейчур», одном из самых престижных научных журналов в мире. Они хотели дать потенциально существующему животному «официальное» имя, чтобы иметь возможность сохранить его статус. Эта цель была благородна, но отсутствие каких-либо объективных доказательств существования заставило ученый мир с сомнением отнестись к этому шагу. Официальная наука требовала материалов, доступных для проверки, а не нечетких фотографий и путаных свидетельств очевидцев, представленных как доказательства существования монстров; они не могли никого удовлетворить из-за своей ненадежности.

Мало обсуждался вопрос о самой возможности выживания ископаемых морских рептилий. Одно время криптозоологи с сомнением воспринимали все научные данные о возрасте останков. Однако после 1992 года многочисленные статистические проверки на определение возраста останков были представлены в опубликованном многостраничном томе «The Fossil Record 2», в котором были собраны все данные об известных ископаемых животных. Отчеты о возрасте ископаемых останков оказались верными и вполне заслуживающими доверия!

Кроме того, если верить криптозоологам, выжили существа, которые существовали в самые отдаленные времена господства динозавров на Земле. Поскольку кости морских рептилий большие, тяжелые и часто под действием окаменения изменяют форму, они очень похожи на окаменелости млекопитающих. И действительно, все окаменелости ученые распределяют по принадлежности к определенным временным отрезкам, в которых могли бы жить эти животные; в случае с

плезиозавром это означало бы 170 миллионов лет назад. Кажется более достоверным, если определенная группа животных живет в определенный отрезок времени, к примеру в байосском ярусе раннего юрского периода, который, например, был представлен лишь одним видом плезиозавров.

Кроме того, мы должны поверить на слово криптозоологам, что эти животные прожили десятки миллионов лет, не оставляя никаких окаменелых останков! Но это просто неправдоподобно, так как за такой большой срок отсутствие очевидных следов есть очевидность отсутствия самих животных!

Существует еще несколько препятствий для выживания до настоящего времени плезиозавров – длинношейх водных рептилий мезозойской эры, которые передвигались в воде посредством подводного «полета». Хорошо сохранные окаменелости плезиозавров показывают, что у животных были плоские глаза и скрытые или вообще отсутствующие ушные раковины. Они имели уникальную носовую систему, через которую вода, попадая в рот, проходила через морду и выходила из ноздрей. Также выяснено, что у них были причудливые скелетные особенности и специфическая мускулатура.

Помимо этого, мы знаем почти всю анатомию плезиозавров: эти животные были высоко специализированными подводными хищниками, на воздухе же были абсолютно беззащитны. Ко всему этому еще можно добавить, что глаза плезиозавров обычно располагались наверху головы и их шея не могла вертикально двигаться. Из всего этого эксперты сделали вывод, что плезиозавры не могли особенно высоко поднимать шею, в особенности над водой. Если следовать приведенной выше анатомии плезиозавра и сопоставить ее с отчетами свидетелей, которые якобы видели этих монстров, то получается, что криптозоологи поверили больше красочным картинкам из иллюстрированных книг и журналов, чем более достоверной научно-зоологической литературе. Отсюда две главные проблемы криптозоологии: нестыковка с «технической» зоологией и неточность исторических связей.

Возможно, версия с тюленем не настолько и плоха. Вообще не ясно, почему она оказалась заслонена версией с плезиозавром. Водные чудовища с длинными шеями, по сви-

детельству очевидцев, часто покрыты шерстью, имеют длинные усы и несколько горбов, которые, вероятно, могут еще и изменять форму и поэтому являются «пневматическими». И тюлени конечно же могут быть усатыми и покрытыми шерстью. Известно, что тюлени одного вида даже обзавелись надувными мешочками, которые находятся под кожей в области плеча и груди.

Но у плезиозавра не было ни меха, ни усов, ни воздушных мешков. У некоторых ластоногих, например морских львов, пропорционально удлинились шеи, а одного из вымерших тюленей – южноамериканского *Acrophoca* называют «тюленем с лебединой шеей». Кроме того, многочисленные ископаемые останки тюленей все еще находятся в земле и ждут своего открытия, чтобы попасть в музеи. В отличие от теории о длинношейх тюленях, непреодолимая проблема отсутствия окаменелостей делает теорию плезиозавра нереальной, поэтому длинношейе тюлени более предпочтительны, чем реликтовые рептилии...

После исчезновения плезиозавров в конце мелового периода группа копытных млекопитающих китов переместилась в освобожденную морскими хищниками нишу. Первые первобытные киты, археосеты, представляли собой звено в эволюции, через которое природа экспериментировала с разнообразием стиля жизни и морфологии. Эти ранние киты заменили морских рептилий, и теория, что обе эти группы выжили, кажется очень неправдоподобной.

Вернемся к вопросу о возможной идентификации змееподобного водного чудовища. Из-за многих биологических ограничений крупные змееподобные морские существа должны быть очень редки в природе. Сверхудлиненная форма, большая масса и поверхность кожи, не позволяют поддерживать высокую температуру, из-за чего приходится исключить теорию о змеевидном млекопитающем. Те же рептилии, которые обрели змееподобную форму, обладают специальным покрытием тела и вообще двигаются из стороны в сторону только потому, что имеют несовершенную анатомию, не позволяющую вертикальные перемещения.

Некоторые крупные рыбы имеют змееподобную форму тела, но они испытывают недостаток в строении так же, как и морские змеи. В результате своей недавней работы по изучению китообразных Эмилия Буххольц доказала, что многие современные киты, в том числе белуха и речной амазонский дельфин, могут изгибаться в вертикальной плоскости.

Учитывая, что одна группа малоизученных китообразных уже приобрела удлинённую и тонкую форму, которую даже можно назвать угреподобной, эволюционирование современного и длиннотелого изгибающегося кита кажется невозможным. С другой стороны, зоологи, изучающие китов, вряд ли восприняли бы всерьёз идею о появлении новых разновидностей змееподобных дельфинов!

Учитывая крайний недостаток материальных свидетельств существования гигантских, змееподобных, изгибающихся в вертикальной плоскости монстров, приходится согласиться, что их идентификация – это вопрос, требующий ответа. Другими словами, если в скором времени не появятся ожидаемые доказательства, то с научной точки зрения эта теория окажется бесполезной.

Змееподобные и более «обычные», горбатые, водные монстры, если и существуют, то их можно заменить известными зоологическими типами (например, большой длинной рыбой). Вполне достоверным доказательством их существования может служить пленка из Скандинавии, впервые показанная в 1999 году. На ней запечатлено некое угреподобное животное с тонким прямоугольным спинным плавником, которое вгрызлось в мертвую тушу кита.

После более чем 200 лет споров относительно так называемых морских чудовищ выясняется, что в криптозоологии, так же как и в любой другой науке, должны применяться строгие научные объяснения. Столетия слухов и предположений не приблизили нас к правде. Сегодня, когда количество физических доказательств так мало, эксперты не могут прийти к общему выводу по самым элементарным вопросам.

Часть первая

ЛОХ-НЕСС И ДРУГИЕ ОЗЕРА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ, ИЛИ НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

...Самый эффектный вид на озеро открывается с шоссе А 862, ведущего из Инвернесса. Дорога проходит через предместья города, а затем ныряет в зону мрачных лесов. Через несколько километров она делает легкий уклон и внезапно перед вами открывается Лох-Несс.

С первого взгляда озеро поражает: огромная, черная масса воды, простирающаяся насколько хватает глаз и вся в тенях от нависающих, угрюмых холмов. Смотря на озеро, легко понять, как возникла вера в монстра, скрывающегося в этом огромном, зловещем водоеме. Если проехать чуть дальше, то вы попадаете в деревню Дорес. Здесь, напротив деревенского паба, дорога начинает петлять и идет вдоль самого берега. Ее построил генерал Уэйд для того, чтобы английским войскам было удобнее подавлять восстание якобитов в начале XVIII века. Теперь, три века спустя, в ней сделаны кое-какие усовершенствования, но их не слишком много. Это по-прежнему петляющая, узкая дорога, большей частью – однополосная. Сперва озеро прячется за кустами, ольховыми и ореховым деревьями, но затем вы подъезжаете к домикам фермеров и можете уловить первые отблески его серо-голубых вод...

В 2003 году будет отмечаться семидесятилетие того, что, возможно, представляет собой самую знаменитую загадку нашего времени – Лохнесского чудовища.

Именно в мае 1933 года в маленькой шотландской газете впервые появилось сообщение о гигантском неизвестном науке животном, которое видели на озере Лох-Несс. Двое супругов, которые ехали по главной дороге вдоль северного берега озера, вдруг заметили, как какое-то огромное существо плещется и кувыркается в темных водах. Затем последовали новые встречи, и к концу того года таинственное животное стало знаменитостью.

Никто не анализировал тогдашние свидетельства. Появились сотни новых и множество фотографий, но неоспоримого, научного доказательства существования монстра так и не нашлось. Когда недавно компания «Смирновская водка» сделала новую рекламу — девушка в купальном костюме катается на водных лыжах, которые тащит сам монстр, — то под ней был помещен знакомый лозунг: «Говорят, что всякое случается». Тем самым «Смирновская» лучше всех выразила суть этой истории. Да, порой кажется, что в озере Лох-Несс могло случаться почти все.

Поп-звезда Адам Фейт появился в «What a Whooper!» («Ну и дела!»), комедии начала шестидесятых о чудовище. Через десять лет у Билли Уайлдера в «Частной жизни Шерлока Холмса» действие разворачивалось именно в живописных ландшафтах озера Несс, и туда был привезен дорогостоящий восемнадцатиметровый механичес-

Лох-Несс — одно из трех озер, наполняющих Великий Гленн, массивную геологическую складку, прорезающую земли Шотландии

кий монстр, который однажды резво нырнул и лежит на дне озера по сей день. Желтая подложка, чей цвет был наверняка подсказан песней Леннона и Маккартни, тоже была доставлена сюда, и с ее помощью безуспешно пытались выудить монстра наружу. Был нанят гирокоптер, который использовался в фильмах о Джеймсе Бонде, чтобы исследовать таинственные воды с воздуха. Год за годом все новые устройства и аппараты применяются для того, чтобы лохнесское чудовище не исчезало с глаз публики. Но все это время первоначальная загадка остается, а она из тех, что во многом действительно уникальны.

В прошлом столетии были и другие великие головоломки, такие, как летающие тарелки или снежный человек, но в одном все эти загадки сильно отличаются от лохнесской. Это — их географические характеристики. Очень немногие имеют достаточно средств, чтобы отправиться в Гималаи. Встречи с летающими тарелками происходят повсюду, и энтузиасты НЛО вполне могут созерцать небо как в Челябинске, так и в Аризоне или Новой Зеландии. Тайны, подобные этим, живут десятилетиями, возможно, и веками.

Но тайна лохнесского чудовища связана с крайне небольшой областью земного шара — в этом ее особенный колорит. Казалось бы, что вполне возможно решить вопрос с огромным неизвестным животным или животными, чей ареал столь невелик. Лох-Несс захватило воображение всего человечества, но по мировым масштабам это — крошечное озеро. Даже в самой Великобритании есть другие, и шире, и глубже, чем Несс.

Хотя по длине озеро почти равно ширине Ла-Манша между Дувром и Кале, но оно имеет всего два километра в ширину — и это в самом широком месте. Площадь поверхности гораздо меньше, чем у Лох-Ломонда, и вся она доступна взору публики. Широкая дорога для грузовиков идет чуть выше, вдоль северного берега озера, и вокруг него достаточно мест для наблюдения. На Лох-Несс можно глядеть из отелей, лагерных стоянок и из домов. Оно — часть Каледонской системы каналов, и круглый год через него движутся траулеры и другие суда. А загадка все остается.

Почему же десятилетия спустя монстр все еще прячется за двусмысленностями? Отчего проваливались все экспедиции, организованные на его поиски? Исследование записей интервью с очевидцами выявило забавный парадокс. Чем больше людей является на Лох-Нессе посмотреть на монстра, тем реже его видно. Вал встреч 1933–1934 годов больше никогда не повторялся. Любой, кто поговорит с очевидцами, признает, что мошенничеством в большинстве случаев ничего нельзя объяснить. Подавляющая часть тех, кто утверждает, будто видели что-то необъяснимое в озере, без сомнения, говорят это искренне.

Для нас грядущий семидесятилетний юбилей загадки Лох-Несса представляется удобным случаем пересмотреть некоторые самые важные и до того остававшиеся в небрежении вопросы касательно монстра.

Как чаще всего люди представляют себе поиски чудовищ? Банда сумасшедших любителей бросает вызов предубеждениям закоснелой, равнодушной научной среды? Но решение загадки Лох-Несса требует совсем другого поиска – поиска, в котором должен участвовать и читатель. Это вопрос касается не только гуманитарной или естественной истории Лох-Несса – то есть материй, которые уже были, хоть и удивительно мало, проанализированы. Решение его требует свежего взгляда на саму загадку. Для этого нужно соскоблить кожуру и мишуру, налипшую за пятьдесят лет – в виде легенд, анекдотов и разных благоглупостей. Нужно посмотреть свежим взглядом на все головоломки, представленные фотосвидетельствами, и пересмотреть результаты, полученные от исследований радарными и прочими подводными аппаратами. Мы расцениваем загадку Лох-Несса как загадку, которую можно решить.

... «Мы встретили очаровательную пару в Инне, которые были знакомы, через друзей, с Монстром. Они видели его. Он похож на несколько ломанных телеграфных столбов и плавает с невероятной скоростью. У него нет головы. Его можно видеть почти постоянно».

Вирджиния Вулф (в письме к сестре, апрель 1938 г.)

Лох-Несс, самый известный водоем на Британских островах – это странное и колдовское место. Оно находится у восточного конца Великого Глена, разлома, который несет к нему по прямой за 30 километров от Форта-Аугустуса, почти из такой же дали, как и Инвернесс.

Лох-Несс известно как самая большая головоломка современной естественной истории.

Начало загадке было положено в 1933 году. В тот год монстра видели на поверхности бесчисленное количество раз, и к Рождеству он появился на обложках самых тиражных британских газет. В декабре была напечатана первая фотография монстра. На ней показано змеиное тело, скрывающееся за пеленой брызг. В апреле следующего года один лондонский хирург сделал снимок, который, вероятно, стал самым знаменитым из всех портретов чудовища. На нем видна голова, как у жирафа, и шея, изящно высунутая из воды, совсем неподалеку от берега у местечка Инверморизон. К тому времени появились сообщения о встречах с монстром и на суше. Одна девушка из Форт-Аугустуса видела через бинокль странное животное, которое выволокло свое неуклюжее тело на сушу и улеглось на берегу у Борлум-Бея.

К концу 1934 года интерес публики к монстру поутих. В последующие годы люди по-прежнему сообщали, что видели странные предметы и волнение в озере, но пресса расценивала все это как шутку. Новые свидетельства появились в 1951 году, когда абориген по имени Лахлан Стюарт сделал фото сразу трех гигантских горбов, которые, как он уверял, проплыли мимо его дома на озере однажды рано утром.

В 1960 году загадка снова всплыла и весьма эффектным образом: юный инженер-аэроавт по имени Тим Динсдейл заснял таинственный объект, который, разбрасывая тучу брызг, пропер по всей длине озера. Фильм был показан по телевидению и вызвал мировой интерес. Динсдейл впоследствии посвятил свою жизнь разрешению этой загадки и много раз отправлялся в экспедиции на Лох-Несс. Его книга «Лохнесское чудовище» (1961) оказалась самым важным исследованием по этому вопросу и вдохновила на 25 лет работы у озера многочисленные организации и отдельных

ученых. Самой известной из этих организаций было Бюро расследования Лохнесского феномена, которое образовалось в 1962 году. Хорошо известный натуралист сэр Питер Скотт был одним из его директоров. Начиная с 1962 года бюро проводило каждый год, летом, все большее число экспедиций на озеро и охватывало своими наблюдениями все больший и больший сектор его поверхности, используя все более совершенные камеры. Успех пришел в 1967 году, когда один из добровольцев бюро заснял на киноплентку таинственный объект, вынырнувший на поверхность у Дореса.

В конце 1960-х бюро развернуло на озере мощный арсенал оборудования, включая гидрофоны, мини-подлодки и гирокоптеры. Самый явственный успех пришел в 1972 году, в тот самый момент, когда бюро уже собирались закрывать. Группа, работавшая совместно с Американской академией прикладных наук, получила серию изумительных подводных снимков, на которых видно нечто, похожее на плавники в форме алмаза, принадлежащие некоему гигантскому и неизвестному существу.

После этого сенсационного успеха академия продолжила свои работы на озере, и еще более замечательные фотографии были сняты в 1975 году. Их широко публиковали в британской прессе, хотя ученые по-прежнему сомневались, являются ли или нет достаточным доказательством существования монстра. На одной из них видно с близкого расстояния то, что кажется головой чудовища, с отвратительной, похожей на горгулью мордой, с оскаленной пастью и рожками.

В 1980-х годах изучение озера продолжалось. Тим Динсдейл по-прежнему приезжал сюда каждый год, преследуя свою уже давнюю цель — заснять голову и шею монстра на киноплентку с близкого расстояния. Академия прикладных наук тоже продолжала работы со своими подводными камерами и зондами, и точно так же поступали прочие организации, такие как «Проект Несс» и «Проект Морар». В то же самое время берега Лох-Несса усеяли другие, не разрекламированные исследователи, осуществившие наблюдение за

таинственными водами за свой счет, и каждый мечтал оказаться тем самым, который наконец добудет решающий кадр, что ускользал от наблюдателей целых полвека.

Летом 1981 года на стороне дороги появилась вывеска «Проект Несс и Морар». За открытыми воротами можно было видеть поле, набитое припаркованными машинами, палатками защитного цвета и рядами шатров.

На эту полянку можно было легко вскарабкаться от берега озера. А сам берег здесь состоит из серой полоски камней и гальки всего лишь в несколько метров шириной. Озеро, уже в пятидесяти метрах от суши, наполнено разными локаторами и оборудованием для фотографирования под водой, здесь же стоит на якоре главное судно Проекта — уродливое, неустойчивое, растянутое между двумя длинными полозами-поплавками, как огромные плавучие сани. На берегу «морские скауты», «бродячие скауты» и другие добровольцы готовятся к еще одной ночи изучения озера. Фигуры в костюмах для подводного плавания плещутся на мелководье, тут же качается ялик со всем оборудованием — под внимательным наблюдением Адриана Шайна, руководителя Проекта.

Шайн — высокий человек с густой бородой, исполненный решимости разгадать эту тайну. «Фотографическое наблюдение за озером изжило себя в шестидесятых, — говорит он с напором. — Это трата времени. Я запретил использовать камеры на этом месте». Он поглядел в сторону судна, иногда скрывающегося за волнами. «Вы же видите, — прибавляет он уже спокойно. — Мы не стараемся засечь монстра. Мы охотимся на него».

«Сегодня мы опять выходим, — прибавляет Шайн с энтузиазмом, — будем охотиться на шестистах футах!»

Цель Проекта — узнать больше про среду обитания монстра, его поведение и потом постепенно, при помощи локаторов, подобраться поближе — настолько, чтобы было можно его сфотографировать. Так и идет работа в Лох-Нессе с 1973 года по сей день, если не считать дополнительных экскурсий на Лох-Морар, еще одно озеро с репутацией приюта монстров.

Если вы поедете в направлении Фойерс, то увидите озеро еще не раз. Между Доресом и Фойерсом имеется некоторое количество придорожных площадок для стоянки, и с них везде открываются потрясающие панорамы. Дорога петляет и идет ниже гряды скал, затем проваливается еще ниже, почти до уровня воды. А затем поднимается к Инверфари-гайту, минует старую разрушенную церковь в Боулскайне и наконец приводит к отелю «Фойерс». Тупиковый отрезок ведет еще немного вниз по холму – к Нижнему Фойерсу, следуя направлению стрелки у дороги, на которой написано: «Исследования Лох-Несса Френка Серла».

Проезжаем мимо высокой каменной стены старого алюминиевого завода и прибываем на большую автостоянку, которая занимает разровненную часть ненужной земли на месте старого пирса. Первое, что мы видим, – домишко и рядом голубой фургон, украшенный красными и голубыми пластиковым флажками. Вывеска на фургоне гласит: «Открыто».

Внутри на стенах висят приклеенные вырезки из старых газет, рассказывающие о Френке Серле и об отставном надзирателе за озером, Алексе Кембелле. Эти двое утверждают, что видели монстра гораздо чаще, чем кто-либо другой. На одной стене вывешена статья, в которой высказывается сенсационное предположение, что Джон Кобб, асс лодочных гонок, погибший на озере в 1952 году, погиб именно из-за столкновения своей лодки с чудовищем!

В начале семидесятых Френк Серл был своеобразной знаменитостью озера, но с тех пор достоверность его многочисленных фото чудовища была поставлена под сомнение. Бывший охотник за лохнесским монстром, Николас Уителл (ныне репортер Би-би-си), назвал Серла одним из «фальсификаторов» в своей книге «Лохнесская история».

На гряде холмов в Верхнем Фойерсе дорога снова сворачивает, озеро теряется из виду, и в течение ближайших пятнадцати километров поездка проходит среди подножий холмов. Вы едете по унылой местности, следуя указаниям черных столбиков, которые направляют зимой снегоочистители. Дорога спускается вниз, пересекает реку, затем резко взби-

рается вверх, туда, где среди деревьев внезапно показывается западный край озера. Отсюда дорога снова круто срывается вниз, к Форт-Аугустусу и дальним башням аббатства. Монастырь здесь был построен на развалинах древнего форта, по имени которого и назван город.

Большинство путешественников вдоль Великого Глена избегают извилистой дороги по южному берегу озера и следуют по маршруту А 852, грузовой дороге от Форт-Аугустуса. Через километр справа по ней появляется городок Черри-Айленд. Это древнее сооружение когда-то соединялось скалистой мостовой с большой землей, но ушло большей частью под воду при строительстве Каледонского канала – то был инженерный подвиг, благодаря которому уровень воды в Лох-Нессе поднялся на три метра.

На большей части дороги Лох-Несс скрыт от взгляда деревьями. Он не показывается в полной красе до тех пор, пока вы не доедете до Фойерса, этой коллекции белых домиков, рассеянных среди сосен. Далее у Эйкнаннета вы проезжаете мимо пустого поля, и там от видов озера просто захватывает дух. Когда-то именно здесь располагался светлый штаб Бюро исследования Лох-Несса.

Над Строун-Пойнтом недавно была построена новая парковочная станция, чуть ниже самой дороги, что позволяет туристам вылезти из машины и посетить одну из самых знаменитых достопримечательностей Лох-Несса, древние развалины замка Уркухарт-касл. Вид здесь изумительный, и озеро в этом месте самое широкое и глубокое. Отсюда оно уходит на северо-восток – мощный пояс воды, раскинувшийся на 18 километров, и скрывается за горизонтом.

Здесь самый легкий спуск к озеру – через руины замка, в которых есть сразу три пляжика, спрятанных посреди возвышающихся стен между башнями. Уркухарт-каслу несколько сотен лет, и его возвели на месте еще более древнего форта. Сегодня это просто романтические развалины, но когда-то это была важная крепость, проходная пешка в борьбе между английскими властями и мятежными шотландцами. Замок присутствует в двух знаменитых фотогра-

фиях монстра, сделанных Лахланом Стюартом и Питером Макнабом. Уркухарт-касл считается одним из лучших мест для «обзора».

От Струун-Пойнта дорога поворачивает в глубину страны, к деревням Льюкстон и Драмнадрокит, и озеро пропадает из виду за густым кустарником, который покрывает берега дельты реки Энрик. После переезда через реку дорога изгибается назад к озеру и идет вдоль береговой линии до самого Лохенда. На всем этом отрезке оборудованы стоянки, позволяющие оценить прекрасные виды озера. У Лохенда озеро сужается, и Каледонский канал вливается в Инвернесс и Бьюли-Фирт.

Для тех, кого интересует чудовище, посещение Выставки Лохнесского чудовища в Драмнадроките просто обязательно. Выставка занимает специально для этого сделанную пристройку отеля «Драмнадрокит». Там есть много кнопок, двигающихся экранов, моделей монстра, фото- и кинокамер и локаторов. Медная табличка на стене торжественно возвещает об открытии выставки Робертом Райнсом. Райнс — это тот человек, который первым снял монстра под водой.

Пожалуй, есть некая ирония в том, что выставка расположена в отеле «Драмнадрокит». Монстр, согласно преданию, вернулся домой. Именно хозяин отеля первым увидел его в 1933 году и помог превратиться в живой миф забытому персонажу фольклора горцев. И именно в 1933 год (и в более ранние эпохи!) нужно вернуться, чтобы разрешить загадку Лох-Несса и понять обстоятельства этой невероятной истории, которая однажды вышла из Шотландии, обошла весь мир и продолжает волновать его по сей день.

ЗАНАВЕС ПРИОТКРЫВАЕТСЯ...

2 мая 1933 года в газете «Инвернесский курьер» на первой полосе появилась статья, озаглавленная: «Странное зрелище на озере Лох-Несс». Эта статья, впоследствии облетевшая мир, как искра распалила интерес всей планеты. Множество охотников за чудовищами отдали этой заметке долж-

Лондонский хирург Р. Кеннет Уилсон снял в 1934 году голову и шею, поднявшиеся из воды озера Лох-Несс. По некоторым данным, недавно он признался в подделке...

ное. Но никто толком не рассмотрел странные обстоятельства, которые лежали за этим репортажем, и никто не потрудился вернуться назад и изучить архивы «Курьера», чтобы узнать, как отозвались на газетную новость местные жители, которые хорошо знали озеро. Так вот, подвергнуть эту статью критическому анализу — значит обратиться к некоторым озадачивающим и занятным фактам...

Итак, вернемся к истокам.

«СТРАННОЕ ЗРЕЛИЩЕ НА ОЗЕРЕ ЛОХ-НЕСС

Что это было?

От нашего корреспондента:

«На протяжении жизни уже нескольких поколений Лох-Несс имеет славу прибежища для ужасных чудовищ, но, так или иначе, «водный келпи», как прозвали это легендарное существо, всегда считался мифом, если не шуткой. Теперь,

однако, появились новые вести – чудовище показалось еще один раз, в прошлую пятницу, и видели его хорошо известный бизнесмен, который живет у Инвернесса и его жена (выпускница университета), когда они ехали вдоль северного берега, неподалеку от пирса Абриахзан. Сначала они заинтересовались необычным волнением на озере, которое еще мгновение назад выглядело спокойным, как лужа. Дама первой заметила это волнение, которое расходилось от места в трех четвертях мили от берега, и именно ее внезапные крики с просьбой остановиться привлекли к озеру внимание мужа.

Там из воды высунулось некое существо, целую минуту оно кувыркалось, напоминая своим телом кита, и при этом вода разлеталась от него, как в кипящем котле. Вскоре, однако, оно скрылось в бурлящей пене. Оба наблюдателя признались, что было нечто странное во всем этом, они сразу поняли, что перед ними не обычный житель озера, потому что существо, нырнув последний раз, всколыхнуло такую массу воды, которую не смог бы вздыбить и проходящий пароход. Зрители ждали почти полчаса в надежде, что монстр (если это был он) появится на поверхности снова, но больше его не увидели. Говоря о размерах чудовища, дама утверждает, что, судя по тому, какая обширная поверхность была потревожена, длина животного должна превышать много футов.

Вспоминается, как несколько лет назад рыбаки из Инвернесса сообщили о встрече с неизвестным существом. Все случилось, когда они пересекали озеро на лодке: размеры, движения и количество воды, которое животное вымещало при своих движениях, – все давало возможность предположить, что это либо очень крупный тюлень, либо бурый дельфин или сам монстр!

Эта история, появившись в печати, привлекла много внимания, но вызвала совсем мало доверия. На самом деле, большинство из тех, кто обращался к рассмотрению этого вопроса, делали это с изрядной долей скепсиса.

Следует упомянуть, что, насколько известно, ни тюлени, ни бурые дельфины никогда не заплывали в Лох-Несс.

Для последних это было бы даже совершенно невозможно, а что касается тюленей, они, хоть и очень редко, появляются в реке Несс, но о том, что кто-либо встречал их в озере, сообщений не поступало».

Теперь мы знаем, что эта безымянная пара были мистер и миссис Маккей из деревни Драмнадрокит, расположенной близко к озеру, но из которой не открывается вид на него, и что анонимным автором этого неуклюжего и высокопарного сочинения был некий Алекс Кембелл. И так, нечто странное наблюдали 14 апреля 1933 года в озере Лох-Несс. Однако только через две с половиной недели новость об этом происшествии появилась в местной прессе. А реально произошло вот что: о необычайном зрелище, которое случилось увидеть чете Маккеев, стало известно их другу Алексу Кембеллу. Кембелл был инспектором рыбнадзора и еще подрабатывал корреспондентом от «Курьера Инвернесса» в Форт-Аугустусе и газеты «Северной хроники», которые и напечатали его репортаж о чудовище соответственно 2 и 3 мая.

И вот тогда слова «чудовище» и «монстр» впервые появились в печати применительно к загадочному обитателю Лох-Несса. Примечательно и то, что эти слова не использовали Маккеи, но они были приписаны к их свидетельству, и неизвестно, кто за это в ответе: сам ли Кембелл или выпускающий редактор. Согласно устной традиции, редактор «Курьера» отозвался на статью Кембелла следующими словами: «Ну, если эта штука так велика, как утверждает Кембелл, мы не можем назвать ее просто существом; это должно быть настоящее чудовище». Но сорок лет спустя Кембелл хвастался журналистам: «Я видел его восемнадцать раз. Я тот самый человек, который впервые назвал его «чудовищем».

Есть доказательства того, что Алекс Кембелл, прежде чем услышал рассказ Маккеев, был глубоко уверен в том, что Лох-Несс служит приютом какому-то монстру. Но самое убедительное содержится в самой статье. Если поглядеть на нее повнимательней, то становится ясно, что отчет Кембелла никак нельзя назвать нейтральным, отстраненным сооб-

нением о том, как двое каких-то людей видели что-то необычное в озере. Через несколько месяцев выяснилось, что версия Кембелла оказалась весьма преувеличенной. Миссис Маккей сообщила, что ее муж вообще ничего не видел, так как был занят тем, что следил за дорогой. Она сама сперва заметила, на расстоянии в сотню метров, яростное волнение на воде, которое, как ей тогда показалось, вызвала пара дерущихся уток. Впоследствии выяснилось, что брат миссис Маккей, Кеннет, был главным распространителем разных историй о монстре, которого видели до 1933 года.

Последние три абзаца статьи Кембелла весьма красноречиво свидетельствуют о его замешанности в этом деле, так как в них он привлекает внимание к сообщениям о необычных событиях в озере Лох-Несс, которые местная пресса опубликовала за три года до этого, в 1930 году. 27 августа 1930 года анонимный корреспондент «Северной хроники» сообщил, что три не названных по имени рыбака наблюдали нечто очень странное во время лова на озере Лох-Несс:

«Мы услышали ужасный шум и, оглядевшись, заметили, как в 600 ярдах от нас бурлит вода и от этого места во

Л. Стюарт заснял чудовище с тремя горбами.
Кто-то считает эти снимки подделкой

все стороны разлетаются брызги. Затем рыба — или что это было — направилась к нам... мы могли видеть только извивающиеся движения, и ничего больше».

Репортер говорит, что провел своеобразное расследование и нашел еще свидетеля, тоже безьямного, лесника, который живет на берегу озера и является «человеком незапятнанной честности и первоклассным наблюдателем»:

«Несколько лет назад (он) видел на озере нечто подобное. Он заметил рыбу — или что там было, — которая плавала в центре озера, и впоследствии утверждал, что она была темная, похожа на перевернутую рыбацкую лодку и таких же размеров.

Что это было? Мы будем весьма обязаны, если кто-то из наших читателей сможет просветить нас по этому вопросу, или если кто-либо видел нечто подобное».

Это воззвание не осталось без внимания, и в следующем номере газеты были опубликованы три анонимных письма. Некто, назвавшийся «Турист», взял перо в руку, чтобы сообщить, что, когда он стоял на берегу реки Несс, то услышал «ужасный плеск и фырканье в реке»:

«Выглянув из палатки, я увидел нечто, что принял за гигантского тюленя, высывающегося из воды с рыбой в пасти. Я отвернулся, чтобы надеть ботинки и побежать к реке, поглядеть на все с более близкого расстояния, но когда повернулся обратно, чудовище уже исчезло».

Это и был первый раз, когда кто-либо употребил слово «чудовище» в печати в связи с загадкой. Но животное видели в реке Несс, а не в озере.

Не больше понимания проявил и некий «Инвернессец», письмо которого тоже напечатали:

«Примерно сорок лет назад шкипер и команда парохода, плывшего по каналу (Каледонскому. — Авт.), видели в Лох-Нессе чудовищное животное или рыбу. Оно плавало на спине, имело ноги и покрытое мехом тело. Я передаю историю, как ее слышал».

Кажется, имеется весьма мало общего между «извивающимся» предметом, о котором сообщили анонимные Рыбаки, перевернутой лодкой, которую видел Лесник фыркаю-

щим зверем с рыбой в пасти и плоской головой в сообщении Туриста и пушистым чудовищем с ногами, который плавал на спине. На призыв газеты, судя по всему, откликнулись чудаки, которые регулярно заполняют своими писаниями колонки «писем наших читателей» в маленьких провинциальных газетках.

Некоторые читатели, тем не менее, почувствовали себя обязанными предложить рациональное объяснение загадочной встречи рыбаков. Некий «Не-рыбак» высказал предположение, что рыбаковы видели «либо тюленя, либо бурого дельфина, либо чудовищного по размерам морского утря», но затем сам прибавил, себе же противореча: «Единственным возражением на эту теорию может быть тот факт, что ни тюлени, ни бурые дельфины, ни морские утри не обладают таким мощным телом, чтобы вызвать особо заметное волнение на воде».

10 сентября 1930 года «Северная хроника» опубликовала еще два письма по поводу того, что тогда называли «Лохнесской загадкой». Некий «Р.А.М.» (читатели «Хроники», судя по всему, все отличались редкостным единодушием в своем стремлении сохранить инкогнито) написал:

«Относительно появления странного животного или рыбы в Лох-Нессе. Я думаю, что более чем вероятно такое объяснение: три джентльмена видели тюленя. Один друг сказал мне, что однажды наблюдал большого тюленя, который высунулся из воды в Литл-Айл-Пул на реке Несс, и весьма возможно, что этот же тюлень проник и в озеро Лох-Несс».

Возражая на это, «Другой Рыбак» написал:

«Я думаю, что юные рыбаки видели выдру, которая носилась по поверхности с лососем в пасти; отсюда и волнь».

И на этом тогда поставили точку. Лохнесская загадка испарилась, не получив должной поддержки от публики, и на эту тему больше ничего не было опубликовано. Чудовище из Лох-Несса казалось чем-то, чего никто не видел, или не знал, или знать не хотел.

Окончание статьи Кембелла 1933 года показывает, что автор был весьма раздражен отсутствием должного внимания к монстру. Вполне возможно, что Кембелл был в ответе

и за предыдущие репортажи 1930 года, чей стиль очень похож на его статьи 1933 года. В 1930-м для объяснения феномена был предложен ряд рациональных версий — от имени анонимных корреспондентов «Северной хроники». Но на этот раз Кембелл, похоже, решил очистить свой путь от разных возражений здравого смысла. Он начисто отвергает такие объяснения природы своего «монстра», как присутствие тюленя или бурого дельфина.

Согласно традиционному взгляду на «Лохнесскую историю», дальнейшее было очень просто. За рассказом Маккеев о своем видении последовал целый поток новых сообщений, и очень скоро чудовище стало национальной знаменитостью.

Но на самом деле архивы «Северной хроники» и «Инвернесского курьера» дают немного иную картину. Хотя никто раньше этого не признавал, исторический репортаж Алекса Кембелла был напрочь сокрушен объемистой критической статьей, которая появилась в выпуске «Курьера» на следующей неделе. 12 мая 1933 года, под заголовком «ЛОХНЕССКОЕ ЧУДОВИЩЕ» газета представила своим читателям мнение капитана Джона Макдональда, инспектора пароходства Мак-Брейна, чьи суда регулярно бороздили воды Лох-Несса в течение пятидесяти лет. «Никто лучше капитана Макдональда не подходит для того, чтобы выразить свое суждение по этому поводу, так как он очень хорошо знаком и с Лох-Нессом, и со всеми его странностями, за которыми наблюдал на протяжении всей своей жизни».

Капитан Макдональд ясно дал понять, что его отнюдь не впечатлил драматический репортаж Алекса Кембелла о встрече Маккеев:

«Хотя у меня и нет никаких сомнений в том, что они, проезжая вдоль берега Лох-Несса, действительно видели нечто, показавшееся им необычным, и что им было странно наблюдать сильное волнение на воде, боюсь, что их воображение было слишком взбудоражено, и на самом деле в том, что они увидели, ничего необычного обнаружить нельзя. Я говорю это на основании собственного близкого знакомства с озером на протяжении почти 70 лет».

Во-первых, для меня было весьма удивительно, что, как утверждает ваш корреспондент, «на протяжении жизни многих поколений Лох-Несс считали прибежищем для ужасного чудовища». Я плаваю по Лох-Нессу 50 лет, за это время я совершил не менее 22 тысяч путешествий туда и обратно. За эти полвека почти ежедневного пересечения озера я никогда не видел того «чудовища», которое описывает ваш корреспондент.

Однако я видывал то, что, на первый взгляд, можно описать как «немыслимое волнение на воде», что, однако, для меня стало довольно обычным зрелищем. Однажды, когда поверхность озера была спокойна, как мельничный прудик, я услышал сообщение о том, что сегодня «на озере наблюдалось ужасное волнение» примерно на расстоянии мили от берега. Когда же мой пароход подошел поближе к этому месту, то стало ясно, что волнение создает резвящийся лосось – рыбы были в игривом настроении, устраивали гонки друг за другом и выпрыгивали из воды, что, конечно, производило известное волнение, показавшееся странным и даже «ужасным» тем, кто наблюдал за всем этим издали. Хотя я и не собираюсь оспаривать искренности этих свидетелей (Маккеев), но осмелюсь предположить, что и они видели не что иное, как резвящегося лосося, то есть то, что лично я видел сотню раз во время путешествий по озеру Лох-Несс.

Сэр Джон Мюррей из Департамента Изучения Природы и его сотрудники несколько лет назад изучали Лох-Несс и сделали подробную карту его окрестностей. Исследование проводилось три года подряд. Каждую часть озера тщательно обследовали при помощи зонда. И никаких необычных рыб или зверей найдено не было. Я не собираюсь преуменьшать романтичности прекрасного озера, но каждый раз, когда меня спрашивают – если не сказать пытаются – друзья, желая узнать мое мнение о великом чудовище, мне хочется выполнить свой долг и рассказать, что представляют собой «необычайные явления» в Лох-Нессе».

Алекс Кембелл никак не отреагировал на эту статью. Через две недели «Инвернесский курьер» поместил на своих

страницах короткую заметку, которая, на самом деле, служит разгадкой тайны.

«Ускользящий» монстр

Мы получили большое количество писем от наших читателей с предположениями и объяснениями того, что было названо «чудовищем», якобы встречающимся на озере Лох-Несс. Некоторые полагают, что это большая выдра, другие думают, что – гигантский угорь, а некоторые даже считают, что виной необычному волнению на воде – какие-то сейсмические явления. Многие придерживаются и того мнения, что прав капитан Джон Макдональд».

Это новое предположение – о сейсмической природе волнения – не является настолько нелепым, как может показаться на первый взгляд. Лох-Несс находится прямо над одной из главных линий разломов Британских островов, той, что проходит под Великим Гленом в направлении примерно

Этот снимок, сделанный Ф. Адамсон в 1934 году, являет зрителям плавник, возникшим из пены, однако плохое качество фотографии делает анализ затруднительным

35 гр. с.-в. — 35 гр. ю.-з. Анализируя ударную волну, которая возникла в результате землетрясения в Инвернесе в ноябре 1890 года, сейсмологи пришли к выводу, что она «весьма характерна для мест, расположенных вдоль линий разломов» — особенно для Инвернеса, «находящегося в долине Несса», и для Дореса (деревни у северо-восточной части озера). В сентябре 1901 года другое серьезное землетрясение случилось в Инвернесе и окрестностях Лох-Несса. Передовая волна дала о себе знать в окрестностях озера еще в июне этого года, а когда наконец произошло само землетрясение (примерно в 1.30 18 сентября), на северном берегу Каледонского канала у Дохгарох-Локс образовалась трещина. Вторичные волны еще две недели сотрясала окрестности. 28 сентября удары ощущались дважды: один раз в Глен-Уркухарте, а другой раз — в самом озере. «Наблюдатель находился в лодке на озере Лох-Несс. Было примерно 1.40 ночи. Лодка внезапно задвигалась и стала ощутима легкая тряска». 22 октября тряска в районе было еще больше; позже посчитали, что «центр, возможно, находился в пределах самого озера Лох-Несс». Сейсмологи, которые изучали оба землетрясения, заключили: «Как представляется, область между Лох-Нессом и морем находится в стадии более быстрого развития, чем какая-либо другая на Британских островах. Во всяком случае, землетрясения 1816, 1888 и 1890 годов зародились именно там, равно как и множество более мелких толчков, которые последовали за ними. Следует заметить, что центры некоторых из этих пост-толчков располагались у северо-восточного края озера Лох-Несс. После землетрясения 15 ноября 1890 года центры малых толчков проявили тенденцию, хотя и с некоторыми колебаниями, переместиться в юго-западном направлении к Лох-Нессу; тогда как в 1901 году эта тенденция показала себя с большой силой. Нет почти никаких сомнений в том, что Лох-Несс продолжает изменяться, но, без инструментального обследования на протяжении нескольких лет, нельзя сказать наверняка, сокращается ли оно по площади поверхности или постепенно, очень медленно пробивается к морю».

Чем бы ни было вызвано волнение на Лох-Нессе, подземными толчками, выдрами, или просто рыбой, очень немногие восприняли версию о «чудовище» всерьез.

Статья Кембелла о наблюдении Маккеев вовсе не вызвала поток сообщений о новых встречах. За три месяца не появилось ни одного нового репортажа. 2 июня 1933 года «Курьер» опубликовал короткую заметку, говорящую, что рабочие из дорожной бригады видели монстра «в центре озера сразу за прошедшим рыболовным дрейфтером». Это сообщение сопровождалось смутным указанием на то, что некоторые пассажиры автобуса видели чудовище в среду накануне.

Если Кембелл надеялся возродить легенду, то он просчитался. Больше никто не сообщал о своих наблюдениях и никаких новых теорий не выдвигалось ни «за», ни «против» существования таинственного животного. Казалось, что ситуация 1930 года готова повториться и тайна опять погрузится во тьму из-за полного отсутствия читательского интереса.

Но тут через восемь недель, 4 августа 1933 года, «Курьер» публикует сенсационное сообщение: новое наблюдение, и оно дает чудовищу Лох-Несса такую путевку в жизнь, какой никто и не мог ожидать.

Очередное свидетельство пришло в форме письма от некоего лондонца, которое появилось в офисе инвернесской газеты. «ЭТО ЛОХНЕССКОЕ ЧУДОВИЩЕ?» вопрошал «Курьер», опубликовав письмо полностью. Корреспондент, мистер Спайсер, описывал в нем, как за несколько недель до того, отдыхая в Шотландии, он ехал по дороге между Доресом и Фойерсом, по южному берегу Лох-Несса, и вдруг...

«Я увидел то, что при первом взгляде наводило на мысль о драконе или доисторическом животном. Ничего подобного мне в жизни раньше не встречалось. Оно пересекло дорогу примерно в пятидесяти ярдах (около 45 м) впереди меня. Мне показалось, что оно тащило маленького ягненка или какого-то другого мелкого животного.

У него была длинная шея, которая ходила вверх-вниз, все туловище было весьма крупных размеров, с высокой спиной; если ноги и были, то терялись в складках, а насчет

хвоста я ничего не могу сказать, ведь существо двигалось так быстро, и когда я добрался до того места на дороге, оно, вероятно, уже скрылось в озере. В длину оно достигало восьмидесяти футов и было на вид очень уродливым.

Мне любопытно узнать, можете ли вы дать какую-либо информацию об этом создании, и я прилагаю конверт с маркой для вашего любезного ответа. Что бы это ни было, а оно могло быть и наземным и водным животным, я полагаю, что его необходимо уничтожить. Я не уверен, что находился достаточно близко, чтобы попытаться схватить его. Сложно дать вам лучшее описание существа, так проворно оно двигалось – и вообще все случилось неожиданно. Но у меня нет никаких сомнений в том, что это реально было».

Многочисленные книги о чудовище не приводят этого изначального письма целиком. Предпочтение отдается более поздней версии этого события, в которой Спайсер описывает все менее драматично (но и более убедительно). Хотя Спайсер утверждал, что мотивом для написания письма послужило только желание узнать, что это за замечательное животное.

На кого-то в «Инвернесском курьере» это произвело сильное впечатление. Возможно, памятью о длинной отповеди капитана Джона Макдональда в предыдущей статье о «чудовище», в газете на этот раз поместили описание «видения» Спайсера в соответствующем контексте, предварив сообщение о нем несколькими сдержанными словами комментария:

«Из описания, данного животному мистером Спайсером, любой, кто знает о повадках выдр, может заключить: нет сомнений в том, что это была взрослая выдра, которая несла своего детеныша в пасти. Выдра, являющаяся как наземным, так и водным животным, вполне может быстро пересечь дорогу и благодаря этому создать впечатление, что у нее нет ног. Стоит также напомнить, что некоторые из тех, кто видел таинственное Лохнесское чудовище, тоже считали, что животное, способное произвести такое волнение на воде, было выдрой с детенышем».

Что бы ни видел мистер Спайсер, всплеск газетной активности, вызванный его письмом, дал монстру новую жизнь. На следующий же день мисс Нелли Смит – девушка, работавшая при аббатстве в Форт-Августусе, заявила, что наблюдала за монстром целых десять минут, в то время как тот двигался по кругу. «У него, кажется, огромные ноги, и их можно видеть довольно четко», – сказала она. Прошло совсем мало времени, и вот уже ее подруга, мисс Пруденс Кейес, служанка в том же аббатстве, сообщила, что она видела чудовище в том же самом месте, но примерно через полчаса после подруги. Оно, по ее словам, «носилось по кругу». Новости об этом событии достигли ушей соседей Алекса Кембелла, командора Мейклема с супругой, которые, хотя к тому времени уже прошло полтора часа с момента наблюдений мисс Кейес, поспешили на место и застали – по счастливой случайности – чудовище все там же.

«Командор Мейклем, который служит в королевском морском флоте, сказал представителю «Курьера» в Форт-Августусе, что чудовище находилось от него примерно в полумиле и отдыхало на поверхности. В том месте до дна недалеко, примерно шесть футов. Насколько мог судить командор, существо походило на лошадь, черную лошадь, которая плавает на поверхности и при этом спина у нее была покрыта узлами».

На следующий день в «Северной хронике» Алекс Кембелл уже заливался соловьем: «Многие в нашей области теперь считают, что «чудовище» – это, несомненно, некое доисторическое существо и что в легенде о «водном келпи» оказалось гораздо больше правды, чем большинство читателей могло предполагать раньше». Конечно, спорить с первой частью этого утверждения сложно, если еще вспомнить, что под «областью» подразумевается Форт-Августус. «Безусловно, его еще увидят», вдохновенно комментирует «Хроника». Так и случилось, во многом благодаря добрым жителям Форт-Августуса, включая самого уважаемого инспектора рыбнадзора и внештатного корреспондента газеты.

После того, как слово было дано мистеру Спайсеру, командору Мейклему и барышням Пруденс Кейес и Нелли Смит, никто уже не оглядывался на предысторию.

Новые наблюдения пошли быстро и густо. 11 августа «Курьер» сообщил о том, что другой гость из Англии, миссис Чешир из Стетфорда, видела «большую черную массу в воде, которая показалась ей частью блестящей скалы». После зрелых размышлений и беседы с кем-то в Форт-Аугустусе она осознала, что, должно быть, встретила монстра!

Прошел месяц. Неужели чудовище утомилось своими прежними частыми визитами и решило отдохнуть в глубине? Ничуть не бывало! 15 и 16 сентября о новом потоке встреч донес читателям «Курьера» его неутомимый корреспондент из Форт-Аугустуса. Вскоре после начала октября пришло и письмо от мистера Рассела Смита из Сассекса. Он вдруг ощутил, что «Курьеру» следует знать то, что он услышал от «двух жителей окрестностей Лох-Несса, чья правдивость не может быть подвергнута сомнению: оба они в разное время видели чудовище и совершенно уверены, что оно похоже на плезиозавра, который, как раньше считалось, давно вымер».

К этому времени кто-то в «Курьере» почувствовал, что шутка чересчур затянулась и может выйти из-под контроля. В газете появилась многословная пародия на репортажи Алекса Кембелла под названием:

«ЛОХНЕССКОЕ ЧУДОВИЩЕ. История его жизни, РАССКАЗАННАЯ ПРОСТОЙ ЖЕНЩИНЕ».

К сожалению, все писавшие о чудовище не удосуживались привести эту давно позабытую статью, но так как Несси не слишком часто давал интервью, будет жалко, если и мы ее проигнорируем. Сама журналистка была весьма впечатлена своей встречей с чудовищем:

«Он был образован, я это заметила сразу, и говорил на гэльском. «Я представитель «Курьера», — сказала я, надеясь, что мой голос прозвучал достаточно твердо.

«Рад знакомству с вами, — сказал мистер Выдропендрагонплезиозаврий, помахав одним из своих хрупких плавников. — Я хорошо отношусь к «Курьеру». Есть один джентльмен, который пишет для вас и живет в Форт-Аугустусе —

он вывел меня из хладных глубин и поместил прямо под нос публике. Вижу, что обо мне знают уже и в Лондоне, так что моя судьба...»

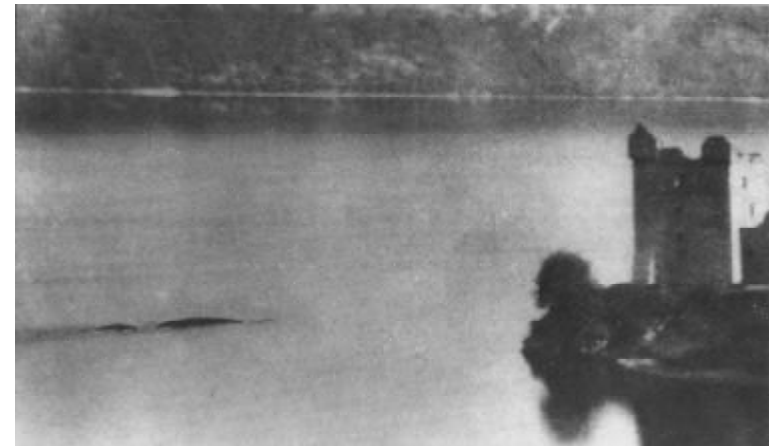
Я спросила мистера В... — очень вежливо, — не сообщит ли он мне какие-нибудь подробности о своей жизни, для прессы. «Конечно», — отвечал мистер В... с готовностью, ведь, как все великие, он любил купаться в лучах славы».

Как выяснилось, чудовище любит ползать по дну озера, почитывая П. Дж. Вудхауса и слушая граммофонные пластинки Стравинского».

Через неделю капитан Д.Э. Монро написал в «Курьер»:

«Можно сразу исключить возможность того, что в Лох-Нессе живет некое крупное животное неизвестного вида. Это существо, скорее всего, было большой выдрой или тюленем.

Выдры, которые плавают у морского берега, часто достигают больших размеров, чем те, которые встречаются во внутренних водах, и одна пара вполне могла найти дорогу от моря к озеру. Выдры — великие путешественницы, и для

Противоречивые суждения окружают этот снимок П. Макнаба, сделанный в бухте Уркуарт. Некоторые эксперты считают, что на нем только волны, поднятые траулерами

них преодолеть двадцать миль в какую-нибудь влажную ночь — не проблема.

Недавно в озере Нью-Галлоувей моторист видел то, что он принял за некое неизвестное науке крупное животное, играющее в воде. Подплыв ближе, он разглядел, что это играют и кувыркаются самец и самка выдры с тремя подростками».

Но мнение капитана Монро не вызвало интереса и никак не повлияло на дальнейшее развитие газетной истории.

В октябре 1933-го Лох-Несс посетил человек, который намеревался пробудить интерес в национальной прессе к полуноворожденному мифу, едва начинавшему принимать четкие очертания. Это был Филипп Сталкер, позже описанный в прессе как «трезвомыслящий шотландский журналист, всегда придерживающийся твердых фактов».

В то время загадка Лох-Несса еще не слишком обросла фактами. Имелись начальные репортажи Кембелла, коллекция критических писем от капитана Макдональда и других; было странное письмо от мистера Спайера и целая охапка непонятных видений на озере.

Шумиха, окружившая эти события, привлекла внимание издателя национального ежедневника «Шотландец». Филипп Сталкер был отправлен провести расследование за счет газеты.

Сталкер приехал к Лох-Нессу во второй неделе октября и провел на озере два дня, собрав интервью у множества свидетелей. Двое особенно привлекли Сталкера. Один был Алекс Кембелл; другой — его сосед, командор Мейклем. Кембелл заявил Сталкеру, что он сам не верил в чудовище до тех пор, пока тридцатифутовый экземпляр не появился на поверхности озера прямо под его носом — всего неделю ранее. Это было, мягко говоря, не слишком изобретательно со стороны Кембелла, так как именно он был автором первых репортажей о монстре и всегда с энтузиазмом поддерживал версию о его реальности. Но, будучи незнакомым со Сталкером, Кембелл спокойно мог поведать ему свои драматические переживания, а потом объяснить, что, увы, в действительности

он видел стаю бакланов, чьи силуэты были искажены маревом.

Сталкера, который, как оказалось, был резервистом флота, равным образом потряс и командор Мейклем, «офицер в отставке, имевший большой чин в инженерном корпусе королевского флота». Мейклем, кроме того, оказался одним из тех, кто верил в то, что плезиозавры выжили — распространенное убеждение, родоначальником которого был натуралист-любитель викторианской эпохи сэр Филипп Госс.

После своего двухдневного «расследования» Сталкер напечатал серию статей о чудовище, которые были опубликованы в «Шотландце» в середине октября 1933 года. Занятно, что большую часть материалов Сталкера составляли репортажи «Курьера», которые конечно же были написаны Алексом Кембеллом. Имелось также описание собственного переживания Кембелла. Появление этих статей в «Шотландце» оказалось решающим в деле оповещения английской публики о существовании Лохнесского чудовища. Вскоре на сцену выступили «Дейли мейл» и «Дейли экспресс», и Несси сделалась сначала национальной, а потом и международной сенсацией.

В октябре Сталкер провел радиопередачу на Би-би-си. Особый упор он сделал на достойную репутацию всех свидетелей и на опровержение часто выдвигаемого предположения о том, что виновницей всего торжества могла быть простая выдра. Главное, что он утверждал, заключалось в следующем: некий выживший плезиозавр пробрался в Лох-Несс:

«Вы, конечно, скажете, что это невозможно. Но нет ничего невозможного до тех пор, пока этого не докажет эксперимент, и ни один ученый в мире не сможет уверенно сказать, что в море не живет легендарный морской змей, как ни мала возможность этого, или что это создание, если оно существует, не смогло бы найти дорогу в озеро Лох-Несс до того, как выросло до крупных размеров, — например, по реке Несс, которая отделена от Каледонского канала. Позвольте мне закончить цитатой из «Дела о Морском змее», книги, опубликованной три года назад командором Рупертом. Т. Гулдом, собравшим весомые доказательства в пользу

этого столь осмеянного существа, «По моему мнению, — говорит командор Гулд, — свидетельств, накопленных к настоящему моменту, вполне достаточно, чтобы показать реальность этого существа, похожего и по внешнему виду, и по структуре тела на плезиозавров мезозойской эпохи».

Сталкер не первым предположил, что Лохнесское чудовище — живой плезиозавр. Эта идея еще ранее, 9 августа 1933 года, была преподнесена читателям «Северной хроникой» с уверенным добавлением, что этот морской змей, без сомнения, существует. «Действительно, странно, — говорилось в статье, — как получилось, что лучшие, подлинные рассказы безупречных свидетелей были осмеяны. Имеют ли эти морские чудовища отношение к Лох-Нессу? Если считать их существование признанным — а количество доказательств просто ошеломляет, — то следует признать их выжившим вариантом плезиозавра».

(Надо сказать, что и десятилетия спустя это объяснение лохнесского феномена остается самым распространенным.)

Передача Сталкера возымела эффект. Она привлекла внимание самого великого специалиста по морским змеям. А без помощи Руперта Гулда, судя по всему, чудовище спокойно умерло бы уже к лету 1934 года и вряд ли бы возродилось.

Капитан-лейтенант Руперт Гулд был рослым эксцентричным «фальстафом», чье имя навеки связалось с тайной Лох-Несса. Он родился в Портсмуте в 1890 году, поступил на флот в 1906-м и плавал по всем морям. В 1915 году он был списан с корабля по состоянию здоровья и следующие двенадцать лет проработал в гидрографическом отделе Адмиралтейства. Гулд был колоритной фигурой, гремучей смесью ученого и романтика. Он написал «Морской хронометр» (1923) и «Историю пишущей машинки» (1949), но публике был больше известен как ведущий радиопередачи и автор «Странностей» (1928), «Загадок» (1929) и «Дела о Морском змее» (1930). К концу тридцатых он стал чем-то вроде знаменитости и регулярно появлялся в популярных программах Би-би-си «Мозговой Трест».

Хотя Гулд и стал одним из самых верных почитателей чудовища, позже он признавался, что вовсе не сразу поверил

в его существование. «Мне показалось, — говорил он, — что первые свидетели, возможно, видели, но не смогли опознать некоторых хорошо известных морских обитателей, которые пробрались в Лох-Несс». Но когда один богатый друг предложил Гулду оплатить все расходы, если он возьмется за исследование этой загадки, тот с живостью согласился. Как можно скорее он заторопился на север, сделав остановку только в Эдинбурге, чтобы побеседовать не с кем иным, как с Филиппом Сталкером. Позже, в Инвернесе, Гулд купил маленький мопед, который окрестил довольно причудливо: «Синтия». Поместив на свой хрупкий экипаж обширную раму, Гулд отбыл в направлении Лох-Несса 14 ноября 1933 года. Это оказалось началом его исторической миссии.

Через девять дней, после двух полных объездов озера и многочисленных интервью, он вернулся в цивилизацию и составил живописное коммюнике для Ассоциации прессы:

«Капитан-лейтенант Р.Т. Гулд покинул Инвернесс в субботу, после личного расследования, касающегося так называемого «Лохнесского чудовища». Во время своих розысков он дважды объехал озеро по берегу и собрал информацию из первых рук от более чем пятидесяти очевидцев.

Он уверен, что собранные им свидетельства ясно указывают на то, что «монстр» — это крупное живое существо аномального типа. Кроме того, свидетельства во многом, как в общем, так и по деталям, согласуются с большинством сообщений, приведенных в его книге «Дело о Морском змее». По его мнению, невозможно выдвинуть никакой другой теории, кроме этой, чтобы она соответствовала всем фактам без исключения. Он надеется опубликовать результаты своих исследований в форме книги в ближайшем будущем».

Коммюнике появилось и в «Шотландце» Сталкера, и в «Курьере» Кембелла, но было совершенно проигнорировано английскими газетами. Когда Гулд в нетерпении позвонил в Ассоциацию прессы, чтобы выяснить, почему столь важная новость осталась совершенно незамеченной, то получил сокрушительный ответ: монстр — больше не новость.

Ассоциация прессы не могла ошибиться сильнее. Почти сразу же после этого сага о Лох-Нессе нетвердой походкой

приблизилась к своей новой главе — вместе с публикацией от 6 декабря 1933 года, когда фотография монстра появилась во всех популярных газетах.

При таком развороте дела серьезная пресса тоже решила подключиться, и три дня спустя «Таймс» привела результаты расследования Гулда на первой полосе. Гулд сообщил читателям «Таймс» тоном, не терпящим возражений, что «Монстр достигает в длину по крайней мере 50 футов, а его диаметр составляет максимум 5 футов. Это вызвало поток писем, и вторая половина декабря была отмечена взрывом активности журналистов, проводивших свои изыскания по теме Лохнесской загадки, пиком которой стала сильно разрекламированная экспедиция «Дейли мейл».

В декабре «Мейл» объявила, что наняла профессионального охотника на крупную дичь и его помощника, чтобы выследить чудовище. За несколько дней эта парочка успела отыскать отпечатки следов монстра на берегу (это случилось сразу после того, как из архивов «Курьера» воскресили видение Спайсера). «МОНСТР ЛОХ-НЕССА НЕ ЛЕГЕНДА, А РЕАЛЬНОСТЬ», — заявила «Мейл» 21 декабря 1933 года.

В следующем месяце эксперты Британского музея сообщили, что отпечатки были оставлены левой задней ногой бегемота. Вероятно, сказали они, эти отпечатки сфальсифицировали. Именно в этот момент Лохнесский монстр потерял свою респектабельность и снова стал национальной хохмой. В «Лохнесском чудовище из Шотландии» Уильям Оуэн изобразил исследователей «Мейла» невинными жертвами неудачной шутки. Но Питер Флеминг (брат новеллиста, создателя Джеймса Бонда) вспоминает об этом по-другому.

«Уэзерол представлял себя охотником на крупную дичь, был членом-корреспондентом Королевского географического общества и неплохо владел техникой фотографирования и обработки пленки. Паули был менее колоритным, но весьма ловким малым с типичным акцентом жителя Глазго. Они сами призвали «Дейли мейл» нанять их в качестве искателей. За считанное время Уэзерол и Паули отыскивали и сфотографировали следы монстра на берегу озера, и в течение не-

скольких дней Рождества 1933 года эти хитроумные следопыты купались в славе.

Я сам тогда работал на Би-би-си, и именно мне выпала сомнительная честь «представить» эту пару (как я и тогда видел) явных жуликов в ранней версии «Рулона радионовостей». Уэзерол оказался плотным, цветущим толстокожим в твидовой паре цвета «перец и соль»; Паули был мозгом предприятия. Их отчет об открытии не был слишком убедителен, и это усугублялось еще тем, что они никак не могли решить, уместно ли употреблять слово «следы» в отношении единственного отпечатка».

После того, как монстр-бегемот канул в Лету, интерес к Лох-Нессу вновь пробудился лишь в апреле 1934 года, когда «Дейли мейл» опубликовала знаменитую «фотографию хирурга», на которой якобы были видны голова и шея чудовища.

Никак не встревоженный этими скачками репутации звезды, Гулд продолжал свою работу над публикацией результатов собственных изысканий в форме книги. Его статья в «Таймс», между тем, получила резкую отповедь зоологов. Анонимный критик в журнале «Нейтчур» писал: «Опыт встречи с разными чудесами и результатами их исследований — где такие исследования были возможны — привели меня к глубокому скепсису в отношении всех сообщений неквалифицированных наблюдателей, описывающих явления, с которыми они незнакомы. В данном случае сами вариации описаний предполагают весьма богатое (если вообще это не было преднамеренно) воображение или то, что очевидцы наблюдали разные явления».

На автора не произвели впечатления те свидетельства, которые Гулд получил от командора Мейклема и других жителей Форт-Аугустуса: «С точки зрения зоолога, принятие на веру командором Гулдом и анализ любого рода подобных свидетельств является некритичным и даже легковерным, а его выводы — необоснованными».

«Возможно, только те, кто работал в больших музеях, где коллекции постоянно пополняются за счет экспонатов из самых отдаленных уголков земли и с глубин морей, мо-

гут осознать, насколько редко в руки попадает нечто действительно неожиданное. В том, что осталось еще много неизученных и даже не попадавших на глаза экземпляров, нет сомнений. Мы знаем очень мало об обитателях глубоких бездн океана. Доктор Удемандс и совсем недавно командор Гулд трудолюбиво собрали все истории о так называемых «морских змеях» и верят, что они могут разглядеть в них очертания животного чудовищных размеров, ни кости которого, ни зуба, ни полоски кожи не попадало в руки зоологу. Возможно, что они правы, но это только в о з м о ж н о.

Предполагать, будто что-то в этом роде может быть найдено в пресном озере на Британских островах — это громоздить одну невероятность на другую. Пресноводная фауна Европы изучена доскональнейшим образом, и это настолько же верно, как и то, что никакой другой вид, кроме микроскопического, не может быть прибавлен к списку известных.

Что касается свидетельств, то командор Гулд собрал и представил публике показания пятидесяти одного очевидца. Нет никакой нужды сомневаться в доброй вере любого из них в свой рассказ; нет нужды сомневаться в том, что все они видели нечто необычное в привычной для них обстановке озера; но возможно, что и они, и командор Гулд не знают, как легко и незаметно воспоминание об увиденном искажается предыдущими или даже последующими впечатлениями. Предмет спора обсуждался в популярных изданиях много месяцев; рисованные открытки с изображением монстра (явно в представлении «Панча»), наложенным на фотографии озера, широко продавались; а расхожее и бессмысленное прилагательное «доисторический» отбросило свой свет и на природу и на источник предубеждения некоторых из свидетелей.

Тем не менее, если кто-то сумеет добыть настоящие свидетельства, или даже убедительную фотографию, никто другой не будет так рад, как зоологи».

Таково было вежливо высказанное мнение британского кабинетного зоолога.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДОВАЛО

Энтузиасты-охотники за чудовищами регулярно изображают ученых эдакими узколобыми, упрямыми занудами, которые в своей слепоте отказываются признать существование неизвестного вида — перед лицом лавины свидетельств. Статья Калмана (приведенная в сокращении выше) остается одним из самых мощных и решительных возражений, появившихся в 1933 году в ответ на истерию вокруг лохнесского монстра. Гулд на нее не ответил.

В последнюю неделю 1934 года появилась его книга «Лохнесское чудовище и другие». Книга получила скептическую, но добродушную рецензию в «Обсервере» от Э. Дж. Буленджера. Буленджер, директор Аквариума лондонского зоопарка, симпатизировал идеям о морских змеях, но находил, что лохнесский монстр — это уж слишком. Его явно мягкое обращение с книгой Гулда побудило разразиться длинным и полным страсти письмом (22 июля 1934 г.) не от кого иного, как Филиппа Сталкера, того самого трезвомыслящего любителя фактов, шотландского журналиста, готового защищать чудовище до последней капли крови.

«Лохнесское чудовище и другие» не стало великой сенсацией. Публика начинала терять интерес к загадке, а вскоре и вовсе переключилась на другие курьезы 30-х годов, такие, как призраки Борли Ректори. Гулд умер в безвестности в 1948 году, забытый, как и его любимый монстр. И казалось, делу наступил конец.

И только с возрождением монстра в конце 50-х исследование Гулда привлекло к себе внимание, которым прежде оно было обделено. Ведь, помимо прочего, это была книга, то есть нечто, что может и полежать, подождать, в отличие от газеты, которая покупается для того, чтобы быть прочитанной и выброшенной. С течением времени именно благодаря книге Гулда у старины монстра появилась неплохая репутация.

Множество наблюдений, которые случались в 30-х и 40-х годах, казалось, подтверждали ту точку зрения, которую отстаивал именно Гулд. В братстве монстролобов се-

годня его книга рассматривается как классика. Она снискала славу, о которой ее автор вряд ли даже мечтал. Хотя ее никогда не перепечатывали в Британии и широкая публика ее не читала, эта книга оказала огромное воздействие на все другие труды о лохнесском чудовище. Позже авторы без зазрения совести растаскивали творение Гулда для своих произведений. Именно Гулд первым провел инвентаризацию ранних наблюдений и он первым задумался над тем, кем же мог быть монстр. Поздние авторы мало сделали в этом направлении, они лишь дополняли список наблюдений и пускались в досужие размышления о природе чудовища.

Гулда в такого рода литературе представляют как нестигаемого исследователя, борца за истину, который привнес холодную объективность в рассмотрение проблемы. Этот образ сложно поддержать. Конечно, Гулд был весьма усерден в том, что касалось поисков информации об очевидцах и их показаний. В этом смысле «Лохнесское чудовище и другие» является, если и не слишком легкочитаемой книгой, то, по крайней мере, неоценимым источником. Как ни забавно, но именно Гулду мы обязаны разоблачением фальшивых монстров Алекса Кембелла 1933 года. Но Гулда вряд ли можно назвать нейтральным и незаинтересованным исследователем загадки. Как показывает список его публикаций, он был уже давно очарован всем чудесным и неведомым. Более того, он привел полнометражное описание исследования другого, в равной степени гипотетического животного, Великого морского змея, всего за три года до этого. Значительное количество наблюдений морских змеев случилось именно у побережья Шотландии.

Также несправедливо утверждение, что Гулд приступил к своим изысканиям с беспристрастностью и непредвзятостью, ведь он явно находился под влиянием рассказов Сталкера и вердикта того, вынесенного в передаче Би-би-си. На пути к Лох-Нессу Гулд встречался со Сталкером. «Лохнесское чудовище и другие» просто поддержало вывод Сталкера о том, что какой-то морской змей мог заплывать через реку Несс в озеро и поселиться там навсегда.

Гулд вовсе не был настроен на объективность, когда он прибыл к Лох-Нессу. Он даже не пытался просмотреть архивы «Инвернесского курьера» и выяснить, как чудовище впервые привлекло внимание публики. Если бы он это сделал, то обнаружил бы странные обстоятельства продвижения Алексом Кембеллом этого сюжета. Вместо этого Гулд занялся вопросом, прав ли был Сталкер, когда утверждал, что большое морское животное могло пробраться в реку (которая протекала через Инвернесс), а оттуда – в озеро Несс. Он решил, что это действительно вполне возможно, если только в то время река разливалась, а существо было могучим пловцом, не нуждающимся в глубине более полутора метров. Гулд также посчитал, что этот замечательный подвиг существо должно было совершить ночью. Много «если», конечно, но тем не менее – «вполне возможно». Установив, к своему полному удовольствию, что это возможно, Гулд перешел к утверждениям: «С моей точки зрения, очень похоже на то, что одно существо так и сделало. Чтобы выяснить точно, что это

Первое известное изображение Несси, сделанное в 1933 году местным жителем Хью Греем. В 1955 году он заявил, что видел чудовище пять раз

за существо, необходимо собрать свидетельства очевидцев». Другими словами, Гулд все решил для себя еще до того, как встретился хотя бы с одним из очевидцев.

Затем Гулд приступил к своему обходу озера по кругу. В целом он взял интервью у 30 свидетелей и списался по почте еще с несколькими. В конце концов он собрал описания 42 отдельных «наблюдений» неких неопределенных объектов в Лох-Нессе. Большая часть этих «наблюдений» относится к 1933 году.

Свидетелем-звездой в коллекции Гулда был сосед Алекса Кембелла, командор Мейклем. Опровергая все рациональные объяснения, Гулд все время обращается к тем данным, которыми его щедро снабдил Мейклем.

Командор Гулд с легкостью разделался со всеми экстравагантными объяснениями феномена, предложенным зоологами (скат, саламандра, черепаха, кит, кальмар, разные рыбы, крокодил и тюлень), которым следовало бы получить подготовку перед своими выступлениями. Кальмары, киты и морские рыбы просто не смогли бы прожить дольше нескольких часов в пресном озере. Тюлени были более разумной альтернативой, но никто еще не видел тюленя в Лох-Нессе. Кроме того, тюлени очень любопытные создания и долго в неизвестности не оставались бы. Некоторые предположили, что монстром мог оказаться просто крупный осетр. Гулд нашел эту идею «довольно привлекательной», ведь осетр на поверхности может кому-то сослепу показаться неким животным с горбатой спиной, изящной головой и шеей. Но в конце концов Гулд и с этим расправился, объявив, что тогда «этот осетр должен быть совершенно огромным, скажем, в 60 футов длиной — то есть почти в три раза больше, чем известные нам самые крупные экземпляры».

Таким образом, остались на выбор только неодушевленные предметы, кильватерная струя от лодки и известные животные. Гулд считал, что специфические черты чудовища: его ужасающая скорость и способность вызывать большое волнение на воде сразу отменяют такие банальные объяснения, как бревно, птицы, рыбы или выдры. Оставалось только одно возможное заключение: «Я полагаю, что при имею-

щихся у нас свидетельствах сложно усомниться в том, что в Лох-Нессе проживает некое животное редчайшего и едва известного из всех живущих на земле существ». Другими словами — морской змей! Но кто они такие — эти морские змеи? Филипп Сталкер, цитируя книгу Гулда, несколько не сомневался, что это — выжившие плезиозавры. Чего Сталкер не знал, так это того, что «Дело о Морском змее» принесло своему автору хорошую головомойку от знаменитого палеонтолога доктора Ф.А. Батера. Батер написал в литературное приложение к «Таймс», что теория Гулда о живых плезиозаврах совершенно абсурдна, так как ни одно из их окаменелых останков не датируется временем позднее мезозоя. Переписка, которая за этим последовала (15 января — 26 февраля 1931 г.) привела к тому, что Гулд смиренно признал свое невежество в современной палеонтологии и, следовательно, что он не прав.

Как показали многочисленные исследования, дно Лох-Несса в большинстве мест плоское, как бильярдный стол. Если бы там находились кости гигантского животного, их было бы несложно отыскать. Осознав эти факты, Гулд ополчился против теории плезиозавров: «Предположение, что плезиозавры могли выжить только в Лох-Нессе (и, следовательно, расплодиться там до значительного количества) и жили там миллионы лет, приводит к неприемлемым выводам. Что тогда стало с их костями, которые должны были устлать ковром все дно озера? Ни одно траление озера — а их проводилось много в целях биологического изучения — не принесло ни одного костного фрагмента. Одно это возражение является смертельным для всей теории».

Это возражение, судя по всему, пропускают современные комментаторы, ведь теория о плезиозаврах ныне одна из самых популярных.

Что же тогда представляет собой лохнесское чудовище? Заключение Гулда довольно смутное, почти уклончивое. «Выросший до гигантских размеров морской тритон с длинной шеей — эта гипотеза, какой невероятной она ни кажется на первый взгляд, более всего вызывает у меня доверие». К сожалению, Гулду не удалось объяснить, почему именно

тритон кажется ему более вероятным, чем кальмар или черепаха. Кальман еще раньше возразил в «Таймсе» в своем чуть издевательском тоне на эту теорию, которую Гулд так неуверенно изложил: «Предположение, что чудовище – это гигантский тритон, явно обречено на несчастливую судьбу, ввиду того, что амфибии совершенно не выдерживают морской соленой воды. Однако это бы объяснило его страстное желание попасть в пресноводное озеро любой ценой». На это фундаментальное возражение Гулд тоже не ответил.

Гулд, судя по всему, никогда больше не возвращался к Лох-Нессу и вообще не занимался этой загадкой. В конце «Лохнесского чудовища и других» он предложил постоянно держать на берегу самолет с пилотом и фотографом, готовыми в любой момент взлететь и снимать все необычное в озере. «Простая фотография, снятая в тот момент, когда над водой покажется шея и голова, мало что покажет, но если в тот же момент сделать снимок сверху, то будут видны все характерные черты животного». И все это будет возможно в «один прекрасный день». Эта идея, как хитроумно заверяет Гулд, «не лишена и коммерческого интереса».

Надо сказать, что этот намек не слишком взбудоражил воображение британских богачей. Но один бизнесмен, тем не менее, попал под очарование загадки настолько, что взялся финансировать дальнейшее ее изучение. Это был сэр Эдвард Маунтейн, баронет, председатель страховой компании «Игл Стар». Он прочел книгу Гулда и сильно воодушевился: «Мне пришло в голову – как забавно, что несмотря на множество слухов о странном существе в озере, которые циркулировали все эти месяцы, не было организовано никаких поисков с подходящим оборудованием. Мне показалось, что группа из 20 человек, должным образом оснащенная камерами и полевыми биноклями, если бы она разместилась по окрестности озера на стратегических точках, в течение месяца смогла бы выяснить, есть ли там что-нибудь или нет».

Сэр Эдвард нанял двадцать местных жителей, «знакомых со всеми частями озера, привыкших к работе на воздухе и имеющих свой долг перед семьей, что гарантировало их порядочное отношение к делу». Каждый наблюдатель был

вооружен биноклем и камерой на штативе, а пункты наблюдений распределили по всей окрестности озера. Работа продолжалась с 9 часов утра до 6 вечера. Сами наблюдатели монстра были поставлены под надзор офицера на мотоцикле, капитана Джеймса Фрезера. Работа началась 13 июля 1934 года, в то время как сэр Эдвард расположился в близлежащем Бофортском замке, грызя ногти от нетерпения и ожидая «жизненно важного снимка – действительно настоящей фотографии, которая увенчает его предприятие тем успехом, какого оно заслуживает».

Хотя экспедиции Маунтейна и не удалось добыть решающего доказательства, но все же она оказалась одной из самых удачливых среди всех, что работали у Лох-Несса. Только за первые две недели было снято 21 фото, а наблюдений было гораздо больше. К сожалению, в самой идее Маунтейна был серьезный недостаток. Его наблюдатели все были безработными, найденными через инвернесское бюро по трудоустройству. В голодные 30-е получать два фунта в неделю только за сидение в солнечный день на берегу озера Лох-Несс было весьма привлекательной перспективой. А выдача премиальных 10 гиней за каждую фотографию Несси породила сильное желание убедить капризного баронета в том, что в озере действительно проживает некое чудовище. Сэр Эдвард в своей статье для «Филдс» гордо объявил: «Всеми признано, что фотографии, полученные моими людьми, определенно доказывают, что в озере что-то есть. Я придерживаюсь того мнения, что существо, вероятно, пришло через реку Несс во время паводка, после лосося; а проникнув в озеро, оно не смогло найти путь назад, так как выход в реку сузился».

Хотя сэр Маунтейн с неохотой погружался в размышления о природе чудовища, он все же намекнул на то, что это – серый туклень.

«Он достиг гораздо больших размеров, чем туклени, которых часто видят у побережья Британских островов, и в таком относительно спокойном водоеме, как Лох-Несс, оказался способен производить такое волнение, что люди думали, будто бы он еще больше, чем на самом деле».

К сожалению, две фотографии, которыми Маунтейн проиллюстрировал свою статью, достаточно ясно показывали, что фотографии его сильно подставили. Горбатый «монстр» и «мощная волна, следующая за чудовищем после того, как оно на изумительной скорости пронеслось по поверхности» — очевидно, являются кильватерной струей, идущей вслед за рыбацкой лодкой, о чем сами фотографии очень хорошо знали.

Статья Маунтейна в «Филдс» заканчивается (как и многие другие статьи и книги о чудовище в последующие пятьдесят лет) весьма волнующим сообщением: получены новые свидетельства, которые могут разрешить загадку раз и навсегда: «С тех пор, как я записал все вышесказанное, один из моих наблюдателей, капитан Фрезер, снял несколько футов кадров о существе — кинокамерой с приближающим объективом. Будет очень интересно поглядеть этот фильм, как только пленку проявят, ведь он может оказаться решающим в разгадке этой тайны».

После того, как безработные вернулись в долину, капитан Фрезер остался на озере, поселившись в палатке на холме над Уркухарт-касл. Приблизительно в 7.15 утра 15 сентября усилия вахтенного-капитана принесли свои богатые плоды: «В это утро густой туман висел над озером, но впоследствии день был очень теплым. Я выполнял свою обычную работу, то есть понаблюдав сначала за западной частью озера, потом перешел к восточной; и тут, к своему большому удивлению, заметил нечто, сначала принятое мной за скалу, ярдах в 100 от восточного берега залива Уркухарт. Этот объект, который казался неодушевленным, я осматривал в течение минуты, а затем вспомнил, что так далеко от берега не было никакой скалы. Я взял камеру и начал снимать, и в это мгновение объект поднял из воды то ли голову, то ли шею или плавник, а затем опустил, при этом сильно взбаламутив воду, и пропал из виду».

Фрезер наснимал примерно три метра пленки на кодировочной кинокамере с 6 телефотолинзами с расстояния примерно в 3/4 мили. Фильм, который вскоре был потерян, видели члены Линнеевского общества. Двое из них сочли,

что животное — это тюлень, другим оно по своим движениям напомнило кита. Еще один считал, что масштаб размеров в кадре (2,4 м в длину) слишком завышен. Руперт Гулд, который посещал этот киносеканс, впоследствии написал Фрезеру, отметив, что один член общества «был абсолютно удовлетворен тем соображением, что снятое на пленке «чудовище» было крупной выдрой!».

Так оно и было.

Лохнесская загадка, как казалось, пришла к концу — больше благодаря самоистощению, чем из-за какого-то более или менее внятного вывода. Книга была написана, исследование проведено. Исследователи и журналисты отошли в сторону, озадаченные, а может быть, и заскучавшие. История заглохла сама по себе, хотя к ее сюжету и было еще три добавления, в чем-то комичные, но никак не пробудившие интереса к загадке.

Первым из них была брошюра А.С. Удеманса, голландца, автора «Великого морского змея: исторического и критического обзора» (1892). Сейчас к Удемансу все братство монстрологов относится с большим почтением, считая его первым человеком, начавшим «фактологическое» рассмотрение загадки морского змея. На самом деле «Великий морской змей» — это сумбурная книга — огромная, запутанная, без тени юмора и вся испещренная восклицательными знаками. Она была опубликована на средства автора. Как заметил Руперт Гулд, «ее стиль удивительно резкий — если не сказать сварливый. Одновременно в ней множество ляпов; например, сообщают, что кит был заключен в толстый слой «бекона» — это вместо ворвани».

Брошюра Удеманса «Лохнесское животное» (1934) была не лучше. Написанная в том же едком стиле, она громогласно объявляет, что чудовище приплыло из реки Несс «самое вероятное — 13 или 27 марта 1933 года». Удеманс был уверен, что чудовище «волосатое» и даже мрачно предупредил об опасности, которую оно представляет для местных жителей: «Озеро относительно бедно рыбой. Поэтому нет ничего невероятного в том, что вскоре чудовище заметят с ягненком в пасти... Волосатое животное, конечно, может отдыхать

и даже совершать маленькие путешествия на сушу; таким образом, сообщения о том, что Лохнесское животное видели на земле более десяти раз, естественно, заслуживают доверия».

В «Великом морском змее» Удеманс предвещал кровавую расправу одного из читателей над чудовищем и давал точные инструкции, как измерять труп. Монография завершается призывом убить Несси как можно более гуманно:

«Но мы не должны проявлять излишнее мягкосердечие, так как если Лохнесское животное умрет в своей стихии, то для науки оно будет потеряно навсегда. Давайте воспользуемся шансом и получим от него хоть какую-то пользу».

Еще более удивительным вкладом в решение проблемы было двухтомное сочинение Р.Л. Кесси «Чудовища озера Аханалт» (1935–1936). Том первый описывает монстров, которые населяют озеро рядом с домом автора; во втором идет речь о встречах на суше, «особенно на вершинах, гребнях и склонах гор». Кесси читал Гулда и Удеманса и оценил «неоспоримые свидетельства очевидцев, таких, как Спайсеры и Артур Грант. «Неужели Лохнесское чудовище навсегда захватило сцену?» – жалуется Кесси, обращая внимание на своих, местных чудовищ:

«25-го я осматривал высоты, господствующие над озером Аханалт. В обеих частях озера постоянно наблюдаются волнения, то там, то здесь, и нескольких рептилий – или части их тел – можно часто заметить невооруженным глазом. Порой показывается Колосс, в девятьсот футов длиной, он вытягивается в прямую линию с северо-восточного берега почти до западной бухты, не доставая до суши 50–80 ярдов. Примерно 30–40 футов средней части его спины обычно скрывается под водой. Скептики, конечно, будут утверждать, не располагая ни крупницей понимания или опыта, что это – два или несколько животных в одной линии. Но я противопоставлю их «кабинетным придирам» свое зрение и опытность».

«Чудовища Аханалта» – настолько очевидный бред, что это даже сложно доказывать. Стиль Кесси подчас ироничен, и его случайные замечания, что «всегда следует помнить,

что я нахожусь в положении инвалида и из-за дальнего наблюдения нуждаюсь в бинокле», заставляют подозревать, что все это – чистый розыгрыш.

Весьма соответствующий моменту итог нессимании 30-х годов был подведен «Илинг студии», которая выпустила фильм «Секрет Лоха» (1934), романтическую мелодраму с Сеймуром Хиксом в главной роли. К сожалению, этот фильм был снят целиком на студии, за исключением короткого фрагмента – с видом от Фойерса. Чудовище здесь обернулось одиноким людоедом, появившимся из яйца динозавра, но при этом гораздо более похожим на гигантского тритона Гулда. Самые драматические эпизоды фильма были сняты путем фотографических манипуляций с игуаной.

После 1934 года в истории Лох-Несса наступил перелом. Почти четверть века ничего не происходило.

Затем, как гром с ясного неба, грянула книга Констанции Уайт: «Больше, чем легенда: История лохнесского чудовища» (1957). Как видно из названия, миссис Уайт, хотя сама никогда монстра не видела, была одной из самых страстных его поклонниц. Гулд двигался в направлении, которое он сам считал научным. Миссис Уайт же привлек другой подход, более анекдотический, разговорный. Она ощущала, что бессмысленно переубеждать скептиков, и поэтому там, где дело касалось наблюдений, признавала, что «в них недостает таких деталей, как личность наблюдателя и указание на точное место». Как Кембелл, Сталкер и Гулд, она имела собственных звезд-очевидцев. Самым великим открытием миссис Уайт был голландец Каунт Бентинк, единственный, кто видел, как изо рта чудовища вырывается пар. Каунт написал миссис Уайт, что он посещал Лох-Несс трижды, каждый раз приезжал на две недели и удостоился чести видеть монстра «в целом семь раз».

Миссис Уайт осознавала, что бдительный читатель может заметить «некоторые несоответствия» в том, как чудовище описывали очевидцы. Она со всей страстностью объясняет, что это значит лишь то, что очевидцы описывали разных чудовищ – «самцов, самок, старых и детенышей» (и,

конечно же, выпускающих пар и не умеющих этого делать). Затем миссис Уайт упрямо продвигает заново толкования Гулда. Но Гулд ясно сознавал, насколько смертельным аргументом против него является утверждение, что, если чудовища жили в Лох-Нессе веками, от них должны были остаться следы и кости. Сам он решил, что «неправильно» считать, будто бы существо родилось в озере. Для него все было проще: морской змей (который, увы, не мог быть плезиозавром и ему ничего другого не оставалось, как быть гигантским тритоном) проплыл одной влажной ночью реку Несс и оказался запертым в озере. Гулда не слишком интересовали сообщения-анекдоты о встречах с чудовищем до 1933 года. Он замечает: «Хотя они и заняты, но не могут считаться ценными свидетельствами». Также он весьма холодным тоном сообщает, что «не имеет ни времени, ни желания» обсуждать эпизод с водной тварью из «Жития святого Колумба» Адамнана. Подобным образом он расправляется и с фольклорной традицией горцев, их легендами о «водной лошади»: «Такие сказки, без сомнения, представляют большой интерес для фольклористов; но для меня они не имеют большой ценности — за исключением того, что вызывают у других подозрения, будто бы все истории о «лохнесском чудовище» — лишь возрождение древнего, глубоко укоренившегося суеверия».

Миссис Уайт до подобного малодушия не опускалась. Именно она заложила основы изучения «устной традиции» о монстре, результаты чего приведены в ее книге.

«Больше, чем легенда» оканчивается пламенным воззванием: «Когда-то правда станет известна. Почему же не начать исследования уже сейчас?» Этот призыв не пропал втуне, нашлись благодарные уши. Книга сама по себе возродила чудовище, вдохновив новое поколение наблюдателей устремиться на север и озирая сказочные воды озера.

Но прежде чем грянули сенсации 60-х, на сцену вышел еще один персонаж. Это был доктор Морис Бертон — человек, чье имя предали анафеме все монстролюбы, человек, который всем им нанес смертельное оскорбление. Он изменил им: из поклонника стал хулителем. А всего хуже было

то, что Бертон являлся профессиональным зоологом и влиятельным автором, критиком, от мнения которого не так-то просто было отмахнуться.

Не очень ясно, что побудило Мориса Бертонна написать «Неуловимого монстра: анализ свидетельств из Лох-Несса» (1961). Бертон был очарован загадкой озера с самого начала. Годами он лелеял гипотезу о гигантском морском утре, но сменил свое мнение после прочтения «Больше, чем легенда». В 1959 году он опубликовал статью в «Сандей экспресс», утверждая, что чудовище «вероятно, было чем-то похожим на плезиозавра. Если несколько плезиозавров выжило, то именно Лох-Несс мог стать для них прекрасным домом». На следующий год Бертон опубликовал другую статью, объявляя, что чудовище «реально... и представляет собой очень крупную водяную черепаху и пресноводную черепаху. Так как такое существо находится в близком родстве с плезиозаврами, то и я склонен сделать выводы, близкие к тем, что сделали мистер Гулд и миссис Уайт» («Иллюстрированный Лондон ньюс» от 20 февраля 1960 г.).

Четыре месяца спустя Бертон привез к Лох-Нессу команду из пяти наблюдателей для исследования, которое длилось восемь дней. Никакое крупное животное им на глаза не попало, и Бертон вернулся на юг писать своего «Неуловимого монстра», в котором разгромил множество свидетельств и заявил, что большая часть наблюдений касалась гниющих водорослей и других растений в воде, которые испускали пузырьки газа. Бертон не дал никаких объяснений столь быстрой перемене своих взглядов.

В своей поспешности и страстном желании расправиться с целой кучей показаний очевидцев Бертон проглядел один основополагающий факт. Кислоты, которые присутствуют в водах Лох-Несса, препятствуют быстрому разложению водоросли, попадающие на дно озера, просто рассыпаются в порошок, не испуская никаких газов. Эта черта озера была отмечена еще в «Отчете Королевского географического общества» за 1903–1904 годы. Бертон сел в лужу и предложил «объяснение», которое не имело под собой ни малейшей основы.

Но нельзя сказать, что «Неуловимый монстр» — такая уж скверная книга, как утверждают все поклонники Несси. Хотя основная теория доктора Бертона оказалась явным абсурдом, многие из ее вторичных интерпретаций были более убедительны. Выдры и птицы крохали, как указал Бертон, часто ведут себя так, как монстр в некоторых сообщениях. Целая охапка показаний о «рогатом чудовище», по его мнению, может относиться к купающимся оленям. Бертон также привлек внимание к некоторым противоречиям и нестыковкам в показаниях очевидцев и напомнил, что люди очень часто ошибаются, пытаясь определить размеры чего-либо в незнакомой им обстановке.

Братство монстрологов всерьез увлеклось идеей предательства Мориса Бертона и проколами в его теории водорослей. Но лишь немногие из поклонников действительно прочитали «Неуловимого монстра». Элизабет Монтмери Кембелл разделила общее предубеждение, когда писала, что целью Бертона было доказать, что монстр не существует. Напротив, Бертон все еще верил в существование чудовища, когда в 1961 году опубликовал своего «Неуловимого монстра». Книга оказалась несчастным творением человека, раздражаемого надвое. Мысля рационально, как профессиональный зоолог, Бертон понимал, что утверждать наличие в маленьком шотландском озере гигантского неизученного животного — это значит оскорблять здравый смысл. В 1951 году во время телевизионной передачи он признал, что существование в Лох-Нессе какого-то крупного неизвестного науке животного «весьма и весьма неправдоподобно». Но в то же самое время он имел свидетельства, которые никакого другого толкования не позволяли. Большинство он отбросил как касающиеся естественных феноменов. Некоторые (такие, как фотография трех горбов, сделанная Л. Стюартом) он считал совершенно необъяснимыми. Остальные — особенно наблюдения на суше — указывали на нечто, напоминающее плезиозавра, но Бертон полагал, что это, скорее всего, выдра. В конце «Неуловимого монстра» он поместил свое, довольно странное заключение — разрешение загадки Лох-Несса лежит в признании того, что существует некая двадцатифу-

товая выдра, которая живет где-то в уединенном месте на берегу и время от времени плавает в воде озера.

Подобное объяснение выглядит так же экзотично, как и теория о плезиозавре, и на него сразу можно предложить несколько возражений. Если в районе Лох-Несса действительно живет некое гигантское животное, почему его никто не видел до 1933 года? Хотя выдры и считаются одними из самых скрытных и неуловимых животных, но идея о том, что двадцатифутовое существо может долго не попадаться на глаза, кажется совершенно нелепой. Бертон очень плохо знал район Лох-Несса и сильно преувеличивал его дикость.

В годы, последующие за публикацией «Неуловимого монстра», позиция Бертона только окрепла. Как только появлялась новая порция свидетельств, Бертон выступал с очередным их разбором. Как Алекса Кембелла регулярно призывали высказаться в пользу чудовища, Бертона приглашали на радио и телевидение, чтобы он сказал что-нибудь против монстра. Нотка сомнения и осторожности, прозвучавшая в книге, была быстро забыта, особенно когда новое поколение наблюдателей прибыло в Лондон. Его книга не могла выйти в более неудачное время. В 1960 году кто-то сообщил о том, что видел чудовище на суше — это было первое наблюдение такого рода за четверть века. Кто-то снял маленький фильм о чудовище, которое плывет через озеро рядом с деревней Фойерс. Была опубликована сенсационная фотография монстра, снятого со вспышкой и с расстояния всего в 25 метров. Морис Бертон пытался подвести итог истории лохнессской загадки. Но на самом деле, она только начиналась.

ЗАОЧНАЯ ЛЮБОВЬ К НЕССИ

В конце 50-х только один человек серьезно занимался чудовищем — Констанция Уайт, домашняя хозяйка, которая заочно полюбила Несси. Сама она ее ни разу не видела, но лет двадцать собирала все свидетельства, касающиеся существа. Как мы уже говорили, в 1957 году она выпустила

книжку «Больше, чем легенда», ставшую занимательнейшим чтением для будущих поколений охотников за монстрами. Собрав вместе все свидетельства, касающиеся Несси, она утверждала, что в озере должна находиться группа существ, выживших здесь со времен последнего оледенения.

Осталось рассказать о молодом англичанине Тиме Динсдейле, которому мир обязан возродившимся интересом к Несси. Правда, и до него находились энтузиасты, которые занимались этой темой. Тим же просто взял да и посвятил Несси всю свою жизнь!

Однажды вечером, в 1959 году, Динсдейл, 34-летний авиаинженер, удобно расположившись в кресле у себя дома, на юге Англии, открыл любимый журнал и наткнулся на статью о лохнесском чудовище. Он слышал о нем и раньше и интересовался этой темой. Но, прочитав статью, «воспылал особым интересом», как позже написал в книге «Чудовище из озера Лох-Несс» — одной из трех работ на эту тему.

Алекс Кемпбелл, служивший в рыбоохране озера, первым сообщил, что наблюдал Несси. За сорок лет работы на озере упрямый горец, как он утверждал, видел чудовище 18 раз

В ту ночь Динсдейл плохо спал, его воображение рисовало картину: он наблюдает с берега за поверхностью озера и даже ныряет в глубины в поисках существа. Проснувшись, он понял, что нашел себе дело на всю жизнь.

Весь следующий год Динсдейл анализировал имеющуюся информацию, и вот в апреле 1960-го пустился в первое 600-мильное путешествие к озеру. И хотя впоследствии он более пятидесяти раз проделывал этот маршрут и проводил бесчисленные месяцы на воде, то, первое, оказалось самым успешным.

Динсдейл охотился за чудовищем шесть дней. Вставая с восходом, он осматривал озеро с самых разных точек. Использовал телеобъективы и автоспуски, установленные на камерах, расставленных в различных местах. Ничего не увидев, он стал опрашивать людей, наблюдавших существо. Спустя пять дней он уже собрался уезжать, но что-то удержало его еще на день. Снова, встав с солнцем и четыре часа без успеха пронаблюдав за озером, он направился завтракать в отель, уложив камеру в машину. Во время спуска по холму он что-то заметил в озере. Резко затормозив, Динсдейл приткнул к биноклю и разглядел длинное овальное тело, цвета дерева махагоны, которое двигалось. Отбросив бинокль, он схватил камеру.

Динсдейл снимал животное четыре минуты, пока оно плыло на запад зигзагами на расстоянии 1300–1800 ярдов. Охотника охватил азарт. Надеясь получше заснять голову и шею, он побежал к воде — чтобы увидеть, как объект исчезает.

Фильм, отснятый Динсдейлом, не признавали шесть лет. Лишь в конце 1965 года по требованию члена парламента Дэвида Джеймса (который сам был охотником за Несси) из Центра по изучению воздушного пространства (подразделение британских ВВС) было решено подвергнуть пленку исследованию. Эксперты центра пришли к выводу, что объект был 6 футов шириной и 5 — высотой. Самое главное, они определили: это не лодка, не субмарина, скорее всего, «объект животного происхождения».

Что касается Динсдейла, то он не дожидался официального признания. Энтузиаст вернулся к озеру на девять дней

в июле 60-го, на десять – в марте 61-го и потом снова – в мае. Начиная с этого периода он дважды в год появлялся на Лох-Нессе вплоть до 1987 года. Часто останавливался здесь на все лето, живя неделями в 16-футовом фургоне под названием «Водяная лошадь».

Длительные разлуки с семьей стали не единственной расплатой за увлечение. Он переболел пневмонией, получал ссадины и синяки от падений на склонах, коротал холодные и ветреные ночи в своем фургоне, не способном выдержать натиск стихии. И за все годы он лишь два раза мельком видел Бестию – так называли монстра местные жители.

За многие годы Динсдейл полностью освоился на озере. Его фильм вызвал новые экспедиции – как случайных одиночек, так и хорошо оснащенных отрядов. Самым крупным и долговременным проектом стало Бюро по изучению лох-несского феномена, для краткости именуемое ИЛН («Изучение Лох-Несса»). Его патроном был Дэвид Джеймс, тот самый член парламента, более известный двумя дерзкими попытками побега из фашистского концлагеря (вторая увенчалась успехом). В 1962 году Д. Джеймс вместе с Констанцией Уайт основали ИЛН. К ним примкнули натуралист сэр Питер Скотт (сын знаменитого полярного исследователя Роберта Скотта) и Ричард Фиттер, а также Норман Коллинз, сотрудник британского телевидения. В том же году, когда прибыло много экспедиций, Джеймс и два десятка добровольцев днем просматривали озеро с помощью биноклей и камер, а ночью использовали армейские приборы ночного видения. Но все, что удалось обнаружить, – толпы охотников за чудовищами, заполнившие Лох-Несс.

Подполковник Г. Дж. Хаслер, отличившийся в морских походах против нацистов во время Второй мировой войны, приехал на озеро на своей яхте, денно и ночью осматривая поверхность и прослушивая гидрофоном глубины. Студенты кембриджской экспедиции установили камеры на берегу и обследовали озеро с помощью сонара.

Наблюдения 1962 года дали немного, лишь слегка дополнив имевшиеся сведения. В последующие годы ИЛН, призвав «батальоны» добровольцев, пользовалась круглосуточ-

ными камерами, которые просматривали 70 процентов поверхности озера с мая по октябрь. По подсчетам Джеймса, было потрачено не менее 30 тысяч часов для обследования поверхности озера и еще больше времени – для сбора показаний очевидцев. Исследователи работали с сонаром, летали над озером на вертолетах, разбрасывали бульжники, смоченные в лососевом масле и пахучих субстанциях, заводили под водой Шестую симфонию Бетховена, транслировали шум глубин...

Счастье улыбается Мэкелу

В 1969 году ИЛН наняла сверхмалую субмарину «Уиперфиш» для обследования озера и выстреливания в чудовище специальным биопсическим гарпуном для забора образца ткани. При первом же погружении ярко-желтая подлодка закопалась носом в донный ил, потребовалось продувать балластные цистерны, чтобы всплыть. Даже самые оптимистично настроенные исследователи вынуждены были признать, что лодка слишком шумная, медлительная и явно не подходит для поисков Несси.

На протяжении нескольких лет работой ИЛН руководил Рой Мэкел, первый представитель научного истеблишмента, воспринявший поиски Несси с полной серьезностью. В 1965 году, когда ему исполнилось 40 лет, он работал биохимиком в Чикагском университете, получив премию за исследования в области ДНК. Находясь в отпуске в Англии, он почувствовал необходимость отдохнуть от шума городского, купил тур на шотландские нагорья и отправился в путь. Через несколько дней он уже осматривал озеро из Уркухартской бухты, захваченный поисками, которые вело ИЛН.

Он встретился с Дэвидом Джеймсом в его домике на островке Мулл, а в Лондоне просмотрел фильм Динсдейла. Его воображение разгорелось: Мэкел стал охотником за чудовищами и представителем ИЛН в Америке, добыл значительные средства на проведение исследований и доложил научным коллегам о состоянии дел в Лох-Нессе. Каждое лето

он совершал «паломничество» к озеру. Но вплоть до 1970 года счастье увидеть Несси ему не улыбалось.

...Он возился с гидрофонами для прослушивания подводных шумов, когда краешком глаза заметил волнение на поверхности. Похожий на резиновый, треугольный предмет высунулся из воды на фут и исчез, а за ним последовала темнокожая спина животного. Через минуту все исчезло без следа.

Воочию убедившись, что чудовище существует, Мэкел с удвоенной энергией занялся его поисками. Не меньше волновали его и другие монстры, а именно Огопого и Шамп. А в 1980 году он отправился в Конго на поиски мокеле-мбембе. В это время он начал постепенно отходить от основной группы, а между тем другой американец, сначала относившийся к проблеме весьма критично, погружался в тему все глубже и глубже. Роберт Райнс, судья из Бостона, в возрасте 28 лет в 1970 году прослушал выступление Мэкела об охоте на чудовище, состоявшееся в Массачусетском технологическом институте. Достигнув неплохих результатов в физике, Райнс получил патенты в области изобретения сонаров и радаров, но отошел от этой работы. Он помог организовать Нью-Хэмпширский юридический институт и особое внимание уделял вопросам юридической помощи молодым изобретателям, позволявшим быстрее и безболезненнее обходить препоны и рогатки чиновников.

В 1963 году Райнс с друзьями основал организацию под названием Академия прикладных наук для поддержки нетрадиционных видов исследований. Эта академия не имела официального статуса университета и программы исследований, но объединяла ученых с высоким научным потенциалом. Многие их увлечения совпали с целями и задачами охотников на чудовищ. Райнс приехал на озеро в 1970 году, пригласил Мартина Клейна, специалиста из МТИ, который изобрел особо чувствительный тип сонара, используемый при поиске затонувших судов и бурении нефтяных скважин. Сразу же начались сюрпризы: прибор Клейна засек наличие крупных движущихся объектов, в 10–50 раз превышающих размеры самых крупных рыб. Он также подтвердил гипотезу

о том, что под водой имеются пещеры, в которых вполне могут укрываться чудовища.

На следующий год Райнс приехал уже с подводной камерой, снабженной синхронизатором и мощным источником рассеянного света, который предоставил Райнсу Гарольд Эдгертон, профессор МТИ, придумавший эту аппаратуру. На протяжении многих лет Эдгертон был экспертом по осветительным приборам у Жака Ива Кусто, французского исследователя, и команда «Кусто» называла его «Папаша Флеш» («вспышка»). Два года исследований не принесли результатов, но в итоге Райнс был вознагражден снимками, которые по праву заняли одно из значительных мест среди многочисленных ликов лохнесского чудовища.

Кто-то пугает лососей

Однажды ранним утром сонар на лодке «Нарвал» засек присутствие крупного подводного объекта. Некоторое время спустя из воды выпрыгнул насмерть перепуганный лосось, явно спасаясь от какого-то хищника. Подвешенная на глубине около 45 футов камера Эдгертона дала удивительное изображение. Впоследствии фотография, обработанная с помощью компьютера в лаборатории Калифорнийского технологического института, представила то, что многие признали фрагментом тела огромного существа с плавниками. Эксперты определили длину плавника — около восьми футов, а ширину — в четыре. Три года спустя Райнс представил еще более убедительные свидетельства. В июне 1975 года его подводные камеры, снабженные сонаром, были оставлены на шесть часов под водой и работали без участия оператора по собственной программе. Райнс не сразу проявил пленку. Прошло два месяца, прежде чем он отдал катушку в лабораторию своему другу Чарльзу Викоффу, фотографу экстракласса, который занимался проявкой особых пленок, используемых при съемках ядерных испытаний. Изображения, которые появились на пленке Райнса, были поразительными. Первая из специальных фотографий явила длинную изогнутую шею, выпуклый торс и грудные плавники крупного

животного. На конце длинной шеи, часть которой оказалась в тени, находилось нечто вроде маленькой головки. Викофф подсчитал, что видимая на снимке часть животного составляет около двадцати футов длины, а само тело чудовища тянется дальше за край снимка. Еще интереснее был второй снимок. На нем был виден причудливый изогнутый объект, снятый крупным планом. Неужели исследователи взглянули прямо в глаза лохнесскому монстру? Именно так они и думали. Только более детальное исследование показало, что различимы два маленьких глаза и две похожие на рожки выпуклости, расположенные симметрично по обе стороны головы. Викофф считал, что голова составляла в длину два фута.

Снимки произвели настоящую сенсацию, небывалую даже в среде охотников за чудовищами. Впервые научное сообщество готово было признать существование животного и поспорить о его видовой принадлежности. Доктор Джордж Зуг, куратор отдела рептилий и амфибий Национального музея естественной истории в Вашингтоне, при Смитсоновском институте, заявил: он убежден, что в озере существует целая популяция крупных животных; одному животному невозможно выжить со времен ледникового периода. Сэр Питер Скотт, основываясь на фотографии плавника, сделанной в 1972 году, нарисовал двух Несси, выставил их в Лондоне вместе с другими рисунками и заставил королевское общество в Эдинбурге и Ассоциацию университетов спонсировать симпозиум по лохнесскому чудовищу, который специально собрался, чтобы, на радость энтузиастам, изучить снимки. Но не успели охотники пожать лавры победителей, как все предприятие лопнуло. Информация быстро попала в прессу, которая опубликовала новости под гигантскими заголовками. Дело в том, что сотрудники Британского музея, которых Дэвид Джеймс попросил исследовать снимки, вынесли свой собственный вердикт. Они сочли, что на фотографиях всего лишь... тело сельди. Ни один из снимков, с их точки зрения, не доказывает, что это крупное животное. Скорее всего, утверждали сотрудники музея, то, что приняли за тело и шею, на поверку окажется пузырьками газа в

воздушных мешочках одного из видов комаров, живущего в шотландских озерах. Что касается выступающей головы, то это может быть не что иное, как дохлая лошадь или ствол дерева. Назначенная на конец года конференция в Эдинбурге была срочно отменена.

Еще хуже, что появились высказывания, дескать, налицо фальсификация. Сэр Питер Скотт назвал чудовище *Nessiteras rhomborberyx* – по-гречески «чудо из Несса с вырезанным с помощью алмаза плавником». Шутники додумались, что фраза может читаться как анаграмма: «Подделка чудовища сэра Питера С.». Райнс отозвался со свойственной ему резкостью собственной анаграммой: «Да, оба остолопа – чудовища Р.».

Реакция была еще более неприятной, чем в случае с отпечатками лап гиппопотама в 1933 году. Кое-кто даже пустил слух, что некая команда злоумышленников специально плодит ложные свидетельства, а на деле ничего и в помине нет. Как мы помним, первым из «отрицателей» опубликовал свои взгляды Морис Бертон, бывший сотрудник Британского музея и уважаемый зоолог. Динсдейл даже одалживал у Бертона камеры, когда впервые приехал на озеро в 1960 году. Впоследствии Динсдейл стал знаменитостью после одного удачного наблюдения, а Бертон оказался в тени. Возможно, именно этот факт повлиял на его нынешнее отношение к проблеме.

Во всем виноваты... выдры?

В 1961 году в своей книге под красноречивым названием «Неуловимое чудовище» зоолог утверждал, что на большинстве фотографий скорее всего запечатлены выдры – водяные рыбацкие сородичи ласки, живущие в озере. Выдры встречаются крупные, до шести футов длиной. У них маленькие головки, изогнутые шеи и рельефные хвосты. Они покрыты темной шерстью, которая блестит, когда намокнет. И, согласно Бертону, выдры весьма скрытные. «Выдра может орудовать на реке рядом с деревней и никто не будет догадываться о ее существовании, – утверждает он. – Нуж-

на свора собак, чтобы добыть хотя бы одну из них. А размеры их — иллюзия, — продолжает Бертон. — Потрявоженная или любопытная выдра может вытянуть и без того длинную шею далеко из воды, а восприимчивый наблюдатель, готовый увидеть огромное чудовище, лицезреет то, что подсказывает ему воображение: 20–25-футовое тело. Большинство людей, утверждавших, что видели животное, говорят, что в то же время испытали потрясение и даже ужас. В такие моменты мы зачастую видим предметы большими, чем они есть на самом деле».

Все, казалось, говорило о том, что знаменитая фотография 1934 года — «снимок хирурга» могла изображать потрявоженную выдру. Доктор Уилсон также «подсунул» голову и

В. Керри, живущая недалеко от замка Уркуарт и одноименной бухты, видела существо 15 раз

шею одного из этих животных. А все остальные свидетели, утверждает Бертон, были введены в заблуждение лодками, птицами, плывущим оленем, увиденным на расстоянии и искаженным из-за миража.

Что касается Динсдейла, заявляет Бертон, так он просто — на просто заснял какую-то местную рыбацкую лодку; горбы вдоль спины спутали с сидящими в ней людьми — обычная для Лох-Несса картина. Но в данном случае позиции Бертона оказались весьма шаткими — рыбаки здесь, как правило, выходят на озеро в одиночку, максимум — вдвоем.

Бертон указывает, что на многих изображениях присутствуют различные растительные предметы — скопления гнилых листьев, стволы и прочее. Когда все это поднимается со дна, выделяются пузырьки газа, что и вызывает движение воды на поверхности. Одна нестыковка — такие пузырьки практически не появляются на Лох-Нессе. Если верить Рональду Биннсу, обличающему, кстати, сторонников существования чудовища в своей книге 1983 года «Разгаданная тайна Лох-Несс», определенные кислоты на дне озера мешают процессам гниения. В результате растительные остатки, падающие на дно, превращаются в порошок, и газ не генерируется. Тот же Биннс наотрез отвергает версию о том, что изображения монстра не что иное, как набухшие стволы деревьев (сосен), приводимые в движение газами. Однако Биннс соглашается с Бертоном в том отношении, что на многих снимках — выдры, птицы, олени и другие случайные животные. Он добавляет, что Динсдейл был переутомлен и мало спал целую неделю до события в апреле 1960-го; сам того не ведая, он заснял моторную лодку.

Все главные снимки Райнса и изображения, добытые с помощью сонара, продолжали подвергаться активным атакам критиков. В 1983 году два американских инженера, Алан Киллар и Рикки Раздан, наняли плот и установили на нем сонарное оборудование. Любой объект более десяти футов длиной, проходивший под плотом, вызывал бы сигнал тревоги и прибор фиксировал бы его автоматически.

Через несколько месяцев они вернулись домой с пустыми руками. Когда же они проанализировали более ранние

данные по Несси, то выяснилось, что много раз сонары срабатывали ошибочно: из-за проплывающих лодок, каких-нибудь стационарных объектов, а в некоторых расчетах содержатся математические ошибки. Инженеры с удивлением узнали, что одна местная жительница помогла Райнсу определить местоположение чудовища с помощью... биолокации. Этот случай был связан с фотографией плавника, сделанной в 1972 году. Полные подозрений, инженеры осуществили в лаборатории компьютерное увеличение тем же способом, что применяется в космической фотосъемке. Снимок плавника получился с зерном и нечеткий, резко контрастировал с опубликованным. Райнса заподозрили в ретушировании. Тот возразил, что лично комбинировал разные увеличения, чтобы получилось наиболее удачное изображение. Это обычная процедура, заявил Райнс, и от него отстали. Но тень была брошена на самое до сих пор убедительное доказательство существования Несси.

Проделки Серла

Имелась и другая критика в отношении «классического» снимка. Шотландский архитектор Стюарт Кемпбелл, детально изучивший все свидетельства, считает, что снимок – превосходная подделка. Вычислив угол, под которым должна стоять камера, и обратив внимание, что отсутствует передний фон изображения, Кемпбелл подсчитал, что Уилсон должен был стоять в 70 метрах от фотографируемого объекта, а не в 200, как он сообщил Констанции Уайт. Преувеличивая расстояние до объекта, Уилсон попросту хотел выдать выдру за чудовище. Другой анализ двух океанографов из университета Британской Колумбии показал, что на снимке Уилсона действительно изображено крупное животное, шея которого на метр с лишним возвышается над поверхностью воды...

Пытаясь дискредитировать поиски чудовища, скептики не жалели средств, привлекая все новые подделки и мистификации. Один из самых неприятных следов в этой истории оставил Френк Серл, «охотник за чудовищами»,

который надолго отравил жизнь многим любителям-романтикам.

Бывший британский десантник, Серл работал менеджером фруктовой компании в Лондоне, когда его угораздило установить торговый лоток неподалеку от озера в июне 1969 года. Члены ИЛН даже поначалу сочли его за настоящего «охотника», и вручили ему камеру для съемки. За три года он сделал много снимков, но никогда никому их не показывал. Но вот в 1972 году он сделал фотографию, которая привела в восторг других исследователей. На ней был виден горб в струях воды. Спустя несколько месяцев он предъявил еще три снимка – серия из горбов, шеи и крупной головы, которую он сделал, когда чудовище неожиданно появилось рядом с лодкой, потом нырнуло и вновь всплыло по другому борту. Вскоре он собрал воедино все свои фотоснимки и привлек к себе всеобщее внимание. Но мелочность и эгоизм сослужили ему недобрую службу.

В «Информационном центре «Лох-Несс», по соседству с которым он расположил свой трейлер, Серл продавал открытки собственного изготовления и аудиокассету со своей версией истории чудовища. Он опубликовал также книгу «Несси: семь лет в поисках монстра», в которой посетовал на официальное непризнание, негативно высказался по поводу усилий ИЛН, Райнса и Динсдейла, похвастался сотрудничеством с новыми молодежными женскими группами исследователей, с отдельными представительницами которых делил свой трейлер.

С годами Серл растерял то уважение, которое когда-то завоевал среди охотников за чудовищем. Скептики стали настаивать, что он никогда и не был автором двух десятков снимков, которые в свое время представил. А на тех, где вроде бы красовалось чудовище, на проверку оказывались лишь ветви и стволы. Один раз Кемпбелл даже уличил Серла в явной подделке: тот наложил на снимок изображение рептилии.

Серл продолжал привлекать наивных туристов до конца 1983 года, когда выпустил последнюю листовку, в которой сообщил, что покидает озеро и отправляется за кладами. К

сожалению, своей деятельностью он отпугнул настоящих честных исследователей. Сомнительность его снимков наложила отпечаток на всю тему. Проблема поддельных фотографий, по выражению Динсдейла, стала проклятием Лох-Несса.

Червь, угорь... кто еще?

Чудовище – настоящее несчастье для фотографа. Оно возникает на поверхности неожиданно и застает врасплох даже выдавших виды исследователей. А потом Несси молниеносно уходит на глубину. Иногда существо материализуется в уголке глаза наблюдателя. Подчас что-то случается с затвором фотоаппарата, а затем с негативами. Именно из-за иллюзорности Несси некоторые исследователи склонны считать ее не материальным существом, а неким психическим феноменом.

Но самой популярной версией по-прежнему оставалась теория о плезиозаврах, небольшая популяция которых благополучно пережила последнее оледенение и сохранилась в озере.

Сторонники этой версии вспоминают о поимке в 1938 году живого целаканта, крупной доисторической рыбы, которая, как считали, разделила в свое время судьбу плезиозавров. Но эти последние – не единственные существа, которые претендуют на первенство в Лох-Нессе. Есть теория, по которой Несси – увеличенный вариант древнейшего червя. Один из постоянных исследователей феномена, бывший морской инженер Ф. Холидей, считал, что существо – гигантский водяной червь, ранее обнаруженный лишь в ископаемых останках, с максимальной длиной в полметра. Но с ним мало кто согласился. Критики справедливо полагают, что червь никак не может достичь таких размеров. Только некоторые беспозвоночные, такие как гигантский кальмар и осьминог, достаточно крупны, чтобы догнать плезиозавра по размерам, но они ничем не похожи на него.

Многие исследователи, в том числе Адриан Шайн, натуралист-любитель и продавец из Лондона, начавший работать в ИЛН с 1973 года, допускают, что это рыба – разновид-

ность утря – одно из самых вероятных предположений относительно загадочного обитателя озера. Лох-Несс богат лососями и утями, и те, и другие достигают значительных размеров. Кроме того, они быстро плавают, изредка всплывают. Но противники категоричны: рыбы не меняют горизонты с такой скоростью, как это делает нечто по наблюдениям сонаров. К тому же угорь извивается из стороны в сторону, а Несси – вертикально. И если это рыба, добавляю-т они, то как быть с наземными встречами?

Все эти аргументы сократили число подозреваемых в причастности к Несси животных. Остались только млекопитающие. По мнению ученых, лишь представители нескольких отрядов – ластоногих, сирен и китообразных – могут достигать размеров чудовища и способны жить долгое время в пресной воде. Мэкел же, перебрав кандидатов – от гигантского слизня до амфибии-великана, – решил ограничиться зейглодоном, змеевидным примитивным китом, считающимся вымершим 70 миллионов лет назад.

Конечно, длинношее тюлени и выдры остаются самыми вероятными кандидатами на пост монстра. Но «нессиверь», считающие, что это вообще неведомое существо, продолжают утверждать, как в 1934 году Эдвард Маунтин, что тюлени слишком общительные и стадные существа, которые то и дело, порезвившись в воде, выбираются группами на берег. Выдры более пугливые и замкнутые животные, но они не настолько водные, чтобы постоянно жить и размножаться в водной стихии, как, вероятно, делает это чудовище. И они не могут нырять на 700-футовую глубину, на которой сонары засекли движущиеся объекты.

Если они есть, то сколько их?

Если идентификация животного, мягко говоря, проблематична, численность особей – еще большая загадка. И охотники, и скептики чаще говорят об одном существе, но были свидетельства и о двух и более животных, наблюдаемых вместе. Все сходятся во мнении, что одно-единственное животное не могло бы сохраниться в озере на протяжении веков. Ос-

новываясь на размерах озера и его пищевом обеспечении, Джордж Зуг из Смитсоновского института считает, что число «нессиподобных» существ в озере может варьировать от 10 до 20 при условии, если каждое весит около 3000 фунтов, и более 150 при весе 330 фунтов. Пока ученые спорят, охотники за сенсациями пытаются доказать существование Несси. И год за годом Райнс и его коллеги возвращаются на озеро в надежде поставить наконец точку в этой истории, однако начиная с 1985 года, кроме фотографий, сделанных Райнсом, ничего более или менее значительного в мире по этому поводу не появлялось.

Именно из-за этих снимков члены академии вернулись на Лох-Несс в 1986 году при финансовой поддержке «Нью-Йорк таймс», чтобы провести самое громкое и наиболее технически оснащенное научное исследование. Райнс собрал команду из двух десятков ученых самого различного профиля, включая Эдпертона и Викоффа из США, специалистов из Канады и Англии. Экспедиция прибыла с 2 тысячами фунтов оборудования и в июне развернула целый арсенал всевозможных сонаров и камер, в том числе 16-миллиметровую, способную делать пятнадцать снимков в секунду, пару 35-миллиметровых стереокамер, впервые примененных на Лох-Нессе, и телевизионную камеру, способную функционировать круглосуточно.

Все оборудование было подвешено на глубине 13 метров под плотом, установленным в ста метрах от Темпл-Пир, возле замка Уркухарт. Кабели и телевизионные линии контролировались с берега. Очередная смена ученых получала информацию, снятую через каждые 15 секунд, а 35-мм стереокамеры включались лишь в случае появления вблизи от них любого подходящего объекта.

На протяжении двух месяцев участники экспедиции анализировали полученные данные и сканировали воды озера своими сонарами. Но домой вернулись без каких-либо доказательств существования крупных движущихся объектов. В то особенно жаркое и сухое лето температура верхних слоев в озере на 15 градусов превысила обычную 42-градусную отметку по Фаренгейту. У ученых возникло предположение,

что все живые организмы ушли на глубину. По другой версии, тем летом уровень воды заметно понизился и изменились места обычного пребывания лососей, вследствие чего и Несси сменила свой ареал, уйдя на более мелкие места. На 180 тысячах снимков, сделанных специальными камерами, можно было углядеть форель, лосося или угря, но никак не чудовище.

Прибор инфракрасного излучения с высокой разрешающей способностью, предназначенный для того, чтобы отыскивать чудовище по теплоизлучению, исходящему от его тела, тоже ничего не показал. Один из сонаров четко очертил контуры бомбардировщика «Вилингтон», упавшего в озеро во время тренировочного полета в 1940 году.

И все-таки эту экспедицию нельзя назвать полностью разочаровывающей, ибо она принесла несколько поразительных открытий. Около полуночи 16 июня Чарлз Викофф наблюдая за телеэкраном, вдруг заметил, что соседняя телекамера как бы угасла, взбаламученная чем-то вода затуманила изображение. Ученый покрутил настройку, но вода оставалась по-прежнему малопрозрачной, и даже мощный свет не мог пробиться сквозь нее. Спустя несколько минут видимость нормализовалась, но изображение почему-то резко сдвинулось вправо. Он взялся за настройку, но камера уже не работала.

Спустя час она снова начала показывать. С ней скорее всего ничего не случилось. Как написал Денис Мередит, издатель журнала «Технологии ревью» и хронист экспедиции, этот случай так и остался неразгаданным. Чарли так и не понял, видел ли он чудовище или нет. Удрученный, он пошел спать. Ночью ему снились кошмары.

Происходили и другие странные вещи. В конце июня ученые опустили один из сонаров, чтобы просканировать толщу воды вокруг камер. Сонары засекли что-то проплывающее мимо. 20 июня заметили уже два следа, извивавшиеся возле экрана. Может быть, пара крупных лососей? Но вот 24 июня стали появляться иные следы – крупные объекты, намного больше рыбин и толщиной около 6 футов. Они были отмечены в 7.18, 8.52 и 8.56, оставались на экране всего

несколько секунд, а потом исчезали, оказываясь вне пределов видимости камер.

30 июня в 10.44 жена Ч. Викоффа, Хелен, следя за сонаром, наблюдала крупный объект, вошедший в луч в 120 ярдах и приблизившийся на расстояние 80 ярдов. И все же он был слишком далеко от камеры, а через некоторое время вообще исчез.

И наконец, 1 июля в 5.00 самый внушительный след оставила мишень около 30 футов размером, прошедшая в ста ярдах. Викофф сам наблюдал за ней, она оставалась в луче около трех минут. Затем ученый выскочил из коттеджа и ринулся на пирс, чтобы встретить там, пишет Мередит, «лишь ключья серого тумана над тихими водами».

Последнее свидетельство поступило 4 июля, а потом — ничего. Может быть, чудовище подплывало в последний раз, чтобы больше не возвращаться, напуганное чрезмерной людской активностью? Никто не ответит. «Уезжая, — пишет Мередит, — они увозили с собой полную уверенность, что это было оно, лохнесское чудовище, последние сомнения отпали у них при расследовании последнего случая, бесед с местными жителями и собственных наблюдений. Кроме данных сонара, никаких научных доказательств не поступило. Но в любом ученом споре конкретные свидетельства — только верхушка айсберга. Внизу же — огромное число зыбких доказательств, показаний и даже домыслов, которые только подпитывают теорию».

Для таких увлеченных исследователей, как Эдгертон и Викофф, этого случая было вполне достаточно, чтобы подтвердить существование *Nessiteras rhomboteryx* — чудо-Несси с обрезанным алмазом плавником — именно это имя сэр Питер Скотт присвоил животному, когда лично убедился в 1962 году в его существовании.

Между тем Райнс продолжал каждое лето в пик агрессивным скептикам выезжать на поиски Несси. В 1979 году он разработал план использования для поисков двух дельфинов, экипированных сонарами и специальными камерами. Идея состояла в том, что дельфины с их высокоразвитыми сенсорными способностями разыщут чудовище, зажгутся

лампы и включатся камеры, которые и заснимут происходящее. Но еще до того как дельфинов доставили на озеро, один из них погиб, и Райнс отказался от затеи.

Британцы же проявили упорство. Хотя ИЛН не добился успехов и временно снялся с базы, через пару лет некоторые энтузиасты «перегруппировались» и отправились на Лох-Морар, на западное побережье Шотландии, вотчину Морага. По легенде, увидевший Морага немедленно погибал, но настоящих охотников на монстров и исследователей такие опасности лишь подстегивали к дальнейшим поискам.

Они следили за событиями на озере с 1969 года, когда впервые узнали о появлении Морага. Однажды летним вечером, тлasiло сообщение, чудовище напало на лодку с двумя людьми, возвращавшимися с рыбалки. Один из них, Дункан Макдоннелл, пытался отбиться веслом, сломал его, и только после выстрелов второго рыбака — Уильяма Симпсона — чудовище ретировалось, нырнув под лодку.

На протяжении нескольких лет охотники с Лох-Несса прерывали свои поиски на озере и отправлялись на выходные в Лох-Морару, чтобы попытать счастья там. В 1974 году они основали там базу, назвав предприятие «Проект Л.Н. и М.». Возглавил его Адриан Шайн. Но интересы их разделились, и они опять решили вернуться к Лох-Нессу, вновь взяв озеро под наблюдение в 1982 году — наземное и водное. В то лето в рамках «Проекта Л.Н. и М.» было предпринято 1500-часовое круглосуточное сканирование вод Морара. Следов появления каких-то объектов, явно не рыб, было много, или по крайней мере то были неизвестные рыбы. Но чудовище буквально как в воду кануло.

Сонарный занавес над озером

На Лох-Нессе все было тихо более пяти лет. Но вот в 1987 году оно снова стало центром внимания. Международное общество криптозоологов, объединяющее всех, кто интересуется неведомыми живыми организмами, собралось на ежегодное заседание в Королевском шотландском музее в Эдинбурге, посвятив весь день обсуждению ситуации с Несси.

В том же году под контролем Шайна была организована новая, хорошо оснащенная экспедиция – операция «Глубокое сканирование» – самое тщательное просвечивание толщи воды озера за все годы исследований. Два десятка лодок, борт к борту, буквально накрыли озеро сонарным занавесом. Три дня они бороздили озеро, зарегистрировав три контакта, один из которых заинтересовал даже скептиков-инженеров, обслуживавших сонар. Недалеко от Уркухартского замка засекли нечто крупное на глубине 600 футов. По словам Даррела Лоуренса, президента электронной компании в Тулсе, Оклахома, «наткнулись на что-то непонятное, более крупное, чем рыба, может, какой-то новый вид, неведомый науке, не знаю...»

Немало заинтригованные, участники экспедиции получили изображение, кем-то идентифицированное как гнилое дерево и кусок скалы, но очень похожее на известный снимок Шайна в 1975 года. Ничто не доказывало существование чудовища, но и не свидетельствовало против. Это означало, что поиски следует перенести на следующий сезон, когда поступят в распоряжение более совершенные приборы. Или, может статься, Несси смягчится и позырирует для серии снимков, которые поставят окончательную точку в спорах.

Говоря откровенно, в последнее время количество скептиков сильно увеличилось, и их ряды растут, а наука никак не может сказать своего веского слова. Но нельзя не верить свидетельствам – визуальным наблюдениям и данным приборов, – которых накопилось за последние полвека предостаточно.

И уж никак не сбросишь со счета старую мудрость местных жителей, вернее, одного старца, который много лет назад изрек: «В этом озере есть много необычного».

Руководствуясь этим заявлением и желанием раскрыть, наконец гтучую тайну XX века, в последние годы здесь побывали несколько экспедиций. Одной из последних обследовала озеро скандинавская всемирная команда подводных исследований, проводившая звуковое сканирование и выявившая странные звуки, входящие в диапазон звуков, издаваем-

ых только морским слонем и моржом. Эти звуки похожи на хрюканье свиньи или человеческий храп. Для обследования были оборудованы две лаборатории со специальной чувствительной аппаратурой, опущенной на глубину свыше 20 метров в двух точках. Как говорят исследователи, уже изучавшие Лох-Несс, эти звуки сходны с теми, что были записаны в шведских и норвежских озерах, в которых, судя по свидетельствам очевидцев, обитают подводные монстры.

Ян Сундеберг, глава экспедиции, объясняет, что звуки были проанализированы не только в его лабораториях, но и шведскими спецслужбами, аналогичными ФСБ. «Большинство шумов, собранных в Лох-Нессе, относятся к утрям, шукам и форели, но среди них можно найти что-то более интересное – это хрюканье, которое очень сходно с тем, что мы записали в озере Ольйордсватнет в Норвегии. Правда, лохнесские звуки короче и резче», – говорит Сундеберг.

Еще один исследователь внес свое имя в анналы «несси-ведения». Итальянский ученый, сотрудник Центра изучения Апеннинских гор во Флоренции Луиджи Пиккарди утверждает, что «раз и навсегда» выяснил тайну озера: неуловимое существо, якобы обитающее в темных глубинах, является всего лишь видением под действием галлюциногенных газов. Эти газы выделяются со дна озера вследствие небольших подземных толчков. Дело в том, что озеро расположено как раз на стыке двух тектонических плит, где имеет место некоторая сейсмическая активность. Пиккарди, специализирующийся на весьма своеобразной области исследований (он выискивает связи и соответствия между мифическими существами, историческими описаниями и геологическими явлениями), убежден, что озеро Лох-Несс лежит на пересечении острова большой трещине в земной коре. Этот тектонический разлом еще проявляет значительную активность и вызывает небольшие, но частые землетрясения. В результате из земных недр выделяется некоторое количество газов, способных вызвать у людей галлюцинации. Под действием этих газов людям кажется, что они видят фантастических существ. Непонятно только, почему одних и тех же...

ПОЧЕМУ УЧЕННЫЕ НЕ ЗАНИМАЮТСЯ НЕССИ?

Все неразгаданные тайны и явления не приносят лохнескому чудовищу никакой пользы, а наоборот. Даже если бы существовали достаточные свидетельства того, что Несси действительно существует, то все равно были бы веские причины для неучастия в этом проекте биологов.

Принято полагать, что ученые постоянно находятся в поиске новых открытий. Это заблуждение вполне понятно. Ошибка здесь скорее состоит в преувеличении. Прояснить ситуацию может следующее замечание: сейчас «прикладные» науки преобладают над «чистыми». И хотя различие между ними не так уж и очевидно, вполне понятно, что предпочтение отдается не вещам и явлениям, вызывающим любопытство и обладающим научным интересом, а обладающим практической ценностью. Так, например, много ученых-биологов занимаются тем, что ищут новые сведения, которые были бы полезны при исследовании и лечении различных болезней. Также многие из них, как и вообще большинство ученых, работают в промышленности, клиниках или независимых и государственных исследовательских центрах. Они трудятся по специальностям, занимаясь, правда, по большей части не тем, что привлекает их интерес и где есть развернуться таланту. Даже те ученые, которые работают в университетах, вынуждены заниматься исследованиями, на которые будет выделено финансирование или которые заинтересуют администрацию или вышестоящие организации.

Таким образом, тот факт, что такой интересной проблемой, как Несси, биологи не занимаются, совершенно не удивителен. Большинство ученых похоже на большинство профессионалов в любой области: они любят свою работу, потому что она — лучшая возможность заработать среди всех остальных. Они демонстрируют то, что кто-то назвал «вынужденным любопытством», любопытством, вызванным их работодателями или грантами правительственных и частных фондов.

И все же существуют настоящие ученые, движимые стремлением познать непознанное, и в основном на этих

людях и держится репутация науки. Большинство известных ученых-одиночек были такими. Конечно, в любой отдельно взятый отрезок времени одни вопросы разрешимы, а другие нет — это зависит от доступной технической и теоретической базы, но состоявшиеся и успешные ученые редко долго блуждают в дебрях неизвестного, предпочитая расширять уже изученные отрасли. Они берутся за решаемые задачи. Как говорят, наука сосредотачивает свое внимание на вопросах, с ответами на которые можно согласиться...

Наиболее известные открытия были сделаны либо теми, кто раньше других понял, что их уже можно сделать, либо случайно. Если же открытие намного опережает свое время, оно бесполезно и будет до поры никому не нужным. Ученые

Когда в 1974 году волна свидетельских показаний захлестнула Англию, цирк Вертрама Миллса в Лондоне назначил премию в 20 000 фунтов стерлингов за живое чудовище. Для него даже начали строить клетки

охарактеризовали такие открытия преждевременными, включив в их список много важных событий. К ним мы относим и Несси.

Ученые также считают, что новое открытие должно наметить путь для дальнейшего развития научного знания, и чтобы обладать научной ценностью, ему необходимы возможности для дальнейшего применения.

Знание не должно быть пустым утверждением. Открытие в тридцатых годах Несси для биологов было как раз просто утверждением. Нечего было изучать, имеющейся информации было недостаточно даже для того, чтобы классифицировать это животное. Проведение времени на берегу озера в ожидании «чудовища» для ученого бессмысленно и нерационально: в это время он мог бы заниматься другой, полезной работой. Таким образом, тот факт, что ученые не принимают участия в поисках Несси, совершенно естественен и их апатия в отношении Лох-Несса, так поразившая в свое время Динсдейла, становится вполне понятна.

Предоставленные сами себе биологи, несомненно, и вовсе проигнорировали бы эту историю, как и многие другие «сомнительные» вещи. В то же время это не означает, что каждый из них персонально не верит в Несси. Но они не были предоставлены сами себе и подвергались разнородному давлению со всех сторон.

Биологи просто не в состоянии отнести Несси к тому или иному классу животных. Это хорошо видно на примере анализа, проведенного Роем Мэкелом. Он верит в существование Несси и на 80 страницах рассуждает о том, чем же эти существа могут все-таки являться. Из фактов и описаний он может использовать от 47% до 88%. Последняя цифра указана в соответствии с количеством описаний головы и шеи Несси, довольно распространенных среди охотников. Второе по величине количество описаний относится к плавникам. Считается, что существует, по крайней мере, один. Все это не ободряет даже человека, верящего в существование Несси, не говоря уже о биологах.

Стандартная процедура классификации состоит из детального изучения мертвой особи, или хотя бы близко ей

родственной. О Несси только рассказывают, да еще, в большинстве своем, и не ученые. Конечно, есть еще показания гидролокаторов, фотографии, кажущиеся частями одной большой мозаики, но для биологов это не важно. Несси для них посторонний предмет.

Ученые, делающие публичные заявления в прессе, как правило, оказываются не такими спокойными, здравомыслящими и объективными, как хотелось бы. Общественности не говорят, почему биологи не могут заниматься изучением Несси, ей просто сообщают о том, что никаких Несси не существует. Так же не говорили в свое время и о совершенной невероятности науки И. Великовского, о его ошибках, а говорили о том, что он чужак. Точно таким же образом ученые, вместо того чтобы обсуждать степень опасности атомной энергии, бросаются в крайности и либо кричат о страшной угрозе, либо утверждают о полной безопасности. Существуют определенные причины такого поведения. Не особенно-то легко и приятно говорить: «Мы не знаем». Некоторые, возможно, боятся того, что из-за этого вера в возможности науки у многих может поколебаться. Некоторые же биологи, несомненно, негодуют по поводу открытий, сделанных «профанами». Ученые никогда не обсуждают профессиональные проблемы с журналистами, кроме этого, как класс, они всегда боятся стать объектом насмешек, что легко может произойти при публикации чьих-либо умозрительных рассуждений.

Таким образом, распространенное мнение о том, что в науке ценится любопытство, не соответствует истине. Это скорее о том, что в науке есть самого лучшего. Репутацией обладают те, кто оказались правы, те, кто обладал интуицией, а не пытавшиеся быть как можно более объективными. Ученые дорожат своей репутацией и не собираются терять ее из-за каких-то там непонятных морских животных.

Неправильно поступают и энтузиасты, в общем, логично сопоставляя Несси с морскими змеями. Такие сравнения, или, что еще хуже, связь с мифами и легендами, вызывают у ученых сильное недоверие. Ведь считается, что наука побе-

дила религиозные предрассудки, суеверия и эту победу надо довести до конца.

Итак, причины, по которым ученые в своей массе не участвуют в поисках йети, Несси и т.д., вполне ясны.

То, что ученые должны находиться и находятся в непрерывных поисках правды в любой области, где возможно новое значительное открытие, — миф. На самом деле существует сильное, хотя и негласное давление, не позволяющее никому отклониться в своих исследованиях слишком далеко от принятых границ, очерчивающих то, что достойно изучения. Нарушения этого могут стоить места в научном сообществе. Так, например, один мудрый совет гласит, что для начала, для установления хорошей репутации, нужно заняться какой-нибудь небольшой, решаемой проблемой. Далеко заглядывать за завесу неизвестного страшно даже вполне состоявшемуся ученому. Профессиональной критике за новаторские взгляды в отношении психологии и витамина С подвергся даже такой выдающийся человек, как Лайнус Полинг.

Нормой любой научной работы является «организованный скептицизм». Ученые учатся подходить ко всему критически, и это качество развивается в них больше, чем у кого бы то ни было. И, естественно, что биологам для признания существования Несси, даже для простого допущения этого факта требуется больше доказательств, чем непрофессионалам. Но все же отдельные ученые-биологи берут на себя смелость допускать возможность существования таинственных обитателей Лох-Несса.

Кстати, они часто подчеркивают, что выражают этим лишь свою собственную точку зрения, как, например, издатель одного научного журнала, особенно настаивавший на том, что мнение автора статьи о Лох-Нессе не обязательно совпадает с мнением редакции. Такие заявления, в общем, науке не свойственны: ни физикам, ни математикам, ни даже самим биологам, когда они говорят о чем-то, относящемся к области их науки. Такова степень давления, оказываемого на биологов научным сообществом. Да и не только на биологов. Известные и уважаемые люди, под чьим патро-

нажем весь проект находился в течение долгого времени, лишь не так давно открыто заявили об этом.

Но, несмотря на это, некоторые биологи все же вносят в проект свой частный вклад. Но их ожидают новые трудности. Если они останутся в тени, их имена не будут известны публике и как они получают в случае успеха причитающуюся им долю признательности? Возможно, одним из наиболее разумных выходов для средств массовой информации будет являться преподнесение информации в несколько шутовском тоне. Так и поступала в период с 1933 по 1934 год «Таймс», освещая события, связанные с Лох-Нессом. Предпринятая в одном научном журнале попытка подсчитать популяцию Несси казалась слишком прямолинейной, но ее авторы сохранили репутацию, выбрав для своих целей несколько ироничный язык и манеру повествования.

Общий вывод, который можно сделать из всего сказанного, заключается в том, что сама природа науки делает всякие попытки изучения таких явлений, как Несси, очень рискованными. Здесь необходима осторожность, и ее проявление в таких вещах будет только мудро, ведь некоторые за подобную «ересь» теряли работу, как, например, редактор ученого Иммануила Великовского и Денис Такер, уволенный из Британского музея за то, что он открыто выступил за существование Несси. Какие-то сотрудники этой организации решили, что музею необходимо держаться в стороне от лохнесских исследований, и когда Бюро по поискам пригласило одного представителя этой организации, давшего им некоторые рекомендации, принять в них участие, он отказался, аргументируя это тем, что его имя наверняка будет в связи с этим упомянуто в прессе и это может повлечь за собой нежелательные для него последствия.

Когда ученые публично осторожно высказываются о каких-либо необычных явлениях, это не значит, что они маскируют собственные убеждения под иронию и т.д. Скорее, это свидетельствует об отсутствии у них большого желания в них разбираться. «Я не утверждаю, что это представляет большой научный интерес, но это и не ненаучно». И так далее.

У ученых, поверивших в существование аномальных явлений, возникает что-то вроде внутреннего противоречия. Кажется, что, чуть-чуть не дойдя до конца, они останавливаются, как если бы испугались чего-то. В книге Роя Мэкела, первого ученого, серьезно отнесшегося к Несси, «Чудовища Лох-Несс» (1976) практически начисто отсутствует убедительное заключение. Те же опасения – зайти слишком далеко заставили его ограничить длину Несси 6 метрами, ссылками на противоречивые описания и тени от волн. В диаметре, как он утверждал, животные достигают 1,2 м, в то время как анализ снимков Динсдейла дал результат от 1,5 до 1,8 м. На примере этого хорошо видно, с каким трудом ученые высказывают собственное мнение, чувствуя себя обязанными сделать это при отсутствии достаточного объема информации.

Первым ученым, открыто обратившим внимание на Лох-Несс, был выдающийся исследователь Морис Бертон, сотрудник Британского музея, автор большого количества известных книг о животных. Его судьба уже освещалась на страницах книги. Другой претендент – Тим Динсдейл, который заинтересовался проблемой в 1959-м и тщательно проанализировал рассказы очевидцев. Впоследствии он также обнаружил одну никем не замеченную деталь на фотографии хирурга, свидетельствовавшую об ее подлинности, и рассказал об этом Бертону, который в это же самое время придерживался уже новой официальной точки зрения, составленной на основе анализа рассказов очевидцев. Кстати, рассказ Динсдейла он почему-то не упомянул. Тогда, в 1960-м, Динсдейл добился лучшего и по сей день результата, сфотографировав то, что принято считать горбом Несси. Он немедленно проинформировал об этом Британский музей, откуда незадолго уволился Бертон, и сохранил свои снимки в тайне. Мне кажется, что этот человек по крайней мере искал возможность разделить с Динсдейлом славу открытия. Последний показывал фотографии людям, имеющим по крайней мере хоть какое-то отношение к биологии. Очень похоже на то, что Бертон был одним из них.

По мере накопления информации биологам может стать легче и безопаснее проявлять свой интерес к Несси. Суще-

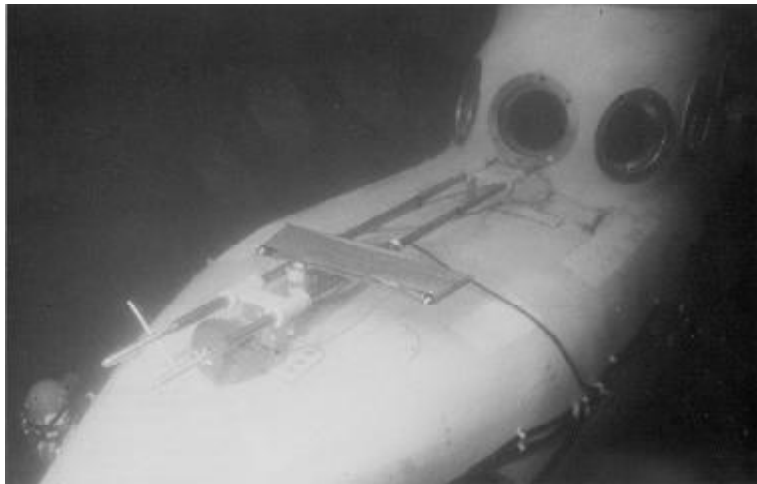
ствуют определенные признаки, позволяющие утверждать, что менее строгое американское общество и наука предоставляют ученым больше свободы, чем, например, британское. Ученые любой страны охотнее борются с псевдонаукой у себя дома и объективнее смотрят на достаточно удаленные явления. Так, и американцы, и англичане могут достаточно объективно подойти к исследованию каких-нибудь выживших динозавров в Африке, а американцы отдельно – к лохнесской проблеме. Для англичан же Лох-Несс слишком близко. Но им интереснее снежный человек сасквач. Эта точка зрения тем привлекательнее, что ее можно проверить опытным путем. Лаудан также подчеркивает, что британских ученых вовсе не следует считать более консервативными, они внимательнее всех остальных отнеслись, например, к проблеме психических феноменов, хотя эдинбургский конгресс и высказывания отдельных ученых и показали определенный консерватизм и нежелание сотрудничать с неучеными, чего нельзя сказать об американцах и их реакции на фотографии Райнса и его команды...

СКЕПТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЛЕГЕНДЫ

Совершенно очевидно, что если в озере действительно обитали гигантские, никому не известные существа, то кто-то должен был их видеть до 1933 года и рассказать об этом остальным. Именно так, согласно книгам, посвященным Несси, и было. В течение многих веков озеро считалось странным местом, населенным некими непонятными и загадочными созданиями. Если так можно выразиться, вокруг лохнесского чудовища сложилась даже своеобразная мифология. В посвященных этому вопросу книгах она выглядит следующим образом.

Все имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники свидетельствуют, что об озере всегда шла дурная слава и так или иначе, но оно всегда ассоциировалось с чудовищем. Резьба по дереву эпохи неолита в Балмакаане,

что недалеко от Лох-Несса, похоже, впервые изображает чудовище и служит своего рода коллекцией рассказов тех, кто его видел, описывающих и вертикальные волнообразные движения, и широкую голову. Еще один примечательный факт: римский историк Дио Кассий упоминал о том, что у каледонцев – племени, обитавшем на берегах Лох-Несса во времена Римской империи, существовало табу на употребление в пищу рыбы из этого озера. Самое раннее из письменных свидетельств существования чудовища – 27-я глава второй книги «Жития св. Колумба», написанной около 565 года. Его составитель, Адамнан, в высшей степени заслуживающий доверия автор, рассказывает, как св. Колумб пришел на могилу человека, на которого напало чудовище. Колумб решил попытаться счастья и приказал одному из своих людей плыть по озеру вслед за лодкой. После этого появилось чудовище, которое устремилось к плывущему. Тогда

В августе 1969 года одноместная субмарина «Уилерфиш» с сонаром и специальным биопсихическим гарпуном, предназначенным для забора проб тканей с тела чудовища, была спущена на воду, но после ряда неудачных погружений проект был отклонен

Колумб приказал зверюге плыть прочь и при звуках голоса святого оно удалилось на большой скорости.

Свидетельства о том, что кто-то в разные века видел чудовище, продолжают поступать и по сей день. В одной шотландской хронике указывается, что «в последний раз» чудовище видели в 1520 году. В «Истории Шотландии» Гектора Боэция, написанной в XVI веке, содержится история о том, как «ужасное чудовище» вышло из вод озера однажды «ранним утром, примерно в середине лета», раздавило при этом несколько деревьев и убило трех человек. В «Северных воспоминаниях» Ричарда Франка (1694) упоминается о плавающем по Лох-Нессу островке, предположительно напоминающем высовывающийся из воды плавник чудовища. Даниэль Дефо в «Путешествии через весь остров Великобритания» (седьмое издание, 4-й том) рассказывает о «левиафанах», которых в 1726 году видели взрывавшие шедшую по берегам озера военную дорогу солдаты генерала Уэйда. Через несколько лет, в 1771-м, Патрик Роуз слышал о некоем чудовище, «помеси лошади и верблюда», которое незадолго до этого видели в Лох-Нессе.

Столетие спустя, летом 1885 года, активно циркулировали слухи о странном чудовище, которое видели около Лох-Несса. Оно прославилось настолько, что о нем даже написали в газете «Глазго ивнинг ньюс» в 1886-м. В ноябре того же года появились изображающая чудовище реалистично выполненная гравюра на дереве и статья в газете «Констительшн» (Атланта, США), посвященная загадке Лох-Несса.

В следующий раз о неблагонадежной репутации озера заголовки затрубили в 1932 году, когда в нем в результате аварии лодки утонула жена известного банкира. Несмотря на то, что миссис Хэмброу превосходно плавала, а от берега ее отделяли считанные метры, она просто исчезла. Уж не чудовище ли в этом виновато? Нырятьщикам так и не удалось отыскать тело... После этого появились слухи о том, что под водой они обнаружили гигантские пещеры. Ну а через год чудовище уже совсем серьезно заявило о себе в заголовках газет и прославилось на всю страну.

Даже в 50-х годах XX столетия, когда интерес к Лох-Нессу поутих, озеро еще раз подтвердило свою зловещую репутацию. В сентябре 1952-го, во время попытки установить мировой рекорд скорости на воде, погиб Джон Кобб. Его моторное судно развалилось на части на скорости около 200 км в час, попав в бурную воду. Наблюдавшие за этим с высокого северного берега люди в один голос утверждали, что в тот самый момент видели уплывавшее чудовище. Зловещим водам озера была принесена еще одна жертва...

От подобной «традиции» по коже начинают бегать мурашки. К сожалению, проверить ее не представляется возможным. Некоторые из этих историй – вымышленные, в других много путаницы или явных противоречий. В книге Дефо и в «Глазго ивнинг ньюс» вся история представлена как ничем не подтвержденные слухи. И подтвердить их никто никогда не мог. Более того, в ноябре того же года, как выяснилось, в «Конститьюшн» не публиковалось никаких статей о Лох-Нессе. Эта история впервые появилась на страницах книги Джона Килля «Загадочные существа во времени и пространстве» (1975), в которой было замечено огромное количество неточностей и просто преувеличений.

Рассказы о том, что чудовище видели в 1520, 1771 и 1885 годах берут начало из эксцентричного письма, опубликованного в «Скотсман» 20 ноября 1933 года. Впоследствии на него ссылались при любом удобном случае. Авторы книг о Несси пренебрегают тем фактом, что автор письма Д. Мюррей Роуз не указал ни адрес, по которому можно было бы связаться с ним самим, ни источники, из которых он почерпнул все те чудесные истории, которые он пересказал в своем письме. В книгах также обычно не приводят данное письмо полностью, из которого ясно видно, что он был просто тихим чудачком. Роуз выдвинул гипотезу о том, что чудовища на самом деле были акулами. «За прошедшие века акулы могли каким-то образом проникнуть в озеро», – писал он. Как это им удалось сделать и почему они сразу же не погибли в пресной воде, Роуз не объяснил.

Что касается пещер эпохи неолита, в которых предположительно обитали чудовища, то впервые такая информация появилась в книге Ф.В. Холлидея в 1968 году. В одной книге

об этой местности есть фотография пещеры. В своей работе Холлидей описывает, как он «в течение некоторого времени исследовал земли, прилегающие к заброшенному Балмаканскому дому в поисках древних пещерных камней с изображением неизвестного существа». Если бы он чуть-чуть лучше разобрался в археологии, то понял бы, что лишь зря теряет время. Его камень с изображением таинственного чудовища эпохи неолита был, вместе с еще одним камнем, выкопан в 1864 году, неподалеку от Драмбуи и в течение многих лет находился в Национальном музее древностей в Эдинбурге. Это был только один из целого ряда камней с нанесенными на них изображениями, найденных в тех местах. Извивающееся изображение – наиболее часто встречающееся из 14 орнаментальных символов, распространенных по всей территории Шотландии. В связи с этим домыслы Холлидея о том, что на камне из Драмбуи изображено чудовище, являются не более чем простой спекуляцией. Археологи неоднократно делали заявления, предостерегающие от интерпретаций изображений на камнях, так как «о них известно чрезвычайно мало и символические камни настолько же загадочны, насколько полна белых пятен расовая история... Неизвестно, были ли они когда-либо раскрашены кем-либо, неизвестно из чего они сделаны, о них вообще ничего не известно».

История о существовавшем у каледонцев «табу» на лох-несскую рыбу также не имеет под собой никакого основания. Дио Кассий на самом деле был греческим историком, написавшим историю Рима где-то в промежутке между 201 и 222 годами. Большая часть его «Истории» была утеряна и известна только по пересказу Иоанна Ксифилинуса в XI веке. Сэр Уильям Смит в своем «Словаре греческой и римской биографии и мифологии» замечал, что эта работа «выполнена с обычной небрежностью, свойственной всем конспектам». История «табу» (с большими преувеличениями) была заимствована из следующего отрывка.

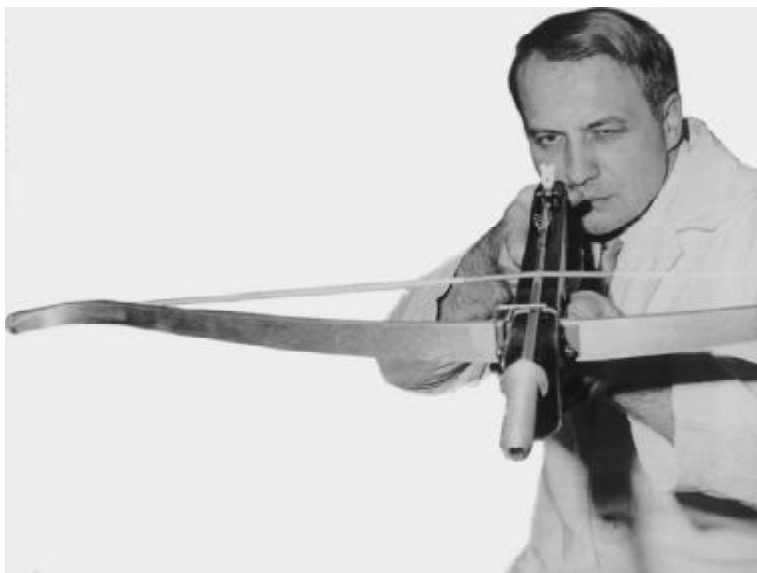
«Существуют две основные бриттские расы: каледонцы и мэтэ. Остальные были поглощены этими двумя. Мэтэ живут около пересекающей страну стены, разделяющей остров

пополам, каледонцы — за ними. Оба племени живут и в засушливых горах и безлюдных и болотистых равнинах, но питаются животными из собственных стад, дичью, некоторыми фруктами, так как к рыбе, в изобилии водящейся в тех краях, они не прикасаются».

Ни единого упоминания ни о Лох-Нессе, ни о самом чудовище.

Самым важным из всех «историй» о чудовищах, конечно, является случай со святым Колумбом и водяным монстром. К сожалению, любой, кто потрудится ознакомиться с книгой Адамнана «Vita Sancti Columbae», быстро обнаружит, что автор ни разу не упоминает Лох-Несс, а местом описанного им происшествия является река Несс — то есть речь идет о двух разных водоемах.

Жизнеописание святого Колумба, как и любого другого святого, переполнено разнообразными происшествиями и чу-

Биохимик Рой Мэкел демонстрирует биопсический гарпун для забора тканей с тела чудовища

десами. Главной задачей автора было доказать святость своего героя. По словам издателей, «святость означала некие заслуги, за которые господь награждал чудесами, и в связи с этим, Адамнан был вынужден посвятить свою книгу хронологии чудесных событий. Хронологическую последовательность соблюдать было не обязательно, да он и не старался выполнить это условие. Его целью было показать, что Колумб действительно был святым».

Эпизод встречи святого Колумба с водяным чудовищем в реке появляется не во время его путешествий по Шотландии, а среди описаний чудесной власти святого над различными животными.

Пожалуй, только набожный верующий может серьезно относиться к этим историям. Биография св. Колумба была приукрашена с целью произвести впечатление на наивную аудиторию сказками о сверхмогуществе святого. Адамнан написал свою книгу почти столетие спустя после смерти самого Колумба и, соответственно, вся информация о его жизни попала к автору через чьи-то руки.

Поведение чудовища, встреченного святым, также не совпадает с описаниями более поздних свидетелей. Несси — существо застенчивое и совсем не склонное носиться туда-сюда с широко распахнутой пастью, ревя и бросаясь на купавшихся. «Здесь, несомненно, не обошлось без некоторого вымысла», — заключает Тим Динсдейл. Другими словами, то, что не вписывается в легенду Лох-Несса, может быть отброшено как преувеличение, а то, что подходит, — принято как «обоснованное и точное». Динсдейл иронизирует над реакцией чудовища на звуки голоса святого Колумба: «Известно, что у святого Колумба был звучный голос, с помощью которого он нес Христово учение воинственным горцам. Относительно чудовища же известно, что на любые звуки оно немедленно реагирует, ныряя под воду».

Издатель оксфордского «Лайф» за 1894 год находился под меньшим впечатлением от этого случая и заметил, что, во-первых, «этот во многом вымышленный эпизод является в высшей степени характерным», а во-вторых, сам Колумб был родом из Ирландии, фольклор же этой страны

просто перенаселен ужасными водяными, обитающими в реках и озерах и только и ждущими случая напугать незадачливого путешественника. Более того, любой прочитавший «Лайф» быстро заметит, что сила в словах святого присутствует на протяжении всего повествования. Достаточно всего лишь взглянуть на эпизод, предшествующий случаю с чудовищем.

«И когда благословенный в другой раз был в течение нескольких дней на острове Скай, предаваясь в одиночестве молитвам, отделившись от своих братьев на порядочное расстояние, он вошел в густой лес и встретил в нем невероятных размеров вепря, преследуемого охотничьими собаками. Святой тогда увидел маленькую тропинку, по которой тот мог бы скрыться. Он встал на ней, поднял святую руку и, вознося молитвы Господу, сказал вепрю: «Ты не сдвинешься с этого места, на которое ты пришел, умри же здесь». Когда в лесу раздалась эта слова, дикий зверь не только не смог двинуться с места, но упал к его ногам недвижим, сраженный могучей силой слова».

Похоже, Динсдейл раздул целую историю и из чудовища, описанного Гектором Боэцием в «Истории Шотландии». К случаю, имевшему место в XVI столетии, он относится как к «согласующемуся с современными данными, полученными из надежных источников».

Ужасное чудовище, поднявшись одним ранним утром, примерно в середине лета, легко и безо всякого напряжения вырвало хвостом несколько огромных дубов и убило ими трех стрелявших в него человек. Пока остальные спрятались среди росших вокруг деревьев, вышеупомянутое чудовище возвратилось обратно в озеро.

К сожалению, Динсдейл не сумел проверить источник этой информации. Если бы он это сделал, то обнаружил бы, что *Scotorum Historia* – не рассказ о происходивших в Шотландии событиях, как это может показаться из названия, а сборник разного рода мифов и легенд, таких же неправдоподобных, как и биография святого Колумба, написанная Адамнаном. Один современный историк сказал, что Боэций «путает естественное со сверхъестественным, возможное с

невозможным – в результате получается полный сумбур... Его надо изображать беспечным в труде: ленивым, легковерным, невнимательным... Он не только писал сказки о прошлом, но когда не хватало информации, не стеснялся ее придумывать сам. Страницы его книг пестрят земными и морскими чудесами. Едва ли хоть одно описанное на них важное событие не сопровождается чем-то сверхъестественным». Все это достаточно плохо и само по себе. Но, что хуже, приводимый Динсдейлом случай, произошел вовсе не на Лох-Нессе, к чему клонит автор. Динсдейл не потрудился привести первую часть цитируемого предложения, которое начинается так:

Сэр Дункан Кэмпбэлл поведал нам, что из Гэрлолла, эрлджайского озера в году 1510-м вышло ужасное чудовище...

Трактовка Динсдейла – не что иное, как просто пародия. Это, впрочем, не помешало Рюю Мэкелу попасться на этот крючок и утверждать в своей книге, что достоверные свидетельства существования Несси появились уже 436 лет назад.

Таким образом, остается только один источник – волнуемое и таинственное описание «плавучего острова» Ричарда Франка. Франк служил в кавалерии Оливера Кромвеля и прибыл в Шотландию в 1650-х годах. Впоследствии он описал свои странствия, назвав свою книгу (здесь краткое название): «Северные воспоминания» (1694).

Эта книга фактически является не путевыми заметками, а чем-то вроде пышной беседы между Арнольдом (самим Франком) и Теофилом (его вторым «я»). И трудно не согласиться с издателем книги, жившим в XIX веке, раздраженно жаловавшимся, что «страсть к красивому слогу, к несчастью, не минула и Ричарда Франка, с несоответствующей этой красоте застарелостью. Вместо того, чтобы знакомить нас с тем, что же с ним приключилось, он зачастую напускает туману».

Первоначальный план северных воспоминаний был, вероятно, готов уже к 1658 году, но опубликована книга была только через 30 лет. Все это время Франк переписывал ее, добавляя все больше и больше пышных и пространных фраз

и других «декоративных элементов». Упоминание о «плавучем острове», взятое вне контекста всей книги, конечно, звучит загадочно. Но любой, кто потрудится прочитать фактически непригодную для чтения книгу Франка, быстро поймет, что речь идет о Лох-Ломмонде и упоминание о плавающем острове возникает именно в связи с этим озером. Это звучит правдоподобно, так как и другие авторы упоминали о существовании этого острова на Лох-Ломмонде. Тем не менее, Франк хотел «набрать лишнее очко» и развенчал Лох-Ломмонд: «Он плавает не здесь, среди этих пустынных западных полей, как несправедливо полагали невежественные писатели». Напротив, следуя Франку, плавающий остров надлежало искать на Лох-Нессе. Могла ли это быть, как утверждали некоторые, спина чудовища, показывавшегося на поверхности? Франк так не считал: «Это не что иное, как естественная растительность — камыши, растущие так тесно в результате естественных природных процессов». Остается неясным, видел ли этот остров сам Франк, хотя из его подробных описаний можно заключить, что он там был. Причины появления плавающих островов в шотландских озерах до сих пор остаются непонятными, но при этом не следует забывать о том, что и в наши дни их сооружают некоторые примитивные социумы (примерами этого являются перуанские озера, а также озеро Титикака). Возможно даже, что Франк перепутал давно известные плавающие острова с Лох-Ломмонда с искусственным островом на Лох-Нессе. Этот крошечный островок, созданный людьми (сейчас его называют Черри-Айленд), виден с северного берега, прямо от входа в Форт-Аугустус.

С большой долей уверенности можно утверждать, что легенда о лохнесском чудовище была мало известна во время эпохи Возрождения. Самые известные исследования флоры и легенды о Несси той поры принадлежат перу Конрада Геснера («История животного мира», Цюрих, 1551–1558) и Улиссу Альдрованди («Естественная история», Франкфурт, 1623, «История чудовищ», Болонья, 1642).

Увы, похоже, почти вся «мифология» лохнесского чудовища не выдерживает критики. То, что, как утверждает Ма-

кал, «на озере вот уже 1400 лет наблюдали странные события», вовсе не так. Никто не видел в Лох-Нессе никаких чудовищ до 1930-х годов. Более того, на примере трагедий с миссис Хамбро и Джоном Коббом можно наглядно проследить пути, по которым распространяются слухи. Ведь фактически ничего таинственного в смерти миссис Хамбро нет. Вода в озере очень холодная — это может вызвать шок и прыжок в ледяную воду в одежде очень рискован даже для опытного пловца. Достаточно было поддаться панике всего на миг, и миссис Хамбро моментально утонула бы. Предполагать же то, что неожиданно появилось чудовище и напало на нее, как акула из фильма «Челюсти», нет никаких оснований. Тот факт, что не было найдено тело, также не удивителен. Иногда тела утопленников удается достать из воды, иногда же — нет. Миссис Хамбро утонула в самой глубокой части озера, что дало водолазам возможность исследовать только небольшую его часть. Никаких подводных пещер ни тогда, ни впоследствии найдено не было. Поскольку ложбина озера образована вулканическими породами, такие пещеры там вообще вряд ли когда-нибудь найдут...

Историю, согласно которой скоростная лодка Джона Кобба напугала чудовище, что и явилось причиной аварии, Тиму Динсдейлу рассказал его друг Торквиль Маклеод. Динсдейл должным образом опубликовал ее в своей второй книге «Левифань» (1966). С тех пор она приводилась в огромном количестве книг, в том числе и в ставшей бестселлером брошюре Николаса Уитчелла «Лох-Несс и чудовище» (1976). Родилась сенсационная теория, определенным образом усиливающая нездоровый интерес ко всей проблеме. Тем не менее, у нее нет никакого реального основания. То, что лодка Кобба развалилась на части при столкновении с бурной водой, разумеется, является правдой. Дело в том, что бурная вода появилась в том месте из-за лодок-лоцманов самого же Кобба. Поверхность озера в тот день была совершенно спокойной, а то, как вызванные лодками подобные волны сохраняются в таких условиях на воде, наблюдалось неоднократно.

То, что с Коббом что-то произойдет, было ясно, когда одна из волн, поднятая сопровождавшей его лодкой, не улег-

лась, а продолжила «путешествие» по озеру. Кобб увеличил скорость и врезался в волну. На такой скорости даже сравнительно слабый удар оказался бы смертельным. «Крузадер» взлетел на воздух и взорвался. Мы разговаривали о случившемся с двумя свидетелями, бывшими тогда, в 1952-м, на озере. Оба убеждены в том, что невольным виновником трагедии явилась лодка-лоцман.

Будучи подвергнутыми скрупулезному анализу, все легенды о Лох-Нессе оказываются несостоятельными. В то же время было бы неправильным считать, что история Несси является преднамеренной фальшивкой. Конечно, в одном-двух случаях не обошлось без фальсификаций, но, в целом, несправедливо обвинять писавших о лохнесском чудовище авторов в чем-нибудь, кроме лени. Специалисты по чудовищам — обычно энтузиасты-любители, чьи усилия направлены на то, чтобы подкрепить уже имеющуюся у них веру какими-нибудь новыми фактами. Жаль, что факты эти в большинстве оказываются недостоверными...

ПРИЧИНЫ ДЛЯ СОМНЕНИЙ И... НАДЕЖД

Похоже, на предыдущих страницах поместилось достаточно количество сведений для того, чтобы поставить существование Несси под вопрос даже при наличии достаточно веских аргументов «за». Но давайте будем справедливыми: за прошедшие пятьдесят лет серьезную роль в оспаривании существования чудовищ сыграли и явно неполноценные причины. Большинство из них просто сводится к тому, что никаких Несси нет, потому что их не может быть вообще.

Вся нелогичность аргументов против Несси хорошо видна на примере вопроса, задаваемого охотникам: интересовались ли они когда-либо, как такие организмы, как Несси, могут существовать в условиях Лох-Несса? Это, конечно, риторический вопрос, но утверждать, что раз ни одно из возможных объяснений не представляется вполне удовлетворительным, то Несси не существуют, тоже нельзя. Невоз-

Примененное инженером Мартином Кляйном сканирующее устройство принесло неожиданные результаты: в сентябре 1970 года Роберту Райнсу (слева) и Тиму Динсдейлу (справа) удалось увидеть, как прибор засек движущиеся подводные объекты, которые по меньшей мере в 50 раз превосходили по размерам самых крупных рыб озера Лох-Несс

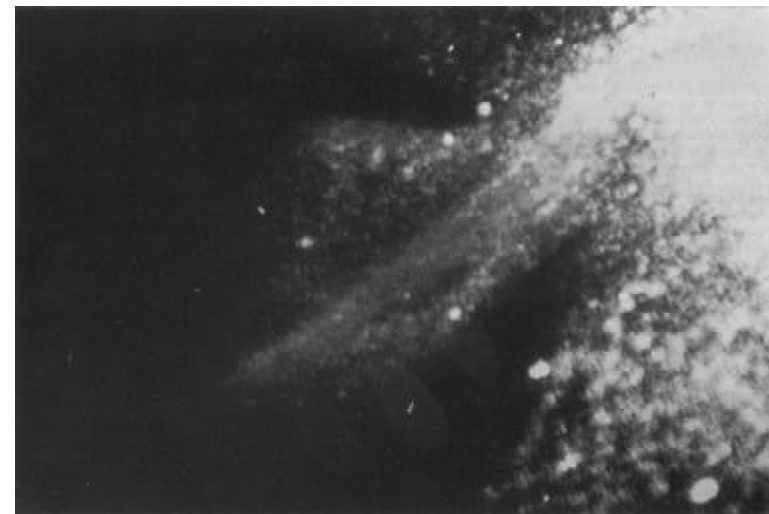
можно определить условия существования где-либо неизвестных, никем не описанных существ.

Вот еще один вариант такой критики: если бы Несси существовали, они бы уже были известны науке. Он очень типичен для споров об аномальных явлениях. Но сильно убеждение в том, что все основные открытия уже сделаны, что наука уже имеет представление обо всем и возможна лишь дальнейшая детализация и углубление знания. Сторонники Несси любят замечать в связи с этим, что наука вплоть до конца XIX века не признавала существование гигантского кальмара, а сегодня он описан (и рассказ об этом впереди).

То, что люди в течение тысячелетий жили по соседству с природой, вовсе не значит, что она досконально изучена. Так, большая популяция арктического гольца в Лох-Нессе была открыта только охотниками за Несси. До поисков Несси ничего не было известно ни о популяции выдр в озере, ни о мигрирующей популяции лососей. Никто даже не знает о том, какова максимальная глубина озера. Не так давно были открыты новые течения, явившиеся результатом изменения температуры. Непознанного остается очень и очень много, гораздо больше, чем того, что нам уже известно.

В свете вышесказанного можно уже не говорить о таком, например, мнении, что для Несси в озере недостаточно еды. Да откуда нам известно, сколько они едят? Узнать это можно, только путем их изучения, невозможного по понятным причинам. Кстати, рыбы в Лох-Нессе достаточно для питания целой группы больших хищников.

Задают еще один вопрос. Почему Несси теперь не показываются так часто, как раньше? Ответ вполне понятен: нам это неизвестно, нам неизвестно что это за животные. Как однажды заметила Констанция Уайт, мы не знаем, зачем они вообще показываются на поверхности. Часто этот вопрос задают из-за уверенности в том, что Несси для дыхания необходим воздух, потому что они похожи на рептилий или млекопитающих. Во-первых, это может быть не так. Во-вторых, Несси могут дышать каким-нибудь экзотическим способом, через специальные дыхательные трубки, например, или высовывая из воды только ноздри, и заметить

Воодушевленный первыми успехами, Райнс присоединил к сонару камеру со вспышкой и разместил их на склоне подводного холма в бухте Уркуарт. В августе 1972 года аппаратура Райнса зафиксировала наличие некоего объекта, похожего на плавник

на поверхности их нелегко. Вообще, большинство поверит в то, что видели именно Несси только в том случае, если увидит что-то очень большое; только очень небольшому числу людей известны их более подробные приметы и только эти люди, такие, как Морис Бертон, в состоянии понять, что причиной любопытной ряби на воде может быть находящееся близко к поверхности двигающее головой животное.

Помимо прочего, для того, чтобы увидеть животное, необходим тот, кто это сделает. Очень трудно объяснить, насколько неудобно наблюдать за поверхностью озера больше полутора километров в ширину и тридцати в длину при

Р. Райнс осматривает камеру для подводных съемок

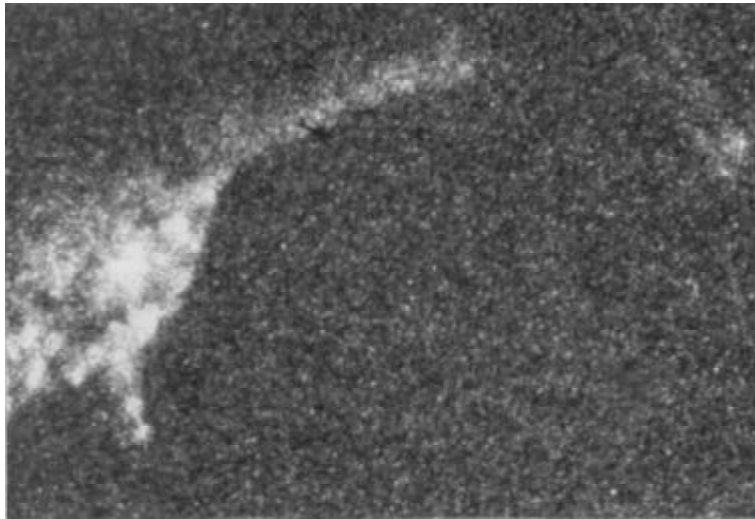
отсутствию подходящей точки для наблюдения. Иногда не удастся различить у противоположного берега рыбацкую лодку длиной почти три с половиной метра! Чтобы увидеть Несси, необходимо оказаться в нужное время в нужном месте, что, понятно, сделать не так легко, как может показаться на первый взгляд.

Распространенное мнение о том, что озеро постоянно находится под наблюдением, неверно. Конечно, организовывались смены по 10–20 человек, расположенные через километр друг от друга и наблюдавшие Лох-Несс, но так было далеко не всегда.

Вообще, мало откуда можно без проблем наблюдать за озером, пока тепло и деревья все в зелени. Если ехать по дороге вдоль озера, то поверхность воды, конечно, видна на протяжении 60–65 километров, но все же деревья и разнообразный мусор являются достаточно крупной помехой. Места, удобные для наблюдения, попадают примерно через

Одни зрители видят на известном снимке Райнса рогатую голову чудовища, другие — ствол дерева

Снимок 1975 года демонстрирует голову и тело чудовища.
Или пузырьки газа, поднимающиеся со дна

километр, да и то они слишком маленькие, чтобы с них могли вести наблюдение люди более чем из 1–2 машин. Кроме того, много оттуда не увидишь. Отелей, пригодных для этой цели, в округе не более двух десятков. Таким образом, несмотря на постоянный поток машин, никто из движущихся по дороге не высматривает Несси хоть сколько-нибудь усердно. На озере существуют всевозможные прогулочные лодки и т.д., но с поверхности воды видимость не очень хорошая.

В конце концов, люди, утверждающие о значимости того факта, что Несси появляется нечасто, не берут в расчет то, что речь здесь идет только о появлениях, ставших общеизвестными. Вообще, такого рода информация, о Несси ли, или о морских чудовищах, скорее не становится известной, а остается достоянием очень узкого круга лиц и вскоре забывается.

Наибольшее количество зарегистрированных случаев появления обитателей Лох-Несса относится к самому благоприятному для этого промежутку времени – 1933 и 1934 годы.

В октябре 1987 года 24 лодки прошли 24 мили по Лох-Нессу, создав такой «сонарный занавес», от которого не могло бы ускользнуть ни одно живое существо. Поскольку ничего не обнаружили, то решили, что животные укрылись в подводных выемках в грунте на большой глубине

Общественное мнение тогда было на стороне Несси, кроме того, дорогу вдоль озера тогда еще не достроили и деревья вдоль нее, еще не выросли, так что поверхность воды была хорошо видна практически отовсюду. Такая же история и с Лох-Морар. После произошедших там в 1969 году событий энтузиасты довольно быстро узнали от местных жителей еще о примерно 30 случаях появления чудовища, что совсем немало, если учесть то, что это озеро совсем не такое популярное, как Лох-Несс, и дороги вдоль него не существует. Если бы не люди, собравшие эту информацию, скептики продолжали бы говорить о недостаточном количестве фактов, просто ничего о них не зная.

Конечно, можно говорить о ненадежности и несовершенности человеческих глаз, и ошибки действительно были, но в большинстве случаев они вскоре исправлялись теми,

кто их допустил, если это, конечно, были добросовестные исследователи.

Многочисленные предположения о том, что обитатели Лох-Несса – самые обычные существа (выдры, акулы и т.д.), так же эфемерны, как сами Несси. Все это является следствием того, что исследованиями здесь занимаются не ученые. Всем предлагается поверить, что в течение 50 лет мы могли не узнать этих, в общем-то, всем известных существ. Выдры менее остальных известны широкой общественности, но кто-нибудь когда-нибудь видел у выдры плавники?

Плавучую растительность, никогда якобы не остающуюся на месте, тоже никто не видел с достаточно близкого расстояния. В общем-то, это так же неправдоподобно, как и плавучие деревья. Странно, как, проплывая мимо камер, они могли принять очертания животного, и не просто какого-то животного, а похожего на Несси.

Из Несси пытаются извлечь коммерческую выгоду: продаются майки с ее изображением, маленькие фигурки и т.д., но все это пустяки по сравнению с тем, что можно было бы получить от простого факта ее существования: отели, наблюдательные площадки, лодки для наблюдения с поверхности воды. Последние появляются от случая к случаю.

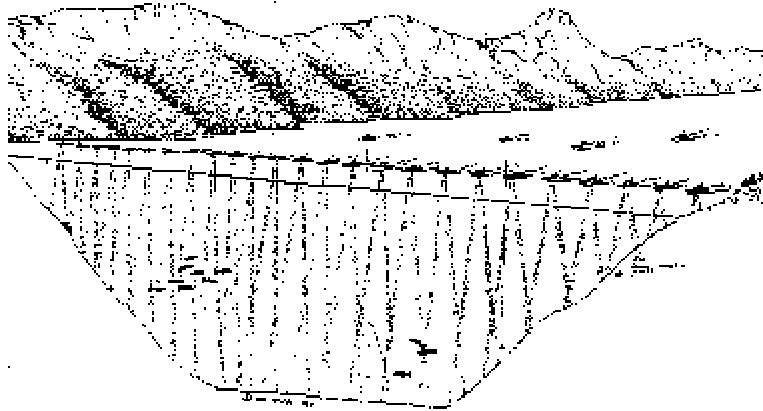

Схема операции «Глубокое сканирование»

Почему бы не попробовать гидролокаторы? Именно так и поступали много раз, причем небезуспешно. Но полученная информация, в общем-то, бесполезна: локаторы только регистрируют наличие в озере неких больших объектов. Кроме того, не стоит переоценивать их возможности. Если шведские военные не смогли с их помощью поймать подводную лодку, то куда уж там любителям с одолженным или взятым напрокат оборудованием!

А как насчет гидрофонов? И они не дают никаких практических результатов. Возможно, перспективно использование подводных лодок, но мини-субмарины слишком медлительны, а военно-морские силы США не предлагали своей помощи, которая была бы очень кстати. Использование субмарин также затрудняется чрезвычайно плохой видимостью.

Несси искали также и с помощью инфракрасного света в ночное время, пытались подманить кровью, свежей ры-

Адриан Шайн, руководитель операции «Глубокое сканирование»

бой, поймать в сеть, но безуспешно. Может быть, сыграло свою роль то, что вся работа на озере выполнялась любителями с помощью, как правило, взятого напрокат оборудования.

Никто до сих пор не придумал верного способа найти обитателей Лох-Несса. Но это больше говорит о способностях самого человека, чем о том, существует ли Несси или нет.

Еще один важный момент. Вера в невероятное не всегда бессмысленна и бесполезна. Многие великие открытия были совершены только благодаря ей, и в жизни она оказалась ненапрасной для многих из нас.

Непонятно, почему бы не поверить в какую-то отдельную невероятность, раз уж вопрос заключается только в том, можно в это верить или нужно. Вреда от этого не будет. По крайней мере, противники Несси его не выявили. Они, как кажется, упоминают о причинах, описываемых здесь, стремясь привлечь всех на свою сторону. Но там, где окончательное мнение еще не сформировалась, должны быть доступны все возможные точки зрения.

КИТАЙСКИЕ РОДСТВЕННИКИ

В последнее время участились случаи встреч неведомого существа в озере Тяньчи, что расположено в горном районе Маньчжурии на границе с Северной Кореей на высоте 2200 метров. Максимальная глубина озера – 373 метра, площадь зеркала 9,8 кв. км.

...Ранним утром туристов доставили на берег. Гиды предложили занять места у водной глади и полюбоваться восходом солнца. Акт созерцания был прерван появлением на поверхности озера четырех неопознанных объектов зоологического происхождения. Они на большой скорости проплыли перед изумленными взорами любителей природы и скрылись в водной толще.

Перепуганные туристы едва пришли в себя и засвидетельствовали: подобных зверей они никогда в жизни не ви-

дели. Очевидцы в один голос говорят, что чудовища гнали перед собой волну высотой почти в два метра. Из чего был сделан вывод о невероятной массе незнакомцев. В рассказах отсутствует упоминание о каких-либо звуках, напоминающих фырканье. Нет также показаний о наличии у монстров кожно-волосяного либо чешуйчатого покрова. По свидетельствам других наблюдателей, у них голова, как у коровы, пасть в виде плоского клюва, спина блестящая и черная, покрытая темным мехом, живот белый.

По счастливой случайности явление было заснято на видеокамеру одним из туристов. Кассета передана в исследовательский центр, занимающийся разгадкой тайны озера Тяньчи в горах Чанбайшань. Странные создания были замечены в нем еще два года назад.

Не раз возвращались из этого дикого места ошеломленные туристы, интригуя рассказами о встречах с фантастическим существом. Наконец его удалось заснять на пленку, и эксперты после анализа обещают поделиться своими соображениями.

Не так давно власти другой провинции – Юннань – предприняли очередные попытки отловить чудовище из глубоководного озера. На протяжении нескольких столетий жители окрестных деревень передают из уст в уста страшные рассказы об огромном животном длиной около 15 метров, с мощной шеей, небольшой головой и пастью, усеянной длинными и острыми зубами. По описаниям, монстр напоминает Несси.

Однажды чудовище опрокинуло лодку с рыбаками и убило троих людей. Четвертый чудом спасся и с берега наблюдал за кровавой тризной «змея». Впрочем, власти категорически отрицают наличие чудовища и всячески запрещают публикации любой информации о нем.

МОНСТРЫ ИРЛАНДСКИХ ОЗЕР

В неисчислимых озерах и болотах Ирландии много раз видели огромных животных неизвестных видов. Мы обсудим

как древние легенды, так и современные сообщения о таинственных монстрах.

Самым известным озерным чудовищем, безусловно, является обитатель озера Лох-Несс, и многие считают «Несси» единственным сохранившимся представителем существ такого рода. Но если этот монстр (или, что более вероятно, семья монстров) действительно живет в озере Лох-Несс, почему бы его сородичам не жить в других подобных водоемах? Согласно сообщениям многих заслуживающих доверия очевидцев, таковые имеются. Полагают, что в некоторых шотландских озерах действительно водятся подобные чудовища – например, Мораг из Лох-Морара. Близ ирландского морского побережья находится великое множество озер, больших и маленьких, и именно там издавна происходили странные встречи. Сообщения о таких событиях поступали не только в двадцатом веке, когда в них можно было бы заподозрить желание использовать модную тему Несси для привлечения туристов. Легенды о злых водяных чудовищах составляют неотъемлемую часть ирландской мифологии. Согласно преданиям, эти водяные демоны внешне напоминали лошадей – отсюда происходит их нынешнее название «конь-утри».

Написанная в XII веке «Книга серого тюленя» повествует об огромном конь-утре, жившем в маленьком, но бездонном озерке Слайв-Мис в графстве Керри. Этот зверь пожирал крупный рогатый скот и даже людей, которых спасали лишь каменные стены крепости, возведенной на берегу озера. По преданию, герой ирландского эпоса Кухулин, однажды ночью оказавшийся поблизости от этого озера, услышал тяжелую поступь чудовища и, несмотря на свою храбрость, так испугался, что в мгновение ока перелез через крепостную стену и очутился вне досягаемости зверя.

Легенды приписывают многим ирландским святым славные подвиги в борьбе против огромных чудовищ. Святой Мочуа из Баллы одолел монстра из графства Коннот, а святой Сенанус и святой Кевин одержали верх в борьбе с чудовищами из Скаттери и Глендалоха. Святой Патрик сумел заманить конь-утря в огромную бочку, а святой Колман из

Дромора успел спасти девушку, которую монстр чуть было не проглотил, застав врасплох, когда та полоскала в озере белье. Великое множество древних сказаний об озерных чудовищах свидетельствует о том, что вера в их существование получила широкое распространение.

Написанная в десятом веке «Книга Лисмора» удивительно перекликается с недавними сообщениями. Незвестный автор явно приукрашивает своего монстра, но некоторые особенности совпадают с данными, встречающимися в отчетах двадцатого века: отталкивающий вид, раздвоенный хвост, способность обитать на суше и в воде, неуловимость (найти и одолеть их могли только святые), внешнее сходство с лошадьми.

Как в Ирландии, так и в Шотландии сохранились предания о водяных лошадях, которые очень походили на настоящих, и люди иногда принимали их за сухопутных лошадей. Легенда гласит, что в графстве Каван водяные кони выходили по ночам из озера Лох-Рамор и паслись на полях, засеянных овсом. Фермеру удалось изловить жеребенка и заставить его работать в поле; но однажды вечером, когда фермер ехал мимо озера, раздалось ржание водяных коней и жеребенок бросился в воду, увлекая за собой наездника, которого никто более не видел. Такая же судьба была уготована юноше, работавшему близ озера Лох-Каох в графстве Литрим, который поймал заблудившегося – так он подумал – коня и стал пахать на нем поле. Однако животное вдруг ринулось прямо в озеро, утащив с собой на дно и борону, и юношу.

Хотя такие истории сомнительны и не могут считаться точным описанием реальных событий, они свидетельствуют о том, что в прошлые века – так же, как и сейчас – монстров часто встречали вблизи озер и что многочисленные рассказы о конеподобных чудовищах имеют под собой реальную основу. В связи с этим следует отметить, что в некоторых сообщениях последнего времени особенно подчеркивается чрезвычайное сходство монстров с конями.

Например, Патрик Каннинг, в 1955 году оказавшийся на озере Шанакивер (графство Голуэй), столкнулся с существом,

которое назвал «замечательным вороньм жеребенком». По словам Патрика, начался дождь и он отправился за ослом, чтобы привести его домой, но метров за двести остановился, увидев, что возле осла кружит черное животное размером с жеребенка. Каннинг обратил внимание на неестественно длинную шею и вполне отчетливо различил голову с торчащими ушами. Заметив человека, странное существо бросилось в воду.

Чудовище из Лох-Мака

В конце прошлого века неизвестное животное видели в озере Лох-Мак (графство Донегол). Рассказывают, что в 1885 году молодая женщина отправилась на озеро собирать болотные бобы. Услышав всплеск, она оглянулась и увидела плывущее к ней чудовище с огромными глазами. Неудивительно, что женщина бросилась прочь со всей расторопностью, на которую была способна.

Этот монстр попадался на глаза людям и в течение нескольких последующих лет — его спинные гребни то и дело бороздили водную гладь. Странность заключается в том, что Лох-Мак недостаточно велик (1,6 км в длину и 800 м в ширину), чтобы долгое время обеспечивать пищей — в ирландских озерах преобладает бурая форель — крупное животное. Кажется невероятным, чтобы огромные монстры смогли выжить при столь скудном питании.

Лох-Абисдиали в графстве Голуэй тоже не отличается большими размерами — всего 1,6 километра на 400 метров. В переводе с ирландского само название означает «озеро чудовища», и предания о водяном коне полностью ему соответствуют. Монстра неоднократно видели в 1854–1856 годах, затем он появился вновь в 1914 году. Три человека, направлявшиеся в церковь в легком экипаже, заметили его, когда проезжали рядом с озером: черное длинношее животное со сплюсненной головой плыло очень быстро, причем над поверхностью временами появлялись еще два изгиба (или горба?), и потому оно напоминало гигантскую змею. В другом случае мужчина видел утреподобное существо, выползавшее из озера.

Кошмарное видение

Вполне допустимо, что чудовища нападали на людей. Об этом упоминается в рассказе Георгины Керберри, которая в 1954 году видела монстра на озере Лох-Фадда (длиной 195 км и шириной до 550 м) в графстве Голуэй, куда приехала на рыбалку с тремя друзьями. Мисс Керберри работала библиотекарем в Клифдене и в шестидесятых годах поведала об этом происшествии охотнику за монстрами Ф.У. Холидею. Когда рыбаки причалили к берегу, чтобы согреть чай и пообедать, один из них обратил внимание товарищей на плывущего к берегу человека. Однако с приближением пловца стало ясно, что это — не человек, а какое-то невиданное существо. Когда до него оставалось всего метров двадцать, рыбаки вскочили и поспешили удалиться от берега.

Мисс Керберри отчетливо помнила открытую «огромную белую пасть» чудовища. Монстр был «отвратительным... червяком», а его тело, «казалось, находилось в непрерывном движении». Голова неведомого зверя, венчавшая длинную шею, поднималась высоко над водой; когда наблюдатели отступили дальше на сушу, существо двинулось в обход скалы, и в этом ракурсе стали заметны раздвоенный хвост и два гребня на спине.

Мисс Керберри пережила такой шок, что потом в течение долгих недель ее мучили кошмары. Конечно, такая реакция неудивительна. Для большинства людей встреча с неизвестным монстром не прошла бы даром. Устрашающая и отвратительная внешность, агрессивные намерения в отношении людей (в чем не оставляла сомнений широко разинутая в сторону очевидцев пасть) — вполне достаточно, чтобы лютого довести до ночных кошмаров. Однако плывущий к наблюдателю монстр представляет не большую опасность, чем корова, идущая к человеку по полю. Вероятнее всего, озерные чудовища тоже относятся к травоядным.

18 мая 1960 года три священника из Дублина отправились на рыбалку на Лох-Ри и видели там длинношее животное с плоской головой, проплывшее всего в девяноста метрах от них. Стоял теплый тихий вечер, и они хорошо

рассмотрели монстра. Голова возвышалась над водой примерно на полметра, шея уходила под воду, а сантиметрах в шестидесяти за ней над водой выступали два горба, отстоявшие друг от друга приблизительно на шестьдесят сантиметров. Две или три минуты священники наблюдали, как животное медленно плыло к берегу. Монстр нырнул, всплыл вновь метрах в тридцати от берега, опять исчез под водой — и более не появлялся.

Нападения монстра

До сих пор мы упоминали описания монстров как длинношеих существ с горбами на спине. Но животное, увиденное на озере Лох-Даб (графство Голуэй) школьным учителем Альфонсом Маллани и его сыном, совершенно не подходит под это описание. Озеро издавна считалось обитаемым неизвестными чудовищами. Три человека видели монстра в 1956 году; 1960 год был отмечен появлением сразу трех животных — одного большого и двух поменьше. В марте 1962 года произошла неожиданная встреча мистера Маллани и его сына с неизвестным существом, о чем первый сообщил в газету:

«После школы мы поработали на болоте, и я обещал взять Альфонса-младшего на рыбалку. У нас была четырехметровая прочная удочка с блесной на окуня или щуку, которыми изобилует Лох-Даб.

Я позволил сыну рыбачить с этой удочкой, а себе взял удочку поменьше и ловил на червя. Однако клева не было. В конце концов я решил, что рыбы в тот вечер наловить не удастся. На всякий случай я взял большую удочку и спустился на отмель.

Вдруг леска дернулась. Подумав, что крючок мог зацепиться за корягу, я слабо потянул — не поддавалось. Немного попятился и потянул сильнее — удочка затрещала. Я был полностью занят неприятной проблемой, когда раздался пронзительный крик сына.

Тут-то я и увидел странное животное — ничего подобного я прежде не встречал. Короткие толстые ноги, морда гиппопотама, маленькие ушки и белый остроконечный рог на

носу. Темно-серый, покрыт короткой щетиной или шерстью, как у свиньи».

Альфонс-младший закричал от страха: монстр проглотил блесну и вынырнул с явно агрессивными намерениями. Отец и сын бросились прочь, Маллани быстро собрал соседей — вооружившись ружьями, мужчины направились к озеру, но никого там не нашли.

В шестидесятых годах двадцатого века встречи с монстрами резко участились — вероятно, этому способствовал рост интереса к озерным чудовищам. Некоторые исследователи посещали ирландские озера, проводили эксперименты, беседовали с местными жителями, видевшими необычных животных. Многие озера малы и разбросаны в малообжитых местах, и потому на их берегах люди появляются очень редко, в отличие от шотландского Лох-Несса, окольцованного автодорогой, по которой патрулируют неутомные глазастые туристы. Ирландских монстров обычно видят лишь местные рыбаки — пришлые люди на отдаленных и малодоступных озерах не появляются.

В июне 1966 года У. Дж. Вуд рыбачил на озере Лох-Аттариф в графстве Корк, когда на поверхности воды в девяноста метрах от берега вдруг появилось длинное темно-коричневое существо. «У него была голова, как у крупного теленка; сверкающие глаза едва выступали над водой». Минуты через две животное нырнуло и больше не появлялось.

В 1967 году тот же Вуд встретил монстра светлой, желто-коричневой окраски: двухметровое животное всплыло всего в нескольких метрах от берега, когда он рыбачил на озере Лакаг в графстве Керри. Местные жители посоветовали исследователю Ф. У. Холидею обратиться к юноше, который рассказал, что испугался до полусмерти, когда увидел странное животное с длинной шеей, маленькой головой и двумя горбами.

Еще одно сообщение касалось озера Лох-Брин (графство Керри), которое расположено в восьми километрах от железной дороги и до которого можно добраться только по плохой проселочной дороге. Монстра видели здесь и в прежние годы; летом 1979 года два фермера встретили суще-

ство, похожее на рептилию, — нечто среднее между гигантским тюленем и мифическим драконом. Черное, как уголь, более трех метров в длину, оно медленно пересекло почти все озеро (около четырехсот пятидесяти метров) и скрылось под водой.

Жаркую полемику о существовании монстров можно было бы легко разрешить, если бы удалось каким-то образом выпнать монстров из облюбованных ими глубин.

ШАМП ПОЯВЛЯЕТСЯ ВНОВЬ

Судя по показаниям очевидцев, у Несси по крайней мере два кузена в Северной Америке. Озеро Шамплейн, 109-мильный водный путь между штатами Нью-Йорк и Вермонт, а также в Квебеке, — родина Шампа, наблюдавшегося более 200 раз и однажды даже заснятого на пленку.

По некоторым данным, французский исследователь XVII века Самюэль Шамплейн увидел странное существо в озере, получившем его имя. Но первое доподлинное свидетельство относится к лету 1819 года, когда лодочник заметил длинношеее существо с головой, высунутой из воды аж на 15 футов; затем последовали схожие описания, и к концу века интерес к озеру возрос настолько, что цирковой импресарио Г.Т. Барнум предложил кругленькую сумму за поимку чудовища — живого или мертвого. Но больше никакой информации не поступало, и люди начали уже сомневаться — а существовал ли вообще Шамп? Но в 1977 году женщина, проводившая отпуск на берегах Шамплейна, сфотографировала нечто вроде головы на длинной шее, высунувшейся из воды. А в 80-е годы власти штатов Вермонт и Нью-Йорк из предосторожности решили ограничить доступ туристов к озеру.

Спустя год появился рассказ свидетелей, которые вспомнили о происшествии, имевшем место за восемь лет до того. Одним из очевидцев был некий Ричард Спир, находившийся вместе с дочерью Сюзанной на верхней палубе парома, направлявшегося к Эссексу, штат Нью-Йорк, и видевший чудовище. Паром в это время проплывал по середине озера.

Вот выдержка из газеты «Плэттсбург вэлли ньюс»: «Существо было темно-оливкового цвета и находилось на расстоянии 90 ярдов (около 80 метров. — Авт.) от берега, и в середине по форме и размерам походило на бочку. Сначала показались два бугра, каждый из них поднимался над водой примерно на четыре фута, и расстояние между ними было примерно таким же».

Когда Спир вручил бинокль 13-летней дочери, та разглядела и голову, которая, по ее словам, походила на лошадиную.

История чудовищ в канадских озерах тянется веками. У индейцев есть легенда о Найтаке, или водяном змее, — полубоге, полудемоне. Они так боятся Найтаку, что, плывя по озеру, задабривают его живыми поросятами и цыплятами, швыряя их в воду. Тот, кто этого не делает, рискует жизнью. И тому есть относительно недавнее подтверждение.

В июне 1977 года некая Сандра Манси видела голову и шею странного зверя, высунувшегося из воды в озере Шамплейн.

Эксперты признали снимок подлинным

В середине 1850-х годов Джон Макдугалл пересекал озеро в каноэ, за ним плыли две лошади, привязанные к лодке веревками. Обычно Макдугалл свято исполнял древний индейский обряд, бросая в воду мелких животных перед тем, как отправляться в путь, но на этот раз почему-то забыл. Как гласит предание, скоро кто-то стал дергать лошадей за ноги и тянуть вниз. Если бы Макдугалл не выхватил нож и не перерезал веревки, то каноэ вслед за лошадьми пошло бы на дно.

В первой из известных исследователям историй о монстре, появившейся в газете «Уатхолл таймс» 9 июля 1873 года, сообщалось, что железнодорожные рабочие, прокладывавшие рельсы вдоль берега озера у городка Дрезден, штат Нью-Йорк, «увидели голову огромной змеи, высунувшейся из воды; она стала приближаться к ним от противоположного берега». Люди были так испуганы, что какое-то время стояли неподвижно, парализованные страхом, но потом кинулись врассыпную. Тогда монстр повернулся и уплыл в озеро. В газете говорилось: «Когда оно быстро уплывало, части его тела, которое казалось покрытым блестящей серебристой чешуей, сверкали на солнце, как полированный металл. Из ноздрей животное время от времени выпускало струи воды — над головой его поднимались фонтанчики высотой 20 футов (6 метров. — Авт.). Голова у чудовища была круглой и плоской, а с нижней части свисал некий капюшон — как прорезиненные шляпы матросов с загнутыми полями, чтобы за шиворот не стекала вода. Глаза у него были маленькие и глубоко посаженные, пасть широкая, в ней виднелось два ряда зубов, очевидцы их хорошо разглядели. Животное двигалось со скоростью десять миль в час, части его тела время от времени показывались над водой, а хвост, напоминавший рыбий, часто выглядывал над поверхностью. На расстоянии четверти мили от берега животное погрузилось в воду».

Через несколько дней после наблюдения возле Дрездена фермеры начали жаловаться на необъяснимые исчезновения скота. Следы и прочие отпечатки говорили о том, что кто-то тащил животных к озеру.

31 июля 1883 года в газете «Плэттсбург морнинг телеграф» появилось сообщение о том, что шериф округа Клинтон, Натан Х. Муни, видел «огромную змею или водяного ужа длиной 25 или 30 футов» (6–10 метров. — Авт.), а с начала лета 1886 ода это существо видели почти ежедневно в самых разных частях озера. Один мужчина, рыбачивший неподалеку от Плэттсбурга, поддел на крючок кого-то, показавшегося ему поначалу громадной рыбой, однако когда голова существа показалась из воды, рыбак и трое его приятелей увидели, что «это было просто жуткое чудовище». Тут леска порвалась и неожиданный улов ушел под воду.

Теперь давайте поговорим о съемке.

В начале июля 1977 года супруги из Коннектикута Энтони и Сандра Манси проводили отпуск в Вермонте. Около залива Сент-Албан, неподалеку от границы с Канадой, они сделали привал, чтобы двое детишек Сандры от первого брака могли поплавать в озере Шамплейн. Пока дети играли в воде, Энтони пошел к машине за солнцезащитными очками и фотоаппаратом.

Спустя несколько мгновений Сандра заметили бурление в воде в 50 метрах от берега, и вскоре на поверхности показалось нечто с маленькой головой, длинной шеей и бутристой спиной. Оно покачивало головой из стороны в сторону, и миссис Манси пришло в голову, что оно похоже на чудовище из доисторических времен.

К этому времени вернулся супруг и тоже наблюдал за животным с растущей тревогой. Он позвал детей, которые не видели монстра, ибо он был у них за спинами, и перебросил фотоаппарат жене, попросив ее сфотографировать существо. Она успела сделать один снимок, прежде чем оно погрузилось в воду. Всего животное находилось на поверхности около четырех минут.

Супруги долго молчали о фотографии, потому что боялись насмешек, и просто поместили ее в семейный альбом. Со временем негатив потерялся. Как-то раз через друзей снимок попал к Джозефу Царцинскому, энтузиасту-криптозоологу, долгое время пытающемуся разгадать тайну Шамплейна. Тот смог подружиться с супругами и начать свое

расследование. Он показал фотографию Джорджу Загу из отдела позвоночных животных при музее естественной истории Смитсоновского института. Заг сказал, что монстр не похож ни на одно из известных животных, обитающих в озере или в округе. Видел снимок и Р. Мэкел, биолог и вице-президент Международного общества криптозоологов. А потом Б.Р. Фриден, сотрудник центра оптических наук университета Аризоны, проанализировал снимок с точки зрения достоверности.

Он убедился, что это не монтаж. Версия о том, что кто-то умело сколлажировал озеро и чудовище, отпала. Характер волн возле чудовища показывал, что они вызваны вертикальным, а не горизонтальным движением — это указывает на то, что предмет всплыл из-под воды, а не передвигался по поверхности, как могло бы быть, если бы муляж тащили на буксире...

Фриден не смог установить размеры чудовища, поскольку на снимке не было четких ориентиров для сравнения. Например, не видно было, где начинается береговая линия, что помогло бы определить размеры предмета и его удаленность от берега. Но океанограф Пол Ле Блон из университета Британской Колумбии нашел другой метод для определения хотя бы приблизительного размера: измеряя длину волн вокруг чудовища. При помощи формулы, учитывающей скорость ветра и расстояние в открытой воде, которое необходимо для ветра, чтобы вызывать волнение, Ле Блон высчитал, что длина волн — между 6 и 13 метрами. Когда он сравнил животное с соседними волнами, оказалось, что его размер равняется двум длинам. Таким образом, находившаяся на водой часть тела не могла быть меньше 6 и больше 26 метров. Короче говоря, размеры были внушительные.

Если это была мистификация, то на ее оборудование строителям пришлось основательно потратиться. И почему миссис Манси ждала столько времени, прежде чем позволить опубликовать снимок? Еще более странно то, что ей удалось сделать только одну фотографию. Четверть века прошло с момента съемки, и до сих пор нет доказательств того, что снимок фальшивый.

В 70-е годы уже упоминавшийся нами Дж. Царцинский организовал бюро по изучению феномена озера Шамплейн. Результаты исследований публикуются в печатном органе Международного общества криптозоологов — бюллетене «Ньюлеттер» и журнале «Криптозоолоджи». По мнению Царцинского, понятие «шамп» объединяет целый ряд животных, одни из которых, вполне возможно, известны науке, но водятся в других местах, а другие просто неизвестны ученым. Поскольку озеро связано с океаном, животные могут покидать его и появляться вновь.

ОГОПОГО, ПОКАЖИ ЛИЧИКО!

Есть что-то схожее между Оканаганским озером в Британской Колумбии, что в Канаде, и шотландским Лох-Нессом. Оба они длинные и узкие и находятся примерно на одной и той же широте. И известны они благодаря своим чудовищам.

Самое знаменитое канадское чудовище Огопото сделал его первый выход на публику задолго до Несси. В 1926 году, за годы до того, как Несси привлекло к себе всеобщее внимание, Рой Браун, редактор газеты «Ванкувер сан», писал: «Слишком много достойных людей видели его, чтобы игнорировать значимость подлинных фактов».

Точно так же, как есть свидетельства о появлении Несси до 1930 года, архивные записи об Огопото существуют с 1872 года, а показания очевидцев не прекращаются и до наших дней.

Говорят, что животное это составляет тридцать-сорок сантиметров в диаметре и четыре-шесть метров в длину. Форма головы варьируется от лошадиной до козлиной. Часто упоминают сходство чудовища с бревном.

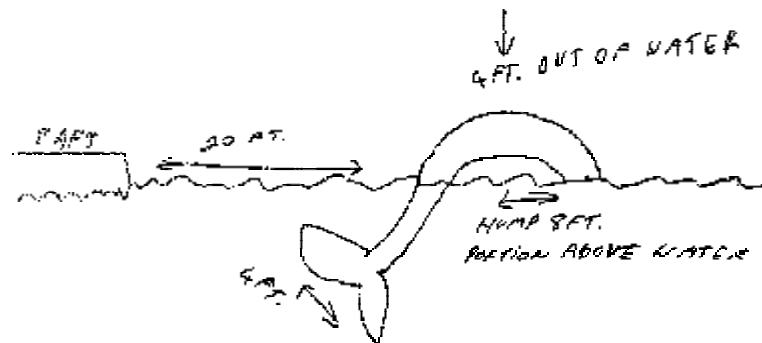
Американский криптозоолог Рой Мэкел считает, что «в озере Оканаган обитает маленькая популяция водных животных, питающихся рыбой». Сначала Мэкел предположил, что в озере Оканаган обитает тот же вид, что и в Лох-Нессе, но после тщательного изучения имеющейся в его распоря-

жении информации пришел к выводу, что животное должно быть из рода примитивных китов – *Basilosaurus cetoides*: «Обычно внешний вид базилозавров почти совпадает с бревновидной формой «огопogosа». Мэкел описывает Огопого как примитивного кита в своей книге «В поисках таинственных животных».

В Оканаганской долине до сих пор сохраняется много индейских резерваций. Индейцы верят, что маленький пустынный остров Рэттлснэйк (Гремучих змей) – прибежище чудовища из озера Оканаган. Индейцы называли его Нха-атик, и по сей день существуют рисунки в виде значков – пиктограммы, которые изображают чудовище близ истоков ручья Паэрс. Другие легенды включают историю о злобном Чайнуке и «великом озерном звере». Кроме Нха-а-тика, также иногда рассказывали и об озерном змее.

Древние обитатели этого района считали чудовище злобным духом. Индейцы утверждали, что на скалистые берега острова Чудовищ часто выносило останки животных, которых растерзали чудовища.

Согласно материалам, сохранившимся в местных архивах, индейцы, пересекая озеро во время плохой погоды, всегда брали с собой маленькое животное, чтобы

Мисс Кларк сделала набросок чудовища, которого она наблюдала и даже коснулась, купаясь в озере Оканаган, Британская Колумбия, Канада, в 1974 году

сбросить его за борт на середине озера – для задабривания монстра.

Преподобный Аптон в «Истории оканаганской миссии» писал, что индейцы никогда не рыбачили рядом с мысом Скволли. Когда в районе поселились европейцы, они тоже стали опасаться подводного чудовища и также принялись задабривать Огопого. По словам специалиста по Огопого Ариен Гаал, вооруженные поселенцы одно время даже патрулировали берег на случай нападения чудовища!

В 1914 группа индейцев из долины Николь и с Западного берега обнаружила напротив острова Гремучих змей разлагающуюся тушу неизвестного животного – полутора-двух метров в длину и весом примерно в 160 килограммов, она было серо-синего окраса. У него был хвост и плавники, и натуралист-любитель сначала подумал, что это ламантин. Никто не знал, как такое животное оказалось в озере, а специалист по озерным чудовищам Питер Костелло выдвинул гипотезу, что это были останки Огопого, поскольку «все в этом млекопитающем с плавниками, широким хвостом и темным окрасом совпадает с тем, что мы так ожидали увидеть. Но туша настолько испортилась, что длинная шея уже сгнила».

Также нашли следы Огопого. Некоторые были бесформенны, другие – в форме банки, третьи походили на отпечатки лап динозавра с тремя пальцами, четвертые же были сделаны мягкой лапой с восьмью пальцами. Как пишет доктор Мэкел, «проблема с отпечатками состоит в том, что их мог подделать кто угодно».

Уховерткой мать его слыла...

Название Огопого некоторых может навести на мысль, что это индейское слово, однако есть свидетельство его современного происхождения. По словам Мери Мун, автора книги «Огопого: Тайна Оканаганского озера», в 1924 году местный житель Билл Бримблком переложил на популярную британскую мелодию песню-пародию и спел ее в клубе «Ротари» в Верноне – городе в северной части Оканаганской долины.

Огопого я ищу.
Его мать была бараном,
А отец его – китом.
Как найду, намажу салом под хвостом.

Роберт Колумбо в своей книге «Загадочная Канада» отмечает, что все помешались на прыгающем человечке Пого, с тех пор как он стал продаваться в 1921 году, и это внесло свою лепту в название чудовища.

По словам Ариен Гаал, автора книги «Огопого: Настоящая история чудовища из Оканаганского озера ценой в миллион долларов», репортер из газеты «Ванкувер провинс» по имени Рональд Кенвин позже написал пародию на популярную британскую песенку, в которой, в частности, были следующие строки:

Уховерткой мать его слыла.
Женщиной кита была.
Уродился у них сын – безголовый и бесхвостый,
Огопого – зверь несносный.

Благодаря этим песням имя Огопого закрепилось, а индейское название было напрочь забыто всеми, кроме самих охотников за чудовищем...

Хотя Огопого и не приобрел известности Несси, это животное все же часто вызывало шум в международной прессе. Охотники за чудовищами со всех сторон света приезжали сюда в надежде выследить его, поэтому описано достаточно много встреч, даже, может быть, больше, чем в случае с Несси. Многочисленные свидетельские рассказы были почти лишены противоречий.

16 сентября 1926 года Огопого наблюдали люди из окон около 30 автомобилей на берегу Оканаганской миссии. Немногих чудовищ видело сразу так много людей! Свидетельства о встречах с Огопого разных лет нуждаются в тщательном изучении. Например, появление Огопого 2 июля 1947 года, когда несколько лодочников одновременно ви-

дели чудовище. Один из свидетелей, некий мистер Крэй, так описывает животное: «Длинное извивающееся тело 30 футов (9 метров), состоящее примерно из пяти изгибов, очевидно, разделенных друг от друга расстоянием в 2 фута (60 см), т.к. эта часть изгибов была под водой... У него был раздвоенный хвост, который только наполовину вылез из воды. Время от времени все это уходило под воду, а потом снова всплывало».

17 июля 1959 года мистер и миссис Мартен явились свидетелями появления громаднейшего животного со змеиной головой и притупленным носом, которое плыло около ста метров за их моторной лодкой на Оканаганском озере в Британской Колумбии. Они наблюдали неизвестное животное больше трех минут, после чего оно ушло под воду.

Сравнительно недавно, летом 1989 года, проводник охотников-любителей Эрни Гирокс со своей женой стоял на берегу Оканаганского озера, когда из совершенно безмятежной пучины всплыло необычайное животное. «Оно было около 5 метров длиной и плыло очень грациозно и быстро», – поведал Гирокс прессе. Гироксы утверждали, что видели животное с круглой головой, «как футбольный мяч». В какой-то момент несколько десятков сантиметров шеи и тела животного появились из-под воды. Гироксы наблюдали чудовище на том же самом месте, где в июле 1989 года продавец автомобилей из Британской Колумбии Кэн Чаплин снял нечто, что он описал как змеиноподобное существо около 5 метров в длину темно-зеленого окраса. У тех же, кто просматривал видео Чаплина, появилось ощущение, что это, вероятно, был просто бобр. Правда, такое мнение сложилось не у всех видевших его фильм.

«Я видел много плавающих диких животных, и то, что мы видели, был совсем не бобр», – решительно заявил один из местных жителей.

Гирокс попал в хорошую компанию. Чудовище наблюдали более 200 людей с хорошей репутацией, среди которых были священник, морской капитан, хирург, офицеры полиции и т.п. То, что свидетели чаще всего люди с хорошей репутацией, часто упоминается в отчетах. Есть многочислен-

ные фотографии Огопого, среди которых – снимок Парментера 1964 года, снимок Флетчера 1976 года, снимки Гаал 1978, 1979 и 1981 годов, снимок Уочлина 1981 года, снимок Свенсона 1984 года.

Уже набралось около полусотни фильмов и видеотрывков о живом объекте на озере Оканатан, но не один из них не является достаточно убедительным.

Что решит загадку Огопого? Только поимка животного или обнаружение его останков приведут к тому, что оно попадет в список животных, известных науке. Если Огопого и существует, то пока он совершенно неуловим. Пока нет такого доказательства, которое могло бы поставить точку в загадочной истории первого озерного чудовища Канады.

НЕ БЕЙТЕ ЧУДОВИЩ ВЕСЛОМ!

Офицер-таможенник по рыболовному досмотру Рагнар Бьеркс проверял удостоверения на право ловли на шведском озере Сторсьен, когда с ним чуть не случился удар. Из совершенно спокойных вод рядом с 4-метровой лодкой Бьеркса неожиданно появился огромный хвост. Огромное животное, которое последовало за собственным хвостом, было длиной около 6 метров, серо-коричневого окраса на спине и с желтым брюхом. Когда чудовище поравнялось с лодкой Бьеркса, он ударил его веслом по спине. Вздвогнув, животное ударило хвостом по воде, и лодку подбросило на три метра. «Я никогда не верил, что в озере Сторсьен обитает чудовище... но теперь я в этом уверен», – заявил ошеломленный чиновник.

Большое неизвестное животное наблюдали на озере в течение 350 лет. С 1987 года Общество по расследованию тайны озера собрало около 400 свидетельств о «Сторсбодьорет», как шведы называют это чудовище.

Точного описания животного нет. Некоторые свидетели упоминают большую шею, извивающуюся спину, гриву, похожую на лошадиную. Другие видели большое червеобразное существо с отчетливо просматривающимися ушами. Размер животного колеблется от 4 до 12 метров в длину.

Как и в случае с лохнесским чудовищем, одна из теорий гласит, что во время ледникового периода, 15 000 лет назад, группа чудовищ попала в ловушку и не смогла выбраться из озера.

Примечательно, что места обитания подобных существ имеют общие черты: животных находят в озерах или реках, которые либо вливаются в море, либо впадали туда в прошлом, и такие водоемы населены или раньше были населены мигрирующей рыбой. В большинстве случаев эти озера глубокие и холодные.

«ЧЕРТ» ИЗ ЯКУТСКИХ ОЗЕР

Впервые мировая общественность узнала о таинственных животных в якутских озерах из дневника геолога Виктора Твердохлебова, опубликованного в журнале «Вокруг света» в 1961 году. В один из вечеров на озере Ворота он наблюдал неведомое существо.

«...Это было что-то живое, какое-то животное. Оно двигалось по дуге: сначала вдоль озера, потом прямо к нам. По мере того как животное приближалось к нам, странное ощущение, от которого холодеет внутри, охватывало меня. Над водой чуть-чуть возвышалась темно-серая овальная туша. На ее фоне отчетливо выделялись два симметричных белых пятна, похожих на глаза животного, а из тела его торчало что-то вроде палки... Может быть, плавник? Мы видели лишь небольшую часть животного, но под водой угадывалось огромное массивное тело. Об этом можно было догадаться, видя, как чудовище двигается: тяжелым броском, несколько приподнимаясь из воды, оно бросалось вперед, а затем полностью погружалось в воду. При этом от его головы шли волны, рождавшиеся где-то под водой. «Хлопает пастью, ловит рыбу», – мелькнула догадка... Перед нами был хищник, без сомнения, один из сильнейших хищников мира: такая неукротимая, беспощадная, какая-то осмысленная свирепость чувствовалась в каждом его движении, во все облике. В ста метрах от берега животное остановилось. Оно вдруг

сильно забилося на воде, поднялись волны, и никак нельзя было понять, что происходит. Прошла минута – и животное исчезло, нырнуло. Только тогда я вспомнил о фотоаппарате... Прав был якут-рыбак, у животного расстояние между глаз действительно было не меньше плота из 10 бревен...»

После сенсационной публикации дневников, в 1962 году якутские озера посетила еще одна экспедиция – на этот раз ихтиологов под руководством доктора биологических наук Ф.Н. Кириллова. Исследователи дважды обошли озеро Лабынкыр на плоту, спускались под воду, но ничего не обнаружили. Поскольку эта экспедиция снаряжалась Якутским филиалом Сибирского отделения АН СССР, то и выводы были сделаны в духе академических традиций: там ничего нет (ни одно животное не может обходиться сутками без воздуха и обязательно себя обнаружит), Твердохлебов мог и ошибиться, но... возможно, в озере кто-то и живет. Скорее всего, щука. Не случайно село, возле которого горные реки, сливаясь, образуют Индигирку, называется Щучье (по-якутски – Сордоннох). Ходят легенды, что на берегу озера Ворота находили такие челюсти щуки, что если их поставить на землю, то под ними мог проехать всадник на олене, как в ворота – не отсюда ли название озера?!

Кстати, гигантские щуки, видимо, водились во всех реках бассейна Индигирки. Г. Майдель, сто лет назад путешествовавший в этих краях, писал о крупном озере Ожогине, которое соединяется с Индигиркой виской (узкой протокой): «От жителей можно услышать страшное сказание о том, что в нем нельзя плавать из-за существования громадной величины щук, которые, выскакивая из воды, хватают отважного пловца из ветки (лодки) и увлекают его в глубину».

– Можно и серьезного исследователя Майделя назвать собирателем сказок, – пишет в книге «Оймяконский меридиан» Анатолий Панков. – Но вот и в наши дни я услышал подобные же истории. Работник совхоза «Силиннихский», центр которого расположен на притоке Индигирки, молодой эрудированный специалист, узнав о моем пристрастии к водным путешествиям, предложил себя в качестве спутника.

– По Силинниху поплывем? – полушутя спросил я.

– По Силинниху?! На брезентовой байдарке? Да там такие щуки водятся, что или байдарку пропорют, или самого вытащат из лодки. Сколько было случаев, когда щуки за ноги хватали. Такой они величины – страшно подумать...

А в низовье Индигирки один бульдозерист рассказывал мне, как он застрелил щуку. Увидел в озере какую-то страшную морду, пальнул, рыба кверху брюхом. Длина щуки оказалась около четырех метров. Вся замшелая, зелено-бурая, дряблая, как вата. Шутка ли: может, она лет сто, а то и двести прожила...

Но вернемся в прошлое. Вскоре в журнале «Природа» появилась статья Толстова, который утверждал, что Твердохлебов видел огромного сома длиной метров в пять и он показался испуганным людям чудовищем. Другой специалист, Сергей Клунов, написал, что сомов в этих местах никогда не водилось...

В 1963 году на озеро Ворота отправляется еще одна специально снаряженная экспедиция (но – любительская!) из Дубны. Три раза ее члены видели в светлую лунную ночь всплывающий из озера крупный предмет, но не более того.

15 июля 1964 года газета «Волжский комсомолец» сообщила, что на плато Сордоннох отправляется новая группа исследователей: всего 18 человек, в число которых вошли геоморфолог, врач, геофизик, радист, журналист газеты и оператор куйбышевского телевидения. Возглавил экспедицию студент-энтузиаст П. Молотов. «Мы несколько раз наблюдали длинный прямой или извилистый след, который мог оставить за собой плавник огромной рыбы или зверя, – рассказывал после возвращения Молотов. – Судя по размерам, этот след принадлежал очень крупному животному. Мы подсчитали скорость, с которым оно двигалось: вышло не менее 50 км в час. Некоторые свидетели подтверждали, что видели животное в обоих озерах: в Воротах и Лабынкыре». Молотов сделал вывод, что животные существуют в озерах автономно, что не соответствовало версии Твердохлебова о том, что одно-единственное кочует из одного озера в другое.

Теперь о событиях на озере Хайър. Николай Гладких, член биологического отряда Якутского филиала Академии наук СССР, отправился рано утром к озеру за водой. Видение возникло внезапно: На берег выползло странное чудовище. «Маленькая голова на длинной лоснящейся шее, огромное тело с иссиня-черной кожей, вертикально торчащий спинной плавник», — так рассказывал ошеломленный неожиданной встречей очевидец товарищам, которые прибежали на его крики. А чудовище тем временем скрылось в глубинах озера, и лишь волна, пробежавшая по поверхности воды, да примятая трава свидетельствовали о том, что здесь произошло.

Вскоре хайърское чудовище вновь напомнило о себе, всплыв в нескольких сотнях метров от группы наблюдателей. «Неожиданно на середине озера появилась голова, затем плавник на спине, — вспоминал заместитель начальника Северо-Восточной экспедиции МГУ Григорий Рукосуев. — Длинным хвостом существо било по воде, отчего по озеру расходились волны».

У жителей небольшого якутского села, расположенного неподалеку от озера, Рукосуеву удалось выяснить, что странные всплески и глухие звуки — не редкость на Хайьре. Якуты давно приметили таинственного обитателя водоема и окрестили его «чертом». Много десятилетий назад на берегу озера была найдена огромная челюсть щуки, в которую, не стибаясь мог войти пятилетний малыш. Не гигантская ли щука шалит в озере?

Весьма кстати оказались воспоминания известного полярного штурмана Валентина Аккуратова. В 1939–1940 годах ему приходилось летать над этими местами. Однажды с высоты 700–800 метров он и Герой Советского Союза летчик Иван Черевичный заметили в озере два длинных темных пятна, которые им показались живыми существами. Снизившись до 50 метров, пилоты отчетливо разглядели крупные тела неизвестных животных, которые, испугавшись шума самолета, скрылись в глубине.

Каким же путем в маленьком замкнутом водоеме, длина которого всего 600 метров, ширина — 500, а глубина не пре-

вышает 10 метров, могли оказаться плезиозавры, вымершие более шестидесяти миллионов лет назад? Энтузиасты существования считающихся вымершими животных выдвигают следующую версию.

Когда-то на месте тундры плескалось море. Когда оно отступило и началось оледенение, ископаемые животные, обитавшие в его прибрежных водах, впали в спячку, продолжавшуюся целую вечность. Через миллионы лет растаявшие льды освободили их из плена, и они ожили в прогретых водах озера Хайър, как те же заполярные амфибии-углозубы, которых немало находят в Якутии и Магаданской области на глубине двадцати метров, в толще тысячелетних льдов.

Противники этой гипотезы считают, что неизвестные современной науке крупные животные могут жить лишь в глубоких водоемах, забывая при этом, что в древности гигантские рептилии обитали в основном на мелководье. Серьезными представляются замечания скептиков о недостаточной кормовой базе: каждое животное весом не менее тонны должно поглощать десятки килограммов рыбы ежедневно. Сможет ли небольшое озеро воспроизвести столько корма? Возражая им, можно заметить, что водное животное в состоянии покоя расходует мало энергии и поэтому нуждается в относительно небольшом количестве пищи. К тому же вполне реально предположить, что при температуре воды в два-три градуса (такой она остается в Хайьре большую часть года) жизненные процессы у животных замедляются и они впадают в спячку. А сколько она может продолжаться — никому не известно.

Осенью 1999 года на родине якутской Несси побывала экспедиция «Космопоиск». Поиски гигантских животных она проводила сразу в нескольких озерах: Мертвое, Лабынкюр, Красное (Магаданская область и Якутия-Саха), а также в озерах европейской части России. Холодное время года вблизи полюса холода было выбрано не случайно. «По нашему мнению, — рассказывает Вадим Чернобров, — места периодических появлений гигантского животного легче заметить именно по большим промоинам во льду, ведь оно, живот-

ное, обязано заботиться о промоинах, чтобы не умереть подо льдом от удушья. Поскольку летом засечь животное на пленку мы так и не смогли, так как водоем огромный, то у нас был бы шанс сделать это, устроив засаду у одной-единственной здешней лунки. Причем о приближении чудовища к лунке мы бы узнали заранее с помощью эхолота. Посоветовавшись в Москве с бывальыми людьми, долгое время жившими в Якутии, определили время экспедиции – октябрь-ноябрь. К сожалению, реальность оказалась сложнее. Все озера действительно замерзли, но не Лабынкыр и Ворота. Планы пришлось менять на ходу. Вместо лоцирования через лунку подобрали брошенную старую лодку и вели исследования с нее. В итоге на глубине 39 метров были обнаружены один наклонный подводно-подземный ход и два вертикальных хода, причем как минимум один соединяет озеро с каким-то соседним водоемом, возможно, с озером Ворота. Рыбы в озере эхолот засек много, но рядом с ходами не было обнаружено ни одной: вся толща воды в радиусе сотен метров оказалась безжизненной.

Неподалеку от подводных гротов на берегу были обнаружены непонятные следы. Странные. Вмятин на гальке практически нет, но я обратил внимание на ледяные наросты – следы от воды, стекавшей с выползшего на берег тела. Судя по ширине полосы наледей, можно сделать заключение, что ширина тела животного была где-то около 1–1,5 метра. Итак, что-то выползло на берег и уползло обратно. Судя по величине натеков, оно было на суше не более минуты. Могут утверждать это после того, как попробовал на таком морозе получить на камнях подобные наледи.

.. Именно рядом с этими следами в ночь с 26 на 27 октября бесследно пропала наша лайка, – продолжает свой рассказ В. Чернобров. – Она добровольно легла стеречь на берегу лодку и наутро исчезла. Собачьих следов, идущих от лодки, и любых иных следов рядом с местом происшествия не было. Отойти, не оставляя следов, лайка могла только в одну сторону – к воде, но в том-то и дело, что накануне к воде она панически боялась подходить. Как мы ее, голодную, днем ни заманивали салом, но к спокойной, без волн,

поверхности воды она не подходила ближе полутора метров, притом что уже в 2–3 метрах от воды набрасывалась на сало...»

Кроме этого происшествия, члены экспедиции засекли в глубинах водоема два движущихся объекта. Один из них имел в длину 18, другой – 3–5 метров. Скорость движения была соответственно 4–5 и 6–7 км в час.

У Вадима Черноброва имеются свои версии выживания чудовища в экстремальных условиях и собственные «кандидатуры» на «пост» якутской Несси. Среди них – так называемые «водяные мамонты», которых замечали еще во времена Ермака. Еще – выжившие плезиозавры, приспособившиеся к полярным условиям. Далее – посланцы пришельцев из аномальных зон. И последнее – хрономиражи, возникающие изображения вымерших животных, подобно сценам битв и «Летучим голландцам».

ПОИСКИ ЧУДОВИЩА В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Впервые это загадочное существо видели в системе озер Селигер еще в середине XIX века. Даже есть документальное свидетельство: в архиве Твери хранится письмо, датированное августом 1854 года: «В глубоких частях системы озер Селигер, или, возможно, лишь только в изображении людей, обитает монстр огромных размеров...» Так что же озерное чудовище – плод воображения? И вот в 1996 году снимки и сообщения очевидцев феномена заполнили тверские газеты.

Так, одна из местных жительниц, пожилая женщина, заметила в воде озера какой-то необычный большой предмет, вначале показавшейся ей бревном. Но, всмотревшись получше, она разглядела огромную чешуйчатую голову с единственным глазом. Существо напоминало одновременно и рыбу, и змею. А семилетний мальчуган из туристского кемпинга, расположенного на берегу озера, прибежал к родителям, возбужденно крича о том, что увидел в воде самого настоящего дракона. Взрослые немедленно устремились на берег с фотоаппаратом. Так была сделана един-

ственная фотография монстра, которую перепечатали все местные газеты. Однако на снимке видна лишь панорама озера с темным объектом, плавающим на переднем плане. Детали рассмотреть трудно. Тем не менее нашлись и другие очевидцы. С их помощью удалось нарисовать примерный портрет чудовища: оно выглядело как зубастая рептилия длиной около 5 метров.

После публикации на озеро прибыла группа столичных журналистов. Но они так и не смогли обнаружить никаких следов монстра. И все же палеонтологи Николай Диков из Твери и Людмила Большакова из Москвы, сделавшие попытку исследовать феномен, считают, что ставить в этом деле точку рано. Как выяснилось, в тех местах уже давно ходят слухи о неведомом чудовище, время от времени всплывающем на поверхность озера. Кстати, среди населения окрестных деревень одно время даже царила самая настоящая паника — люди боялись, что животное выйдет из воды и будет заползать в дома...

СОБРАТ НЕССИ ОБНАРУЖИЛСЯ В ВОЛГЕ?

Тридцатилетний житель Новокуйбышевска Андрей Смирнов долго отказывался рассказывать эту историю: «Боюсь, засмеют, будут спрашивать, сколько перед этим выпил». Но потом разговорился...

— Мы часто приезжаем с друзьями в район пристани Шелехметь, чтобы порыбачить, — рассказывал Андрей. — Приехали, заночевали в палатке. В четыре утра я встал, чтобы порыбачить на утренней зорьке. Ребята подниматься в такую рань отказались. Мотор не заводил, отошел от берега метров на сто и бросил якорь. На червя бойко клевал подлещик, попалось и два язя по килограмму, и я уже заранее предвкушал, как буду хвастаться перед товарищами-сонями.

И тут мое внимание привлекли толчки в корму лодки. Что такое? Чертыхаясь, осторожно перебрался на корму и выглянул за борт. В темной воде я увидел, что железного

борта лодки касается что-то длинное и довольно толстое, диаметром в две руки. «Полузатопленное бревно, — решил я. — надо отогнать, а не то, не дай Бог, дыру пробьет». Но едва я дотронулся веслом до этого предмета, как «бревно» вдруг зашевелилось, слегка приподнялось из-под лодки, и я, к своему ужасу, увидел на конце его змеиную голову с немигающими глазами! Мы смотрели друг на друга несколько секунд, а потом таинственное существо без всплеска снова погрузилось в воду и, по-змеиному изгибаясь, ушло на глубину.

Какая тут рыбалка! Не помню, как догреб до берега и добежал до палаток.

К моему рассказу о чудовище ребята отнеслись скептически. Правда, один вспомнил, что старые рыбаки рассказывали байки об огромных змеях и диковинных рыбах, якобы попадающих в Волгу то ли из Черного, то ли из Балтийского морей. А потом, дома, я наткнулся на фото чудовища из озера Лох-Несс. Между прочим, если взять только верхнюю часть рисунка, шею Несси без туловища (его по причине утренней полутьмы я в воде не различил), то будет очень похоже на моего «визави». Я видел часть змеевидного тела длиной от трех до четырех метров, в диаметре сантиметров двадцать, темного цвета, со змеиной головой. Ни на одну из известных мне рыб это существо не похоже, а я за свою жизнь видел и крупных щук, и белуг, и осетров...

Интересно послушать, что думают по этому поводу ученые, тем более уроженцы тех мест. Слово кандидату биологических наук, доценту Самарского педагогического университета Анатолию Виноградову.

— Это далеко не первое сообщение о неведомых гигантских существах, которых рыбаки встречают в Волге. Однако очень крупных размеров могут достигать и щуки, и сомы. В частности, в литературе описаны щуки в рост человека, а сомы и вовсе до пяти метров. Но рассказчик уверяет, что ни на одну из этих рыб существо похоже не было, хотя голову сома, особенно в полутьме, нетрудно перепутать со змеиной. Но даже если это был не сом, аналог из числа известных науке рыб увиденному Андрею «змею» найти можно. Речь

идет о речном угре, который для Волги является очень редким обитателем, но по системе каналов регулярно заходит в наши воды из бассейна Балтийского моря. Правда, нигде в литературе не упоминаются речные угри с длиной тела более двух метров...

В связи с этим можно предположить, что в Волге каким-то образом оказался так называемый гигантский речной угорь — рыба, которую никто из гидробиологов пока еще не встречал во взрослом состоянии. Как известно, личинки обычного угря бывают не более десяти сантиметров в длину, но гидробиологи в Саргассовом море регулярно ловили личинок размером до полуметра и более. Следовательно, угорь, который должен вырасти из такой личинки, может иметь длину тела более 10 метров! Это уже похоже по размерам на то существо, которое рыбак видел в Волге.

Что касается предположений, что где-то в глубине волжских водохранилищ сохранились реликтовые пресмыкающиеся, то самарские ученые такой вероятности не отрицают. Можно предположить, что у них есть какие-то подводные убежища, пещеры, где они до сих пор прячутся от исследователей. Волга на территории Самарской области изобилует береговыми гротами — как надводными, так и подводными. Так что подводному гиганту есть где спрятаться.

МОКЕЛЕ - МБЕМБЕ И ДРУГИЕ ЖИВЫЕ ДИНОЗАВРЫ АФРИКИ

Мировая печать сообщила о нем впервые в начале 60-х годов. На страницах газет и журналов появились заголовки «Охота на мокеле-мбембе», «Еще одна Несси», «Последний бронтозавр» и другие. Мнения ученых тут же разделились. Большая часть с уверенностью сказала «нет», не приводя, впрочем, доказательств своей правоты. Другие промолчали. Третьи взялись за поиски.

Эту необыкновенную историю можно было бы начать с событий последних лет, но мы вернемся на сто лет назад, ко времени, когда...

...Когда 3 июня 1887 года немецкий профессор Роберт Колдевей, заглянув на пару дней на место раскопок Древнего Вавилона, подобрал с земли осколок старого кирпича. Одна из поверхностей его была покрыта ярко-голубой глазурью и содержала фрагменты изображения, очень его заинтересовавшие. Ученый, вероятно, надеялся сделать археологическое открытие, но даже и не мечтал о том, что оно окажется настолько важным. И уж наверняка не знал, что оно породит археологическую головоломку, которая и сегодня интригует нас не меньше, чем 50 лет назад.

Как бы там ни было, профессор вернулся на место раскопок только через 10 с лишним лет. На этот раз последние три дня 1897 года он посвятил раскопкам новых покрытых глазурью кирпичей. Администрация королевского музея в Берлине и Германского восточного общества наметнула ему, что располагает средствами на раскопки в Вавилонии при условии, что можно ждать интересных результатов. Привезенные профессором из второго путешествия трофеи смогли удовлетворить даже этих господ-домоседов.

Мэкел осматривает предполагаемый след мокеле-мбембе

Все вышло как по-писаному. «Раскопки начались 26 марта 1899 года на восточной стороне Касра, к северу от врат Иштар», писал впоследствии Колдевей. Позднее, в 1902 году, на свет вновь появились врата царицы Иштар, долгие века прятавшиеся под толщей земли. Частично разрушенные, они тем не менее выглядели очень внушительно. Ворота Иштар — громадная полукруглая арка, ограниченная с боков гигантскими стенами и выходящая на довольно длинную дорожку для шествий, вдоль которой справа и слева также тянулись стены. Построено все это из кирпича, покрытого яркой голубой, желтой, белой и черной глазурью. Для пущего великолепия стены ворот и дорожки покрыты барельефами необычайной красоты, изображающими животных в позах, очень близких к естественным. Ряды степенно шествующих львов украшают стены дорожки. Стены ворот сверху донизу покрыты перемежающимися рядами изображений двух других животных. Одно из них — мощный бык свирепого вида, второе... вот тут-то и начинается зоологическая головоломка.

Обычно это второе животное называют вавилонским драконом, и это тот же самый зверь, который фигурирует под таким же наименованием в Библии. В клинописных надписях сохранено его вавилонское название — сирруш. Мы его и оставим, хотя существуют некоторые сомнения по поводу его правильного произношения.

Вот как описывает Колдевей размеры врат Иштар: «Ряды кирпичей идут один над другим. Драконы и быки никогда не встречаются в одном горизонтальном ряду, но ряд быков следует за рядом сиррушей, и наоборот. Каждое отдельное изображение занимает по высоте 13 кирпичей, а промежуток между ними составляет 11 кирпичей. Таким образом, расстояние от низа одного изображения до низа другого равно 24 кирпичам, или почти двум метрам, то есть четырем вавилонским элам».

Всего на воротах около 575 изображений зверей.

Сооружение впечатляет, и не удивительно, что царь Навуходоносор, который перестраивал ворота Иштар, очень гордился ими. Когда работы завершились, он составил над-

пись, которая была сделана клинописью и выставлена на всеобщее обозрение. С присущим той эпохе отсутствием скромности надпись сообщала в своих первых строках: «Я — Навуходоносор, царь вавилонский, благочестивый принц, правящий по воле и благоволению Мардука (Верховного бога вавилонян), высший правитель Города, любимый Небо (сыном Мардука, верховным богом соседнего города Ворсиппа), хитроумный и неутомимый... всегда пекущийся о благополучии Вавилона, мудрый первородный сын Навополасса-ра, царя вавилонского...»

Далее в надписи сообщается, что из-за постоянного повышения насыпи для дороги, ведущей в Вавилон, высота ворот все время уменьшалась, и в конце концов Навуходоносор приказал полностью перестроить их. Все это подтверждается археологическими находками, и у нас нет оснований сомневаться в верности или подлинности надписи, которая случайно оказалась не совсем законченной. В надписи не обойдены вниманием и изображения животных.

«Свирепые быки (в оригинале они названы «рими») и мрачные драконы начертаны на дворе врат (имеются в виду стены), чем я сообщил вратам великолепию чрезвычайное и роскошное, и род людской может взирать на них в изумлении».

Род людской и правда в изумлении взирал на них долгие века. А ныне, после раскопок и перестройки, смотрит снова. И изображения рими (или ре'ем) даже копируют в других местах. В Древней Греции тоже хорошо знали врата Иштар, но там их предпочитали называть вратами Семирамиды.

Разумеется, в те дни никого не волновала зоологическая достоверность. Львы на стенах дорожки были львами, туры на воротах — турамы, даже несмотря на несколько необычный вид; а детали, которыми мастеровые Навуходоносора считали нужным украсить изображенные ими чудовища, никому не мешали. Они иногда рисовали орлов с бородатыми человеческими лицами и других чудищ-гидридов. Короче говоря, изображения сирруша не вызывали удивления.

Барельефы сирруша имеют очень четкий контур и изображают узкое туловище, покрытое чешуей, длинный и тон-

кий чешуйчатый хвост и такую же длинную и тонкую чешуйчатую шею со змеиной головой. Пасть закрыта, но из нее высовывается длинный раздвоенный язык. На затылке видны кожистые уши, украшенные прямым рогом, служащим также и оружием. Возможно, что рога там два, поскольку на изображении тура-римми виден тоже лишь один рог. «Очень примечательно, — пишет Колдевей, — что, несмотря на чешую, животное имеет шерсть. Рядом с ушами с головы ниспадают три спиралевидные пряди, а на шее, там, где должен быть гребень ящерицы, тянется длинный ряд вьющихся локонов».

Но самая примечательная деталь — лапы. Передние похожи на лапы животного из семейства кошачьих (скажем, пантеры), а задние — на птичьи. Они очень большие, четырехпалые, покрыты крепкой чешуей. И вопреки сочетанию столь разных деталей сирруш выглядит как живой, во всяком случае, совсем как изображенный рядом с ним римми, если не более естественно.

Раскопай кто-нибудь врата Иштар на 100 лет раньше, это сочетание разных лап могло бы считаться достаточным

Есть мнение, что плоды линдольфии — основная пища мокеле-мбембе

доказательством тому, что волшебная змея — не более реальное животное, чем крылатые быки и птицы с человеческими головами из ассирийской и вавилонской мифологии. Но за сто лет Жорж Кювье успел стать отцом палеонтологии, профессор Марш в Америке завоевал титул «отца динозавров», да и сами взгляды на биологическую науку претерпели огромные изменения. Палеонтологи открыли ископаемых животных, «щеголявших» неправдоподобно длинными шеями и хвостами, имевших громадное туловище и маленькую голову или змеиную головку, увенчанные рогами (а может быть, имели и раздвоенные языки, хотя они, увы, не сохраняются в виде окаменелостей). Нашлись даже такие виды, которые никак не могли выбрать, что лучше — ходить прямо или на четырех конечностях. Вероятно, они использовали то один, то другой способ передвижения попеременно, в зависимости от обстоятельств.

Соответственно и сирруша вдруг стали воспринимать как нечто реальное и вполне возможное. Поначалу думали, что это, вероятно, изображение животного из отряда ящеровых. В 1913 году профессор Колдевей, больше других думавший о реальности сирруша, впервые высказался, что вавилонский дракон основными своими чертами похож на ископаемых ящеров.

«Сирруш... по единообразию своей физиологической концепции значительно превосходит все остальные фантастические существа», — утверждал он, а потом со вздохом сожаления заключил: «Не будь у него столь ярко выраженных кошачьих передних лап, такой зверь мог бы существовать в действительности». Зная, что Библия подтверждает существование сирруша, профессор отважился высказать догадку, согласно которой «вавилонские жрецы держали в подземелье храмов какую-то рептилию и демонстрировали ее в полумраке как живого сирруша».

Так писал Колдевей в своем первом обширном отчете о раскопках в Вавилоне. В 1918 году, спустя пять лет, он написал целый том о вратах Иштар, снабдив его прекрасными иллюстрациями, и таким образом вновь вступил в битву с драконом. На сей раз он был смелее. Все еще сму-

ценный сходством передних лап сирруша с лапами кошки, он привел перечень вымерших ящеров, указывая на те их черты, которые были присущи сиррушу. Он пришел к заключению, что животное, если оно существовало, должно быть классифицировано как птиценогий динозавр. Осторожно подведя читателя к этому заключению, он вдруг заявил: «Игуанодон, найденный в отложениях мелового периода в Бельгии, – ближайший родственник вавилонского дракона».

История, удивительная во многих отношениях. Врата Иштар были увеличены и украшены этими барельефами по велению царя, который известен нам в основном потому, что о нем многократно упоминается в Библии. И два самых таинственных библейских зверя появляются на этих воротах бок о бок или, вернее, один над другим. Рими, не вызывающий доверия при всей своей могучей силе, и дракон, которого держали в каком-то вавилонском храме и которому поклонялись горожане, пока Даниил не убил его.

В конце концов было установлено, что рими – это тур. Ну а сирруш? Почему не посчитать его просто выдумкой? Сам Колдевей считает это маловероятным, поскольку изображение сирруша не изменилось за тысячи лет, что не свойственно другим фантастическим созданиям вавилонян. В раннем вавилонском искусстве сирруш появился в узнаваемой форме, и его по-прежнему рисовали при Навуходоносоре, то есть около 604–561 года до нашей эры.

Современная наука может без особого труда определить вид ящера, к которому принадлежал сирруш, хотя ископаемых останков точно такой же разновидности она не знает, а художник, его изобразивший, вероятно, допустил несколько мелких ошибок. Теперь наверняка известно, что вавилоняне совершенно не знали палеонтологии. Их сирруш – либо точная копия чего-то известного им, либо чудо воображения, полностью совпавшее с реальностью. Но это наверняка не «реконструкция». Кроме того, нигде вблизи Вавилона не обнаружено кладбищ костей динозавров.

Поскольку нам неизвестно живущее или недавно вымершее животное, которое могло послужить «натурой» при рисовании сирруша, мы встаем перед выбором: либо прекратить поиск, либо допустить, что сирруш – точный портрет животного, незнакомого современной зоологии.

Нас не должен волновать тот факт, что это животное вряд ли встречалось даже во времена Древнего Вавилона. Рими в те времена тоже вымерли в Месопотамии, но они еще 20 столетий жили в Европе. Для вавилонян рими был «чудовищем из дальних стран». То же самое можно спокойно сказать и о сирруше.

Но откуда он взялся? По мнению некоторых ученых, из Центральной Африки.

Здесь необходимо сделать маленькое отступление и дать слово оппонентам «африканской версии».

Как распространялся миф о драконе

Легенды о драконе зафиксированы в первых письменных памятниках человеческой истории. Раньше других они появляются в шумерских источниках. Безусловно, драконы – это существа мифические. Но легенды о драконах и змеях кочуют из тысячелетия в тысячелетие по всем континентам Земли, и есть в них поразительное сходство.

Совпадение? Зоолог из университета штата Флорида Уолтер Ауффенберг считает, что для простого совпадения сходство этих легенд слишком велико.

Дракон из легенды, говорит ученый, обычно наделен крыльями, бессмертием и особым знанием сути жизни и смерти. Драконы, похоже, властвуют над реками, дождями и ливнями, они владеют секретами плодородия.

Легенды о драконах живут в Китае, Японии, Австралии, Америке, Индии и, конечно, в Европе – достаточно вспомнить историю Святого Георгия и дракона. Драконы Запада обычно являются носителями зла, но на Востоке они считаются благодетелями и даже глубоко почитаемы.

Ауффенберг предполагает, что впервые миф о драконе возник 100 тысяч лет назад – в то время, когда примитив-

ный человек наблюдал, как из-под земли весной выползают змеи — «возрождаются» после зимы. Он полагает, что это может быть отмечено на древних сделанных из кости календарях, которые находят археологи.

Но ученый добавляет, что первые свидетельства, которые можно точно определить как «драконы», относятся к шумерийской культуре, возникшей 5 тысяч лет назад в междуречье Тигра и Евфрата. Шумерийские драконы состояли из частей, «отобранных» у стервятников, гиен, змей или варанов. И дракон, составленный из животных, питающихся падалью, совершенно логично мог символизировать связь между живым и неживым.

Ричард Гринуэлл старается не намочить камеру во время съемок в болоте

Далее, предполагает Ауффенберг, около 1500 года до нашей эры воины-всадники Центральной Азии занесли фрагменты шумерийского мифа на запад — в Европу и на восток — в Китай.

Завоеватели-арии могли принести с собой легенду о драконе в Индию, полагает ученый, а затем торговцы могли донести ее до Индонезии и Австралии, где существует миф о Летучем змее.

В Северной Америке персонажи этих доисторических легенд приняли форму летающих змей, что населяют небо. В Южной Америке появились «суперкрокодилы», которые властвуют над реками.

Но допустим все же, что это еще не открытое животное. Единственное место, где оно могло бы жить, оставаясь незамеченным, это Центральная Африка, район влажных тропических лесов и бассейн реки Конго. Поэтому очень любопытны все слухи о некоем неизвестном крупном и страшном животном, исходящие именно оттуда. Один из таких слухов дошел до охотника на крупную дичь Ганса Шомбургка за много лет до того, как Колдевей написал свою первую обширную работу.

Шомбургк работал на Карла Гагенбека, торговца дикими животными, который поставлял их в зоологические сады и держал громадный зоопарк в Штелингене под Гамбургом.

В 1912 году, вернувшись из Африки, Шомбургк рассказал Гагенбеку удивительную историю. И обрадовался, когда Гагенбек не осмеял его. Вместо этого он сам сказал Шомбургку, что не раз получал сходные сведения из других источников. Эти сообщения были пересказами туземной молвы о гибриде «дракона и слона», который, как полагали, обитал в непроходимых болотах.

По-видимому, посещая Либерию, Шомбургк никогда не слышал об этом животном, но когда он прибыл на берега озера Бангвеулу, на место, которое, казалось бы, идеально подходит бегемотам, и спросил туземцев, почему здесь нет ни одного гиппопотама, те с деловым видом ответили, что на это есть веская причина. Они (тут мы цитируем книгу

Шомбургка «За дикими животными в сердце Африки») «...сообщили, что в этом озере живет зверь, который, уступая размерами бегемотам, тем не менее убивает и поедает их. По повадкам он, должно быть, амфибия: зверь выходит на берег, но никому не доводилось видеть его следов. К сожалению, я расценил эту историю как сказку и не стал вести дальнейший поиск. Позже я беседовал об этом с Карлом Гагенбеком и теперь убежден, что зверь принадлежал к какой-то разновидности ящеров. Я придерживаюсь такого мнения, потому что Гагенбек получил из других источников сообщения, полностью совпадающие с моими наблюдениями и со сведениями, полученными мною от туземцев, которых я опрашивал. Гагенбек послал на озеро Бангвеулу специальную экспедицию, но она, увы, даже не сумела отыскать это озеро».

В 1913 году германское правительство отправило в Камерун экспедицию под началом Фрайхера фон Штайн цу Лаунитца с заданием провести общее обследование колонии. Официальный отчет об этой экспедиции, все еще существующий только в рукописи, содержит довольно обширный раздел, посвященный неизвестному животному Шомбургка. Капитан фон Штайн, естественно, был крайне осторожен, подбирая слова для этой части отчета, благоразумно называя животное «очень таинственным существом», которое «возможно, существует только в воображении туземцев», но воображение это, «вероятно, отталкивается от чего-то более осязаемого». Сведения фон Штайна состояли, по его выражению, из «рассказов туземцев бывшей германской колонии» (Камеруна) о «существом, которого очень боялись негры в некоторых районах территории Конго, в нижнем течении Убанги, Санги и Икелембы». Он подчеркивал, что рассказы эти исходили от «опытных проводников, не знакомых друг с другом, но повторявших все детали совершенно независимо один от другого». Туземцы называли это животное мокеле-мбембе, но нельзя было сказать наверняка, имеет ли это имя какой-нибудь определенный смысл. Капитан фон Штайн писал:

«По сообщениям, это существо не живет в маленьких реках, таких, как обе Ликвалы, а в вышеупомянутых реках, говорят, есть лишь несколько особей. Когда мы были в экспедиции, нам сказали, что одну особь заметили на несудоходном отрезке течения реки Санга, где-то между речками Мбайю и Пикунда; к сожалению, эта часть реки не могла быть исследована из-за того, что наша экспедиция оказалась скомканной. Мы слышали и о каком-то животном, обитающем на реке Ссомбо. Рассказы туземцев сводятся к следующему описанию.

Животное, как говорят, имеет серо-бурую окраску, гладкую кожу и размерами приблизительно сходно со слоном или по крайней мере с гиппопотамом. У него длинная и очень гибкая шея и только один зуб, но очень длинный. Кое-кто говорит, что это рог. Некоторые упоминали длинный мускулистый хвост, как у аллигатора. Говорят, что приблизившиеся к зверю каноэ обречены: животное тут же нападает на них и убивает команду, но не поедает тела. Это создание обитает в пещерах, вымытых рекой в глинистых берегах на крутых излучинах. В поисках пищи оно, говорят, вылезает на берег даже днем и питается только растительностью. Мне показали его любимое растение. Это разновидность лианы с большими белыми цветами, молокообразным соком и похожими на яблоки плодами. На реке Ссомбо мне показали просеку, которую в поисках пищи проторил этот зверь. Тропа была свежая, а неподалеку нашлись и вышеописанные растения. Однако тут было слишком много троп, протоптанных слонами, носорогами и другими большими животными, и невозможно было с какой-либо определенностью выделить следы этого существа».

Жаль, что у барона фон Штайна было так мало времени. Он мог бы отыскать мокеле-мбембе.

Что касается животного из озера Бангвеулу, о котором рассказали Шомбургку, то англичанин Хьюз получил о нем немногим больше сведений. В своей книге «28 лет на озере Бангвеулу» Хьюз приводил разговор с сыном вождя местного племени о животном, которое зовется тут «чипекве». Молодой человек с гордостью сообщил, что его дед

участвовал или по крайней мере наблюдал за охотой на чипекве.

Устная традиция донесла описание этой охоты. В ней участвовало много лучших охотников, и они целый день кололи чипекве своими большими острогами, какими пользовались при охоте на бегемотов. Чипекве описывают как животное с гладкой темной кожей без щетины, вооруженное одним гладким белым рогом, как у носорога, только белоснежным и отполированным. Жаль, что они не сохранили этот рог: Хьюз бы дал за него все, что они пожелают.

Хьюз был знаком с родезийским чиновником, который рассказал, как однажды ночью он услышал очень громкий всплеск на озере, возле которого стоял лагерь, а наутро нашел доселе невиданные следы.

Конголезский зоолог Марселин Аньянья демонстрирует набросок чудовища, которое он видел в 1983 году. Рядом — реконструкция динозавра, обитающего в лесах Конго

Ученые, выслушав эти рассказы, посмеялись. О каких крупных неизвестных животных может идти речь, когда все уже открыто!

Слишком много схожих свидетельств наводят на мысль: а что, если в мелких водоемах и реках Центральной Африки действительно скрывается крупное неизвестное животное? Скорее всего рептилия.

Естественно, возникает следующий вопрос: могла ли выжить в Центральной Африке крупная рептилия? Ответ зоологов таков: если где-то она и могла выжить, то только здесь, в Центральной Африке!

Вот на чем основано это утверждение.

Настоящие динозавры и другие крупные рептилии, родственные им, вымерли в конце мелового периода, около 60 миллионов лет назад. Гипотез на этот счет существует множество. Громадные кладбища динозавров возле Тендагуру в Восточной Африке доказывают, что и в Африке произошло нечто подобное. Нет сомнений, что тут, как и везде, крупные формы исчезли. Но у форм средней величины несколько иная история.

Во всем мире последние 60 миллионов лет ознаменовались всевозможными геологическими изменениями. Мелкие моря залили обширные пространства суши, другие районы высохли. Возникали и вновь исчезали перешейки; тектонические силы промоздили горы, шла активная вулканическая деятельность. Но Центральная Африка оказалась геологически стабильной: масса суши там точно такая же, как 60 миллионов лет назад.

Наконец, континенты к северу и югу от пятидесятих параллелей в обоих полушариях прошли через ряд оледенений, но, несмотря на то, что они оказали влияние на климат между тропиками Рака и Козерога, это воздействие не привело к драматичным последствиям. А Центральная Африка не подвергалась геологическим катаклизмам с мелового периода и пережила только незначительные климатические изменения. Так что, если с тех времен и уцелели крупные рептилии, искать их надо в Центральной Африке...

Искать...

И поиски начались. 1981 год. Внутренние районы Заира. Экспедиция, которой покровительствовали нефтяной магнат Джек Брайант, три журналиста и Рой Мэкел, имела целью проверить визуальные наблюдения 1776 года. Тогда здесь впервые был замечен зверь, напоминающий завропода, травоядного динозавра. Местные жители, как мы уже говорили, называют его мокеле-мбембе.

Плывя в долбленых каноэ, прорубая себе путь сквозь нависшую над головой растительность джунглей, участники экспедиции проникли далеко в болотистые дебри. С помощью сонара они исследовали водоемы в поисках погрузившихся под воду животных. Иногда гребли по двое суток кряду, чтобы найти клочок сухой земли.

Однажды, огибая излучину реки, каноэ принялись неистово раскачиваться, поскольку попали на поднятую каким-то большим животным волну. Зверь только что погрузился в воду. Участник экспедиции Ричард Гринвелл, эколог пустынь и секретарь международного общества криптозоологов, утверждает, что «бывших с нами туземцев охватила паника».

Ученые отнеслись к этому более спокойно. Гринвелл считал, что это мог быть бегемот, слон или крокодил. Однако он знал, что гиппопотамы не живут в болотах, слоны не погружаются в воду полностью, а крокодилы поднимают очень маленькую волну. Правительственный чиновник по вопросам зоологии, участвовавший в экспедиции, — Марселлин Аньянья — был настолько заинтригован, что решил вернуться сюда с собственной экспедицией. Так он и сделал в апреле 1983 года. Несколько дней поиски не приносили никаких плодов, но потом...

Прямо перед носом у Аньяньи и его коллег из воды вдруг поднялось какое-то существо. Это было странное животное с широкой спиной, длинной шеей и маленькой головой. Однако, как с горечью писал ученый, «в прилив чувств, встревоженный этим внезапным и неожиданным появлением, я не смог снять это животное на пленку».

— Видимая часть животного, — рассказывает М. Аньянья, — примерно соответствует нашему представлению о бронтозавре.

Я лично убежден, что в заболоченных джунглях Ликиалы обитают по меньшей мере два вида неизвестных животных. За несколько дней до прибытия нашей экспедиции в район населенного пункта Эджама там произошло такое событие. По реке на пироге плыла женщина. Неожиданно лодка натолкнулась на какое-то препятствие и остановилась. Женщина налегла на шест, пытаясь столкнуть свою лодку с «мели». После этого мощный толчок выбросил пирогу прямо на берег, а на поверхности появилось огромное животное. Около получаса бесновалось оно, издавая душераздирающие вопли.

На севере Конго наступил сухой сезон, и река Ликиала-оз-Эрб обмелела так, что ее кое-где можно было перейти вброд. Однако в районе происшествия глубина достигала 10–12 метров. Именно здесь ученые обнаружили плавающий остров, состоящий из толстого слоя песка, покоящегося на солидной подушке из отмершей водной растительности. На идеально ровной поверхности остались следы — будто по песку ползло какое-то огромное животное. На острове нашли также лоскуты кожи от 10 до 15 сантиметров длиной.

В 1997 году Джеймс Пауэлл и его друг, профессор Рой Мэкел, уже известный нам по исследованиям Несси и более раннему путешествию в Конго, снова отправились в Африку. Оказавшись в нужном районе, они показали колдуну пигмейского племени апуна-коно несколько рисунков, среди которых были изображения разных динозавров. Среди последних колдун «опознал» диплодока, заявив, что это и есть мокеле-мбембе. Вдобавок старик описал Пауэллу некоторые биологические особенности животного: в длину оно достигает девяти метров, а в высоту не более трех. Живет по берегам рек и озер, а питается травой и плодами. Пигмеи поведали ученым, что мокеле-мбембе — довольно агрессивные создания и могут убить человека, но никогда не питаются его мясом. Погостив в племени пару дней, ученые отправились в джунгли, чтобы своими глазами увидеть доисторическое чудо. Себе в проводники взяли двух пигмеев. Исследователи направились вверх по течению Лекорро, в сторону бескрайних болот, где, по словам аборигенов, и обитают древние ящеры.

Вдруг, неожиданно для всех, из-под воды донесся странный звук, напоминающий рев слона, только несколько приглушенный. Проводники хором завопили: «Мокеле-мбембе!» и попадали на дно лодки, которая стала сильно раскачиваться из-за набежавших невесть откуда волн. Зоологи, усиленно крутя головами, пытались разглядеть в воде хоть что-то. Но волнение внезапно прекратилось, а в воздухе вновь послышалось пение птиц и жужжание насекомых. Ученые решили плыть дальше, но местные жители наотрез отказались идти дальше на лодке, боясь, что монстр перевернет ее. Пауэлл и Мэкел вынуждены были продолжать путешествие пешком.

Через несколько дней участники экспедиции добрались до городка Инонго, который располагается на берегу большого и довольно глубокого озера Мон-Ндомбе. В местном отеле выяснилось, что американцы далеко не первые, кто заинтересовался таинственным существом. За пару лет до них здесь побывали японцы, которым удалось снять на пленку существо и сделать несколько снимков. В 1992 году Конго посетили французы, которые, хотя и не сфотографировали ящера, но нашли следы мокеле-мбембе.

В течение двух недель ученые летали над озером на небольшом гидросамолете и в конце концов почти отчаялись увидеть «нечто». «Видеокамера, работавшая без перерыва несколько дней, была отключена, а фотоаппаратура лежала в кофрах, — вспоминает Пауэлл, — мы равнодушно смотрели на ставшие до боли знакомыми воды озера, которые начали уже ненавидеть. Но вдруг на поверхности воды совершенно неожиданно появилась голова, длинная гибкая шея, а затем и часть спины загадочного животного. «Джеймс, ведь это динозавр! Динозавр!!! — кричал мне Мэкел. — Смотри же! Смотри!» Но я и без него смотрел во все глаза. Ведь перед нами был реликт меловой эпохи, предмет наших многолетних поисков». И тут Пауэлл в ужасе понял, что камера не работает. Он бросился к ней, стал снимать, но животное уже стало погружаться. Тем не менее огромная рептилия находилась в объективе около тридцати секунд.

Ученые еще около двух недель провели на берегах озера, но так и не повстречались с загадочным ящером. Пауэлл решил прекратить поиски, но обязательно вернуться в Конго. «Я верю, что на нашей планете существует затерянный мир, и приложу все усилия, чтобы доказать это!»

И еще один штрих к нашей незавершенной истории. Американский путешественник Херман Рагастер записал на пленку звуки, издаваемые неизвестным животным в районе озера Теле. Он передал запись голоса ученому из Калифорнии Кеннету Темплину, который очистил ее от побочных шумов и сравнил с записями других животных. Он пришел к выводу, что записанный голос принадлежал неизвестному до сих пор существу. Какому?

...В горах Горозомза некий фермер Паркс обнаружил пещеру с древними рисунками бушменов. И на одном рисунке фермер увидел изображение... бронтозавра, выползающего из болота.

Ученые, вслед за фермером обследовавшие эти рисунки, также заключили, что очертания чудовища действительно напоминают облик этого ископаемого ящера. Объяснений этому феномену пока не найдено...

Два десятилетия назад это газетное сообщение никто не принял бы всерьез, а сейчас?

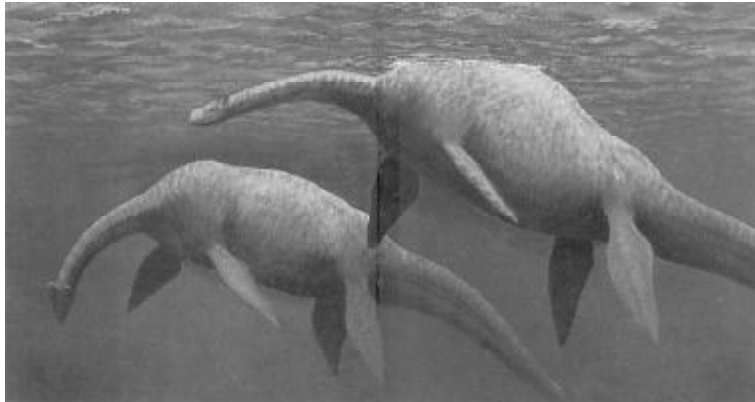
МЫ НЕ ПРОЩАЕМСЯ С ТОБОЙ, НЕССИ!

Нашей задачей было показать, что во всей полемике о Несси нет ничего необычного. Все дело в человеческом отношении к загадкам, особенностях самого человека и всего им придуманного, в частности института науки.

Загадка Лох-Несса — прекрасный пример того, что происходит с обществом при его столкновении с фактами, имеющими ненаучное происхождение. Все мы зачарованы наукой настолько, что руководствуемся ею практически во всем, с чем бы ни сталкивались. Когда научные, именно научные, а не какие-нибудь другие, тесты подтверждают эффективность зубной пасты с фтором, мы верим этому. И Морис

Бертон, проведя на озере несколько дней с семьей, называет свои труды «Загадка озера Лох-Несс. Научное исследование». Именно научное, а не какое-то ни было другое. Такое название в глазах простых людей придает ему вес, его самого считают ученым. Между тем о нем было бы правильное сказать даже не «исследование ученого», а «исследование отставного ученого».

Наука не всегда синоним правды, хотя мы часто и забываем об этом. Много научно установленных фактов являются неверными — таковы все упраздненные и признанные неверными теории, и в то же время, много ненаучных явлений точно являются достоверными, например любовь. Часто кажется, что охотники пытаются добиться одобрения наукой их занятия, хотя на самом деле если они и добьются такой «санкции», то это ведь не даст никому никаких новых фактов о Несси. Представители науки же ведут себя так, как если бы существовала непосредственная связь между доказанным присутствием этих существ в озере и возможностью их научного изучения. Получается, что, в общем, и сторонники, и противники Несси считают, что

Сэр Питер Скотт положил в основу своей картины 1973 года «Ухаживание в Лох-Нессе» снимок плавника, сделанного Райнсом

понятия наука и правда описывают одно и то же, если вовсе не совпадают.

Наука надежна, потому что она не отходит слишком далеко от уже познанного и известного.

Ученые имеют дело с тремя категориями вещей: с событиями, фактами, наблюдениями или измерениями; методами или исследователями, с помощью которых были получены эти факты; и со схемами или законами, по которым эти факты объясняются, будучи собираемыми вместе. Обычно новаторство приветствуется только в последней из перечисленных категорий.

Случаям, известным как аномальные или псевдонаучные, не хватает прочной и общепринятой теоретической и фактической и методологической основы.

Теоретические научные изыскания не обладают твердой основой в двух категориях (но не во всех): так, поиск гравитационных волн осуществляется на основе не вполне доказанных фактов, но теории гравитации и гравитационных волн наукой признаны. Такие исследования называют обла-

Старая шотландская гравюра с видом замка Уркуарт и Несси

Снимок Энтони Шилдса от 21 марта 1972 года.
Эксперты не имеют к нему претензий

дакими высокой степенью риска, так как существует опасность того, что время будет потрачено впустую и репутация исследователей пострадает. Попытки Линуса Паулинга выявить эффективность витамина С и взаимосвязь между питанием и здоровьем рассудка тому пример. Используемые им методы признаны био- и клинической химией, но его теории и то, что он пытался доказать, спорны.

С этой точки зрения понятно, почему поиски Несси не входят в область научных исследований. Достоверность фактов и улики не окончательна. Биология не признает возможность существования таких животных в данной эпохе и при современных экологических условиях. Используемые мето-

ды противоречат либо науке вообще, либо биологии в частности: нельзя доказать существование особей Несси простым наблюдением за озером, нечеткими фотографиями и показаниями локаторов, хотя все это успешно применяется в научной деятельности, в том числе и в биологии. Таким образом, поиски обитателей Лох-Несса основываются, по крайней мере, на двух нетвердых категориях из трех, сомнительной же является только третья, умозрительная, или новаторская.

Но существуют ли эти животные на самом деле? В задачи нашей книги ответ на этот вопрос не входит.

Мы не в силах доказать то, что свидетельств о существовании Несси достаточно и они действительно живут в озере.

...Озеро по-прежнему хранит свою тайну. Ни старой кости, ни кусочка кожи или еще какого-нибудь очевидного доказательства существования чудовища... Помимо томов всевозможных визуальных наблюдений, свидетельства пополняются лишь сомнительного рода любительскими снимками и расшифровками информации, поступающей с сонаров. Поэтому сегодня загадка озера Лох-Несс так же далека от решения, как и во времена Дункана Макдональда, нос к носу повстречавшегося в торфяной жиже с неведомым существом.

Часть вторая

ГИГАНТСКИЙ КАЛЬМАР

КАЛЬМАР-ГИГАНТ ПОПАЛСЯ, ИЛИ НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

250-килограммовый гигантский кальмар вытасчен траулером с большой глубины к юго-западу от Виктории и передан в Мельбурнский музей. Он достигает 3,7 м в длину, но если бы не потеря двух главных щупалец, то мог бы измеряться и 12 м. Полагают, что представители этого вида способны дорости до 21 м. Его сохраняют в специальном растворе, именуемом у ученых «маринад», и, возможно, выставят на постоянную экспозицию.

Самый таинственный головоногий моллюск в мире обитает на глубине до 1500 м, и живьем ученым пока не удавалось увидеть ни одного экземпляра. Имеются только свидетельства очевидцев, сталкивавшихся при нырянии с необыкновенно крупными животными, похожими на кальмаров. Огромные круглые раны от присосок на телах кашалотов также говорят о возможных схватках этих любителей кальмарового мяса с головоногими на большой глубине.

За последние пять лет 40 мертвых тел подобных кальмаров были выловлены в водах Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки. . .

За краткими строками сообщений информационных агентств – титанический труд многих поколений морских биологов и специалистов, пытавшихся доказать существование гигантских кальмаров и спрутов и сталкивавшихся со

стенной недоверия ханжей от науки. Наверное, нужны годы, а порой и столетия, чтобы доказать: наблюдения и факты, копившиеся на протяжении веков, имеют под собой реальную основу, надо только уметь ждать и уповать на случай. И случай обычно представляется. Так было с целакантом, карликовым бегемотом, ремнезубым китом и иными животными, до поры ускользавшими от взоров специалистов. Не сомневаемся, что так случится и с гигантским кальмаром. А пока обратимся к истории.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ ГОЛОВОНОГИХ

До сих пор Жюль Верн считается каким-то научным пророком. В действительности он был лишь непревзойденным детско-юношеским писателем, что тоже неплохо и вполне достаточно для славы. Что касается отношения к научной фантастике, то ее отцом скорее следует считать Герберта Уэлса, настоящего ученого, поставившего этот литературный жанр на достойное место.

ЖЮЛЬ ВЕРН – ЛЖЕУЧЕНЫЙ

Если обратиться к научной литературе, существовавшей в то время, когда Жюль Верн писал свои «необычайные путешествия», то станет очевидным, что писатель ничего своего не выдумал, а его видение будущего лишь наивная экстраполяция уже известного, причем почти всегда не реализуемая на практике.

Так, знаменитый «Наутилус» капитана Немо на самом деле только слепок подводной лодки «Плонжер», построенной в 1863 году и совершившей множество успешных погружений. Этот аппарат работал на сжатом воздухе, но уже чуть раньше в университете в Монпелье был построен макет лодки с электродвигателем. Само название «Наутилус» не было оригинальным. Его носил еще подводный аппарат американца Фултона, построенный в 1800 году. Фултон был идеалист-

том-утопистом: он верил, что может положить конец войнам, превратив их в невыносимо ужасные предприятия с помощью своего подводного корабля. Очевидно, именно он и послужил прототипом благородного капитана.

Жюль Верн, конечно, много читал, но, не имея научного образования, никогда не умел правильно выбрать круг своего чтения или, во всяком случае, он плохо усваивал прочитанное, не понимая сути. Не читайте Жюль Верна в зрелом возрасте, тем более, если вы к тому времени получили уже какое-то образование. Вы будете разочарованы. Вы увидите, что за оглушающими псевдоучеными рассуждениями и кучей технических терминов скрывается пустота. Приложив немного усилий, можно найти источники его вдохновения и труды, из которых он переписывал длинные пассажи, мало что в них понимая. Послушайте, что он говорит устами профессора Аронакса, ведущего сотрудника Парижского музея естественной истории. Принимая в начале книги «Наутилус» за морское чудовище, этот «ученый» определяет его природу следующим образом: «Я верю в существование мощного млекопитающего, принадлежащего, как и киты, кашалоты или дельфины, к подтипу позвоночных».

Может быть, месье Аронакс знал млекопитающих, не принадлежащих к позвоночным? Или он считал, что из млекопитающих только китообразные относятся к позвоночным? Можно только посочувствовать музею, в котором служит профессор зоологии, выражающийся таким странным образом! Кроме того, этот господин с легкостью перевирает имена авторов и природу животных. Он называет тюленей «великолепными китообразными», верит, что киты живут тысячу лет, знает музеи, где хранятся скелеты (?!) осьминогов и возлагает на инфузорий ответственность за возведение коралловых рифов. Ничто не может его удивить. Он с олимпийским спокойствием встречает в Японском море гигантскую саламандру, пресноводное животное; он считает нормальным появление у Южного полюса пингвинов вместе с моржами, животными арктических морей; его меньше всего в мире удивляют живые трилобиты, в то время, как его коллеги считают их вымершими еще 300 миллионов лет назад!

Больше всего удивляет тот факт, что во время своего кругосветного плавания в океанских глубинах профессор не встретил ни одного незнакомого ему живого существа, которому его ученый слуга не смог бы приклеить латинский ярлык. Даже в наши дни каждая океанографическая экспедиция, каждая серия зондирования океанских глубин приносит богатый улов неизвестных организмов. Но для нашего профессора зоологии в морском царстве тайн больше нет.

Кроме того, в книге есть знаменитый эпизод битвы капитана Немо и его людей с ордой гигантских восьмиметровых кальмаров. Тот факт, что такие гиганты существуют, был доказан в 1861 году капитаном судна «Алектон» Буайером. Монстр получил научное название *Loligo bouyeri* (кальмар Буайера).

Со своей обычной небрежностью Жюль Верн не забывает исковеркать имя капитана, называя его Буге, но, что более серьезно, он упорно называет этот вид головоногих то кальмарами, то спрутами. Что за зоологический винегрет!

Сотни писателей и журналистов с тех пор, по примеру писателя, повторили ту же ошибку.

Нет, не возвращайтесь к любимым книгам вашей юности, если вы действительно любите Жюль Верна, этого волшебника, пробудившего у многих тягу к научным исследованиям. Так приятно верить в Жюль Верна эрудита, универсального ученого-пророка!

НЕМНОГО СИСТЕМАТИКИ

Головоногие, сыгравшие такую большую роль в приключенческой литературе, ставшие необходимыми персонажами морских романов, занимают в научной литературе гораздо более скромное, почти незаметное место.

Головоногие как класс очень мало изучены: даже в работах ученых появляются серьезные ошибки. В распоряжении исследователей очень мало исходных данных. Им приходится изучать редкие экземпляры или даже отдельные фрагменты, найденные в желудках китов или акул. Большая часть голо-

воногих живет на больших глубинах, а те, которые находятся в пределах досягаемости ловчих сетей, слишком быстры и умны, чтобы в них попадаться. Исследователям остается надеяться на его величество случай, лучшего друга коллекционера.

Биология этих существ почти не изучена, за исключением некоторых видов, живущих в прибрежных водах, поэтому суждения о них часто основаны на догадках и предположениях.

Чтобы любой читатель мог более или менее свободно ориентироваться в этом очень разнообразном мире и легко следить за перипетиями исследований гигантов этого семейства, мы попытаемся наметить основные линии систематики головоногих.

Во-первых, головоногие подразделяются на две главные группы по признаку, невидимому со стороны: на четырехжаберных (*Tetrabranches*), у которых две пары жабер, и двужаберных (*Dibranches*), с одной парой. Так как этот признак не различим у ископаемых — жабры не оставляют отпечатков, — это деление не принимается большинством специалистов и заменено на, соответственно, *Protocephalopodes* и *Metacephalopodes*.

Первые представлены в наше время одним видом — наутилусом, единственным головоногим, живущим в прекрасной спиральной раковине. Все остальные относятся ко вторым. Раковина у них сильно редуцирована и стала внутренней, вернее скрытой под мантией. На первый взгляд, есть раковина у самки аргонавта (*Argonauta*), но хрупкая полосатая скорлупка, в которой она живет, на самом деле только гнездо. Эти два вида очень далеки друг от друга. Аргонавт похож на своих родственников, обыкновенных осьминогов: у него также восемь, усеянных присосками ног. У наутилуса ног много больше — целая сотня — они короткие и гладкие, больше похожие на реснички анемона, чем на мощные щупальца других головоногих. По этой причине некоторые зоологи предпочитают различать их по другому признаку и называют *Tentaculiferes* (имеющие щупальца) и *Acetabuliferes* (имеющие присоски).

ГОЛОВОНОГИЕ С ВОСЕМЬЮ И ДЕСЯТЬЮ НОГАМИ

Размеры наутилуса не превышают 30 см в диаметре, и он не попадает в зону нашего интереса.

Среди *Dibranches* или *Acetabuliferes* нам тоже будет легко ориентироваться, так как они делятся на три основные группы: осьминогов, кальмаров и каракатиц, которые хорошо известны. Они все иногда попадают в меню человека, во всяком случае во Франции и средиземноморских странах. Как говорится, нет пути к знаниям короче, чем через желудок.

Из осьминогов или спрутов, среди которых наиболее известен вид *Octopus*, на туловище в форме сферического мешка прямо без шеи сидит голова. Как подсказывает название, у него восемь ног, которые иногда называют руками, иногда щупальцами. Они одинаковой длины и вооружены двумя рядами присосок на нижней поверхности. У мускусного осьминога, или эледона присоски расположены в один ряд.

Кальмары и каракатицы устроены по-другому. Голова у них явно отделена от туловища, сужение которого образует шею. Тело вытянутое, есть боковые плавники. У каракатиц плавники тянутся вдоль всего тела, у кальмаров образуют две хвостовые лопасти. В отличие от осьминогов кальмары и каракатицы, кроме восьми рук, имеют еще два щупальца, намного длиннее остальных, с уплощенными окончаниями, усеянными присосками. У каракатиц они могут убираться внутрь тела, а при ловле добычи резко выбрасываются вперед. Кальмары оставляют их плавать вокруг или впереди тела, и они служат ему антеннами. Многие зоологи отличают их от восьми других и называют «ловчими руками». По количеству рук двужаберные, таким образом, подразделяются еще на *Octopodes* (осьминогие) и *Decapodes* (десятиногие).

ИСЧЕЗАЮЩАЯ РАКОВИНА

Все три типа, кроме формы и количества рук, отличаются еще одной важной анатомической особенностью. Вна-

чале все головоногие имели внешнюю раковину, но не у всех она завивалась в спираль. У предка всех современных двужаберных головоногих, белемнитов юрского периода, раковина была уже в процессе редуцирования. Когда она стала настолько мала, что перестала служить своему хозяину домом, она сама стала постепенно покрываться его плотью. У белемнитов она состояла еще из трех частей известкового ростра, напоминавшего наконечник копья (по-гречески *belos*, отсюда название белемниты), который переходил в шалашеобразную среднюю часть, последнее напоминание о былом ее предназначении; наконец, оканчивалась она роговой пластиной, протянувшейся вдоль спины. У современных двужаберных эти части трансформировались различно, и по этому признаку их можно явно разделить на основные группы.

У каракатиц ростр практически исчез, зато средняя часть заполнила почти всю спину и почти сходится на животе: это так называемые «кости каракатицы», которые часто находят на берегу моря.

У кальмаров, наоборот, и ростр и средняя часть полностью исчезли. От сложного панциря белемнитов осталась только спинная роговая пластина. Она превратилась в нечто вроде заостренного штыка, называемого шпагой или мечом (*gladius*). Эту анатомическую особенность имел в виду Фемистокл, заявляя эритрейцам: «Вы как кальмары, у вас есть мечи, но нет сердца. Вы умеете только убежать».

Обвинение кальмара в отсутствии сердца — это, надо сказать, чистая клевета, причиной которой явилось, очевидно, незнание. Последнее суждение справедливо наполовину: оно намекает на способ передвижения моллюска. У кальмаров, как и у осьминогов, сопло направлено в ту же сторону, что и ноги. Поэтому плавают они задней частью тела вперед. Однако было бы преувеличением заявлять, что они «могут только убежать». Кальмар может в случае необходимости направлять сопло назад и двигаться вперед. Но реактивный двигатель кальмар использует в качестве вспомогательного, когда в критические моменты надо быстро убежать. Обычно он плавает, используя хвостовые плавники и свои «руки», легко перемещаясь в любом направлении.

Вероятно благодаря «мечу» и карману с чернилами кальмар и получил свое название. Гийом Рондоле, отец ихтиологии, писал еще в 1558 году, что этот моллюск получил свое французское название *Languedoc Calamar* за сходство с писарем. У него есть все для этой профессии — «чернила и заостренный конец, как у пера». Переписчики того времени носили с собой что-то вроде несессера с принадлежностями, по-латински — *calamarium* (от *calamus* — тростник, который римляне использовали для письма). «*Calamar*» затем сократился до «*calmar*», но два длинных щупальца не дают забыть о перьях, опущенных в чернильницу.

Атрофия раковины достигла своего апогея у осьминогов, где осталось только два небольших перышка, к которым прикрепляются мышцы.

ПОЛЗАЮЩИЕ, ПЛАВАЮЩИЕ И ЛЕТАЮЩИЕ ГОЛОВОНОГИЕ

Анатомическое строение, очень разное у осьминогов и их десятиногих кузенов, отражается очевидным образом на выборе образа жизни и места обитания. Осьминог, созданный преимущественно для ползания, головоногий, обитающий на дне. Кальмар, с более вытянутым телом и обладающий плавниками, способен плавать в толще моря. Отсюда и разная техника охоты. Осьминог сторожит свою добычу и нападает на нее из засады. Кальмар догоняет свою жертву, преследуя ее на большой скорости. Если сравнивать с наземными хищниками, то осьминог ведет себя как леопард, лесной зверь, а кальмар — как лев, хозяин саванн.

Скорость движения кальмара такова, что он может совершать впечатляющие полеты над водой и даже запрыгивать на палубы кораблей. Как ни странно, еще совсем недавно полеты кальмаров считались мифом. Хотя об этом писали уже Плиний, Оппиан и Элиан. В 1833 году этот факт был представлен миру как совершенно новый феномен, «не виданный до сих пор». По крайней мере именно это услышал британский путешественник полковник Сакс, когда предья-

вил членам Британского зоологического общества трех кальмаров, которые запрыгнули на палубу парохода, на котором он возвращался в Англию. И никто не догадался воскресить бесценные свидетельства предков.

В своих записках «Путешествие в Южную Америку», опубликованных с 1835 по 1843 год, Альсид д'Орбини также описывал подобные факты: «Ночью мы увидели, как на палубу корабля на высоту 15–20 футов от поверхности воды запрыгнул кальмар *Ommastrephes bartrami*, который, вероятно, искал спасения от какой-нибудь преследовавшей его рыбы». Эту способность к прыжкам наблюдал он и у некоторых других видов кальмаров, в частности у *Sepioteuthis*, или кальмара-каракатицы. У него плавники настолько ненормально развиты, что превращают его в настоящий планер. А Тур Хейердал рассказывал, что однажды его балсовый плот буквально подвергся «бомбардировке» кальмарами.

Каракатицы, не так вытянутые в длину, как кальмары, и поэтому менее искусные пловцы, занимают промежуточное положение между осьминогами и кальмарами. Они не сидят домоседами по щелям, как первые, но и не выскакивают из воды, как вторые. Чаще всего они проводят время на песчаной или илистой подушке дна, где, полузарывшись в грунт, стерегут добычу, пользуясь своей замечательной способностью к мимикрии. Летом каракатицы приближаются к берегу и откладывают яйца, прикрепляя их гроздьями на траве и водорослях, за что эти кладки в народе прозвали «морским виноградом». Неизвестно, как живут каракатицы после лета. Они попадают в сети и в 100 км от берега, но, скорее всего, они остаются на континентальном шельфе и не спускаются на большие глубины.

В общем случае невозможно спутать осьминогов или спрутов, каракатиц и кальмаров. Увы, дело осложняется, когда речь заходит о подвидах в одной из этих групп.

Даже критерий количества щупалец не является абсолютным. Существует представитель *Decapodes*, у которого, вследствие вторичной потери щупальцев, их осталось только восемь (*Octopodoteuthis*)! Но и не все *Octopodes*, как обыкновенные осьминоги, ведут придонный образ жизни. В

1838 году датский профессор Эскрихт открыл вид осьминога с двумя небольшими плавниками. Сначала его даже приняли за кальмара и назвали *Cirroteuthis* (кальмар реснитчатый). На самом деле это самый настоящий *Octopode*, осьминог-пловец! Он настолько отличается от обыкновенного спрута, что для него создали новый подкласс *Cirroteutoides*. Он недолго оставался в одиночестве. Но когда нашли и другие виды реснитчатых спрутов, оказалось, что некоторые из них ведут придонный образ жизни. Таким образом, *Octopoides* (осьминоги обыкновенные) и *Cirroteuthis* (осьминоги реснитчатые) нельзя отличить по образу жизни.

А в океанских безднах живет *Ampiroteuthis infernalis* (кальмар-вампир из ада), монстр, имя которого показывает, что он как будто вышел из ужасной сказки. Изучению этого «живого ископаемого» посвятила свою жизнь американская исследовательница Эвелин Пикфорд. По мнению мисс Пикфорд, из-за наличия дополнительной пары атрофированных щупальцев, сближающих их с десятиногими, этот осьминог — или все же кальмар? — занимает собой одним отдельный класс головоногих.

Наконец, не все каракатицы имеют плавник вдоль всего тела, у некоторых он выродился в два маленьких задних плавника, еще более редуцированных, чем у кальмара. А среди кальмаров есть вид *Sepioteuthis* (кальмар-каракатица), у которого плавники тянутся вдоль всего тела.

Это, конечно, исключения, но надо их иметь в виду, когда пытаешься определить животное по мимолетному взгляду или по отдельным фрагментам. Решающий критерий для определения места головоногого в классификации — строение их раковины или того, что от нее осталось. Но в большинстве случаев оказывается достаточно представления об образе жизни или результатов внешнего осмотра.

ЧАСТО ПУТАЮТ ОСЬМИНОГОВ И КАЛЬМАРОВ

И все-таки в популярной литературе, посвященной этим моллюскам, — а иногда, увы! и в научных работах, — царит страшная путаница.

До Гюго слова «спрут» не было ни в одном словаре. Писатель своим авторитетом ввел в широкое употребление название, каким называли на своем диалекте рыбаки Нормандии осьминога. Для романа «Труженики моря» это вполне справедливо, ведь его действие разворачивается на англо-нормандских островах. Но в неподготовленных умах это название вызывает сумятицу. «Если спрутами называют осьминогов, то почему они не могут быть кальмарами? Ведь у кальмаров еще больше ног, следовательно, они еще ужаснее», – возникает вопрос. Так многие авторы стали путать осьминогов, спрутов и кальмаров. Роковое недоразумение!

Жюль Верн без тени сомнения обзывает «спрутами» гигантских кальмаров, напавших на «Наутилус». Книга «Двадцать тысяч лье под водой» стала настолько хрестоматийной в литературе для юношества, что накрепко засела в умах. Дошло до того, что кальмары были обозваны спрутами во французском издании книги «Фауна океанов» знаменитого зоолога Эрнеста Буланже, директора аквариума Лондонского зоологического общества. Лично мы не сомневаемся, что здесь имеет место ошибка переводчика.

Неразбериха принимает серьезные масштабы, когда речь заходит о размерах моллюсков. Говоря о величине головоногих, логично приводить максимальные размеры. Но для осьминогов, имеющих звездообразную форму, обычно указывают максимальный размах щупалец. А для кальмаров, тело и щупальца которых вытянуты в одном направлении, приводят общую длину: от задней оконечности тела до концов ловчих рук.

Я считаю такую практику определения величины кальмаров (и каракатиц) не совсем удачной. В самом деле, длина его двух ловчих рук может значительно меняться от обстоятельств, а у некоторых видов руки почти не видны, пока моллюск их не выбросит вперед, чтобы поймать добычу. Никому же не приходит в голову включать в размеры хамелеона длину его выбрасывающегося вперед языка! Поэтому мы бы говорили здесь о длине туловища, головы и восьми рук. Но даже в этом случае не так просто точно определить их размеры. Читая эту книгу, надо помнить,

что указанные в ней размеры обозначают только порядок величин.

Не способствует ясности и то, что представление публики об анатомии головоногих очень туманно и мало кто может правильно их себе представить, откуда рождаются грубые ошибки, когда необходимо сравнить один вид с другим. Очевидно, глупо определять длину тела живого существа, отнимая от общей длины длину головы и ног...

Даже профессиональные натуралисты ошибаются, когда, указывая поперечник осьминога, умножают его общую длину на два. Но на два надо умножать только длину его рук. У осьминога обыкновенного (*Octopus vulgaris*) голова и туловище занимают только шестую часть общей величины тела. Так экземпляр длиной 3 метра не будет 6 метров в размахе, как мы встречали в некоторых научных отчетах: щупальца в 2,5 метра и голова в 50 см дадут поперечник около 5 метров. Уже разница значительна, но когда начинают путать осьминогов с кальмарами, называя обоих спрутами, ошибка в расчетах становится катастрофической.

ЗА ПЕЛЕНОЮ ВОЛН

Коллективное убеждение в том, что наша планета прекрасна изучена во всех ее уголках, мало-помалу утвердилось в течение XIX века, вплоть до того, что приняло в конце концов характер какого-то исступления. Опьяненные волной удивительных изобретений – электрического освещения, автомобиля, беспроводного телеграфа, развития воздухоплавания и т.п., которые должны были произвести революцию в повседневной жизни, люди возомнили, что у них есть основание верить во всемогущество науки, возведенной в ранг божества. Что же касалось великих жрецов новой религии, господ ученых, то считалось, что они способны все знать, и даже – почему бы нет? – что они уже знают все или почти все. Некоторые ученые в конце убаюкали себя этой иллюзией. В такой атмосфере эйфории и блаженного оптимизма, окрашенной неким псевдорелигиозным

фанатизмом, незнанию, сомнению, неуверенности, необъяснимости, иррациональности не было больше места.

Действительно, XIX век был эпохой первенства науки, и в этом отношении, по крайней мере, он оправдывает данное ему одним ученым наименование «глупого».

Увы! Мы все еще расплачиваемся по счетам того века...

Все это в полной мере относится к нашим знаниям о подводном мире. Раз уже семьдесят лет назад утверждали, что океан изборожден вдоль и поперек и изучен вплоть до последнего из мельчайших необитаемых островков, то разве теперь, в наше время, это не должно быть тем более верно? Оборудованные двигателем суда избавили нас от необходимости придерживаться путей, зависящих от ветра или морских течений. Сверх того, скафандры и подводные лодки позволили приподнять колышущийся занавес волн и увидеть скрытый за ним мир. Рыболовецкие флотилии, поделившие между собой все богатые рыбой воды земного шара, неуклонно используют глубины в той мере, в какой это позволяют делать наиболее современные приборы. Несколько океанографических экспедиций пошли еще дальше: с помощью зондов и других специальных приборов они достигли дна бездонных океанских впадин. Благодаря ультразвуку была выполнена подробная съемка рельефа затонувших континентов. Наконец, в своих батисферах и батискафах люди погрузились в недра царствующей в морской бездне вечной ночи, которую осветили бледным светом прожекторов. Пусть еще существует неизвестная нам сардина, но пусть нам не говорят о таинственных существах размером с человека или — особенно — о доисторических чудовищах!

Вот как думают многие люди. Но на практике дело обстоит совсем иначе.

Надо вспомнить о том, что вода занимает более трех пятых земной поверхности и что наши корабли пересекают ее, следуя неизменными и достаточно узкими дорогами.

«Могло бы показаться удивительным, — писал уже в конце XIX века старый морской волк Франк Буллон, — что такое пугливое существо, как кашалот, хорошо себя чувствует в водах Малаккского пролива, несмотря на значительное дви-

жение паровых судов. Но нельзя забывать о том, что сегодня эти корабли следуют заранее определенными путями, не отклоняясь от них, пароходные винты не нарушают морской поверхности нигде, кроме как вдоль этих морских путей. Так, например, изучение бортовых книг судов, пересекающих Красное море, показывает, что за пределами линии, соединяющей город Суэц с островом Перим, это море практически пустынно».

Появление моторной навигации не только не расширило, а еще более сузило сферу наших морских путешествий: корабль, снабженный винтом, больше не должен принимать в расчет часто капризные попутные ветры, он может бороться с течениями, то есть его маршрут остается более постоянным. К тому же, находясь в море, часто в неблагоприятных обстоятельствах, морские путешественники не любят терять время, даже если они путешествуют для развлечения, не отклоняются от маршрута для того, чтобы посетить чем-либо замечательные места или полюбоваться пейзажем, морской пейзаж безнадежно однообразен. Если самый короткий путь между двумя портами не всегда является прямой линией, то, во всяком случае, это — линия неизменная. И все навигационное искусство в том и состоит, чтобы от нее не отклоняться.

Наши представления о морских животных, обитающих на поверхности моря, в целом сравнимы с познаниями натуралиста, знакомого с зоологическим богатством области лишь на основании того, что ему удалось увидеть, путешествуя вдоль больших дорог.

К тому же, если фауна земной поверхности развивалась практически в двухмерном пространстве, то есть не осваивая толщу воздушного пространства, морская фауна обитает в настоящем трехмерном пространстве. Глубина его в некоторых местах превышает, по-видимому, 10 000 метров, а в среднем составляет более 3000 метров.

Исследование этого третьего измерения подводного мира едва началось. Аквалангисты и даже водолазы в скафандрах редко спускаются глубже, чем на 100 метров, их погружения происходят обычно вблизи берегов над континенталь-

ными цоколями. Следовательно, они никогда не встретят ничего, кроме очень обособленной части морской фауны, ибо морские ареалы так же дифференцированы, как и наземные, и каждый из них имеет своих исключительных обитателей.

Что же касается нескольких многообещающих погружений в морские впадины, совершенных в батисфере, прикрепленной к кабелю, а также в свободно плавающем батискафе, то они были такими редкими и пространство их исследований было до такой степени ограниченным, что в настоящее время можно пренебречь ими без особых угрызений совести, лишь в том, разумеется, что касается их результатов, а не в том, что они представляли сами по себе. В завоевании скрытого за занавесом морских волн Нового Света роль пионеров Бертона и Биба была равноценна той, которую сыграли искавшие приключений викинги, значительно раньше Колумба высадившиеся в Винланде. Профессор Огюст Пикар был «Америго Веспуччи» этой эпопеи; капитан Уот и инженер Уиллм были первыми его конкистадорами. Однако они сделали лишь начальные шаги.

Даже океанографические экспедиции, посвятившие себя систематическим исследованиям, совершили в морских глубинах не более чем работу, соответствующую распашке нови. Они были не так уж многочисленны со времени бессмертного путешественника на «Челленджере» в 1872 году, и наиболее изощренные средства, которыми они располагали для исследования океанской фауны, находились во всех отношениях в самом зачаточном состоянии. С помощью траловых сетей и вершей нельзя выловить ни очень крупных, ни достаточно быстроходных животных, ни животных, достаточно умных для того, чтобы избежать этих приспособлений, действующих вслепую. К несчастью, именно самые интересные животные лучше всего защищены от нашего любопытства!

Не надо думать, что рыболовецкие флотилии, постоянно прочесывая океаны, составили, таким образом, полный список жителей, по крайней мере, их поверхности.

Одна из научных конференций «За сохранение и использование природных ресурсов», проходившая под эгидой ООН с участием экспертов из всех стран, установила, что 98% рыбы вылавливается в настоящее время в Северном полушарии, причем в большинстве своем выше Тропика Рака. В этом полушарии только 60% поверхности занимает вода, в то время как в Южной полушарии морское пространство составляет 80% поверхности. Коротко говоря, в той части света, которая почти полностью покрыта водой, рыболовецкая активность совершенно незначительна.

Поскольку вода не является нашей природной стихией, наши возможности сбора зоологических экземпляров на земле нельзя сравнить с теми, которыми мы располагаем в море. Эти два процесса радикально отличаются друг от друга: рыбная ловля всегда — слепая охота, подобная охоте с капканом. В этом отношении подводные охотники совершили настоящую революцию, но мы знаем, насколько ограничено поле их действий.

В целом наши методы исследования океанической фауны представляют до сих пор ненадежную технику ударов, наносимых шпагой по воде. Мудрость говорит устами замечательного писателя-натуралиста А. Хайатта Верилла, когда он пишет в своей книге «Удивительные доисторические животные»: «Если бы обитатели другой планеты, обзревая издали нашу собственную, забросили на ее поверхность сети, какие сведения о нашей фауне удалось бы им получить?»

Нашему желанию полнее узнать морскую фауну чаще всего способствует случай. Крупные морские животные, случайно выброшенные на отмель, более чем что-либо другое обогатили наши знания о них. Эти вынесенные на берег трупы были для нас как бы метеоритами, упавшими с неба, посланцами чужих миров, куда нам не было доступа. Странно подумать, сколько морских пород мы в первый раз узнали таким способом и сколько таких, которые мы знаем только благодаря случайным встречам!»

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА: ЦЕЛАКАНТ

Если бы 22 декабря 1938 года капитан Гусен на обратном пути из района, где он обычно ловил рыбу в южноафриканских водах, не забросил, повинувшись случайному импульсу, свою траловую сеть на глубину 65 метров перед устьем реки Халумны, мы, без сомнения, никогда бы не узнали о существовании отряда рыб, которые считались исчезнувшими 70 миллионов лет назад. Вместе с тем нужно было, чтобы этого человека поразила необычайный вид этой большой рыбы, покрытой голубой чешуей, попавшей в сети вместе с полутора тоннами съедобной рыбы и двумя тоннами акул. Что, без сомнения, могло привлечь внимание экипажа, так это то, что, не погибнув под тяжестью улова, подобно другим рыбам, странное существо шевелившееся зачатками лапок, попыталось свирепо вцепиться в руку капитана. В дальнейшем надо было, чтобы в самом разгаре южного лета рыба попала в достаточно хорошем состоянии в руки специалиста. Им оказалась мисс Куртенэ-Латимер из Музея Ист-Лондона, молодая женщина, достаточно искушенная в естествознании, чтобы позаботиться о том, чтобы законсервировать этот экземпляр и сообщить об этом специалисту-ихтиологу, оказавшемуся способным определить принадлежность этой рыбы к отряду целакантов, а именно профессору Дж. Л.Б. Смигу. После фантастической ночи, проведенной с глазу на глаз с невероятным существом, уцелевшим на Земле с доисторических времен, почтенный ихтиолог должен был признать реальность его существования. И, словно желая придать ему больше весомости, он наделил его латинским названием *Latimeria chalumnae*.

Итак, потребовались совпадение исключительных обстоятельств, чтобы произошло самое удивительное открытие века в области зоологии. Надо сказать, что этот случай поимки странной рыбы не был ни первым, ни единственным. На Коморских островах местные жители иногда ее вылавливали и употребляли в пищу в соленом виде, называя ее комбессой. Многие жители тех мест про-

заически использовали шероховатую поверхность чешуи «живого ископаемого» для зачистки прохудившихся велосипедных камер!

Когда же область распространения целаканта была определена благодаря искусным вычислениям профессора Смита, когда поимка следующего экземпляра около острова Анжуан подтвердила его выводы и когда, наконец, Мадагаскарский институт научных исследований с помощью туземных ловцов занялся систематическим его изучением, тогда за два года были выловлены еще семь экземпляров этой рыбы!

Надо хорошо проникнуться этой мыслью: если бы первый целакант был немедленно отведен гурманами, падкими на сенсации, если бы он был выброшен в море рыбаками, если бы он совершенно разложился, прежде чем попал в руки специалиста, короче говоря, если бы зоологи распола-

Рыбаки с Коморских островов показывают только что добытого целаканта, живое ископаемое Индийского океана

гали лишь подробным его описанием, то практически никто не поверил бы в его существование.

Впрочем, история доказала, что недоверчивость некоторых ученых может зайти гораздо дальше. Даже когда драгоценная латимерия была законсервирована в лаборатории, где эксперт-ихтиолог уже определил ее, все еще находились профессионалы, отрицавшие ее существование, казавшееся им слишком неправдоподобным.

В своем захватывающем описании истории открытия целаканта, Старины Четверонога, профессор Дж. Л.Б. Смит рассказывал о том, как один ученый из министерства, с которым он был знаком много лет, пришел к нему в его кабинет в университете вскоре после опубликования материалов об удивительной находке. Он положил ему руки на плечи и сказал торжественным тоном: «Профессор, что заставило вас это сделать? Ужасно видеть, как вы портите свою научную репутацию».

Смит спросил его, что он имел в виду, и посетитель уточнил: «Назвать ту рыбу целакантом...» И он принялся убеждать его, что ведь это не мог быть целакант, подумайте! Это был не целакант! И, покачивая головой, с горьким вздохом добавил: «Нет, старина, я только что был у Х. (один ученый), так вот, он говорит, что вы сошли с ума, что это рыба всего лишь — мероу с искалеченным и зажившим хвостом».

Что бы сказал этот Х., если бы узнал, что через шестьдесят лет целакантов станут ловить не только у Коморских островов, но и в водах Индонезии?!

СУЩЕСТВО, НИКОГДА НЕ ВСПЛЫВАВШЕЕ ИЗ ПУЧИНЫ

Словно для того, чтобы найти оправдание своей выжидательной позиции, многие зоологи способствовали распространению слухов о том, что *Latimeria* обитает в «недоступных глубинах океана». Это, с их точки зрения, было единственным объяснением того, что она так долго оставалась неизвестной. Такой, в частности, была позиция палеонтоло-

гов, для которых доживший до наших дней целакант был живым оскорблением, язвительным опровержением их тщательно проделанной работы по реконструкции прошлого, основанной часто на самых хрупких догадках и предположениях. Разве не достаточно они утверждали, что отряд целакантов полностью вымер в конце мелового периода, поскольку в слоях позднейших отложений не было найдено их окаменелых останков? Следовательно, немедленно отправить ее обратно в самую морскую пучину, в вечную тьму, где любое невежество вполне законно!

Однако капитан рыболовного траулера был точен: рыбу поймали на глубине 40 морских саженей, что составляет примерно 65 метров. Ба! Достаточно было вообразить, что он ошибся...

Но это мнение не выдерживало критики даже с точки зрения самого неискушенного зоолога, ибо все в облике целаканта говорило против его глубоководного происхождения. Его толстый панцирь, состоящий из крупной зазубренной чешуи, костные пластины на голове и мощность его плавников — все это выдавало животное, приспособленное для жизни между скалами и коралловыми рифами, способное с быстротой молнии укрываться в расщелинах, не опасаясь при этой пораниться, Рыбы, живущие на большой глубине, в большинстве своем невелики или очень вытянуты в длину, так что имеют почти нитевидную форму, в любом случае, они очень слабы и хрупки. Не только сама латимерия, которая весит 40 килограммов и имеет в длину 1 метр 25 сантиметров, не имеет ничего общего с ними, но и ее огромные челюсти и мощная мускулатура не кажутся предназначенными для охоты за столь незначительной добычей. И наконец, рыба была чудесного голубого, с металлическим отливом цвета; неизвестно ни одной глубоководной рыбы с такой окраской. Глубоководные рыбы окрашены обычно в черные, серые и темно-коричневые цвета. Существо голубого цвета было бы ярким пятном в этом суровом мире.

С другой стороны, если способность выжить под давлением нескольких тонн улова кажется необычной даже для

рыбы, живущей на небольшой глубине, то для глубоководных рыб, погибающих часто просто из-за понижения давления, такая живучесть кажется просто немислимой!

Категорические и настойчивые утверждения профессора Смита не смогли убедить общественное мнение. Фотография живого целаканта, сделанная на глубине 15 метров пловцом итальянской экспедиции летом 1953 года, была принята за подделку. Также не было принято всерьез свидетельство подводного охотника Дж. Ф. Картрайта из Солсбери, который, занимаясь своим любимым спортом в октябре-ноябре 1952 года в Малинди, в Кении, встретил между коралловыми рифами и даже пытался загарпунить рыбу, по всем признакам отвечающую описанию латимерии.

Ничего не помогало. Когда было объявлено, в соответствии с утверждением туземных рыбаков, что второй экземпляр был пойман на глубине 32 метров, пресса, особенно французская, без всякого стыда преувеличила цифру. Датской экспедиции якобы даже удалось поймать целаканта в океанской впадине! И когда восьмой экземпляр, пойманный рыбаками с Коморских островов, на этот раз на глубине 252 метра, не удалось сохранить живым дольше нескольких часов, профессор Ж. Миллот поставил следующий неосторожный диагноз: «Без сомнения, смерть была вызвана понижением давления и увеличением температуры».

На это профессор Дж. Л.Б. Смит, старый и опытный удильщик, должен был вскоре ответить: «Может быть, профессору и его сотрудникам неизвестен тот, следующий из опыта, факт, что крупные рыбы, пойманные на удочку живыми, никогда не остаются в живых долго и, во всяком случае, в аквариуме большинство из них погибает».

То, что целакант является живым ископаемым, существом, почти не изменившимся в течение трехсот миллионов лет, — один этот факт должен был убедить натуралистов в неправдоподобности его предполагаемого глубоководного образа жизни. Для того, чтобы переселиться в морские впадины, надо быть существом прямо противоположным «живому ископаемому», то есть существу архаического строения. Такие животные должны были бы относиться к моло-

дому, малодифференцированному виду, сохранившему еще гибкость и способность приспосабливаться к царящим в глубине невероятно трудным условиям: полному отсутствию света и, следовательно, растительной жизни, необходимости исключительно плотоядного рациона, сплющивающему давлению воды и сильному холоду. Как подчеркивает Рашель Карсон в своей замечательной книге «Это море, которое нас окружает», «глубоководные условия жизни слишком суровы для того, чтобы допустить существование неизменных форм жизни, не стремящихся использовать всякую возможность, благоприятствующую существованию протоплазмы в мире, лишь менее враждебном, чем мрачные межпланетные пространства».

Понятно, что по причине чертовски негостеприимных условий жизни морские впадины оказались последним ареалом, завоеванным варварскими ордами. И, следовательно, именно здесь, вопреки надеждам океанографов прошлого века, особенно маловероятна встреча с уцелевшими животными далекого прошлого. Между тем на нашей планете по-прежнему существуют запоздалые представители всех геологических эпох, и, следовательно, всегда сохраняется вероятность обнаружения других, подобных им, еще неизвестных животных. Ископаемые животные живут рядом с нами. Нигде это утверждение не актуально так, как в огромном океане, где условия жизни изменились гораздо меньше, чем на поверхности Земли. Зоологические виды и отряды в море существуют гораздо дольше, чем на суше.

О ТЕХ, КТО ПРИПОДНИМАЕТ ПОЛОГ...

Однако не означает ли все сказанное выше возвращения к ограниченному, двумерному пространству подводного мира, способного таить в себе неизвестных животных, замечательных своими большими размерами или архаическим строением тела?

Конечно, нет. Но даже если бы это было так, следовало бы признать, что море, даже поверхностно, изучено гораздо

меньше, чем наземное пространство, более тесное и тем не менее богатое неразрешимыми зоологическими загадками. За пределами прибрежной зоны, где работают аквалангисты, наши взгляды никогда не проникают внутрь этого наиболее населенного слоя! Мы знаем о его обитателях лишь то, что открывают нам упомянутые выше случайные способы исследования.

В открытом море можно надеяться увидеть лишь тех животных, которые по той или иной причине раздвигают иногда завесу волн. Среди них надо назвать рыб, охотящихся на поверхности, таких, как акулы, но прежде всего позвоночных, обладающих легкими: рептилий и млекопитающих, которые должны регулярно подниматься на поверхность, чтобы возобновить свой запах воздуха. (Бесполезно упоминать здесь птиц, которые никогда не бывают исключительно водными животными, так же как и амфибий, область распространения которых строго ограничена пресноводными водоемами.)

Однако необходимость подниматься на поверхность моря сама по себе не обязательно делает животных заметными. Если синие киты, киты-полосатики и кашалоты становятся заметными в тот момент, когда они дышат благодаря своему мощному «фонтану», выбрасываемому во время дыхания, так это потому, что этот последний достигает 15 метров и продолжается в течение 15 секунд! Но этого нельзя сказать обо всех китообразных. Многие из них, имеющие в длину десятки метров, выпускают лишь небольшой, слабо заметный фонтан воды, как в случае касаток, некоторых дельфинов, бутылконосов и малых китов-полосатиков. Что касается китообразных небольшого размера, то они совсем не выбрасывают воды. Другие морские млекопитающие, как, например, ластоногие и сиреновые, поднимаются на поверхность для дыхания совершенно незаметно, часто их ноздри едва выступают из воды. То же в случае с приспособившимися к жизни в воде рептилиями, такими как крокодилы, черепахи или змеи. Наконец, надо упомянуть о том, что даже наименее робкие из китообразных, поднимаясь для дыхания на поверх-

хность воды, показывают лишь небольшую часть своей спины.

Известно, что многие китообразные, даже из самых крупных, имеют обыкновение совершать над морем удивительные прыжки, причины которых мы не знаем, они могут оказаться игрой, свадебным парадом или приступом буйства, вызванным назойливыми укусами паразитов. Без сомнения, немногие люди имеют возможность присутствовать при таких прыжках, если, конечно, речь идет не о широко распространенных видах небольших животных, таких, как морские свиньи или дельфины, которые обычно двигаются прыжками и иногда следуют за кораблями...

Очевидно, что большинство океанских животных не имеет никакой причины для демонстративного появления на поверхности воды.

В целом, обитатели пелагиали, за редким исключением, совсем не показываются на поверхности, и если даже им случается это делать, то они появляются лишь мельком. Тех животных, которые по неосторожности или по несчастью часто попадают на глаза человеку, обыкновенно безжалостно истребляют; одних — потому что мы их едим, других — потому что они едят нас, третьих — потому что их мех, кость или панцирь нравятся нашим щеголям, иные, увы, истребляются потому, что охоту на них находят забавной.

Что значит сказать, что существуют редкие животные?

Редкими животными считаются те, увидеть которых удается лишь в крайнем случае. И это, естественно, не позволяет не только изучить их, но иногда даже признать их существование. «Seeing is believing (увидеть — значит поверить)», — говорят англосаксы. Но большинство зоологов не разделяют этого мнения: для них «увидеть» не является достаточным доказательством существования животного, особенно когда речь идет о существах, которых трудно или невозможно классифицировать в рамках известных видов животных, т.е. в рамках отрядов, появившихся сравнительно недавно. Ученым требуются конкретные доказательства. Зуб, позвонок, панцирь имеют в их глазах большую ценность, чем подроб-

ное описание всего животного. Научная дисциплина делает им честь. Но когда они отрицают без дальнейших церемоний существование животного под тем предлогом, что у них нет никакого его анатомического фрагмента, их профессиональная ограниченность приобретает по крайней мере тревожный характер.

ЧТО ТАКОЕ ЧУДОВИЩЕ?

Чтобы доказать, что в море еще должны существовать многие неизвестные животные, было бы достаточно ограничиться упоминанием самых крупных из них. Впрочем, существование мелких неизвестных животных не вызывает вопросов: многие охотно согласятся с тем, что еще возможно открытие множества неизвестных видов рыб, ракообразных и моллюсков, способных уместиться на ладони.

26 октября 1973 года в гавани Св. Джонса на юго-западном побережье острова Ньюфаундленд двое рыбаков и их 12-летний сын на лодке подверглись нападению гигантского кальмара

Лишь мужество мальчика, отрубившего одно из щупалец исполина, охватившее лодку, спасло рыбаков. Обрубок щупальца был в длину чуть меньше шести метров и дергался на дне лодки. Вскоре на берегу его съели голодные собаки

Это не означает того, что именно самым крупным животным особенно трудно спрятаться: носорогу гораздо легче остаться незаметным, чем длиннохвостому попугаю ара, но ничто так не поражает людей, как большие размеры тела.

«Размеры тела имеют большое, очень большое значение, — отмечает профессор Дж. Б. Смит. — Слон производит гораздо большее впечатление по сравнению даже с редчайшим перипатом... Если бы первый целакант оказался не длиннее 15 сантиметров, он отнюдь не поразил бы в такой степени воображение толпы!»

Можно смело предсказать открытие множества неизвестных рыб, по размеру приближающихся к человеку. Уже теперь с достоверностью можно утверждать, что в Мексиканском заливе живет крупная, пока еще не известная науке рыба примитивного строения. В Национальном музее в Вашингтоне с 1949 года бережно сохраняется один из элементов ее чешуи, имеющий около 4 сантиметров в диаметре!

Эта бесценная деталь была отослана туда в целях определения одной дамой из Тампы (во Флориде), которая, занимаясь изготовлением украшений из ракушек, чешуи рыб и других добытых в море предметов, приобрела у местных рыбаков полное ведро такой чешуи, необычный вид которой поразил ее. Отосланный экземпляр попал в руки выдающегося ихтиолога доктора Айзека Гинзбурга, который заявил: «Эта чешуя не похожа ни на одну из тех, которые мне приходилось видеть прежде!» Структура ее, действительно, кажется примитивной. С точки зрения доктора Гинзбурга, нет ничего невозможного в том, что эта чешуя принадлежит какой-либо разновидности целаканта.

Увы! Оказалось невозможно получить от ремесленницы из Тампы более полные сведения о происхождении этой чешуи или о человеке, доставившем ей эту партию сырья.

В дальнейшем мы будем говорить лишь об очень крупных животных, исключительно о морских существах, причисляемых обычно из-за своего огромного размера к разряду «чудовищ».

Конечно, это понятие двусмысленное и неточное, но в данном случае оно подходит лучше всякого другого.

«Monstrum, — писал Арман Ландрен, — называется все странное, во что трудно поверить, все необыкновенное, причудливое, безобразное, удивительное, исключительное в своем роде, все, отличающееся необыкновенной свирепостью, все сказочное».

Редкое животное не заслуживает в том или ином отношении названия «чудовища», ибо каждое отличается чем-нибудь по меньшей мере странным и необычным, с нашей точки зрения, разумеется. В океане акула является чудовищем благодаря своей прожорливости, кит — благодаря своим огромным размерам, морской конек — из-за формы и положения тела, морская звезда удивительна своей причудливой формой, морской черт поражает безобразием, а целакант — архаическим характером строения тела.

Мы будем говорить здесь только о тех огромных морских существах, чья таинственность и неуловимость превратила их в легенду — лишь об удивительных, невероятных, причудливых, безобразных, странных, необычных в своем роде, крайне свирепых и фантастических животных, то есть о чудовищных во всех отношениях созданиях.

Выбор термина, таким образом, вполне оправдывает себя.

МОРЕ — ЭТО ЗООЛОГИЧЕСКИЙ КОКТЕЙЛЬ

Ничто не может лучше убедить недоверчивого читателя в нашем малом знании морской фауны, чем открытие неизвестного животного размером с кита. Но это не значит, что с зоологической точки зрения гиганты являются самыми интересными животными. Поимка на поверхности Земли представителя зоологического типа перипатов, животного, напоминающего гусеницу и представляющего переходную ступень от червей к членистоногим, — событие гораздо более значительное, чем поимка слона, подобно тому, как вновь выловленный целакант производит большую сенсацию, чем обнаружение новой разновидности кита-полосатика. Завтра, быть может, в море найдут животных гораздо более замечательных, чем знаменитый морской змей. Этот

последний может действительно оказаться животным, еще не знакомым зоологам, но принадлежащим к хорошо известному в наше время отряду. Обнаружение живого трилобита, размером не превосходящего небольшой шарик, было бы более значительным событием, чем добыча новой разновидности сверхгигантского морского утря (разумеется, говоря это, мы не стремимся предвосхитить зоологическую классификацию Великого морского змея). В этом случае у нас была бы возможность изучить внутреннюю анатомию, физиологию и привычки животного, относившегося к группе, которая, по-видимому, вымерла сотни миллионов лет назад. В этом же состоит громадный смысл поимки целаканта во плоти. Латимерия помогла нам наяву осуществить мечту Г. Уэллса о машине времени. И тем не менее сомнительно, что обнаружение живого трилобита стало бы основанием для газетной сенсации.

Это мнение недавно было подтверждено открытием морского животного, полностью перевернувшего классификацию моллюсков. Это животное является переходной формой между семейством хитонов (панцирные моллюски, имеющие сегментарное строение) и семейством пателли (примитивные моллюски с конической раковинной). Поймано оно было в 1951 году в Тихом океане, на широте Коста-Рики датскими океанографическим судном «Галатhea». Изучение этого моллюска открыло ошеломленным ученым, что они имеют дело с запоздалым представителем отряда животных, вымершего в течение палеозойской эры, а именно, отряда моноплакофоров. По мнению палеонтологов, *Neopilina galathea*, как назвал ее в 1957 году доктор Антон Бруун, должна была исчезнуть 280 миллионов лет назад! Ее обнаружение в живом виде, следовательно, было событием еще более значительным, чем открытие целаканта, который считался ископаемым «всего лишь» в течение неполных 70 миллионов лет. Однако это открытие осталось незамеченным широкой публикой, так как моллюск едва достигает размера небольшой монетки.

Конечно, появление в наше время одного из гигантов далекого прошлого вызвало бы единодушный энтузиазм как

среди профанов, так и среди серьезных ученых. Но это уж слишком, вероятно, подумает читатель. Однако и это не выходит за рамки возможного. История целаканта и неопилины доказала, или, вернее, подтвердила, так как оба они были лишь последними звеньями в длинной цепи обретенных «живых ископаемых», что животные самых отдаленных эпох продолжают существовать скрыто вплоть до нашего времени. Остается доказать, что гигантские животные могли сохранить инкогнито на протяжении такого долгого периода.

Так же как острова из-за ограниченности пространства благоприятны для формирования карликовых пород, так и открытый, не знающий границ океан представляет собой прежде всего царство гигантов.

Морские животные вообще крупнее, чем их наземные собратья. Это справедливо для существ, находящихся на всех ступенях эволюционной лестницы. Ночесветки, которые заставляют море светиться фосфорическим светом, являются теми редкими простейшими одноклеточными организмами, которых можно увидеть простым глазом. Речные губки имеют абсолютно незначительные размеры по сравнению с морскими, которые иной раз достигают в диаметре одного и более метров. Среди представителей типа кишечнорастных гидры, обитающие в пресной воде, имеют почти микроскопические размеры, тогда как некоторые океанские медузы достигают поразительных размеров: студенистый купол медузы цианеи, описанной Агассизом, может иметь 3 метра в диаметре, а ее охотничьи щупальца достигают 40 метров в длину! Некоторые обитающие на земле моллюски — слизняки и улитки, до смешного малы по сравнению со своими морскими собратьями, особенно с гигантскими головоногими. Самый длинный из всех червей, *Laneus longissimus* — это морская немертина, некоторые экземпляры которой достигают длины более 15 метров и даже вдвое больше. (В действительности трудно установить длину столь растяжимых червей. Экземпляр длиной в семь метров может в течение нескольких секунд вытянуться до тридцати метров!) Земные членистоногие (насекомые, многоножки, паукообразные) не

могут соперничать в размерах с морскими членистоногими (ракообразными). Пяденица Атлас, имеющая размах крыльев 35 сантиметров, кажется незначительной рядом с крабом на ходулях или гигантским морским пауком, ноги которого имеют иногда до 4 метров в длину.

Так же в случае с позвоночными. Вряд ли нужно даже говорить о рыбах: какой пресноводный чемпион сможет противостоять таким гигантам, как, например, хрящевые рыбы или китовые акулы? Эти последние имеют с длину больше 15 метров и, по мнению некоторых экспертов, могут достигнуть и 20 метров, вес их составляет десятки тонн.

В мире рептилий самый большой из когда-либо добытых крокодилов, по-видимому, принадлежавший к виду гребнистых крокодилов, единственному проникшему в море, выловленный сто лет назад двумя охотниками с острова Лусон на Филиппинах, по их свидетельству, имел в длину 8 м 85 см. Однако следует заметить, что, по мнению Карла Шмидта из Музея естественной истории в Чикаго, судя по размерам черепа этого чудовища, который хранится в США, его длина не должна была превышать 6 м 85 см. А ведь и аллигатор, и оринокский крокодил могут достигать в исключительных случаях семи метров в длину. Но совершенно точно то, что самые большие черепахи — морские: кожистая черепаха достигает иной раз в длину 2 м 75 см и весит в таких случаях около 700 кг. Гигантские черепахи с Галапагосских островов гораздо меньше: их вес не превышает 300 кг.

Наконец, среди млекопитающих слоны, которые являются чемпионами в категории тяжеловесов среди наземных животных, кажутся очень маленькими рядом с самым большим китом. Голубой кит-полосатик может весить столько, сколько весит стадо из 35–40 взрослых слонов. Даже белуджитерий, самое крупное млекопитающее, когда-либо жившее на Земле, своего рода носорог, в холке превосходивший по высоте жирафу, должен был весить в 10–12 раз меньше, чем крупный кит. Он весил лишь вдвое больше новорожденного китенка. Для сравнения сошлемся на то, что однажды из тела самки полосатика, имевшей в длину 24 метра, был извлечен зародыш длиной около 8 метров, весивший 7 тонн.

Вообще говоря, полосатик еще до своего рождения весит больше, чем самый крупный взрослый слон.

КАК МАЛО МЫ ЗНАЕМ О ВЕЛИКАНАХ!

Не надо думать, что самые огромные обитатели моря были в первую очередь обнаружены натуралистами. В действительности такого рода открытиями чаще всего руководит случайность. Самая твердая воля часто ничего не меняет в этом деле.

Ряд событий, связанных с открытием некоторых морских гигантов, лучше познакомит нас с этим вопросом.

Самая крупная из всех рыб, китовая акула, была открыта только в 1828 году. Первый экземпляр был загарпунен у берегов военным врачом, который был также отличным знатоком южноафриканских рыб. Прошло еще двадцать лет, прежде чем сведения об этом гиганте достигли западного мира.

Наша встреча с самым большим скатом — мантой, или гигантским морским дьяволом, относится примерно к тому же времени.

Он был научно описан в 1828 году доктором Эдвардом Банкрофтом на основании экземпляра, выловленного в предыдущем году в порту Кингстона на Ямайке генерал-майором сэром Джоном Кином. Разумеется, что это чудовище, которому приписывали иногда размах «крыльев», близкий к 8 метрам, было известно и раньше, но его зоологическое определение не было вынесено до упомянутого времени. Так, в своем историческом сочинении 1758 года дон Антонио де Ульоа, генерал-лейтенант испанского флота, уже упоминал о «чудовищной рыбе», называемой манта, которая нападает, как говорят, на ловцов жемчуга в районе между Панамой и Гуаякилем: «...длинная и широкая, как стеганое одеяло, она охватывает своими плавниками любое оказавшееся в пределах досягаемости существо и немедленно удушает его». Более того, некий полковник Монтегю, кажется, помышлял впоследствии о том, чтобы включить мантию в число скатов. Мы

увидим в дальнейшем, что тщательное описание доктора Банкрофта не помешало, однако, почти сорок лет спустя одному просвещенному путешественнику принять манту за нечто вроде сирены с белыми руками!

Заметим, что самый крупный экземпляр манты, который подвергся измерению, не превышал шести метров в ширину. Загарапуненный в 1919 году в Бимини на Багамах, он весил 1500 кг. Однако следует сказать, что эти чудовищные скаты совершенно безвредны. Единственная исходящая от них опасность связана с их маниакальной склонностью к чудесным прыжкам, которые они совершают над водой. Всплеск, который они производят, падая обратно плашмя, производит устрашающее впечатление. Случается, что раненые манты падают таким образом на лодки рыбаков, достаточно неосторожных, чтобы охотиться на них, и можно себе представить размеры ущерба, нанесенного этой тонной разгневанной мускулатуры!

Примечательным в числе прочего является состояние наших знаний о китообразных, которые насчитывают в своих рядах несколько семейств самых крупных животных, которые когда-либо существовали на нашей планете. Вопреки всеобщему мнению, самый гигантский динозавр юрского периода никогда не достигал размеров наших современных больших китов: полосатиков, собственно китов и кашалотов. Судя по примерным расчетам, представляется, что самые громадные доисторические рептилии не превосходили весом 50 тонн, тогда как голубой кит может весить 150 тонн.

МИР СКРОМНЫХ ГИГАНТОВ

Нет ничего удивительного в том, что люди привыкли к промысловым морским гигантам, которых они добывают преимущественно ради жира. Но, может быть, существуют и другие? Преждевременно было бы это отрицать, тем более, что многие китообразные больших размеров были открыты чуть более века назад, а кое-какие другие и теперь едва нам знакомы. Совпадения исключительных обстоятельств, сде-

лавшего возможным для нас знакомство с этими животными, в других случаях могло просто не произойти.

Ни одно семейство китообразных не является в наших глазах таким загадочным, как семейство клюворылых китов. Из пяти родов, входящих в это семейство, только один известен достаточно хорошо, он же был единственным известным в самом начале XIX века; мы имеем в виду род бутылконосов, который был назван так Ласепедом в 1804 году. По-видимому, существует несколько различных видов бутылконосов, чья длина приближается к 10 метрам, но тот вид, который больше всего отличается от других, известен нам практически лишь по черепам, найденным по берегам южных морей. До сих пор бутылконосов удавалось выловить лишь на севере Атлантического океана!

Кит клюворыл Кювье, который дал имя всему семейству, вначале считался вымершим животным. Все вещественные доказательства его существования, которые первоначально удавалось получить, сводились к окаменелому черепу, найденному в 1804 году Жоржем Кювье как череп ископаемого животного. Почти полвека спустя после этой анатомической находки второй точно такой же был выброшен на берег в том же месте. И лишь много позже в Новой Зеландии было выловлено китообразное животное, обладавшее таким же черепом. Любопытно, что у стареющих особей череп становится окаменелым, как бы прежде времени превращаясь в ископаемый. Есть еще одна причина, по которой это животное представляется насмешкой природы над зоологией. Светлая сверху и темная снизу окраска его тела находится в противоречии со всеми установленными правилами животной окраски. Стоило большого труда убедить зоологов в реальности его существования.

Род ремнезубов, быть может, самый загадочный. Первоначально он стал известен благодаря трупу, выброшенному на побережье в графстве Эгин в Шотландии, и который посчастливилось увидеть натуралисту Соверби. Это коричневое животное обладало странно выгнутой нижней челюстью, снабженной лишь одной парой зубов, послужившей причиной его первоначального названия *Diodon sowerbyi*,

которое впоследствии было отброшено по таксономическим соображениям. В 1828 году очень похожее животное, совсем не имевшее зубов, было выброшено живым на пляж в Гавре. Это существо, привлечшее толпы любопытных, оставалось в живых еще в течение двух дней. Прогуливающаяся публика, имевшая крайне субъективное представление о рационе китообразных, предлагала ему хлеб, смоченный водой, и другие не менее неподходящие продукты. Бедное, испуганное животное испускало нечто вроде глухого крика, напоминавшего мычание коровы. После того как этот дельфин был осмотрен Анри Дюкроте де Бланвилем, вследствие отсутствия зубов он получил имя *Aodon dalei*. По мнению специалистов, это животное могло оказаться престарелой особью «кита» Соверби, потерявшей зубы от старости.

В 1850 году вышеупомянутый «кит» получил от Поля Жерве имя, закрепленное за ним официально, — *Mesoplodon bidens*. С тех пор было обнаружено много разнообразных месоплодонов, но их описания были основаны на таком скудном материале, что трудно сказать в настоящее время, сколько подвидов живут в океане — 10 или 15. Одним из самых редких является «кит» Жерве (*Mesoplodon europaeus*). Известно лишь шесть его экземпляров. Первый был найден плавающим в проливе Ла-Манш в 1840 году, три другие были выброшены на побережье Нью-Джерси, в США (в 1889, 1933, 1935 гг.), двое других, мать и детеныш, были обнаружены на Ямайке в 1953 году, и кажется не совсем уместным, что животное названо «европейским»!

Ремнезуб Бланвиля имеет еще более фантастическое географическое распространение. Было найдено всего семь его экземпляров, однако в различных и самых отдаленных точках земного шара: на Сейшельских островах, у острова Лорд-Хау, на юге Африки, вблизи Массачусетса, около островов Мадейра и у берегов штата Нью-Джерси. *M. stejnegeri* известен лишь благодаря двум экземплярам с северного побережья Тихого океана, *M. hectori* — по двум экземплярам из Новой Зеландии. Описание *M. bowdoini* также было сделано на основании изучения двух новозеландских экземпляров, от которых, однако, не осталось ничего, кро-

ме скелета, поэтому внешний вид животного пока неизвестен.

Можно даже и не упоминать о том, что полностью ведомо все, что касается нравов различных мезоплодонов, длина которых иногда превышает 5 метров.

Ничуть не более мы знаем о двух видах рода плавунцов: северном плавуне и южном плавуне, которые могут достигать 13 метров в длину. Зубы южного плавунца имеют такое строение, что если бы их описание было сделано профаном, ему не поверил бы ни один специалист в области маммологии: эти зубы заключены в хрящевые сумки и, похоже, могут произвольно подниматься, действуя при этом подобие крючков.

Время от времени обнаруживаются новые представители семейства клюворылых. В 1937 году появился новый род — тасмановые киты, открытый Оливером на основании обследования последовательно выброшенных на побережье Новой Зеландии трех «китов» с клювом совершенно неизвестного прежде типа. Это были крупные животные, имевшие от 7 до 9 метров в длину! Все эти события происходили, подчеркиваю, незадолго до Второй мировой войны, а не в средние века. И это не мешает нам празднично утверждать, что море не способно больше скрывать неизвестных животных большего размера!

После знакомства со смутным положением, царящим в изучении семейства клюворылых, нам не покажется удивительным, что среди дельфиновых и собственно дельфинов, то есть среди китообразных меньшего размера, многие виды известны нам лишь на основании отдельных, редких, часто единственных экземпляров.

Существует, например, несколько разновидностей рода *Lagenorhynchus* — дельфина-сороки, как его иногда называют, внешний вид которых изучен недостаточно. Некоторые из них кажутся неуловимыми, как, например, «дельфин с песочными часами» Вилсона.

Эта разновидность, говорит Френсис К. Фрезер в своей классической работе «О морских гигантах», написанной в соавторстве с ихтиологом Джоном Р. Норманом, часто встре-

чалась на севере от пакового льда, как в ходе экспедиции «Дискавери» в 1802 году, так и во время экспедиции «Терра-Нова» в Антарктике. Однако не был пойман ни один экземпляр этого животного.

Из дельфинов рода *Prodelphinus* пятнистый дельфин получил свое имя лишь в 1889 году от Поля Жерве. Фрезер пишет также: «Было описано множество разновидностей, но без каких-либо сведений об их нравах. Большинство форм этих животных известны нам только по черепам».

Семейство кашалотов включает очень редкий и оригинальный род карликовых кашалотов, описанный только в 1846 году. Это животное трехметровой длины, которое еще никто не видел живым. Если бы не несколько случайно выброшенных на берег экземпляров, мы бы ничего не знали о его существовании.

Самый маленький из семейства гладких, или настоящих китов известен нам лишь с 1864 года. Это странное животное имеет настолько расширенные бока, что грудная клетка его напоминает бочку. И сейчас этот кит-пигмей встречается лишь в исключительных случаях. Необходимо заметить, что это «миниатюрное» животное может достигать 18 метров в длину.

Как было показано, число китообразных внушительного размера, с которыми мы едва знакомы, достаточно велико. Ряд других, как мы увидим в дальнейшем, известны ученым лишь по внешнему виду. А сколько еще осталось таких, о чьем существовании мы даже не подозреваем? Сколько еще имеется морских животных, принадлежащих к разным зоологическим отрядам, которые, благодаря анатомическому строению, физиологии или особенностям образа жизни и географического распространения, могут успешно противиться случайному попаданию на берег? Большинство живых организмов теряют плавучесть после смерти и, если они не живут вблизи берегов, у них нет шансов оказаться выброшенными на пляж или скалы.

НЕОБХОДИМ РИСУНОК

Несмотря на наш далеко не полный список представителей морской фауны, существование морских чудовищ вызывает обычно большое недоверие. Это случается из-за фантастичности описаний, которые обычно им сопутствуют. Но, может быть, прежде чем отнестись к таким описаниям резко отрицательно, надо спросить себя, не существует ли *a priori* каких-либо причин для появления таких описаний?

Прежде всего, морские существа всегда выглядят более или менее фантастически; будучи приспособленными к условиям жизни, совершенно отличным от наших, они неизбежно должны казаться отклонением от нормы. Как подчеркивал Шарль Монтень, «те, кого мы называем чудовищами, не представляются таковыми Богу, видящему в необъятности своего творения бесконечное многообразие постижимых для него форм».

Мы сами, со своей стороны, способствуем фантастическим представлениям о морских животных, наделяя их абсолютно неадекватными названиями. Располагая для сравнения лишь примерами из привычной для нас сферы жизни, мы видим в существах, живущих по ту сторону морской пучины, некоторое соответствие земным или небесным существам, доступным нашему воображению. Мы населили океан пауками и скорпионами, мышами и зайцами, телятами, коровами и свиньями; собаками, кошками, львами и тиграми; волками и медведями; слонами и лошадьми; мужчинами и женщинами; мы посадили в нем анемоны, лилии и крапиву, заставили расти виноград и огурцы, мы рассеяли по нему звезды, луны и солнца. И потом, оказавшись в плену у своих собственных понятий, с удивлением увидели, как анемоны и звезды пожирают друг друга, огурцы ползут по дну, а из винограда выходят демоны, снабженные щупальцами; мы увидели зайцев, передвигающихся медленнее черепах, и женщин и коров с рыбьими хвостами.

К тому же бедность нашего словаря и устройство нашего языка, посредством слов приносящего искусственную прерывность в единство мира, сами по себе способствовали не-

вероятности наших представлений о морских жителях. Мы не можем описать новое животное, иначе как разбирая его деталь за деталью и последовательно сравнивая каждую из них со строением уже известного нам существа, и, таким образом, у нас неизбежно складывается представление о чужеродности и чудовищности вновь открытого животного. Подобное описание, возможно, поможет нам узнать животное, когда мы его встретим, но оставит лишь туманное представление о внешности неизвестного нам существа. Абстрактный, более или менее удаленный от реальности язык не может заменить нам данные наших чувств или хотя бы конкретное изображение, «рисунок» предмета. Увы, редко случается, что при внезапном появлении неизвестного животного рядом оказывается талантливый художник. Представление о незнакомце строится обычно на основании словесного портрета. Именно в этот момент червяк неясности проникает в зоологическое яблоко. Ибо словесное описание неизвестного существа по природе своей трудно сделать. Оно приносит результат тем менее достоверный, чем более расплывчатым и неумелым было описание.

Опишите моржа как своего рода тюленя, вооруженного слоновьими бивнями, — и хороший художник сможет, на основании одного лишь этого свидетельства, нарисовать удовлетворительный или, во всяком случае, не лишенный сходства, портрет этого животного. Но если, по примеру натуралистов прошлого, вы станете описывать осьминога как рыбу с восьмью лапами, то рискуете не узнать оригинал, глядя на его гравированное изображение. Действительно, мало кто подумает об осьминоге, когда увидит среди гравюр «Универсальной космографии» Себастьяна Мюнстера (1556), где собраны все чудовища северных морей, изображение чего-то вроде большей чешуйчатой рыбы с паучьими лапками. Этот рисунок странного, по меньшей мере, существа был сделан космографом на основании сочинения Альберта Великого.

Можно ли упрекать художника, иллюстрировавшего переведенное на разговорный язык и предназначенное для широкой публики издание этого сочинения, за такое изобра-

жение этого моллюска? Конечно, нет, поскольку автор сам говорил о нем как о «морской рыбе, имеющей восемь лап». И можно ли упрекать Альберта фон Больштедта, самого авторитетного ученого средневековья, за то, что он описал осьминога таким образом, ведь в его время «рыбой» называли всякое морское животное, кем бы оно ни оказалось — медузой, морской звездой или китом?

МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ, ПОХОЖЕЕ НА ЛЬВА

Досадные искажения, привнесенные усердным иллюстратором, иной раз могут зайти очень далеко. Не надо удивляться, например, видя большинство морских чудовищ одетыми в чешуйчатую кольчугу. Ведь рыбы — самые характерные обитатели моря, а у рыб обычно имеется чешуя. И если в описании упоминалось о морском животном, добросовестный иллюстратор не преминет наделить его чешуйчатой кожей. Может быть, в том, что это создание ею обладало, художник и сам сомневался, однако для него наличие чешуи было самым простым способом символически выразить морское происхождение животного. Не достаточно было бы, скажете вы, изобразить его плавающим в своей родной стихии? Да, конечно. Но дело в том, что вода — это вещество, трудно поддающееся изображению. В этом суть проблемы. Именно в силу такого условия на рисунке первого ватерклозета, сделанном в XVI веке, резервуар с водой изображен полным рыб. Можно быть уверенным в том, что никто и никогда не собирался использовать в виде аквариума сосуд, предназначенный для регулярного смыва нечистот. Но можно ли было иначе и с большей ясностью продемонстрировать оригинальность этого новшества?

Искушенный зоолог прошлого не позволил бы обмануть себя искажениями и прикрасами, допущенными свидетелями или иллюстраторами. Об этом можно судить по тем тонким комментариям, которыми месье Гийом Рондолье сопровождал в своей «Всеобщей истории рыб» изображение некоего «морского чудовища, похожего на льва»: «По-

мещенное здесь чудовище — это замечательное животное, не имеющее никаких органов, приспособленных для плавания. У этого животного была внешность и размеры льва. Оно имело четыре достаточно хорошо развитых лапы, пальцы на которых не были соединены кожными перепонками, как у бобра или речной утки, но были полностью разделены и снабжены когтями. У него был длинный хвост с кисточкой шерсти на конце, большие уши и чешуя, покрывавшая все тело. Он не смог долго прожить вне своей природной стихии».

Трудно установить точно, кем было это «морское чудовище, похожее на льва». Но можно быть уверенным в том, что это был, скорее всего, какой-нибудь ушастый тюлень, имевший гриву. Животное, названное первоначально морским львом, было, очевидно, описано повторно не выдавшим его комментатором, который представил его в виде настоящего морского льва. Но как в таком случае отличить морского льва от обычной кошки? Для того, чтобы сохранить за ним репутацию чудовища и подчеркнуть его морское происхождение, необходимо было наделить его чешуей. Как это и случилось.

МАНТА С ЖЕНСКИМИ РУКАМИ

Если морских животных чаще все описывают в вызывающей недоверие фантастической манере, то это происходит оттого, что обычно их удается увидеть лишь мельком и не полностью.

Часто смеются над наивностью и экстравагантностью некоторых зоологических представлений древности и даже недавнего прошлого. Не надо думать, что художники раньше были менее искусными, что натуралисты прошлого были менее наблюдательны. В действительности, знания тогда были еще фрагментарными и воображение должно было прийти им на помощь.

И в наше время, когда умный и образованный человек замечает, особенно в открытом море, животное, ко-

торое ему неизвестно, он вполне способен составить о нем самое фантастическое представление. В 1866 году, в пору, когда манта уже была известна зоологам в течение почти сорока лет, знаменитый южноамериканский филолог дон Энрике Онффрой де Торон встретил одного из этих гигантских скатов в одном из заливов у экваториального побережья. Чтобы лучше понять его драматический рассказ об этом происшествии, надо вспомнить, что у ската передние части грудных плавников обособлены и образуют выступающие по обе стороны рта длинные, мягкие, несколько согнутые рога. Это послужило причиной различных его названий, таких как головоногий гигантских рогатый скат, морской черт и, наконец, двурогая манта. У самых крупных экземпляров длина рогов не превышает обычного одного метра. Виконт Онффрой де Торон, ничего не знавший о существовании таких рогов у морских животных, увидел в море нечто более для него привычное: «Вдруг из глубины океана поднялось морское животное, замечательное своей странностью, и оказалось так близко к нашей китобойной шлюпке, что легко можно было бы ударить его веслом. Мы остановились. Лоцман сказал мне: «Месье, это манта, возьмите ваш мачете и, если он попытается схватить лодку, отрубите ей руку».

У манти были настоящие человеческие руки, белые и длинные, длиной около полутора метров. Но, по сравнению с их длиной и размером тела, эти руки были очень тонкими. Вместе с тем они были сочленены так же, как и наши собственные руки, то есть в запястье, в середине и при начале плеча. Обтрепанные и плохо выраженные пальцы представлялись расплюснутыми и, возможно, состояли из хряща. Голова манти была сплюснута в горизонтальном направлении, она имела треугольную форму и расширялась все больше и больше в направлении плеч, и ее пасть, которую она держала закрытой, была такой же широкой, как и голова. Спина была плоской повсюду и равно широкой. Видимая часть животного была примерно трехметровой длины и не имела плавников. Ее тело или ее кожа были белого цвета и

посередине вдоль спины шли пятна, какие бывают на морском теленке или на леопарде.

Какова природа его кожного покрова? Был ли он похож на шкуру морского теленка или на кожу лягушки? Этого я не знаю».

После этой крайне романтической интерпретации внешности животного, небольшую часть которого он увидел под покровом воды, дон Энрике рискнул высказать смелую гипотезу о его природе и зоологической принадлежности: «... не нашел ли я в лице манти живого *Chirotherium*, лягушку длиной в 12 или 15 футов, которую геологи открыли в виде ископаемого? Мне кажется, что оба они, несомненно, должны быть представителями одного и того же семейства земноводных».

В действительности, для палеонтологов более чем сомнительно, что *Chirotherium*, обладавшее руками животное, было разновидностью амфибий. Известны лишь ископаемые отпечатки его лап, найденные в 1838 году в Тюрингии. В свое время на основании палеонтологических открытий, сделанных в Северной Америке, было установлено, что это животное относится к рептилиям и является разновидностью динозавра. Этого не мог знать месье Онффрой де Торон, но прежде чем решительными шагами нарушать заповедные области зоологии, он должен был усвоить элементарные представления, в частности о том, что проникаемый, предназначенный для кожного дыхания покров земноводных не позволил бы животному плавать в соленой воде, не причиняя ему мучительных страданий.

Чтобы убедиться, что и в наши дни художники не менее наивны и не менее лживы, чем в далеком прошлом, достаточно взглянуть на гравюру, иллюстрирующую рассказ дона Энрике во французском издании 1870 года книги Б.Х. Ревуаля «Охота на рыб в Северной Америке». Манта представлена здесь в виде очаровательной молоденькой девушки с соблазнительно вытянутыми руками, достойной соперницы самых прелестных из легендарных сирен.

И это стоит рыб с восемью ногами, бронированных китов и львов, покрытых чешуей, из эпохи Возрождения.

МОЛОЧНЫЕ БРАТЯ – ГИГАНТСКИЙ СПРУТ И МОРСКОЙ ЗМЕЙ

Как мы уже видели, существует столько же объективных, сколько и субъективных причин для возникновения фантастических описаний неизвестных океанских животных. В этой области важно не отвергать заранее того, что при первой встрече может показаться невероятным. Важно сохранять сдержанность в ожидании новых сведений, которые изменят и уточнят наши данные. Со временем все встает на свои места.

Прежде кита изображали закованным в броню, как турнирная лошадь, с воротником трицератопса и клыками, способными устрасить самых храбрых; его рост преувеличивали до неслыханных размеров, и тем не менее он существует. Промышленное использование превратило кита в животное не менее банальное, чем бык на скотобойне. Если о нем еще говорят как о чудовище, то это лишь из-за его огромного размера. Ореол необычности и страха, осенявший его прежде, потух навсегда.

Более двух тысяч лет назад Аристотель писал о животных, которые в его время, при тогдашнем состоянии знаний, не поддавались классификации: «Помимо животных, изученных к настоящему времени, в море обитают существа, которых нельзя отнести к какому-либо роду, потому что они слишком редки. Некоторые опытные рыбаки утверждают, что видели в море животных, напоминавших строительные балки, черных, округлых, имевших повсюду равную толщину. Другие неизвестные животные походили на шиты, были красного цвета и имели многочисленные плавники».

На мой взгляд, здесь можно увидеть намек на двух главных героев настоящего труда – гигантского кальмара и морского змея. И если в приведенном выше высказывании Аристотеля о них упоминается лишь кратко, то в дальнейшем у датского епископа Понтопидана, который был первым автором, посвятившим этим животным тщательное исследование, мы найдем более подробные комментарии.

И в самом деле, с глубокой древности судьба наших двух чудовищ была похожей. Вначале оба они были известны как сказочные персонажи, по слухам, героическим рассказам и суевериям. Впоследствии эти животные были описаны более трезво и тщательно, сначала в нескольких отдельных сообщениях, которые постепенно становились все многочисленней и составили наконец целый букет убедительных свидетельств. Однако это не уменьшило количества возводимой на них хулы, насмешек и обвинений в малой правдоподобности, иначе говоря, невозможности их существования. Что касается огромного головоногого, то даже обретение не вызывавшего сомнений анатомического фрагмента долгое время не могло смягчить почти всеобщее недоверие. Удивляйтесь после этого тому, что проблема змея, о котором известно еще меньше, по-прежнему остается поводом для веселья. Фантастический характер этого животного сделался классической темой для шуток и даже его имя стало синонимом грубой насмешки.

Один только случай пожелал, чтобы тайна гигантских головоногих рассеялась первой. Гигантский кальмар сегодня занял свое место в учебниках зоологии, у него есть латинское название, которое можно без улыбки и не краснея произносить в ученых собраниях. Быть может, если бы кости в игре природы упали иначе, именно Морской змей обрел бы свое место в ученых трактатах под научным названием *Megorhias*, а кракен по-прежнему остался бы персонажем фольклора...

Часть третья В ОБЪЯТЯХ СПРУТА

ОПАСНОСТЬ ПРОПОРЦИОНАЛЬНА РАЗМЕРАМ ПРОТИВНИКА, ИЛИ НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Если достаточно крупный экземпляр осьминога встретится с человеком в свободном плавании, будет ли первый думать только о бегстве? Сомневаемся. Возможно, он нападет, особенно если почувствует угрозу для себя.

В фильме «Море вокруг нас» по книге Рейчел Карсон показана дуэль акулы с осьминогом. Сначала моллюск был очень осторожен и старался избежать конфликта, выпустив чернильное облако. Но когда схватка все же началась, он дрался упорно, с ожесточением и в конце концов победил, буквально задушив акулу: он перекрыл ей щупальцами жаберные щели. Трудно предположить, что такого же размера и к тому же находящаяся в родной стихии акула для осьминога — противник менее страшный, чем человек.

Сомневаемся и в том, что, оказавшись нос к носу с осьминогом значительных размеров, аквалангист пожелает поиграть с ним. Известно множество случаев подобных встреч. Так, один любитель подводной охоты рассказывал, как чуть не умер от страха, внезапно увидев уставившуюся на него пару ужасных глаз размером с мячик для пинг-понга. Недолго думая он пустился наутек. Если даже в некоторых обстоятельствах осьминог кажется беззащитным, следует постоянно помнить, что самое нежное создание может стать опас-

ным, если оно напугано и потеряло голову от страха. Не зря говорят, что нет страшнее зверя, чем обезумевший баран.

Если бы Виктор Гюго в своих «Тружениках моря» не нарисовал совершенно фантастический портрет своего спрута и не стал судить животное по моральным критериям человека, то ничто не помешало бы нам рассматривать битву Жильята с одним из этих головоногих как вполне вероятное событие.

Поэтому мы бы советовали любителям подводного плавания быть очень осторожными и не доверять слепо некоторым утверждениям, о которых еще горячо спорят специалисты-зоологи.

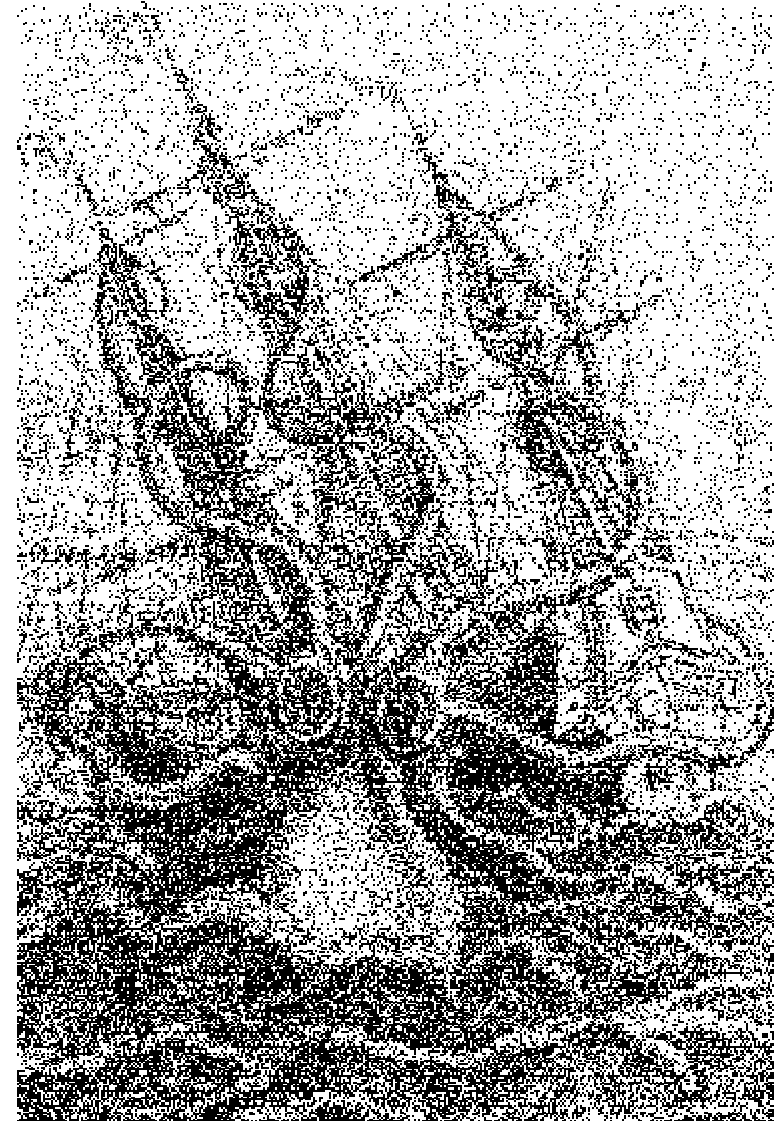
Головоногие действительно могут представлять опасность для человека, если они имеют размеры, превосходящие наши. Вероятно, только у таких особей может появиться интерес напасть на человека с гастрономической целью, как это делают с крабами и лангустами их более мелкие собратья.

Но существуют ли такие монстры? Не являются ли они плодом разыгравшегося воображения писателей прошлого или современных журналистов? Не растут ли их размеры только в рассказах морских романтиков или водолазов любителей приврать для красного словца? Сейчас мы поговорим об этом. В море нас ожидает множество сюрпризов.

ОБ АГРЕССИВНОСТИ СПРУТОВ В ЛИТЕРАТУРЕ И В МОРЕ

Есть монстры, существование которых общепризнано, но самые убедительные свидетельства о них похожи на легенды. Их образ пропитан ужасом, строение нелепо, а размеры так невероятны, что, несмотря на утверждения ученых, они навсегда останутся созданиями фантастическими и нереальными.

Скандинавский кракен, достойный наследник ужасной мифологической Сциллы, из этого ряда. Сделать поправку на преувеличения, уменьшить его до разумных размеров, отбросить некоторые наивности, и от этого кошмара почти

Склонность к сенсациям французского натуралиста Пьера-Дени де Монфора побудила его придать осьминогу колоссальные размеры, которые позволяют атаковать беспомощное судно

ничего не останется. Но вызываемый им ужас бросает тень на более скромных представителей этого отряда, на осьминогов, кальмаров и других моллюсков с многочисленными щупальцами, ноги у которых растут прямо из головы. Сам Босх не мог бы выдумать для своего ада анатомического строения более нелепого. И Уэллс не преминул воспользоваться их образом, чтобы представить своих марсиан в самом кошмарном виде.

Еще не так давно моряки в самом деле опасались нападения гигантов из этого адского племени и считали, что они могут угрожать самым крупным кораблям. Но времена суеверного страха, рожденного первыми контактами с неизвестным миром, прошли. Человек поднял голову. Стал спрашивать себя, а так ли они страшны, эти морские страшилища? Маятник качнулся в другую сторону. Скоро стали отрицать саму возможность нападения их на человека. Любители подводного плавания дошли до того, что находят их приятными партнерами по играм. Какая проза, полный крах океанского демона!

Однако в подсознании страх все еще остался. И, по правде говоря, есть о чем беспокоиться. Тот, кто с таким апломбом отрицает агрессивность спрутов, похож на испуганного ребенка, который, чтобы подбодрить себя в темноте, преувеличенно громко разговаривает...

Так что же, головоногие – кровожадные людоеды или робкие фантомы? На этот счет и в научной литературе нет единого мнения. И только с трудом продираясь сквозь дебри спорных фактов и противоречивых суждений, мы можем разглядеть контуры истины. Истины, которая, как говорил Пирранделло, имеет столько сторон, сколько ног у осьминога.

ГИГАНТСКИЙ СПРУТ, ХРАНИТЕЛЬ СОКРОВИЩ ЗАТОНУВШИХ КОРАБЛЕЙ

Никто сегодня не думает, что какой-нибудь гигантский головоногий способен утащить на дно корабль. Но в фильмах и романах, действие которых происходит в глубине мо-

рей и океанов, водолаз не может достать из под обломков потерпевшего крушение корабля сокровища или ныряльщик не может добыть жемчужину значительных размеров, чтобы не вступить по дороге в схватку с огромным спрутом. В произведениях, претендующих на достоверность, эта борьба вызывает лишь улыбку, а документальные свидетельства тем более показались бы невыносимо скучными публике, жаждущей острых ощущений. Чего хотят люди? Сегодня, как и всегда, они жаждут видеть перед собой героя – зовут его Геракл, Жильят, капитан Немо или Супермен, – побеждающего Гидру с семью головами или восемью руками, таинственное воплощение Зла.

Поэтому можно лопатой грести рассказы о дуэлях подобного рода. Чтобы погрузить читателя в атмосферу ужаса, мы приведем пример из одного неизвестного отечественному читателю произведения такого жанра и одного из самых популярных на Западе. Наш выбор остановился на главе из книги лейтенанта Гарри Ризберга «Золото затонувших кораблей» потому, что она основана на фактах, пережитых автором лично, на воспоминаниях этого знаменитого американского водолаза, специализировавшегося на поиске затонувших сокровищ.

Испанская шхуна со слитками серебра потерпела крушение и затонула у берегов Колумбии. Семь ныряльщиков уже пытались добраться до ценного груза, но ни один из них не вернулся на поверхность. Казалось, злой рок висел над шхуной, частично занесенной песком на глубине 64 метров.

Не очень этим обстоятельством обеспокоенный и влекомый прельстительной приманкой, бесстрашный Ризберг спустился на дно. Там он нашел около корпуса корабля скелет своего предшественника, все еще с водолазным шлемом на голове и в разорванном гидрокостюме. Но наш храбрый водолаз вынужден был поспешно подняться на поверхность, так как его шланг для подачи воздуха был таинственным образом поврежден.

Несмотря на это предупреждение, Ризберг снова совершил погружение через два дня и был вознагражден. Он наконец нашел ценный груз, так же как и бронзового истука-

на, у ног которого валялись человеческие останки. Вот что дальше пишет наш герой: «Вдруг у меня появилось странное и неприятное ощущение, будто рядом со мной кто-то есть. Это чувство было таким сильным, что я начал крутиться вокруг себя, освещая толщу воды фонарем. И вдруг... Бог мой! Из-за неясных контуров бронзовой статуи перед моими глазами выросла гигантская фигура. Разглядев ее сквозь толщу воды, я содрогнулся. Поднявшись во весь свой рост, наполнив полностью проем двери... и закрыв мне путь к отступлению, передо мною стояло существо из видения наркомана, накурившегося гашиша, или бреда сумасшедшего! Мерзкое, покрытое бородавками тело медленно раскачивалось из стороны в сторону, постоянно подергиваясь и закручиваясь. Диаметр монстра был около пятнадцати футов (4,5 м), а его бочкообразного массивного тела около 4 футов (1,2 м). Длинные липкие щупальца были усеяны сотнями присосок размером с блюдце. Наверное, он явился из самой преисподней. Окраска его медленно менялась, переходя от бурого и грязно-желтого оттенка через светло-коричневый в серый и почти белый. Демонические глаза этого вампира, казалось, следили за каждым моим движением».

«Это было ужасно!» — признавался наш искатель сокровищ, и нет никаких оснований ему не верить.

Началась жестокая схватка, во время которой Ризбергу удалось по очереди отрезать своим ножом три щупальца монстра. По правде говоря, кажется странным — сам водолаз подчеркивал «дьявольское коварство» своего противника — тот факт, что спрут пытался атаковать человека только одной «рукой», как фехтовальщик: ему не доставило бы труда действовать сразу восемью! Но в момент, когда чудовище наконец решило действовать, как нормальный осьминог, и решить судьбу нашего подводного Тарзана, тому удалось вонзить стальной клинок в «единственно незащищенное место на теле спрута, в шейную вену [!]».

Но перед тем как испустить дух, монстр нашел в себе силы хорошенько встряхнуть своего противника, как детскую погремушку, разорвать на нем скафандр и поранить кожу. Истекающий кровью и задыхающийся Ризберг поте-

рял сознание, не забыв перед тем подумать об акулах, которых мог привлечь запах его крови. Сознание вернулось к нему в декомпрессионной камере корабля. Товарищ Ризберга, обеспокоенный долгим его отсутствием, послал к нему двух местных ныряльщиков. Они освободили его из объятий мертвого монстра и подняли на поверхность. При этом они зажимали дыры на скафандре, из которого выходил воздух, и отрезали пеньковый канат, привязанный к затонувшему кораблю.

Эти довольно сложные действия, выполненные простыми ныряльщиками на глубине 64 метров, не удостоились никакого особого комментария со стороны Ризберга. А это, пожалуй, самый впечатляющий эпизод, настолько выходящий за рамки возможного, что напрашивается вопрос, а не является ли весь рассказ, к тому же переполненный подозрительными деталями, только чередой лжи или похвальбы.

Но, впрочем, не важно. Мы не искали здесь свидетельств об образе жизни осьминогов или их отношений с человеком. Мы пытались передать атмосферу, в которой развиваются эти отношения. Если мало кто подвергает сомнению правдивость этого рассказа, то только потому, что он почти классический: кто усомнится в том, что нормально, обычно? Этот случай характерен для литературы, описывающей подводные приключения, и чудесно отражает общепринятое представление о том существе, которое англичане иногда образно называют рыба-дьявол.

НЕВЕРОЯТНЫЙ СПРУТ «ТРУЖЕНИКОВ МОРЯ»

В современной мифологии гигантский спрут, хранитель затонувших сокровищ, занял место средневекового дракона.

И только две книги несут ответственность за этот его ужасный образ подводного монстра: «Труженики моря» Виктора Гюго и «Двадцать тысяч лье под водой» Жюль Верна. Именно из этих произведений человек с улицы черпает свои сведения об анатомии и поведении головоногих.

Произведения заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее! Одно принадлежит перу выдающегося поэта и писателя, неуемная любовь которого к пафосу часто приводит к наихудшим измышлениям. Другое написано человеком, очаровывавшем всех нас в детстве необычными приключениями, но научная компетентность его была, честно говоря, не более чем иллюзией, пылью в глаза. А публика — и это естественно — охотнее читает романы, чем научные статьи, которые, к тому же, часто написаны малопонятным языком. Первая из книг знакомит нас с коварным и злобным характером спрутов, вторая дает представление о размерах, которых может достигать этот представитель подводного мира. И все же трудно найти более скверные источники знаний.

Бросим короткий взгляд сначала на первый из этих шедевров. Знаменитая схватка бравого рыбака Жильята со спрутом, которой Гюго посвятил целых три главы «Тружеников», пожалуй, один из ярких образцов «литературь» в самом неприглядном смысле этого слова.

Но страхнем с себя оцепенение, вернемся на землю и попытаемся проанализировать с холодной головой то, что поэт-иллюзионист нам порассказал.

«Чтобы поверить в существование спрута, надо его увидеть», — пишет Гюго. Чтобы поверить в то, что он нам описал, лучше никогда не видеть ни одного из них.

Однако автор «Отверженных» преподает нам настоящий урок естественной истории, и по ходу его он не колеблясь, чтобы подчеркнуть всю серьезность своих слов, цитирует Сент-Винсента и Дени Монфора, критикует Буффона и соглашается с Ламарком.

Вступление бесподобно захватывающе:

«В сравнении со спрутом гидры античных миров вызывают улыбку. Порою невольно приходишь к мысли: неуловимое, режущее в наших сновидениях, встречается в области возможного с магнитами, к которым притягивается, и тогда оно приобретает очертания, вот эти спустки сна и становятся живыми существами. Неведомому дано творить чудеса, и оно пользуется этим, чтобы создавать чудовищ. Орфей,

Гомер и Гесиод смогли создать лишь химеру; бог сотворил спрута.

Если богу угодно, он даже гнусное доводит до совершенства.

Вопрос о причине этого его желания повергает в ужас религиозного мыслителя.

Если есть идеал во всем, если цель — создать идеал ужасного, то спрут — шедевр».

Если вы еще не загипнотизированы, следует длинное нагромождение предложений, долженствующих показать огромную эрудицию автора в области зоологии, в действительности открывающих его полное незнание анатомии осьминогов. Вот несколько подобных образцов:

«...кобра издает свист, спрут нем [...]; у ревуна цепкий хвост, у спрута хвоста нет [...]; у вампира когтистые крылья, у спрута крыльев нет [...]; у ската электрический разряд, у спрута электрического разряда нет [...]; у гадюки есть яд, у спрута яда нет; у ягнятника есть клюв, у спрута клюва нет, и т.п.»

Если Гюго не знает, что у спрута есть яд, то можно только сожалеть: этот факт был экспериментально установлен еще в XVIII веке. Уже давно никого не удивляло, что осьминог может побеждать врагов, размеры которых во много раз превышают его собственные, более сильных и лучше вооруженных. Однажды зритель неаполитанского аквариума Ло Бьянко с удивлением наблюдал, как осьминог на расстоянии парализует крабов и лангустов, помещенных с ним в одну ванну. Не гипнотизирует ли моллюск своих жертв? Это объяснение, конечно, могло бы соблазнить романтический ум, но не удовлетворить ученого. В том же аквариуме Краусс и Бальони нашли ключ к решению этой тайны. После тщательных наблюдений было выяснено, что, нападая на свою жертву, осьминог начинал всегда с того, что подтягивал ее ко рту на некоторое расстояние, как гурман, вдыхающий запах изысканного блюда. Если в этот момент отобрать у него добычу, жертва все равно через некоторое время погибнет, не имея никаких видимых повреждений. Очевидно, она была отравлена! Заинтригованный Краусс выде-

лил вещество из слюнных желез на языке осьминога и без труда выяснил, что оно обладает ядовитыми свойствами. Помещенная в воду аквариума, слюна парализовала всех животных, которые там находились; введенная кролику, она убила и его.

ЖЕРТВА ОСЬМИНОГА-МЛАДЕНЦА

Сегодня известно, что яд некоторых видов осьминогов опасен даже для человека. В 1947 году Дону Симпсону, отлавливавшему живых осьминогов для Стенфордского аквариума в Сан-Франциско, пришла в голову роковая идея сфотографироваться с детенышем моллюска вида *Paroctopus apollyon* в руках. Маленький демон, пока его «похититель» принимал позы перед аппаратом, укусил его за руку. Рана начала обильно кровоточить. Через несколько минут Симпсон почувствовал сильное жжение, а к ночи рука распухла так, что невозможно было двигать пальцами. Опухоль спала только через месяц.

В другом случае человек, который ловил осьминогов возле коралловых островов на Гавайях, был укушен в ладонь одним из своих пленников. Потом два дня он не мог встать с постели. Кожа воспалилась и горела вокруг двух маленьких дырочек, обозначающих место прикосновения острого клюва головоногого.

Брюс Хальстед и Стилман Берри провели в США тщательное изучение шести подобных случаев. Вот их выводы: «Симптомы выражаются острой болью в самый момент укуса (описываемой как укус пчелы), чувством жжения, «дергающей» болью, покраснением кожи, опуханием места укуса и, в некоторых случаях, неестественно обильным кровотечением. Симптомы варьируют в зависимости от размеров и вида моллюска и от количества яда, попавшего в рану. Укус осьминога похож на легкий укол и кажется относительно неопасным, когда его наносят небольшие особи, с которыми обычно имеет дело человек».

Но не всегда так легко заканчивается дело. 18 сентября 1954 года один молодой подводный охотник по имени

Кирк Холланд занимался своим любимым делом у побережья Австралии, недалеко от Дарвина. С ним был его друг Джон Бейли. Уже возвращаясь на берег, Джон заметил «голубого осьминога» 15 сантиметров в диаметре, плававшего рядом с ним. Ловко поймав его, он пустил пленника ползать по своим плечам и рукам. Затем, ради шутки, он бросил моллюска на спину своему другу. Животное прилепилось на несколько мгновений к спине человека у основания шеи, а затем упало в воду. Уже на берегу Холланд стал жаловаться на сухость во рту и боль в горле при глотании. Он ничего не говорил об укусе, но Джон заметил небольшую капельку крови, выступившую в том месте, где осьминог сидел на спине. Вскоре у молодого человека началась рвота и головокружение, он упал на песок в прострации. Бейли поспешил отвезти его на машине в госпиталь Дарвина. В пути Кирк потерял сознание. На пороге больницы он уже посинел и перестал дышать. Несмотря на вмешательство врачей, через два часа после укуса Холланд умер.

Должны сказать, что осьминоги наших морей обычно не кусаются, если человек берет их в руки. И даже если это происходит, укус не очень ядовит.

«ОМЕРЗИТЕЛЬНАЯ» АНАТОМИЯ

Когда Виктор Гюго утверждает, что у осьминога нет клюва, он совершает гораздо более грубую ошибку, чем когда отказывает ему в ядовитости. И этому нет ни малейшего извинения. Достаточно прогуляться на рыбный рынок, чтобы убедиться в обратном.

Все головоногие имеют в месте, где сходятся их руки-ноги, изогнутый, как у попугая, только вверх, клюв. Это острое и мощное оружие, способное легко кромсать кожу врагов, превращая ее в лохмотья, и даже раздавливать твердые панцири ракообразных. В спокойном состоянии клюв спрятан в складках тела и почти незаметен, но от этого он нигуда не исчезает.

Наш писатель, к тому же, имеет особое мнение о манере питания осьминогов. По Гюго, они просто высасывают кровь из своих жертв с помощью присосок!

«Нет тисков, равных по силе объятиям осьминога.

На вас нападает пневматический насос. Вы имеете дело с пустотой, вооруженной щупальцами. Ни вонзающихся когтей, ни вонзающихся клыков; одно лишь невыразимое ощущение рассекаемой кожи. Укус страшен, но не так, как высасывание. Коготь — ничто по сравнению с присоской. Коготь — это зверь, врывающийся в ваше тело; присоска — это вы сами входите в зверя. Ваши мускулы вздуваются, ваши жилы скручиваются, кожа лопается под мерзкими присосками; кровь брызжет и смешивается с отвратительной лимфой моллюска.

Натуралист-любитель Девид Уэбб позирует рядом с останками, как ему кажется, гигантского осьминога. Уэбб использовал канаты, чтобы вытащить на берег тело, смытое волнами

Эта тварь принакает к вам тысячью гнусных ртов; гидра врастает в человека; человек сливается с гидрой. Вы становитесь одним целым. Этот кошмар проникает в вас. Тигр может вас только сожрать; спрут — о, ужас! — высасывает вас. Он вас притягивает к себе, втягивает в себя, и вы, связанный, склеенный этой живой слизью, беспомощный, вы чувствуете, как медленно переливаете в этот страшный мешок.

Ужасно быть съеденным заживо, но невыразимо ужасней — быть заживо выпитым».

Кроме этих тысяч сосущих ртов, Гюго наделяет своего спрута еще одним, но каким! Он еще более «омерзительный», чем тысяча других: «В центре чудовища зияло единственное отверстие. Что это — пасть? А может быть, анус? И то и другое! Одно и то же отверстие выполняет две функции, входа и выхода».

У бедного монстра, должно быть, было довольно смрадное дыхание.

В действительности у всех моллюсков, в том числе и головоногих, только не литературных, а реальных, анальное отверстие всегда явно отделено от ротового. И этот факт был известен еще Аристотелю. Так, у осьминогов ротовое отверстие расположено в месте, где сходятся его щупальца, а анальное — открывается под «мантию». Между мантией и телом образуется полость, нечто вроде мешка, сообщающаяся с внешней средой через поперечную щель. С другой стороны, эта полость открывается наружу сифоном, называемым еще «соплом». Ниже станет понятно почему.

Вода свободно проникает в этот мешок через поперечную щель и омывает выходящие туда же жабры, питая их кислородом. Эта циркуляция воды используется осьминогом не только для дыхания. Когда ему надоедает ползать по дну и появляется желание свободно поплавать, моллюск плотно прижимает мантию к телу, закрывая поперечную щель, а затем резким сокращением мышц тела выталкивает воду через сифон-сопло. Так как сифон направлен туда же, куда и ноги, осьминог получает импульс движения назад. Повторяя этот цикл, он и двигается, как бы скачками, с помощью настоящего реактивного двигателя. Если ему понадо-

бится двигаться вперед щупальцами, например, чтобы схватить добычу, он направляет «сопло» назад. Но, по правде говоря, это происходит лишь в исключительных случаях. Однако существует один очень редкий вид осьминогов амбrellла, у которых сопло обычно направлено именно назад. Это единственный головоногий, для которого плавание вперед является совершенно нормальным состоянием.

Продукты выделения, попадающие в полость под мантию, также вымываются наружу через сифон. А измышления Виктора Гюго по этому поводу являются чистой воды клеветой.

БИТВА ЖИЛЬЯТА СО СПРУТОМ

Мы уже говорили, что тело осьминога похоже на мешок. Следует уточнить, что оно состоит как бы из двух частей, очень неравных размеров. Одна часть, большая, это собственно тело, другая – мантия. В туловище располагаются основные жизненно важные органы: печень, почки, сложная система кровообращения с сердцем, венами и артериями, половые железы, жабры. Последние можно увидеть, вывернув «наизнанку» мантию. Кстати, именно так поступают рыбаки, когда хотят лишить осьминога сил: очевидно, прямое действие атмосферного воздуха приводит к удушью и к более или менее скорой смерти.

Впрочем, вернемся к описанию спрута в романе Гюго:

«У него нет ни костей, ни крови, ни плоти. Он дряблый. Он полый. Это лишь оболочка. Его восемь щупалец можно вывернуть наизнанку, как пальцы перчатки».

У читателя может возникнуть вопрос, что же за удовольствие получают гурманы, если до небес превозносят кулинарные прелести этой пустоты? Бог мой! Внезапно осеняет читателя. Да, наверное, спрут, с которым столкнулся Жильят в таинственной пещере, не что иное, как резиновая надувная игрушка, наподобие тех, что продают на базарах для забавы детишкам во время купания. И читатель успокаивается, понимая, что отважный нормандс-

кий рыбак справится с этим «монстром» одним уколком булавки...

Ан нет. Мы становимся свидетелями настоящего сражения. Наш герой, находясь по пояс в воде, оказывается вдруг в крепких объятиях пневматического монстра, пять щупалец которого, с пятьюдесятью присосками каждое, душат его, сжимают, лишая свободы движения. На самом деле у осьминога на каждой руке около 240 присосок, то есть всего почти 2000. Спрут из «Тружеников» очевидно какой-то особенный экземпляр!

«В тело Жильята впивались двести пятьдесят присосок. Его охватило чувство ужаса и отвращения. Быть стиснутым в исполинском кулаке и ощущать, как эластичные, гибкие пальцы, длиной один метр каждый, сплошь покрытые живыми пузырьками, впиваются в вашу плоть».

Что делать? У Жильята в руке нож, но может ли это оружие помочь ему чем-нибудь?

«Он бьет ножом по щупальцам спрута. Но стальное лезвие лишь скользит по поверхности. К тому же их петли прилегают к телу так плотно, что, разрезая их, вы режете по своему телу».

Как видно из процитированного отрывка, осьминоги во времена Гюго не были такими мягкими, как в наши дни. К счастью, узнаем мы с облегчением, у спрута все же было слабое место, которое было известно Жильяту. Мы узнаем, что главное – дождаться нужного момента – «мгновения, когда спрут вытянет вперед голову. Один краткий миг. Кто упустит его, тот погиб». Человеку надо поймать его и тогда...

«Это как схватка двух молний».

Жильят погрузил клинок своего ножа в липкий плоский ком слизи и одним круговым движением – так свивается бич при ударе – очертил им оба глаза. Он вырвал голову, как вырывают зуб».

Не знаю, откуда у Виктора Гюго появился секрет этого впечатляющего «приема», но я бы посоветовал тем, кто окажется в положении бедняги Жильята, не терять времени зря на его применение на практике. Лучше воспользоваться менее сложной техникой борьбы. Если верить известному спе-

циалисту по морской фауне Е. Буланже, «достаточно сильно сжать тело осьминога между головой и туловищем», чтобы он ослабил хватку. Правда, я сомневаюсь, что это всегда удается. Надежнее просто вонзить нож между глаз твари. В этом случае будет поражен мозг и наступит мгновенная смерть и, следовательно, освобождение. Не имея острого предмета, можно, как это иногда делают полинезийские ныряльщики, укубить его со всей силы в то же место. Подобное действие, конечно, может показаться отвратительным, но в критической для жизни ситуации не время поддаваться чувству брезгливости. Должен предупредить, что этот прием не так уж прост в исполнении. Однажды, не имея никакого оружия под рукой, я попытался таким способом лишиться жизни одного осьминога, 1,5 метра в диаметре, которого охотник бросил на берегу. Хотя у меня были свободными обе руки, чтобы держать бедное животное, а он был израненным и обессиленным, мне потребовалось почти десять минут, чтобы добраться зубами до мозговой оболочки, ускользавшей от моих укусов в липкой вязкой массе головы.

Источники информации Гюго

Мы имеем право спросить, где же Виктор Гюго мог получить свои знания об анатомии осьминогов и их поведении.

В то время, когда писались «Труженики моря» – роман был опубликован в 1866 году, – в распоряжении писателя могло быть множество блистательных научных работ о головоногих. Даже не обращаясь к работам узких специалистов, папаша Гюго мог бы с большой пользой для себя заглянуть в «Энциклопедию естественной истории» доктора Шену, в том, посвященный моллюскам (1858 г.), или перелистать научно-популярный труд «Мир моря», вышедший в 1865 году, как раз в момент написания «Тружеников моря».

Но многим авторитетным работам Виктор Гюго, по-видимому, предпочел другой источник, немного странный, на мой взгляд, для этого случая. Это книга Жюль Мишле, профессора Коллеж де Франс, поменявшего вдруг столбовую

дорогу истории Франции на извилистые тропинки естественных наук. В результате этого приключения историка на свет появились несколько книг, которые можно охарактеризовать, в лучшем случае, как «забавные». Именно в одной из них, «Море» (1861 г.), Виктор Гюго и почерпнул, вероятно, основные сведения о спрутах.

Для сомневающихся приведу небольшой отрывок, в котором можно узнать источники вдохновения великого писателя.

«Долгое время считалось, что медузы и моллюски довольно безобидные и миролюбивые создания, почти как дети. И человек с ними жил в мире и согласии. Никакой агрессивности, злобности. Их маленькие души вроде бы стремились к свету, как к тому, что льется с неба, так и к тому, который дарит любовь.

Но теперь я вынужден окунуться в другой мир. Мир войны и смерти».

Мир, так разительно отличающийся от мира мидий и улиток, это мир, вы уже догадались, врага №1 человека в море – осьминога, которого автор предпочитает называть «сосальщиком»: «Сосальщик, воюя с моллюсками, сам остается моллюском, то есть вечным эмбрионом. Его можно было бы назвать странным, забавным, карикатурным, если бы он не был так ужасен. Эмбрион, отправившийся на войну, злобный, безжалостный зародыш, мягкое, полупрозрачное, но сильное тело которого, излучает ненависть и дышит смертью. Он убивает не только для того, чтобы добыть себе пропитание. Он жаждет разрушения. Даже сытый, он продолжает убивать».

Только эта репутация убийцы могла заставить Гюго предположить, что спрут это «сам Сатана», «ужасный сфинкс, несущий ужасную загадку. Загадку Зла».

БОРЬБА НАУКИ С ПИСАТЕЛЕМ

Не удовлетворившись наделением спрута причудливой анатомией, совершенно невозможным с биологической точки

зрения строением, Гюго еще и осыпает его, по примеру Мишле, самыми последними оскорблениями. Он обзывает несчастное животное злым, коварным, предателем, затем более изысканно «каплей клея, замешанной на ненависти», «проклятым созданием» и «болезнью, доведенной до чудовищности».

Можно было бы быть и повежливее. Считаю, что справедливо, сразу после выхода в свет «Тружеников моря» в 1866 году, знаменитый малаколог (специалист по головоногим) того времени Генри Кросс выступил на защиту бедных, несправедливо опороченных головоногих и, в свою очередь, выдвинул несколько претензий месье Гюго, но в гораздо более вежливой форме.

Указав сразу не некоторые самые очевидные глупости, ученый подробно разобрал содержание, как он выразился, «любопытной главы».

«Не хватало еще этим несчастным животным потерять репутацию и доброе имя по вине современной художественной литературы», — справедливо негодует Кросс против заповенения, достойного сожаления, науки литераторами, ей абсолютно чуждыми, которые могут о ней судить «как слепой о цветах». Грубейшие ошибки с их стороны тем более опасны, когда выходят из-под пера выдающихся писателей масштаба Виктора Гюго.

Прошли годы, и опасения Кросса полностью подтвердились. За исключением специалистов, кто знает работы самых выдающихся малакологов? Кто в наши дни еще читает Кювье или Оуэна? Но еще со школьной скамьи все, затаив дыхание, следят за незабываемой битвой Жильята с гуттаперчевым спрутом, которым овладел дьявол.

Перефразируя того же Гюго, можно сказать, что «бредни в форме шедевра» торжествуют в каждой строчке.

СПРУТ МЕНЕЕ АГРЕССИВЕН, ЧЕМ ТЫКВА?

Столетие легионы романистов, журналистов и кинематографистов черпали свое вдохновение из бессмертных стра-

ниц «Тружеников моря», окончательно разрушая репутацию осьминога. Правды ради надо сказать, что задолго до Гюго спрут не считался таким уж мирным существом. Еще Плиний говорил, что для пловца или ныряльщика нет смерти ужасней, чем в объятиях спрута. В эпоху Возрождения Рондоле также считал, что щупальца спрута способны привести человека к смерти быстрее всех остальных подводных обитателей. И Кювье, пожалуй, успешнее всех развенчивавший легенды и мифы, безропотно соглашался с подобным утверждением и повторял вслед за другими, что восемь страшных рук спрута представляют опасность не только для животных, но и для человека.

Как видно, человека рассматривали лишь как одну из жертв, среди множества других, кровожадного моллюска. Рассказывали, как осьминог схватил и утащил под воду орла. Утверждали, что спрут способен победить, если представится случай, самого льва. Но Гюго первым из писателей превратил осьминога в существо, снабемое особой ненавистью именно к человеческому роду и озабоченного только одним: как удовлетворить этот убийственный инстинкт. Он представил его почти родовым врагом человека. Отныне, спускаясь в царство Нептуна, человек должен был обязательно выдержать бой с этим неумолимым стражем глубин.

Реакция на такое преувеличение была, как и следовало ожидать, также преувеличенной. Так, американский специалист по осьминогам, профессор университета Майами Стефан Ригс Уильямс, любил говорить, что «крестьянин на своем поле рискует больше при встрече с тыквой, чем ныряльщик с осьминогом». Этот каламбур и сейчас выражает очень распространенное мнение по этому вопросу. В своей работе «История глупостей в естествознании» профессор Берген Эванс предоставил место и рассказам об агрессивности спрутов. По его мнению, «спрут одно из самых безобидных для человека созданий».

Если посмотреть на осьминога со стороны, он действительно кажется существом застенчивым, даже пугливым. Его мягкое голое тело придает ему уязвимый вид, становится понятно, что при приближении врага ему чаще

всего приходится спасаться бегством, прячась в расщелинах скал и под камнями. Все в нем выдает желание скрыться, стать незаметным. Искусство маскировки доведено у него до совершенства. Ловкость и скорость, с которыми он меняет цвет и окраску своего тела, намного выше, чем у знаменитого хамелеона. А если этого недостаточно, осьминог в случае крайней опасности может стать почти прозрачным и вдобавок выбросить из сифона чернильное облако.

Долгое время считалось, что этот маневр имеет своей целью только ослепить на некоторое время врага и дать возможность осьминогу скрыться, или, как утверждали раньше, напасть на жертву, буквально половить рыбку в мутной воде. Некоторые головоногие, живущие на больших глубинах, куда не проникает солнечный свет, выбрасывают фосфоресцирующее облако, свечение которого ослепляет противника с не меньшей эффективностью, чем чернила.

Но, похоже, чернильное облако осьминогов и его собратьев играет и другую роль, возможно, даже более важную. Это экспериментально установил директор морской станции в Калифорнии Мак-Джиниси. Он поместил в один аквариум осьминога и мурену, острые зубы и кровожадность которой хорошо известны. Сначала мурена жадно бросилась на поиски осьминога, желая, по-видимому, побыстрее свести с ним счеты. Перед смертельной опасностью несчастный моллюск перебрал буквально все цвета радуги. Когда противники наконец оказались нос к носу на расстоянии полуметра, испуганный до смерти осьминог выбросил чернильное облако и в аквариуме наступила ночь. До сих пор все шло как обычно. Но мало-помалу черное облако рассеялось, и оказалось, что мурена перестала замечать присутствие осьминога: она его больше не узнавала, даже когда он почти касался ее носа. Ее обоняние было парализовано и оставалось в таком состоянии час или два!

Следовательно, чернильное облако не только оптический защитный экран, но и нечто вроде химической бомбы.

Таким образом, вооруженный разнообразными средствами маскировки осьминог, похоже, прежде всего готовится к обороне, что на первый взгляд не согласуется с его репутацией агрессора.

Неужели наш бука оказался трусом? Во всяком случае, в своей классической работе «Моллюски Средиземного моря» (1851) Жан-Батист Верани не скрывал своего презрения к этому наводившему на моряков страх монстру.

«Неприятное чувство от прикосновения присосок к телу, змееподобные движения щупалец и уродливый вид вызвали преувеличенное представление о вредности спрута. На самом деле он глуп и не способен причинить ни малейшего вреда».

Поворот на 180 градусов! В 1879 году профессор Эдиссон Верилл из университета Коннектикута так сформулировал современное представление ученого мира о характере осьминога: «Нет никаких доказательств, что какой-нибудь из видов осьминогов по своей инициативе нападал на человека или кто-нибудь был серьезно ранен им. Это существа скорее апатичные и скрытные, чаще прячущиеся в расщелинах скал и под камнями. Их основной пищей являются двустворчатые моллюски и, если повезет, рыба. Не брезгают они, по примеру крабов и омаров, и падалью. Их сила и злобность сильно преувеличены».

В более близкие к нам времена Е. Буланже все же допускал, что осьминоги могут представлять некоторую опасность для человека, если произойдет встреча с достаточно крупным экземпляром, но, уточнял он, «опасность эта скорее психологического характера, от самого вида этого омерзительного существа и от его липких прикосновений».

В наши дни многие любители подводного плавания, привыкшие к встречам с этими морскими животными, заходят еще дальше: они играют с ними. Если верить их рассказам, это существа «добрые и забавные», а общение с человеком доставляет им удовольствие.

Вот уже «рыба-дьявол», «капля клея, замешанная на ненависти» приобретает почти ангельский вид, чуть ли не нимб светится вокруг его головы.

ВХОДЯТ ЛИ ЛЮДИ В МЕНЮ ОСЬМИНОГА?

Действительно ли можно теперь утверждать, что все рассказы о его агрессивности, о нападениях на человека есть только плод воображения? По-моему, слишком рано делать такой вывод. В книге «Животные легенд» доктор Морис Бартон из Британского музея показывает, что сюжеты многих легенд и сказок имеют вполне реальные корни. Характеры и поведение мифических животных, такие невероятные, что ученые отказываются в них верить, могут быть вполне реальными, но относиться к проявлениям исключительным или крайне редко встречающимся. Мне было бы легче доказывать реальность случаев проявления агрессивности осьминогов, если бы их поведение базировалось на естественных склонностях этого животного.

Тот, кто долго жил на берегу моря в районе, где много осьминогов, мог бы вспомнить множество случаев о нападениях этих моллюсков на человека без, казалось бы, видимых причин. Преподобный Уильям Уайт Джилл смог в XIX веке собрать множество подобных свидетельств за время своего двадцатилетнего пребывания в Полинезии. «В Европе, — писал он, — считают, что осьминоги никогда не нападают на человека. Но ни один полинезиец не сомневается в обратном. Никто из них никогда не отправится на охоту за осьминогами в одиночку, без верного товарища, способного прийти на помощь в критической ситуации». Сам Тур Хейердал был однажды схвачен за щиколотку небольшим осьминогом, 90 см в поперечнике, почти у конечного пункта своего путешествия на «Кон-Тики».

Не надо ехать на другой край земли, чтобы найти подобные примеры. На сцене Средиземного моря постоянно разыгрываются спектакли с неспровоцированным нападением осьминогов на человека. Недавно я сам стал свидетелем такого происшествия. На глазах оцепеневшей в ошеломлении, а может, просто от любопытства — так как случай скорее банальный — публики на пляже один из купающихся вышел из воды с полутораметровым осьминогом на ноге.

Если эти происшествия не оставляют никаких следов, даже в виде газетных сообщений, то только потому, что не имеют никаких серьезных последствий. Происходит почти одно и то же. Купальщик или даже просто человек, сидящий на камне у берега, опустив ноги в воду, вдруг чувствует на своей лодыжке прикосновение щупальца осьминога. Иногда воспоминания об этом приключении заставляют содрогаться еще долгие годы спустя. Но сама «драма» в большинстве случаев очень скоротечна. Достаточно резко вынуть ногу из воды, чтобы моллюск отпустил добычу. Не будем забывать, что это морские животные и они не могут долго оставаться вне естественной для них среды обитания и предпочитают — кто их в этом упрекнет — бегство удушью...

В чем же дело? Может быть, эти твари таким образом пытаются пригласить человека поиграть? Принимают ноги его за игрушку? Но истина в другом.

Осьминог по своей природе, бесспорно, хищник, следовательно, охотник. Чаще всего он поджидает свою добычу в засаде, спрятавшись в скальной расщелине, и хватается ее, когда она проплывает мимо. Если жертва вне прямой досягаемости или достаточно крупная, он бросается на нее, широко расставив щупальца, и ловит ее в сети, усеянные присосками. Значит, опять получается, что спруты маскируются не столько для того, чтобы прятаться от врагов, сколько для удобства нападения на них. Все, что проплывает мимо его логова, может стать объектом атаки. Я сам много раз экспериментировал во время подводного плавания: достаточно пошевелить пальцами перед щелью в скале, где прячется осьминог, как оттуда появляются щупальца и пытаются схватить руку. Это еще не говорит о том, что любимой добычей спрутов является человек. Приманкой может служить любой светлый объект: осьминог инстинктивно реагирует на подобный раздражитель.

Рыбаки мне рассказывали, что они для охоты на осьминогов в качестве приманки используют оливковую ветку. Но никто никогда не слышал, чтобы среди осьминогов встречались вегетарианцы. Просто листья оливкового дерева снизу имеют светлый оттенок, как тело у многих рыб. Об этом

приеме ловли осьминогов можно узнать еще из литературных источников II – III веков до нашей эры. Зрение у осьминога сложное, приближается к зрению млекопитающих и является, бесспорно, главным органом чувств. Неудивительно, что оптическая иллюзия может ввести его в заблуждение. В общем, осьминоги питают к человеческому роду кровожадных чувств не больше, чем к ветке дерева, с которой они не знают, что и делать. Но и не меньше. Держу пари, что если вдруг небольшому осьминогу наших морей во время охоты повезет случайно поймать за ногу человека, он будет так же напуган, как рыбак с парижской набережной, если на его удочку клюнет голубая акула.

СПРУТ – ЖЕРТВА СВОЕЙ ПРИРОДНОЙ АГРЕССИВНОСТИ

Педантам, любителям не оставлять ничего неясного, может прийти в голову законная мысль: а если спрут, этот прирожденный охотник, окажется достаточно крупным и прочно ухватится за подводные камни, удастся ли человеку поднять ногу из воды? Не сможет ли моллюск искромсать его кожу своим клювом? В принципе, сможет. Но пусть это не пугает любителей морских ножных ванн. Те осьминоги, которые добираются до самого берега, в основном небольших размеров и не превосходят тех, что продаются на рыбных рынках Марселя, то есть с ладонь, в крайнем случае, с полруки. Его легко можно стряхнуть при первом прикосновении. А из-за центрального расположения рта, осьминог может укусить свою жертву, только если обхватит ее всеми восемью руками.

Для человека может появиться реальная опасность, если во время плавания под водой крупный осьминог схватит его за ногу или за руку и пловец не сможет быстро освободиться. Честно говоря, в этом случае осьминог не обязательно должен быть очень уж впечатляющих размеров. Сила удержания его присосок – а их в общей сложности около 2000 – огромна. Хорошо зацепившийся за скалу осьминог размером

не больше головы младенца может с успехом задержать пловца под водой и поставить его жизнь под серьезную угрозу.

Американский биолог Дж. Паркер измерил силу удержания присосок калифорнийского осьминога вида *Octopus bimaculatus*. Оказалось, что для того, чтобы оторвать от камня присоску диаметром 2,5 мм, требуется усилие 60 г, а диаметром 6 мм – 170 г. Расчет показывает, что осьминог всего 1,5 м в поперечнике удерживается на камне с силой 250 кг. Следовательно, если такой экземпляр, уцепившийся за скалу только пятой частью своих присосок, ухватится за вашу ногу, то на ней как будто повиснет гиря в 50 кг! Это уже серьезно.

Какие же шансы у человека быть схваченным осьминогом? Они, надо прямо сказать, ничтожны. Для того, чтобы это произошло, надо довольно долго размахивать рукой перед расщелиной, в которой затаился моллюск. Осьминог хитрая и недоверчивая bestия и не сразу бросается на приманку. А подводный пловец редко долго остается на одном месте. Исключение составляют собиратели жемчуга, они чаще всего и становятся жертвами нападения. Но им это известно, поэтому они осторожны, а значит, вооружены.

Конечно, бывают глупые, исключительные по обстоятельствам случаи. Об одном из них нам поведал майор сэра Гренвилля Тамплля в своих записках «Путешествие по Средиземному морю, от Алжира до Туниса» (1835). Возможно, это единственное достойное доверия свидетельство о нападении спрута на человека с трагическим исходом.

«Один капитан с Сардинии, купавшийся у берега, вдруг почувствовал, что его схватил за ногу осьминог. Пытаясь освободиться, он уперся в щупальце второй ногой, которая также оказалась в плену. Человек пустил в ход руки, и они, в свою очередь, были опутаны одна за другой моллюском. Когда через некоторое время капитана нашли, он уже был мертв, захлебнулся, руки и ноги его все еще были опутаны щупальцами «рыбы». Что удивительно, трагедия произошла в месте, где глубина едва была 1,2 метра».

Еще удивляет, что мы узнаем совершенно точно, как развивались события, ведь не было рядом ни одного свиде-

теля! Вероятно, детали были домыслены по положению тела несчастного. Случай, действительно, один из самых правдоподобных. Напомним, что жертва была моряком, вероятно, не умеющим плавать, как и большинство его коллег. К тому же, боясь опустить голову в воду, он, без сомнения, боролся вслепую. А если ноги связаны и человек теряет равновесие, достаточно глубины в несколько десятков сантиметров, чтобы захлебнуться. Люди тонут и в ваннах! И все же подобные происшествия так же маловероятны, как смерть от удара молнии или от падения на голову метеорита.

Для того, чтобы быть схваченным спрутом, надо очень этого захотеть, надо еще поискать эту ситуацию. Именно этим занимаются рыбаки в большинстве стран: они провоцируют природную агрессивность осьминогов, а затем берут их голыми руками, когда они покинут свои убежища. Надо ли говорить, что это занятие требует особых навыков, особой ловкости рук и большого хладнокровия. Если попробовать просто схватить осьминога, он выскользнет из пальцев, как угорь. Надо дать ему поймать руку, а не руками ловить его! А когда осьминог крепко ухватится за руку, охотник резко выдергивает его из воды и другой рукой выворачивает его мантию, выставляя жабры на воздух. Это занятие становится совсем небезопасным, если спрут оказывается достаточно крупным.

ОХОТА НА ОСЬМИНОГА С ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИМАНКОЙ

Можно только восхищаться исключительным мужеством охотников за осьминогами тихоокеанских островов. Они без колебаний позволяют осьминогам до 3 метров в поперечнике хватать себя на глубине 2–4 метра. Об этом способе охоты нам рассказывает сэра Артур Гримбль, губернатор Сейшельских островов в 1914–1915 годах. Он показывает, как «непобедимое упорство», с которым спрут вцепляется в свою добычу, и «губит животное, когда на сцене появляется человек».

«Охота проводится вдвоем. Один человек служит приманкой, второй убивает добычу. Нырлящик-приманка подплывает к расщелине, где прячется осьминог, и старается привлечь его внимание, некоторое время держась вне пределов досягаемости его щупалец. Затем он направляется прямо в его объятия. Иногда ничего не происходит. Спрут не всегда попадает в ловушку. Но чаще всего уловка срывается. Второй охотник в это время стоит на скале и сквозь прозрачную воду наблюдает за происходящим. Он ждет мгновения, когда спрут начнет подтягивать к себе его товарища и попытается укусить его своим клювом. В этот момент моллюск уже ничего не видит вокруг. Тогда второй ныряльщик прыгает в воду, хватая первого за руку и резко тянет к себе. Осьминог, почти всеми щупальцами вцепившийся в человека — только два или три удерживают его у скалы, — отрывается от своего убежища. В тот же момент человек-приманка, помогая себе ногами, поднимается на поверхность. Второй охотник хватая моллюска сзади, переворачивает его и вонзает зубы между глаз. Спрут в тот же момент погибает. Щупальца опадают и отпускают свою добычу. Охотники с радостными воплями волокут трофей к лодке и возвращаются на поиски следующего».

Несчастный сэра Артур, проявивший горячий интерес к этому любопытному способу охоты, был вынужден, чтобы не потерять свой престиж среди аборигенов, согласиться самому послужить живой приманкой.

«Человек-приманка, — наставляли его ныряльщики перед охотой, — не должен забывать постоянно защищать глаза руками, а то «кика» (спрут) может своими присосками лишить его зрения».

«Я потом понял, — пишет Гримбль, — что само зрение тут ни при чем. Но если присоска попадает на глаза, то от невыносимой боли человек может закричать и наглотаться воды, тем самым усложнив выполнение задачи своему товарищу».

Из взволнованного рассказа сэра Артура мы узнаем об ужасных ощущениях, которые испытывает человек в объятиях спрута. О чувстве полной беспомощности и паралича.

Один человек, без сомнения, был бы неспособен вывернуться из подобного положения.

ВОДОЛАЗЫ ПОДВЕРГАЮТСЯ НАИБОЛЬШЕМУ РИСКУ

Для водолазов, привязанных к одному месту работой, опасность быть схваченными крупным или даже очень крупным спрутом, пожалуй, наибольшая. Для этого, правда, ему надо оказаться прямо у входа в логовище одного из этих демонов подводного царства. Но водолазы чаще всего работают у корпусов затонувших кораблей, где осьминоги находят для себя комфортабельное обиталище.

Ходит множество историй о случаях неспровоцированного нападения спрутов на водолазов. Хотя трудно проверить истинность каждой, но это не означает, что все они или все в них выдуманно. Одно из двух: или подвергшийся нападению водолаз поднимается на поверхность живым и невредимым после своего приключения, и всегда можно поставить под сомнение правдивость его слов, или он остается пленником монстра на дне, и тогда никто не знает истинной причины его смерти. Следовательно, достойными доверия могут считаться случаи, когда жертва нападения приносит вещественные улики: то ли кусок щупальца, то ли всего спрута целиком. Такой пример и приводит известный американский малаколог Джордж Вашингтон Трайон, известный скептик, в своем монументальном двадцатитомном труде о моллюсках.

«4 сентября 1879 года водолаз М. Дж. Смайлл занимался расчисткой дна реки в австралийском штате Виктория. Спустившись в очередной раз на дно, чтобы зацепить трос за обломок скалы, он заметил камень больше других. Водолаз наклонился к нему и пощупал рукой, пытаясь оценить, можно ли заложить под него взрывчатку. «Едва я протянул руку, — рассказывал он, — как почувствовал, что меня кто-то схватил за нее. Я сразу не мог в мутной воде рассмотреть, что это. Но потом с ужасом увидел обвившееся вокруг руки

толстое, как удав констриктор, щупальце спрута. В тот же момент я почувствовал сильную боль в том месте, где к моему телу прикоснулись несколько присосок. Руку как будто разрывали на части, и чем сильнее я пытался освободиться, тем сильнее была боль. Недалеко от меня лежал кусок железной трубы. Я с трудом дотянулся до него, и началось сражение. Чем больше я бил эту тварь трубой, тем сильнее он сжимал свои объятия. Вскоре я перестал чувствовать руку. Наконец через некоторое время давление стало понемногу ослабевать, но осьминог еще долго не отпускал меня, пока я почти не перерубил щупальце. Он отцепился от скалы, и я смог его поднять на поверхность. Уверю вас, я был на пределе сил. Наша битва продолжалась почти двадцать минут».

Если верить газетам, описавшим это происшествие, когда водолаз появился из воды и медленно перевалился через борт водолазного катера, «огромная безобразная масса, казалась, опутала его с ног до головы. Матросам с трудом удалось освободить водолаза от ее объятий. Тело осьминога было не больше суповой тарелки, но его девять [?] рук были каждое длиной около 4 футов (1,2 м) и толщиной с кулак человека у основания и как лезвие ножа на концах. Нижняя сторона щупалец была усеяна множеством присосок. Смайлл утверждал, что сила присосок такова, что моллюск мог бы удержать на дне трех человек».

За исключением упоминания о девяти руках — это, возможно, ошибка репортера или, скорее всего, наборщика, — все детали этого рассказа вполне правдоподобны.

Размеры «монстра» скорее средние, что касается его силы, то и она не кажется преувеличенной.

Из совсем недавних случаев, достойных доверия, можно привести свидетельство английского водолаза Генри Брюса и знаменитого шведского охотника за жемчугом Виктора Берга.

Первый подвергся нападению у Гибралтара на глубине 12 метров со стороны осьминога, устроившего себе гнездо в разорванном комбинезоне. Когда Брюс из любопытства поднял эту старую одежду, спрут, исполнив какую-то фантастическую пляску смерти, набросился на него. Водолаз

освободился от него, только нанеся ему множество ударов ножом.

Что касается Берга, он был атакован без всякой провокации с его стороны осьминогом на глубине 36 метров в проливе между островами Борнео и Цембо. Когда человек пустил в ход нож, спрут начал трясти его с такой силой, что он несколько раз сильно ударился головой о внутреннюю поверхность водолазного шлема. Уже в полубессознательном состоянии водолаз подал сигнал «SOS», четыре раза дернув за страховочный фал, что означало «тяните со всей силой». Усилий трех человек не хватило, чтобы вырвать его из объятий спрута, крепко вцепившегося в скалу. И только выбрав покороче канат, с помощью волн, поднимавших корабль, им удалось его освободить!

Возможно, для некоторых ученых и не существует достаточных доказательств того, что «осьминоги когда-нибудь неспровоцированно нападали на человека», но для профессиональных водолазов их собственного опыта и рассказов коллег вполне достаточно, чтобы предпринимать специальные меры предосторожности против этих «безобидных и застенчивых существ».

С целью самозащиты при работе в водах, где обитают осьминоги, водолазы берут с собой химический пистолет. Его выстрел выбрасывает струю кислоты, вдыхая которую, спрут погибает.

ОСЬМИНОГАМ НЕ НРАВИТСЯ ИГРАТЬ С НАМИ

Если легко поставить под сомнение утверждения ученых, которые в своих кабинетах не имеют возможности помериться силой со спрутами, то свидетельства любителей подводного плавания так легко не отбросить. Как же тогда соединить явные знаки симпатии последних к нашим моллюскам с более чем сдержанным отношением к ним водолазов?

Это расхождение во мнениях можно объяснить, по моему, единством места «обитания» водолазов и осьми-

ногов, что превращает их в естественных врагов-соперников.

Осьминог ведет придонный образ жизни, и водолазы работают обычно на дне. Аквалангист обычно плавает в толще воды, на дно опускается мимолетом и не предоставляет осьминогу возможностей схватить себя. Но профессиональные охотники за осьминогами не позволяют себе «заигрывать» с ними и когда встречают их в свободном плавании, загарпунивая моллюска с безопасного расстояния. Хотя в свободном плавании осьминог не чувствует себя в достаточной безопасности. Он не создан для длительного плавания с большой скоростью и быстро устает. Поэтому вдали от камней, за которые можно зацепиться, и скальных трещин, куда можно спрятаться, он думает только о бегстве. И если вам удалось догнать его, он будет лишь вяло реагировать на ваши прикосновения и «заигрывания». Ему совсем не нравится наше общество, просто он, бедняга, устал и обессилен!

Странное миролюбие осьминога в свободном плавании можно также объяснить тем, что на открытом пространстве он может правильно оценить размеры противника, чего не удастся сделать, сидя в глубине скальной расщелины. Зачем ему атаковать добычу огромных размеров? Животные никогда не убивают ради собственного удовольствия, как человек, но только для пропитания. И осьминог не охотится за тем, чего не может добыть. В общем, агрессивность или безобидность животного — понятия относительные, чаще всего зависящие от размеров и способностей к самозащите жертвы. Кто посмел бы обвинить в агрессивности крошечную землеройку? А между тем мало найдется на земле хищников беспощаднее и кровожаднее: она поглощает в день живой пищи в два раза больше собственного веса!

Часть четвертая МОРСКОЙ ЗМЕЙ

МОРСКИЕ ЧУДОВИЩА ЖИВЫ, ИЛИ НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

В послеобеденные часы 31 октября 1983 года ремонтная бригада округа Марин, Калифорния, работала на участке хайвея № 1, как раз там, где он проходит над берегом океана. Прямо под ними расстились песчаные пляжи Стинсон-Бич, а за ними — безбрежный Тихий океан. Незадолго до двух начальник бригады прервался на перекур и взглянул на море — что-то не очень понятное и большое плыло по поверхности в сторону берега. Он тут же позвал товарища, Мэтта Ратто, взял бинокль и присмотрелся.

Наиболее интересным объектом для наблюдения был купальщик-нудист. Но вот через стекла прибора Ратто, взявший бинокль у друга, заметил гигантское, темного окраса, животное в четверти мили от купальщика. Такого Ратто еще никогда не видел: тонкое, в сотню футов длиной, с тремя вертикальными горбами! Так осенним днем Ратто впервые наблюдал... морского змея. Он четко видел, как животное высунуло голову из воды и огляделось. Потом изменило направление, резко повернув; голова снова ушла под воду, и тварь подалась в сторону моря. Другой свидетель, водитель трака Стив Биора, на глазок определил скорость ее движения — 40—45 миль в час. Биоре, видевшему только два горба, существо показалось похожим на длинного утря. Все пятеро рабочих в тот день видели одно и то же зрелище, и их

Свирепый морской змей угрожает шхуне «Салли».
17 декабря 1819 года, Лонг-Айленд, США

описания совпадали в деталях — в том, что касалось размеров, окраса и повадок. Другой свидетель, страховой агент Мэрлин Мартин, наверное, не желая подмочить свою репутацию, вообще отказался давать показания на публике. Но его дочь рассказала, что он четко видел чудовище и описывал его как четырехгорбую тварь — самую крупную из тех, что он когда-либо встречал.

И еще один свидетель видел змея в тот день — 19-летний Роланд Керри. Чуть позже он поведал репортерам, что неделю назад уже видел это существо и рассказал об этом своей подруге, но та подняла его на смех. Но сейчас-то он все прекрасно разглядел и не даст смеяться над собой!

Через три дня после случая в Стенсон-Бич группа наблюдателей видела подобное чудовище в 400 милях южнее, у Коста-Меса. Янг Хатчинсон, 19-летний серфист, поведал, что оно поднялось из воды близ устья реки Санта-Ана, прямо в десяти футах от него. Сначала Хатчинсон воздерживался от разговоров на эту тему, справедливо полагая, что его сочтут «крейзи» — сумасшедшим. Но прочитав в газетах о случае в округе Марин, сдался: «Оно было точно такое же, каким его описали рабочие, — длинным черным угрем».

На протяжении XX столетия таинственные создания постоянно являлись людям по всему тихоокеанскому побережью, но никто так и не смог определить, о каком же животном идет речь. Ученые склонялись к выводу, что случай 1983 года — это всплывшие останки кита, блестевшие в солнечном свете. Другие считали, что это стадо морских свинок, вытянувшихся в цепочку. Ратто и Хатчинсон отклонили эти предположения: оба прекрасно знали, что представляют из себя киты, и были твердо уверены, что то, что они видели, никак не китообразное!

Как мы видим, истории о морском змее и прочих непознанных существах продолжают поступать, причем наиболее урожайными оказались 80-е годы, точно так же, как в XIX веке! Может, это связано с определенными жизненными циклами чудовищ?

Совсем недавно американский ученый Клайв Рупер, найдя спонсоров, согласившихся выделить ему 5 миллионов дол-

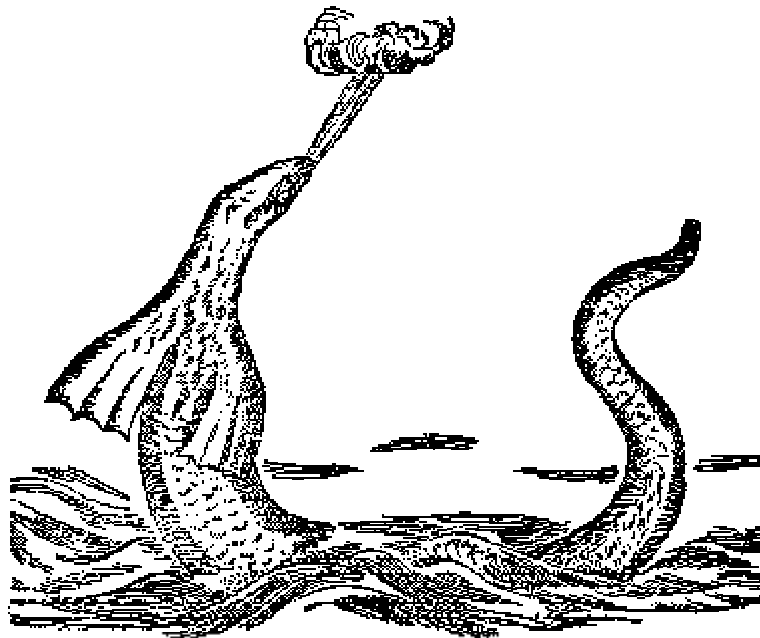
ларов на экспедицию, отправился на поиски гигантского кальмара. Существование этого животного, давно уже получившего латинское название *Architeuthis dux*, вроде бы не оспаривается: в разных районах мира волны выносили на берег его останки, по которым зоологи смогли определить размеры головоногого — до 30 метров в длину вместе со щупальцами! Но живого архитевтиса никто не видел. Клайв решил восполнить пробел в знаниях. На борту «Тангароа», своего рода плавучей лаборатории, оснащенной «карманной» субмариной, научная экспедиция взяла курс на Новую Зеландию: холодные воды, в которых только и живет гигантский кальмар, не так давно выбросили на берег четырех гигантов. Одна только мантия этих сказочных животных достигала в длину четырех метров! Измерения показали: головоногие оказались самыми крупными из когда-либо найденных экземпляров. Выпуклый черный глаз одного гиганта приближался по размерам к волейбольному мячу, а тело весило больше тонны.

На мини-подлодке «Джонсон си-линк» Клайв спустился на значительную глубину и... увидел головоногого. Не замечая работавших кинокамер и шума мотора, животное спокойно развернулось спиной и исчезло. Но дело было сделано — загадочный обитатель холодных глубин заснят на пленку.

Кто знает, может быть, в один прекрасный день точно так же попадетсЯ в видеоискатель и морской змей — еще один персонаж нашей книги?

ВО ВРЕМЕНА МРАКА И ПОЗЖЕ

Когда зоолог пытается идентифицировать то или иное животное, его волнует прежде всего оригинальное описание, желательное самое древнее, без привнесенных искажений. Это в полной мере относится и к морскому змее. Самая первая работа, которую обычно цитируют исследователи, это «История северных стран» шведского архиепископа Олауса Магнуса, опубликованная в Риме в 1555 году. Там рассказывается о гигантском гаде у норвежских берегов, который не только брал выкуп у жителей, но и наводил ужас на морс-

Одно из средневековых изображений морского змея

ких обитателей. Этот монстр достигал длины 60 метров, имел гриву и нападал на суда; вставая вертикально между волн, он хватал матросов с палубы и глотал их. Эта странная бестия, если она на самом деле существовала, не могла так вдруг выйти из ничего. Должен был быть вид, дошедший до тех времен через многие поколения. И если она была столь огромна, то не могла пройти незамеченной до средних веков. Давайте, прежде чем говорить о ней подробнее, покопаемся в более ранних пластах истории.

КЕМ БЫЛ БИБЛЕЙСКИЙ ЛЕВИАФАН?

Одно из важных свидетельств мы находим в шедевре эпической литературы — «Потерянном рае» (1667) английс-

кого поэта Дж. Мильтона, где выписывается образ сатаны, обитающего в озере Мрака и похожего на норвежского змея, а также библейского Левиафана. Конечно, по строкам произведения невозможно дать полное зоологическое описание, просто поэт изготовил коктейль из разных гигантских чудовищ. Но важно то, что он высказывает предположение, что зверем-островом может быть не только кит, но и животное вроде рептилии, названное аспидохелон (черепаха-рептилия). И еще он замечает, что если верить священным еврейским книгам, великий змей Норвегии, оживленный Магнусом, выявляет черты сходства с Левиафаном.

Имя «Левиафан» появляется в пяти местах Ветхого завета. Немецкий лингвист Вильгельм Генезиус выяснил, что слово liviah (корона, гирлянда) стыкуется с окончанием an и вместе они приобретают значение «тот, кто закручивается в спираль». А по более вероятной этимологии, это liviah+tan, что значит гирлянда. А tan, в свою очередь, может означать крокодила, кита, дракона и большую рыбу.

Если внимательно прочитать отрывки из псалма Давида, где воспевается Средиземное море и говорится о Левиафане, то станет ясно, что речь идет о морском животном, а если прибавить к этому и строки из книги Иова, то прояснится, что это и не кит.

Из этого описания выходит, что у монстра гармоничные пропорции, мощная шея, пасть, набитая зубами, красноватый цвет глаз, кожа покрыта тесно прилегающей чешуей, из ноздрей выходят струи пара. Еще явствует, что зверь поднимается над волнами и обзревает все сверху. Фраза «мускулы его членов связаны» в поздних переводах превратилась в «члены его тела связаны». Это может объяснить слияние пальцев на лапах в плавательные перепонки, которые наблюдаются у стольких морских животных. Вот куда могут завести такие наблюдения!

Подобные кажущиеся противоречия не должны нас особо обескураживать. Если и существует в океане животное впечатляющих размеров, которое напоминает рептилию (по форме головы ли, вытянутому телу или извивистым движениям), оно наверняка похоже на описанное существо. Не

будем забывать, что во всех мифах змей всегда фигурировал как персонификация сил зла и, само собой, воплощение дьявола. И его подстраивали под дьявола. А так как змей первоначально был сухопутной тварью, его стали «привязывать» к воде; прежде всего – извивы среди волн. Так на краю океана, в море Мрака, появился новый демон. Лучше бы он, как и все монстры, был с лапами. И лапы тоже появились, лишь бы был похож!

Идентификация этого парадоксального животного интересовала многие умы мировой истории и культуры. Знаменитый теолог и филолог Самюэль Брошар (XVI в.) пытался доказать, что Левиафан не что иное, как... крокодил. Его не смущало, что крокодилы никогда не водились ни в Средиземном, ни в Красном морях, знакомых иудеям; единственный вид морского крокодила (*Crocodylus porosus*) обитает в Индии, на Цейлоне, в Малайзии и Австралии, где не только плавают в прибрежных пресных водах, но и добирается от острова к острову, доплывая даже до островов Фиджи. Речь идет о гребнистом крокодиле.

К тому же крокодил явно не заслужил таких восторженных характеристик своего хвоста и тем более шеи. И он не поднимается «над водами». И еще – он был слишком хорошо известен египтянам и иудеям, чтобы на него навесили такой ярлык. И вообще его ловили на поросенка на Ниле!

Итак, если скандинавские традиции описания морского змея и иудейские наблюдения Левиафана сходятся в деталях, то выходит, что и те и другие были инспирированы каким-то одним крупным животным, похожим на рептилию. Это нельзя утверждать наверняка, но речь явно шла о неизвестном животном!

ЧЕРВИ И ГИГАНТСКИЕ ЗМЕИ АНТИЧНОСТИ

Патриархи и пророки Иудеи были не одиноки в своих описаниях морских змеев. Следы этих существ можно обнаружить во всех мифологиях древних и примитивных народов. Халдейские надписи в Аккаде говорят о Змее-который-по-

бывает-море, и сам он имеется на стенах дворца в ассирийском Хорсабаде. В «Упанишадах», древнем индийском эпосе, часто присутствуют морские чудовища. Там есть Басоеки, царь змей, гигант, обитающий в морях.

В популярной китайской сказке рассказывается о морском змее, который был так длинен, что джонка плыла от одного его конца к другому, пока тот спал. А когда его перерезал корабль, то известие это шло до головы очень долго.

Йормунгандр, бесконечный змей со дна океана, на которого охотился Один, играет большую роль в скандинавской и германской мифологиях. Это он сожрал человечество, когда наступили сумерки богов. Он был такой огромный, что его тело опоясало всю землю. Когда он поднимал свои кольца, океан начинал волноваться. Примечательно, что аналогичные представления живы и у индейцев, и у австралийских аборигенов. Конечно, их воображение могли подогревать самые разные морские животные, выброшенные на берег в разных уголках планеты и в разные эпохи. Среди этих наблюдений сохранилось одно из самых древних, оно принадлежит Саргону II, царю Ассирии с 722 по 705 год до н.э. Он встретил морского змея во время путешествия на Кипр.

Прежде всего, сохранились истории об ужасных голубых червях индийских рек, которые по ночам выходят на сушу из тины и глотают быков и верблюдов.

Эту историю Ктесий, Плиний, Филострат, Солин, Элиан и Палладий пересказывали в разных вариациях, насыщая все новыми подробностями. Первоначально речь шла о животном трех-четырёх метров длины, потом у Солина оно превратилось в двенадцатиметрового угря с перьями, способным проглотить слона «не жуя». Оригинальное животное, без сомнения, загадочно. Его описания имеются в рассказах некоторых примитивных племен Индии, еще недавно оно водилось в болотах долины реки Рило. Весьма скромные параметры не позволяют отождествлять его с водными гигантами – морскими змеями. Во всяком случае, мне кажется, что пресноводным загадочным существам необходимо посвятить особую книгу, ибо налицо некоторая связь между

морскими змеями и теми чудовищами, что водятся в озерах — «лохах» и реках.

Имеются и истории, относящиеся к сухопутным гигантским рептилиям, которые отдельные ученые заносят в досье морского змея. Видимо, Аристотель невольно стал ответственным за это заблуждение: «В Ливии змеи, как сообщают, достигают невероятной величины. Путешественники говорили, что находили в прибрежных районах, где они высаживались, многочисленные скелеты быков, разорванных этими змеями; и их самих преследовали эти змеи и даже утащили нескольких матросов, прихватив лодку».

В самом деле, африканские удавы, достигающие восьми метров длины, способны проглотить барана и являются прекрасными пловцами — могут преодолевать по воде многие километры. Солин, интерпретатор Плиния, сообщал о таких змеях в Индии, которые могут даже глотать оленей, что также представляется реальным фактом. Он писал также, что они доплывают до середины Индийского океана и нападают там на острова в поисках пищи. После извержения Кракатау в 1883 году на Яве туда первыми вернулись огромные десятиметровые питоны. Откуда? С острова, расположенного в 50 километрах от Явы!

Есть свидетельства, что питоны, совершавшие такие длительные морские путешествия, забирались в лодки, чтобы отдохнуть, и повергали в ужас гребцов и пассажиров.

Можно вспомнить рассказ Диодора, упоминающего питона в 30 локтей длиной, который имел обыкновение спать в луже воды, что соответствует повадкам этих животных, он был пойман охотниками с помощью сетей. В Конго в районе Себы питоны имеют привычку спать в ямах заброшенных термитников. Так что версия о гигантских питонах не так уж нереальна.

Другая история об огромных рептилиях, которая вписывается в цепочку сообщений о морском змее, поведена Титом Ливием в исчезнувшей книге — 18-й — его римской истории. Ее пересказали другие авторы, в том числе Сенека, Силий Италикус и Флор. Монстр покусился на сей раз не на

скот, а на легионы, которые вел консул Аттилий Регулус в Карфаген во время Первой пунической войны (255 г. до н.э.).

Легионеры пришли набрать воды в реке Баграде (сегодня — Меджерда) и увидели змея огромных размеров, спавшего на берегу. Рассерженный прерванной сиестой, он, по выражению Валера Максима, «схватил доброе число солдат своей пастью и подавил еще большее число хвостом». Тварь не реагировала на стрелы, которые в нее пускали, и понадобились тяжелые орудия — катапульты и баллисты, чтобы убить ее. Даже мертвая, она наводила ужас на римлян... страшным зловонием. Консул привез в Рим ее кожу, не меньше 120 шагов длиной. То есть 36 метров! Челюсти змея экспонировались в Риме до 133 года до нашей эры!

Если даже принять во внимание явно воспаленное воображение европейцев (обычно длину увеличивают на четверть), то животное все равно было очень крупное — 27 метров! Или все римские историки были отъявленными лжецами?! Но эта история опять увела читателя от нашего сюжета, потому как относится к сухопутным тварям, без сомнения, к виду питонов, слегка увеличившемуся под ярким средиземноморским солнцем для вящей славы сынов Римской империи.

ПАЛАЧИ ЛАОКООНА: НЕВИННЫЕ СЕЛЬДЯНЫЕ КОРОЛИ

Самым интересным для нас кажется указание Плиния Старшего на то, что африканские «драконы» пересекали иногда Красное море, чтобы покормиться в Азии: «В Эфиопии рождаются также драконы, похожие на индийских, они достигают двадцати локтей длины. Меня удивляет, почему Юба приписывал им гребни... Сообщают, что на берегах этой страны (Эфиопии) они собираются в стаи по четыре — пять и отправляются таким флотом, с поднятыми над водой головами, в сторону Аравии, чтобы найти там лучшую пищу».

Юба, упомянутый выше, был современником Плиния, царем Мавритании, писавшим на греческом труды по естественной истории. Плиния удивляет, почему Юба приписывал

вает драконам гриву. Да потому, что лично видел в них самых обычных животных, похожих на питонов. Но описание Юбы наводит на размышление о другом виде живых существ — о морском змее! Дело в том, что гриву упоминают при описаниях крупных загадочных рептилеобразных. Вы можете вспомнить слова Вергилия в «Энеиде» о монстрах, посланных задуть Лаокоона и его сыновей: два змея, пришедших из Тенедоса, продвигались по спокойному морю, разворачивая свои гигантские кольца, и направлялись к реке. Их грудь была вровень с волнами, кроваво-красные гривы возвышались над поверхностью вод. Тела их взбивали громадную пену, порождая бездны. Глаза блистали красным светом, языки трепетали в плотках, издавая свист.

Многое здесь вызывает сомнения. Картина, написанная автором, наводит на подозрение, что речь идет об одной из самых загадочных рыб планеты — регалеке, или сельдяном короле, которую англо-саксы называют ribbon fish (ремень-рыба) или oarfish (рыба-весло). Это странное животное невероятной длины — до 9 метров! — имеет ремнеобразную форму. Спинной плавник начинается у нее на голове над глазом и продолжается до конца тела, в нем около трехсот лучей, из которых 10–15 сильно удлинены, снабжены перепонками и образуют на голове султан.

О сельдяных королях известно мало, они впервые были описаны в 1770 году норвежским натуралистом Петером Асканиусом и в 1788-м — его коллегой из Дании Мартеном Брюнником. До сих пор попадались только расчлененные экземпляры, вышедшие на поверхность со средних глубин уже неживыми. Их строение настолько хрупко, что они разрываются уже от собственного веса, будучи вынутыми из воды. Кроме северных вод сельдяной король был найден в Средиземноморье — его знали и греки, и римляне. Во всяком случае, вид был представлен в XVI веке в Кабинете курьезов неаполитанского фармацевта Ферранте Императо под именем «морская шпага» — одной особью 210 сантиметров длиной, загарпуненной на Средиземном море. Находили «королей» и до семи метров длины. Но где гарантия, что они не достигают и больших размеров?

Около 1848 года траулер «Соверен» из Гуля наткнулся на огромную рыбину, похожую на рептилию, болтавшуюся на волнах. Матросы выловили ее и растянули на палубе. По длине рыба не поместилась на ней! Рыбаки вовсе не удивились ее размерам и сообщили, что вскоре выловили еще одну, большую, грязно-коричневого цвета. Без сомнения, речь шла о сельдяном короле. Мясо его в Скандинавии отказываются есть даже собаки, и пойманных рыб выбросили за борт. Что же касается размеров, то речь шла не больше чем о 12–15 метрах, а «короли» достигают подчас такой длины, хотя чаще их размеры не превышают 7–8 метров (особь, пойманная в 1901 году в Ньюпорте, Калифорния).

Что касается второй рыбы, то ее идентификация представляет собой проблему. Это неизвестное животное. Может, морской змей?

Вообще-то регалеки подходят к описаниям некоторых морских змеев средневековья — их плюмажи при длине тела около семи метров достигают метра высоты, причем являют собой довольно экстравагантное зрелище. Так что гривы кроваво-красного цвета, плывущие над волнами, вполне могли принадлежать сельдяному королю. Но поэты имеют право на художественный вымысел...

«ЖИВЫЕ БРЕВНА» АРИСТОТЕЛЯ И ДЕЛЬФИНЫ ПЛИНИЯ

Надо признать, что классическая античность несильно пополнила досье о гигантском морском змее. Все тексты, касающиеся его, сообщали о животных скромных параметров, населявших реки Индии, или же о сухопутных гадах, или о сельдяных королях. Это и неудивительно, ибо ни римляне, ни греки не были классными путешественниками по морям. Но вот в 1913 году один голландский исследователь, профессор Дамсте, обратил внимание на пассаж в «Фактах и примечательных речах» Валера Максима, где он рассказал, как в правление Тиберия несносные жрецы призывали консула Хостилиуса Манцина отказаться от экспедиции в Ис-

панию. В Лавиниуме, как предупреждали его священные авгуры, у Столпов Геркулеса, голос ниоткуда шептал им на ухо: «Останься, Манцин!». Испугавшись, он изменил маршрут, рассказывает Максим, и отправился в Геную. Там, едва взойдя на борт корабля, он увидел змея огромной величины, который потом исчез.

«Среди рыбаков, у которых наибольший опыт, есть такие, кто утверждают, что видели в море животных, похожих на бревна — черных, круглых...» Подобные описания часто исходят из уст тех, кто претендует на встречу именно с морским змеем. Может, это единственный текст эпохи античности, напрямую касающийся нашего героя.

Ни к чему говорить, что сей пассаж из «Истории животных» Аристотеля не привлек ничего внимания и не вызвал резонанса. Исследователи будущего предпочитали подчеркивать уже известные нам строки автора. И еще — Плиния Старшего, который, говоря о морском змее, явно располагал какими-то точными данными («Естественная история», кн. 9): «Самые крупные животные водятся в Индийском море — пила (*pristis*) и кит (*ballaena*), а также в Гальском море — дельфин (*physeter*), который возвышается как великая колонна, выше парусов, и испускает потоки воды».

Позже слово «дельфин» приписали кашалоту, а благодаря Плинию, *physeter* стало латинским его названием. Законно ли это? Подниматься среди волн, как колонна, — не входит в привычки этого животного. Может, он делает это, выскакивая из воды во время охоты или боя? Напротив, морской змей имеет такую привычку, к тому же он и воду из себя выбрасывает.

Олаус Магнус, размещая своего *physeter* на карте северных областей, показал его не как китообразное, а скорее, как животное с шеей и головой лошади, а на затылке у него подобие двух рожков. Не любопытно ли, что морской змей нередко изображался древними то как лошадь, то как жирафа? На римском саркофаге в музее Тосканы изображена такая морская лошадь, подозрительно напоминающая морского змея...

Нашел *physeter* место и на страницах «Пантагрюэля» Рабле, причем Доре в прошлом веке проиллюстрировал его,

воспользовавшись образом — кого бы вы думали? — змея с головой дельфина! Это заставило улыбнуться некоторых зоологов, однако Доре и Рабле оказались более прозорливыми, чем Линней и его приверженцы. Если эти последние спутали его с кашалотом, то только потому, что не знали морского змея или не хотели признать, что он мог «дуть», как кит.

А если змей на самом деле и не был змеем?

ДОСЬЕ НА НАШЕГО ПОДОПЕЧНОГО — НАСТОЯЩАЯ ПОМОЙКА

Средневековой Европе мало досталось от научных сокровищ древних греков, римлян, византийцев и Востока. Как результат смешения всех сведений, и прежде всего библейских, родился «Физиологус» — первичный бестиарий, который сегодня можно было бы назвать бестселлером средневековой зоологической литературы.

В том разделе, который нас особо интересует, содержатся сведения о гигантском питоне и Левиафане, морском страшилище иудеев. Первые, отныне именуемые драконами и обладающие гривами сельдяных королей, оказались более морскими, чем являются на самом деле; второй стал более рептилией, чем необходимо.

Кроме того, в средневековой писанине содержатся некоторые расплывчатые указания о змееподобных гигантах, появляющихся из моря. Но как их распознать?

В свете современных данных можно задаться вопросом: наш ли герой таинственный аспидохелон, упомянутый в «Физиологусе»? Хьюг и Сан-Виктор говорили в XV веке, что это «красивое морское животное», частью змея, а частью черепаха. Большинство современных свидетелей сообщают о чертах плезиозавра и о том, что это все же морское млекопитающее с длинной шеей. Но знаете, как описывает Дин Бакленд, классик динозавроведения, плезиозавра? Змея, заточенная в корпус черепахи... А что подумать о драконе, который, согласно Гийому Дюрану, епископу из Менда, появился в VI веке в Риме во время разлива Тибра? Навод-

нение достигло таких размеров, что вода поднялась до верхних этажей дворцовых построек. В один прекрасный (если так можно выразиться) день римляне увидели гигантского змея, растянувшегося как огромное бревно. Эпидемия чумы стала следствием наводнения, и об этом говорили больше, чем о змее. Что ж, описание бревна сходится с аристотелевым «похожим на бревно, черным, круглым...»

И наконец, змей святого Брендана (VIII век), отважного ирландского монаха-путешественника, «безразмерное чудовище на волнах, вызывающее сильное волнение вод...» Надо сказать, что каждый, кто переписывал летопись монаха, прибавлял к тексту что-то новое, поэтому восстановить первоначальный текст попросту невозможно. Думается, что Брендан-Макфинлох описал нечто схожее с Левиафаном.

«ТЕННИН» АРАБОВ: С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕТЕОРОЛОГИИ

Арабы и персы поступили мудро — они не только собрали все собственные достижения, но и прибавили к ним наблюдения эллинистической науки. Впрочем, и у них встречаются упоминания о морском змее как о «рыбе в форме верблюда» (персидский космограф Касвини, XII век). Что ж, верблюд был для них главным животным, и не сравнить с ним неведомое животное они просто не могли. Куда больший интерес представляет слово *tennin*, которое встречается у Масуди в 954 году. Это слово, по мнению К. Барбье, восходит к иудейскому *tannin*. Но у арабов значение его весьма ограничено. У евреев оно означало всех монстров, странности пустыни, рек и морей, а у арабов это определенное животное.

«Некоторые думают, что *tennin* — это черный ветер, что рождается в глубине вод, поднимается в слои атмосферы и садится на тучи..., а другие считают, что это черный змей, выходящий из моря».

Эта интерпретация появилась впервые в 1911 году в «Британской энциклопедии», в статье «Морской змей». А доктор

Малькольм Берр нашел ей в 1934 году курьезное подтверждение в книге Э. Уортингтона «Внутренние воды Африки». После описания чудовища из озера Виктория-Ньянза, который предвещает свое появление ужасными катаклизмами, автор добавляет, что это, без сомнения, образ каких-то природных явлений. Конечно, она не лишена остроумия — эта идея, но придавая землетрясению образ змея, не докажешь, что змея не существует.

Масуди считает, что *tennin* — рептилия, живущая в глубине океанов; крепкая, она становится грозой рыб, и Бог придает ей форму черного змея, блестящего и длинного, чья пасть возвышается над вершинами и чей свист вырывает с корнем дерева.

Ибн Аббас добавляет: «Эти змеи достигают возраста 500 лет и управляют всеми другими змеями Земли...» Не навеяны ли эти верования живыми гигантскими амфибиями? Не сочетается ли в себе *tennin* (*tanandin* — во множественном числе) черты сразу нескольких зверей?

И не может ли так быть, что некоторые формы древних животных могли одновременно жить в двух стихиях — на суше и в воде?

ДРАКОНЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Изучение источников показало, что в целом морские змеи не являются опасными для человека, как это вначале считалось. Но в размерах они от этого не уменьшились. Интересно, что киту арабы приписывали размеры — 80 метров длины, рисовали ему рога и когти и говорили, что он нападает на корабли и пожирает матросов! Если некоторые агрессивные действия и свойственны касаткам и раненым кашалотам, то не присущи китообразным в целом. Репутация же агрессивного животного — норвежского змея, Левиафана и теннина, доказана и подтверждена.

Если верить хронистам, то все средние века были ареной кровавых столкновений героев со змеем. Не было такой провинции тогдашнего мира, где бы не воспевали какого-либо

триумфатора, победившего того или иного монстра. Именно победа над змеем вывела в герои Сигурда и Зигфрида, Беовульфа и короля Артура, Тристана и Ланселота, св. Георгия и св. Федора. Но все эти шевалье и рыцари без страха и упрёка — не в фальшивом ли ореоле славы купались они, подобно богу солнца Ра и его вавилонскому коллеге Мардуку, или ведическому богу Индре, чьими задачами было постоянно попира́ть чудовищ? Во всех античных эпопеях — индо-персидских, греко-латинских, тюркско-славянских, франко-германских и франко-кельтских боги, герои и святые делали одно и то же, как бы они себя ни именовали. Попирание дракона так тесно было связано с любой героической биографией, что представляется сомнительным, что там каждый раз происходили какие-то реальные и новые события.

Повадки их — городские ли это были предания или сельские — не позволяют принимать всерьёз эти легенды. Все время — несколько голов, пламя из пасти, перепончатые крылья, несметные сокровища, девушки, которыми они питались...

И уже это был не Левиафан, а протей, с лапами льва или скорпиона, ядовитый, как гадюка, с крыльями, как у летучей мыши, да иногда еще и со щупальцами. Масуди говорил:

«Персы, не отрицая существование теннина, указывали, что у него семь голов».

Чтобы приобрести нормальные формы, морской змей вынужден был ждать аж до XVIII века, эпохи Просвещения. Но не будем обольщаться — свет этой эпохи оказался слабой лампочкой для нашего подопечного. Однако не прогресс ли это в сравнении с долгой средневековой ночью?

ЧУДОВИЩЕ В XVIII СТОЛЕТИИ

До 1750 года знаменитое чудовище почти нигде не обсуждалось, кроме Норвегии. Если скандинавы считали его атрибутом, среди прочих, местной морской фауны, то весь ос-

тальной мир мог без помех представлять его как некоего буку из фольклора северных народов. Подобное мирное сосуществование двух противоположных мнений было возможно только из-за того, что их приверженцы оставались географически изолированными друг от друга.

Однако в течение второй половины XVIII столетия с атлантического побережья Северной Америки пришла добрая дюжина сообщений, почти все из колонии Мэн.

Yankee Humbugs! Американские враки! — воскликнули на этот раз британцы, пожимая плечами и явно забыв, что один из таких рассказов исходил от отряда англичан, экспедированных в 1782 году на Багадуз незадолго до окончания американской войны за независимость. Если учесть, что британские военные оценили длину виденного ими змея в 90 метров, то еще неизвестно, кого считать большими болтунами — англичан или американцев.

В этот период отпадения колоний англичане едва ли были склонны верить в морского змея, волновавшего американские умы. Единственным именитым британцем, который публично высказался за его существование, был писатель Оливер Голдсмит. Нельзя сказать, что это было хорошей поддержкой. Автор «Викария из Уэйкфилда» имел репутацию человека доверчивого и невежественного. Самуэль Джонсон сказал о нем: «Если он и способен отличить корову от лошади, то на этом его познания в зоологии оканчиваются». Его не смущало то, что в конце своей жизни Голдсмит по заказу, за 800 гиней, составил внушительную компиляцию по естественной истории «История Земли и одушевленной природы». Она была опубликована в 1774 году, через три месяца после смерти автора. В ней можно прочесть следующее замечание весьма здравомыслящего человека: «Верить во все, что рассказывают о морском змее или кракене, было бы наивностью, но отбрасывать возможность их существования — это слишком самонадеянно».

Ознакомившись с трудом Голдсмита, Джон Уэсли, основатель методизма, тут же написал в своем дневнике, не без орфографических ошибок: «Очень часто он обвинял в легковерии других литераторов, но сам обманулся рассказ-

ниями епископа Понтопидана о кракене и морском змее, первый из которых якобы достигал целой мили в диаметре, а второй был способен возвышаться над главной мачтой военного корабля».

В это время, следует признать, британские свидетельства почти отсутствовали. И кроме наблюдений отряда, брошенного на штурм Багадуза, мы едва смогли отыскать еще единственное, но зато чрезвычайно важное. В самом деле, этот простой отрывок из бортового журнала, заполненного со всей сухостью подобных документов, открывает череду прозаических отчетов по поводу морского змея. Первого августа 1786 года вахтенный офицер корабля «Генерал Кул», находящегося тогда под 42 градусами и 44 минутами северной широты и 23 градусами и 10 минутами западной долготы, записал в бортовом журнале:

«Мимо судна прошел громадный змей примерно пяти — пяти с половиной метров в длину, девяноста — ста двадцати сантиметров в обхвате, спина которого была цвета светлого кедра, а брюхо — желтым».

Среди британских документов XVIII века фигурирует еще одно свидетельство, правда, полученное из вторых рук и восходящее к знаменитому драматургу и актеру Томасу Нолкрофту. Последний долго прожил в Париже, откуда вывез перевод «Женитьбы Фигаро» Бомарше и пристрастие к революции, чем нажил себе серьезных врагов в Англии. В одном из писем, адресованных своему другу в 1799 году, Холкрофт рассказывает, как, находясь на борту корабля «Кеннет», он однажды завел беседу с капитаном и вторым помощником, и что оба категорически высказались в пользу существования кракена. Осмелев, он осведомился, что им известно о «морском змее, которого некоторые называют «морским червем».

«На этот вопрос, — пишет он, — я получил еще более прямой ответ. Вторым помощником, месье Бэрд, которого никак нельзя назвать заслуженным лжецом, невзирая на то, что его слова могут вызвать упрек в чрезмерной доверчивости и наивности, уверил меня, что лично видел, где-то на полпути в Америку, в Атлантическом океане, рыбу, отно-

сительно худощавую, но достигавшую 65—80 метров в длину; ее появление повергло капитана, знакомого с этими широтами, в большой ужас, ибо он решил, что чудовище потопит судно.

Оба пересказали мне ряд схожих слухов о появлении этого морского змея, уверяя, что он может подниматься над водой на высоту главной мачты.

Если вы спросите нас, зачем мы пересказываем все это и считаем ли подобное вероятным, то мы вам ответим: нет. Но кто может считать себя в силах указать границы возможного? Некоторые моряки полагают эти рассказы лживыми и смешными; другие с серьезностью утверждают их правдивость: мы же уверены, что — касательно этого вопроса и равным образом всех других — необходимо собирать доказательства и сохранять их с некоторой долей скептицизма».

Определенно нельзя высказаться более мудро.

Во Франции недоверие, можно сказать, было всеобщим на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Даже Пьер Дени де Монфор, столь жадно желавший доказать существование своего гигантского спрута, решил, что принимаемое за змея морское чудовище есть не что иное, как щупальце его огромного головоногого. Однако он прибавлял:

«Это не означает, что я вовсе сомневаюсь в существовании гигантских рыб удлинённой формы, принимаемых всеми за змеев; я признаю, что подобные рыбы, даже очень опасные, встречаются в морях; и если бы мне потребовалось это подтвердить, то среди прочих я привел бы свидетельство о змее, убитом Франсуа Лега с помощью его товарищей на скале, куда они были жестоким образом сосланы, перед самым островом Маврикий, который управлялся в то время голландцами».

Так как «ужасный змей» Франсуа Лега, о котором у нас есть и другие сообщения, был, очевидно, разновидностью морского угря или мурены относительно скромных размеров, то к нашему Левиафану или Се-Орму скандинавов он имеет весьма отдаленное касательство. И мнение Дени де Монфора по делу, которое мы рассматриваем, кажется не-

ким завуалированным отказом участвовать в обсуждении, хотя и весьма вежливым.

Настоящая схватка между защитниками и хулиителями морского зверя не на шутку разгорелась в начале XIX века в связи с делом о Звере из Стронсы, местности, расположенной довольно недалеко от нас, у северной оконечности Британских островов.

Множество знаменитых людей, прямо или косвенно, оказались замешаны в этом деле. Об этом можно судить хотя бы по фрагменту письма, которое шотландский поэт Томас Кембелл отправил 13 февраля 1809 года одному из своих друзей:

«Чтобы убедиться в том, что он реален, рассмотрим, что я узнал на протяжении последних двух недель – во-первых: некий змей (мой друг Телфорд получил изображающий его рисунок) был найден выброшенным на берег одного из Оркадских островов, настоящий морской змей с конской гривой, толщиной в четыре фута и длиной в пятьдесят футов – и это абсолютно истинно. Малколм Ленг, историк, его видел и выслал изображение моему другу...»

Томас Телфорд был известным инженером, построившим около 1500 километров новых дорог и не менее 120 мостов. Ленг был членом парламента от Шетландских и Оркадских островов.

Это то, что касается толков в свете. Теперь обратимся к фактам в их хронологическом порядке, который складывается перед нами по протоколам рассказов свидетелей, приведенных к присяге, тех, кто имел возможность осмотреть само чудище.

ОПИСАНИЕ И АНАТОМИЯ ЗМЕЯ О ШЕСТИ КРЫЛАХ

Осенью 1808 года труп огромного животного странного вида был выброшен на берег на Стронсе, одном из Оркадских островов. Первым человеком, который заметил диковину, был некий Джон Пис, фермер из Дунатуна. Согласно

его заявлению, 26 сентября этого года, он, отправившись на рыбную ловлю к востоку от косы Ротисхольм, заметил метрах в четырехстах от мыса нечто выброшенное на рифы, то, что он сперва принял за мертвого кита. Его внимание было привлечено морскими птицами, которые, громко крича, кружились над самой находкой.

Он приблизился на лодке и обнаружил, что только половина туловища животного высовывается из воды. И то, что это совсем не кит: существо отличалось, кроме прочего, странной формой головы, длинной и тонкой шеей, заостренным и вытянутым хвостом и наличием нескольких пар плавников – или лап? Заинтересовавшись, фермер приподнял одну из них из воды багром. Это была одна из конечностей, расположенных в передней части туловища: она была больше и толще тех, что находились ближе к хвосту. «Тогда, – заявляет Пис, – эта лапа или плавник была еще покрыта по всей площади, от туловища до кончиков пальцев, волосами примерно в 25 сантиметров длиной». Фермер вырвал несколько волосков, чтобы осмотреть их внимательней в лодке.

Другой свидетель, по имени Джордж Шерар, с удивлением заметил, как Джон Пис склонился, рассматривая нечто, находящееся в его лодке. Но, согласно ему, все это происходило 20 октября. Он же утверждал, что двумя неделями позже юго-восточный ветер усилился, превратился в бурю, и волнами выбросило на песок, уже целиком, гниющие останки странного животного.

Тотчас же по острову распространился слух, что некий морской змей с шестью «крыльями» был найден в бухточке залива Ротисхольма. Говорили, что у него очень маленькая голова, но больше, чем у тюленя, чрезмерной длины шея и гибкий хвост, похожий на хвост ящерицы. По всей спине у него густая грива или волосатый гребень, который спускается от плеч до хвоста, или около того. Короче, совершенный монстр, вышедший из inferнальных фантазий средневековья.

Джон Пис вернулся, чтобы осмотреть невероятную тварь, измерил ее в локтях и обнаружил, что «длина составляет от

54 до 55 футов». Джордж Шерар тоже провел измерения, но уже линейкой с футовыми отметками, и констатировал, что «зверь точно насчитывает 55 футов в длину от дырки, расположенной на верхушке черепа, до кончика хвоста». Наконец, плотник из Кируэлла, Томас Фотерингхэм, независимо от первых достиг того же результата, выяснив расстояние от «места сращения головы и шеи, где, как кажется, находилась слуховая дыра, до хвоста», — и приходится признать, что уж кто-кто, а плотник вполне в силах правильно употребить свой складной метр!

В этом вопросе единодушие было совершенным. Что касается других черт зверя, то существуют некоторые расхождения между словами четырех свидетелей, которых допрашивали два мировых судьи; но, по совести говоря, они столь незначительны, что ими можно и пренебречь. Поэтому, чтобы избежать утомительного повторения, мы обратимся к самому ясному отчету, принадлежащему Джорджу Шерару. В пользу правильности такого выбора говорит особенная добросовестность этого человека, его стремление установить истину, а также то, что для подтверждения своих слов он потрудился собрать различные части тела животного, среди прочих его череп, большую часть одной из его конечностей и несколько позвонков.

Поведав обстоятельства находки зверя, фермер, сообщая, как он его измерял, утверждал, также находясь под присягой, что:

«Длина его шеи точно 4 метра 57 сантиметров, от той же дырки (расположенной на макушке черепа) до начала гривы; что также он измерил, насколько возможно точно, окружность тела, которая составила около 3 метров 5 сантиметров, и что определенно туловище там, где прикреплялись конечности, имело именно такую окружность; что нижняя челюсть отсутствовала, но когда он осматривал животное в первый раз, еще сохранились ткань и кости на том месте, где их уже не было, когда он измерял; что на каждой стороне шеи было по отверстию, а еще одно располагалось позади черепа; что волоски гривы достигали 35 сантиметров в длину, были серебристого цвета и светились странным

образом в темноте перед тем как высохнуть; что верхняя часть конечностей, соответствующая лопатке, была присоединена к туловищу так же, как у коровы, образуя бок; что части хвоста недоставало, его конец был случайно оторван; там, где обнажились суставы последнего, они были от трех до восьми сантиметров величиной; что кости были хрящеобразные, как у гигантской камбалы «алибу», исключая позвоночник, единственную часть скелета, действительно твердую; что хвост был весьма гибок и гнулся во все стороны, когда он его приподнимал; он полагает, что то же самое относится и к шее, судя по ее виду... Что на каждой лапе по пять или шесть пальцев, длиной примерно 25 сантиметров, из весьма мягкой ткани; что пальцы были отделены друг от друга и не сплюснуты, и, насколько он мог видеть, вся лапа была размерами в 15 сантиметров, как в длину, так и в ширину».

Остальные свидетели добавляют только немного полезных сведений, представляющих, однако, большую важность.

По словам плотника Фотерингхэма, «кожа казалась упругой, если на нее нажимать, была серого цвета и без каких-либо чешуек; она казалась шероховатой на ощупь, если проводить рукой к голове, но мягкой как бархат, если гладить к хвосту». Не менее ценно сообщение о том, что когда он осматривал животное, «части кости и нижней челюсти, похожей на собачью, еще сохранились..., с остатками мягких зубов, которые можно было согнуть рукой».

У зверя, как утверждалось, было вспорото брюхо; обнаружилось то, что сочли желудком, к которому были присоединены еще две пары внутренних органов. Фермер из Уайтхолла на Стронсе, Уильям Фолсеттер, был настолько любопытен, что вскрыл этот орган, длиной около метра 20 сантиметров и слегка уплощенный. Он утверждал, что «перепонки, которые образовывали отделы, были легко различимы в том, что считалось желудком, и были примерно пятисантиметровой толщины, располагались на одинаковом расстоянии друг от друга и состояли из такой же материи, что и сам желудок: а срез, который он сделал, имел вид гребешка. Вскрыв на четверть предполагаемый желудок, он обнару-

жил, что тот заполнен красноватым веществом, по виду — смесью воды и крови, и распространял зловоние».

«ЭТО ОГРОМНЫЙ МОРСКОЙ ЗМЕЙ!»

Одним словом, загадочную находку осматривали со всей тщательностью на протяжении нескольких дней разные очевидцы, полные любопытства. Следствие, проведенное весьма системно, попыталось свести все их наблюдения воедино и придать им официальный характер.

Странного зверя выбросило на землю, принадлежащую законнику из Эдинбурга по имени Гилберт Ленг Мейсон. В момент происшествия он не был на Стронсе, но его брат, знаменитый шотландский историк Малькольм Ленг, член парламента, по счастью, находился в Киркуэлле, на том же острове. Когда до него докатились слухи о происшедшем, он весьма заинтересовался, особенно тем, как бы получить от фермера Джорджа Шерара несколько значительных фрагментов скелета животного. Плохая погода помешала ему самому отправиться в путь, но он немедленно отрядил некоего мистера Петри, чтобы тот собрал как можно больше сведений о чудовище.

Этому молодому человеку, без сомнения, одаренному рисовальщику, особо предписывалось сделать несколько набросков с животного, но увы! — буря успела прежде него добраться до останков. На этот раз костяк был разбит на мелкие кусочки яростью волн и рассеян по побережью. Шерар, который уже был сподвигнут собственной добросовестностью на собирание нескольких фрагментов загадочного существа, постарался поправить дело. Чтобы дать Петри точное представление о внешнем виде монстра, когда тот еще лежал на песке, фермер неумелой рукой начертил мелом его контуры. По ним уже Петри попытался создать наиболее детальный и тщательный портрет. Он сделал шесть или семь различных эскизов, которые Шерар правил и отвергал, пока не получился рисунок, совершенно удовлетворивший его критика. Мало того, честный фермер даже заявил, «что го-

тов поклясться, что этот рисунок является совершенно точным изображением рыбы, какой он ее запомнил, когда осматривал, и который соответствует во всех деталях форме, пропорциям и размерам этой рыбы».

На этом портрете, который позже скопировали с большей или меньшей верностью во многих публикациях, можно видеть необычное животное со змеевидным телом и волнообразным длинным отростком сзади, украшенное по всей длине спины и хвоста подобием гребня и оснащенное шестью лапами!

Последняя подробность заставила подпрыгнуть зоологов и анатомов. За исключением некоторых многоножек и крошечных клещей, только у насекомых признавались три пары лапок. Это было аксиомой и выходило за пределы представления о позвоночных, представители которых не могли обладать больше чем двумя парами двигательных конечностей.

Но, без сомнения, эта несуразность и была причиной пробудившегося интереса к зверю из Стронсы. Как, черт возьми, могло существовать создание, столь нелепо сложенное? Заинтригованный Малькольм Ленг поспешил сообщить

Рисунок XIX века: первая встреча с морским змеем у побережья Массачусетса в 1639 году

основные подробности описания брату Гильберту, который, в свою очередь, передал его секретарю Вернеровского общества Естественной Истории в Эдинбурге, Патрику Нейлу. Этот последний уже на заседании 19 ноября 1808 года перед ошеломленным ученым собранием огласил сообщение об «огромном морском змее, недавно выброшенном на берег одного из Оркадских островов». Мистеру Ленгу объявили о необходимости немедленной пересылки некоторых фрагментов животного в музей Эдинбурга и сбора более конкретных сведений относительно происшествия с помощью других местных жителей. Как бы там ни было, дело представлялось ясным, как ключевая вода, по крайней мере одному человеку, энтузиасту-секретарю Вернеровского общества. Вот что можно прочесть в протоколе этого памятного заседания: «Мистер Нейл решительно заключил, что нет никаких сомнений, что данное животное относится к виду, описанному Рамусом, Эгедом и Понтопиданом, сообщения которых отбрасывались учеными натуралистами до настоящего времени как апокрифичные и вымышленные».

ЗВЕРЬ С ТОНКОЙ ШЕЕЙ С ГЕБРИДСКИХ ОСТРОВОВ

Без сомнения, можно только удивляться тому, с какой легкостью были сделаны подобные заключения. Но можно лучше понять импульсивность мистера Нейла, если вспомнить, что в то же время уже несколько месяцев с Гебрид, островов, расположенных к западу от Шотландии, поступали весьма любопытные слухи. Согласно молве, несколько рыбаков, и даже уважаемый священник по имени Маклин, наблюдали у берегов огромное животное, которое в точности соответствовало описаниям норвежского морского червя. Те, до кого дошли рассказы о находке на Оркадских островах некоего большого змеевидного животного, естественно, предполагали, что там окончил свой жизненный путь тот самый монстр, виденный на Гебридах. Мистер Нейл немедленно развил интенсивную эпистолярную деятельность, дабы

получить точные и обстоятельные сведения как от тех, кто наблюдал морского зверя живьем, так и от тех, кто видел его предположительный труп.

Но только в апреле следующего года ученый секретарь Вернеровского общества получил от пастора Маклина, наконец-то решившегося ответить, подробный отчет о том, что тот видел. Пастор заметил чудовище с лодки, и его испугал вид змея, его тело, его голова.

В письме он говорил:

«Голова эта была весьма велика, формы почти овальной, и держалась на очень худой шее. Плечи зверя, если мне позволительно их так назвать, были тоже весьма большими, а от них туловище утончалось к хвосту, чью форму разглядеть было трудно, потому что он был опущен в воду. Я не заметил каких-либо плавников, и казалось, животное движется только посредством волновых движений своего тела сверху вниз. Его длина, по моему мнению, могла быть от 21 до 24 метров.

К тому времени, когда я видел этого морского зверя, его уже замечали ранее у побережья острова Канна. Команды тринадцати рыболовных шхун испытали, как мне рассказывают, такой страх при его приближении, что все как один бросились спасаться к ближайшему берегу».

СВИДЕТЕЛЬСТВА, ЭКСПЕРТИЗЫ И ВЫВОДЫ

Историк Малькольм Ленг, которого мистер Патрик Нейл тоже торопил со сбором достоверной информации о чудесном звере из Стронсы, был также и мировым судьей графства Оркадских островов. Он решил немедленно заняться добыванием свидетельств под присягой от людей, которые видели и измеряли находку. Таким образом, 10 и 19 ноября 1808 года все четыре основных очевидца по очереди представили пред ним и доктором Робертом Гроутом, врачом из Киркузлла. В общем показания свидетелей совпадали. Конечно же, некоторые расхождения имелись относительно дня, в который впервые видели останки, но подобная неточность

без труда объяснится, если только представить себе условия жизни фермеров или плотника на острове в начале XIX столетия. Я прожил на достаточно диком острове добрую часть года, читая газеты от случая к случаю, и могу уверить, что мог назвать дату лишь в диапазоне семи-восьми дней.

Не стоит также удивляться тому, что плотник Фотерингхэм, осмотрев горло зверя, нашел его «слишком узким, чтобы засунуть туда руку», тогда как, по словам фермера Шерара, «устье горла казалось столь широким, что в него могла пройти нога». Один сметливый критик написал тут же: «...так как никто не сможет доказать, что рука Томаса Фотерингхэма была толще ноги Джорджа Шерара, нам следует признать, что оба ошиблись в своих измерениях». В действительности это кажущееся противоречие легко объяснить: видимо, останки находились на разных стадиях гниения во время двух осмотров. Кроме того, нижняя челюсть уже была сломана, и не могли ли свидетели принять за горло два совершенно разных отверстия?

Все это время в Эдинбурге члены Вернеровского общества исходили нетерпением в ожидании обещанных останков. Но непогода на море продолжалась, и те все никак не могли прибыть в шотландскую столицу, но зато некий доктор Джон Барклай, который осматривал фрагменты на месте, прибыл на заседание 14 января 1809 года и поделился своими соображениями по поводу структуры — по его мнению, исключительной — хвостовых позвонков предполагаемого морского змея.

Это сообщение, озаглавленное «Заметки по поводу некоторых частей животного, выброшенного на берег острова Стронсы в сентябре 1808 года», были опубликованы в 1811 году и иллюстрированы замечательными рисунками. Они представляли не только собственно позвонки, но и высохший и сморщенный череп животного, а также одно из «крыльев», соединенное с грудной костью.

Скажем без проволочек, что любой, даже начинающий зоолог немедленно опознал бы по данным останкам рыбу вида *Chondropterygion*, то есть с хрящевым скелетом, а еще более конкретно — из акул. Только у рыб из всех позвоноч-

ных можно встретить скелет, не полностью окостеневший, а среди рыб только хрящевые (акулы, скаты и химеры) обладают целиком хрящевым скелетом, как раз таким, как у зверя из Стронсы; наконец, из всех хрящевых только у акул позвонки имеют лучевое обызвествление в форме звезды, что весьма характерно: они выглядят, как катушки или гантели, на первый взгляд похожие на пучок волокон.

Прочие иллюстрации, опубликованные доктором Барклаем, также примечательны. Вид плечевого пояса, к которому прикреплялись конечности, удостоверяет, без всяких сомнений, фантастический характер изображения передних «лап» животного на рисунке мистера Петри. Они никакого отношения не имеют к суставам: это плавательные перепонки, составленные из хрящевых отростков — знаменитые пальцы! — и прикрепленные прямо к лопаткам. Следует предположить, что все эти разоблачительные наброски не были представлены доктором Барклаем на том самом заседании Вернеровского общества, ибо иначе пришлось бы всерьез усомниться в компетенции не только самого врача, но и почтенного секретаря собрания, равно как и всего собрания в целом. В действительности, как можно прочесть в протоколе этого собрания, мистеру Патрику Нейлу в этот день пришлось в голову окрестить, согласно научному ритуалу, «Морского змея» из Стронсы:

«Предлагаю назвать этот новый вид «*Halsydrus*» (от *hals* — море и *hydros* — водяная змея), а так как он определенно напоминает морского червя, описанного полстолетия назад Понтопиданом в его «Естественной истории Норвегии», следует прибавить к названию это имя и таким образом наречь — «*Halsydrus pontoppidani*».

На следующем заседании, 11 февраля, мистер Нейл наконец смог зачитать перед членами общества свидетельства под присягой, собранные магистратом Стронсы. О каких еще более твердых гарантиях можно было мечтать? Все оказалось как нельзя лучше: загадка морского змея разрешена! Шотландских натуралистов охватил буйный восторг, а секретарь Вернеровского общества испытывал ощущение человека, который первым научно окрестил по всем правилам самого

известного из морских чудовищ, наконец-то вынырнувшего из легенд, так сказать, во плоти и кости.

Только этими костями, увы, никто, кажется, не подумал заинтересоваться, они были совершенно хрящевыми, что совсем не является нормой для змеев, даже и шестипалых. Но более тяжелые огорчения были еще впереди.

HALSYDRUS — НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ГИГАНТСКАЯ АКУЛА

Малькольм Ленг не удовлетворился посылкой свидетельских показаний о звере из Стронсы в Вернеровское общество естественной истории, он также отправил их копии разным видным людям из мира науки, среди прочих сэру Джозефу Бэнксу. Именитый английский натуралист и меценат передал их, в свою очередь, Эверарду Хоуму, прославленному лондонскому хирургу и натуралисту на досуге, который как раз тогда составлял анатомический труд по гигантским акулам. Случай изучить одну из этих гигантских, но безобидных рыб ему представился совсем незадолго до этого, так как 13 ноября 1808 года экземпляр в 9 метров 29 сантиметров длиной запутался в рыбацкой сети под Гастингсом.

Изучая присланные ему показания всех людей, имевших возможность видеть Зверя из Стронсы, Хоум был поражен, обнаружив целый ряд значительных подробностей: среди прочего, кожа была гладкой, когда по ней водили рукой к хвосту, и шероховатой, когда зверя гладили, если так можно сказать, против шерсти. Ведь именно это так характерно для кожи акул и других хрящевых рыб, которая оснащена крошечными зубчиками, загнутыми по направлению к хвосту.

Неопределимый зверь из Стронсы — не является ли он просто китовой акулой? — задался вопросом Хоум, поглощенный предметом своего давнего увлечения. Связанный дружбой с Малькольмом Ленгом, он попросил предоставить в его распоряжение некоторые анатомические части

животного — из тех, которые сохранились. Сравнив их с соответствующими частями акулы из Гастингса, он заметил, что, по его же словам, «они совпадают не только по форме, но и по размерам». Животное из Стронсы, таким образом, согласно Хоуму, оказалось рыбой из отряда акул, то есть существом, весьма отличным от того образа, который создан у людей, наблюдавших искалеченные и полусгнившие останки, выброшенные на берег.

«В различных свидетельских показаниях, — пишет он в дополнении к своему труду по анатомии китовой акулы, — многие части описаны вполне точно, а среди них и внутренности — спиральный клапан, принятый за желудок, и волокна, описанные как волоски гривы, следовательно, перед нами экземпляр, обладающий как раз такими волокнами, которые образуют контуры плавника *Squalus maximus*... Рисунок точен в изображении головы и передней части рыбы, чья кожа, верхняя и нижняя челюсти, жабры и глотка отделились в результате разложения... Лапы вполне сносно представляют органы размножения самца *Squalus maximus*... и они не были бы столь невероятны, если бы к ним не прибавили еще четыре, в реальности не существующие».

На самом деле, правильнее было сказать, что на рисунке, выполненном мистером Петри по воспоминаниям шестинедельной давности одного из очевидцев, изображены грудные и тазовые плавники в несвойственной им форме. Во всяком случае, похоже, то, что принимали за шесть лап, было не чем иным, как двумя парами плавников и двойным органом размножения, который существует у всех хрящевых рыб.

Хоум считал, что грива, которую наблюдали очевидцы, была образована волосками, которые напоминают внешние волокна плавников и хвоста акулы, но счел нужным заметить, что «она должна была располагаться только на месте спинных плавников, а вовсе не растягиваться по всей спине, как на рисунке». Что до изогнутости хвоста, которая невозможна при типе суставов позвоночных, она была, согласно лондонскому хирургу, исключительно плодом воображения.

Все его замечания, без сомнения, были вполне законны. Но Хоум воспользовался простыми ошибками интерпретации свидетельских показаний, чтобы раскритиковать, кроме того, и результаты их измерений, совпадение которых было абсолютным:

«Говорят, — пишет он, — что два различных человека измеряли рыбу, один — локтями, другой при помощи линейки, размеченной по футам, и что последний получил длину в 16 метров 75 сантиметров. Точность этих измерений весьма сомнительна, поскольку сохранившиеся части соответствующей рыбе примерно 9 метров 15 сантиметров длины».

И наш анатом сделал заключение, что все это доказывает: животное, выброшенное на берег в Оркадах, — акула. «И, — прибавляет он, — отверстия, расположенные позади глаз, сообщающиеся со ртом внутри черепа, весьма достоверно говорят, что речь идет о *Squalus maximus*».

Следует упомянуть, что и в самом деле одной из особенностей гигантской акулы как раз являются две крошечные отдушины с каждой стороны головы: одна сзади от глаза и другая под углом ниже глотки.

Наконец, Хоум возвестил, что его «мнение подтверждается, кроме того, еще тем фактом, что *Squalus maximus*, известная под именем *basking shark*, часто бывала замечена у побережья Шотландии».

ПРАВИЛЬНОСТЬ И КРАЙНОСТИ В ВЫВОДАХ ЭВЕРАРДА ХОУМА

По правде говоря, чтобы подтвердить мнение английского анатома, следует прибавить еще несколько аргументов, которые ускользали от глаза исследователей до настоящего времени.

Вспомним сперва, что плотник Фотерингхэм заметил над тем, что он принял за нижнюю челюсть, зубы — мягкие и гнущиеся. Стоит ли уточнять, что зубы не могут обладать подобными сомнительными достоинствами, если только они не являются чем-то совершенно бесполезным в организме?

Следовательно, то были не зубы, а кость, на которой они сидели, и она не имела никакого отношения к нижней челюсти. Придется вспомнить, что жаберные щели акулы как раз оснащены длинными, твердыми, но все же гнущимися отростками костной природы, представляющими из себя остатки канальцев зубного вещества. Очевидно, это и есть знаменитые мягкие зубы! Именно они образуют жаберную щель, похожую на частокол, сравнимый с китовым усом, и именно благодаря им их владелица получила у англичан прозвище «китовая акула».

Суть в том, что, как и китообразные, эти акулы питаются почти исключительно планктоном, большей частью мелкими ракообразными. Постоянно лениво передвигаясь в воде, акулы глотают огромное количество воды, наполненной крошечными организмами, и когда жидкость выливается наружу через жаберную щель, маленькие существа удерживаются частоколом. «Содержимое их желудков, — подчеркивает Джордж Пети из Парижского музея, — всегда представляет собой красноватый или винно-красный бульон, напоминающий томатное пюре». Вот, кстати, и объяснение того, почему фермер Фолсеттер не нашел в желудочном тракте чудовища из Стронсы ничего, «кроме красноватого вещества, похожего на смесь воды и крови».

Короче говоря, определение Эверарда Хоума было точным. Но, однако, наш хирург вел все свое расследование с преступной небрежностью. С одной стороны, он не смог обратить себе на пользу все попавшие ему в руки свидетельства, которые подтвердили бы его мнение настолько, что оно стало бы неоспоримым. С другой стороны, он весьма ослабил свое положение несправедливой критикой по части точности приведенных измерений.

Если взглянуть на перечень всех больших рыб, выброшенных на берег или отловленных с конца восемнадцатого века, о которых до нас дошли сведения, то окажется, что подчас размеры этих акул достигали двенадцати метров в длину и более. Говоря только о чемпионах, можно упомянуть экземпляр, выловленный в августе 1851 года в заливе Фунди, на севере Новой Шотландии: его длина была 12 мет-

ров 19 сантиметров; в 1865 году в Повоа-де Варзим в Португалии выбросило на берег акулу длиной более 12 метров; и в 1913-м можно было наблюдать экземпляр в 11 метров 50 сантиметров в Конкарно, в Бретани.

Подобные случаи еще не были зарегистрированы во времена Хоума, но, однако, и тогда были известны экземпляры в десять метров длиной. Конечно, епископ Гуннер еще в 1765 году заявил, что, согласно словам очевидцев, вполне заслуживающих доверия, есть экземпляры длиной больше 21 метра, и вообще, время от времени на норвежском побережье вылавливают акул и до тридцати метров длиной... Но, кажется, Хоум не был расположен всерьез принимать епископские описания китовой акулы. Впрочем, это и понятно: если для данного вида позвоночных еще можно принять существование отдельных особей-гигантов, чьи размеры превышают обычные на две трети, то уж совсем трудно признать, что есть и такие, чья длина вдвое или даже втрое больше.

Размеры гигантских акул, если считать всех выловленных и выброшенных на берег, колеблются от двух до двенадцати метров, а нормальная длина взрослых самцов признана в восемь-девять метров. Если вполне объяснимо существование очень больших особей одиннадцати-двенадцати метров, то почему теоретически нельзя допустить монстров от тринадцати до шестнадцати метров? Не был ли зверь из Стронсы одним из таких? Так что Хоум был не прав, не желая вглядываться в отчеты: он предпочел неловко усомниться в неоспоримой точности измерений, и в своем опусе, в конце, он заявил следующее:

«Для науки важно, что эта рыба вовсе не новое животное, отличное от обычных порождений природы».

Хотел ли мистер Хоум этим сказать, что, если «зверь» из Стронсы был бы настоящим морским змеем, то он должен был состоять «из материи, которая образует мечты», и иметь сюрреалистическое строение, как те взвешенные создания, которых изобретают фантасты? Предпочтительней думать, что, следуя традициям — увы, устойчивым! — зоолога-конформиста и реакционера, Хоум пожелал подчеркнуть

этим заявлением всю несуразность открытия зверя подобной величины, ранее науке неизвестного. Но он не исключал того, что животное, выброшенное морем на берег Оркад, было некой хрящевой рыбой, то есть хрящевой рыбой неизвестного вида. Нужно проникнуться мыслью, что точное определение акулы невозможно, если в распоряжении нет зубов и фрагментов кожи. Будущее опровергло, и весьма решительно, утверждение Эверарда Хоума. Через несколько десятков лет, в 1828 году, была открыта акула еще большей величины, чем гигантская китовая (*Rhineodon*): в 1934 году в бухте Комметье в Южной Африке измерили экземпляр длиной в 16 метров 10 сантиметров, а существуют еще такие, чьи размеры колеблются от 18 до 20 метров, как та, которая запуталась в 1919 году в бамбуковой сети в Кох-Шике, к востоку от Сиамского залива, но которую так и не смогли измерить квалифицированно.

Поспешим прибавить, что зверь из Стронсы не мог принадлежать к этому виду, который водится только в теплых водах. Но не будем забывать и то, что точная идентификация вида хрящевой рыбы из Стронсы по-прежнему остается проблематичной.

ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ОСМОТР ДОКТОРА БАРКЛАЯ

Но никто не лишает нас права обсудить эту идентификацию. Прежде всего, категорическое определение Эверарда Хоума весьма шокировало доктора Джона Баркляя, который в энтузиазме первых отчетов совсем упустил из виду свои неосторожные утверждения о структуре позвоночника предполагаемого морского змея. Его протесты, опубликованные в Записках Вернеровского общества, только еще более тягостно подтвердили его некомпетентность в вопросах сравнительной анатомии. Также, пытаясь доказать, что черепная коробка животного из Стронсы была слишком мала для того, чтобы принадлежать десятиметровой гигантской акуле, он не переставая путал «череп» и «голову». И к тому же, жаждая продемонстрировать, что в противоположность рыбам,

чудовище имело шею и должно было, следовательно, быть по крайней мере китообразным, он настойчиво подчеркивал тот факт, что первый позвонок, еще сросшийся с черепом, был гораздо меньше, чем у крупных гигантских акул; но тем самым он доказал еще более ясно свою неспособность отличить заднюю часть данной черепной коробки от передней, так как принял за позвонок то, что на самом деле было остатком носового хряща!

Наконец, потребовалось его особое незнание особенностей анатомии гигантских акул, чтобы утверждать, что наличие отдушин доказывает то, что животное вообще не было рыбой. Но верно, однако, и то, что почти столетия само существование этих отдушин больше отрицалось, чем признавалось самыми крупными светилами зоологии!

Доктор Барклай, очевидно, имел причины настаивать на том, что размеры зверя из Стронсы и десятиметровой акулы, с которой его сопоставлял Хоум, сравнивать нельзя. Вот критические высказывания шотландского врача, которым можно поаплодировать от всей души: это его ответ на не допускающее никаких возражений заключение Хоума: «Что касается вашего утверждения, что для науки важно не допустить новые виды или подвиды в наши каталоги, то этого я решительно не понимаю. Но для науки совершенно точно является значительным ударом, когда натуралист основывается в своем определении вида животного на весьма смутных признаках».

Большинство шотландцев и даже симпатизирующих им англичан остались верны тезисам, утвержденным кланом Вернеровского общества. Еще в 1822 году можно было прочесть горделивые слова доктора Гибберта в его «Описании Шотландских островов»:

«Существование морского змея, чудовища длиной в 16 метров 75 сантиметров, было неоспоримо доказано на примере животного, выброшенного на побережье одного из Оркадских островов, чьи позвонки можно увидеть в Музее Эдинбурга».

Шотландские натуралисты, не доходя до защиты проигранного процесса, все же не упускали возможности при каж-

дой экстумации знаменитого дела поставить под сомнение законность определения Эверарда Хоума. Их самолюбие было серьезно задето одним его тоном, этакой смесью снисходительности и презрения, и борцовский пыл не собирался затухать. Можно сказать, что та горячность, с которой они ныне утверждают реальность своего прославленного лохнесского чудовища, есть не что иное, как отражение и затянувшееся продолжение старой распри по поводу Стронсы.

ХИМЕРА, ПЛЕЗИОЗАВР, ЛАМИЯ ИЛИ?..

Полемика относительно идентификации останков вскоре перешла границы Соединенного королевства. Благодаря удаленности места происшествия, схватка на континенте продолжалась с большим пылом оттого, что заинтересованные натуралисты частенько не совсем точно представляли себе все данные по столь волновавшей их проблеме.

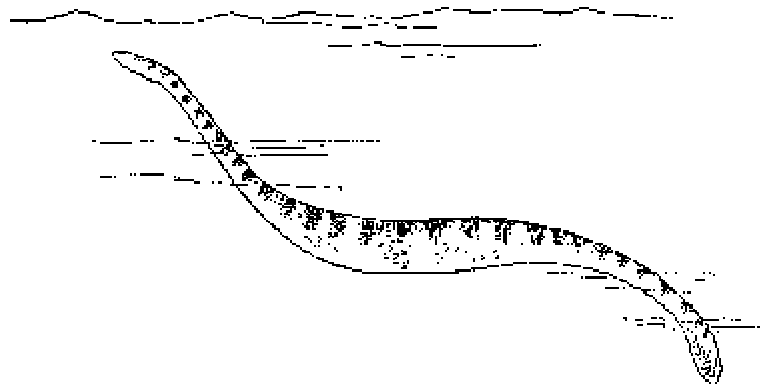
Во всяком случае, суждение, вынесенное в 1811 году профессором Лоренцом Океном, более склонным пофилософствовать над абстракциями, нежели выводить что-либо из конкретных фактов, совсем не послужило наведению порядка. С обычной лихостью заявив, что оркадская тварь, бесспорно, является хрящевой рыбой, двойные органы размножения которой приняли за третью пару лап, этот выдающийся немецкий философ природы постарался весьма путаньими доводами внушить всем мысль, что он раскрыл некий секрет: это не акула! После чего заключил: «Должно быть, это химера». Нет, не создание, порожденное воображением, а одна из глубоководных рыб, по преимуществу весьма причудливого вида, вылавливать которых доводилось редко и которым наука присвоила имя чудовищных созданий.

Доводы, выдвигаемые Океном, были малоубедительными и часто даже неприемлемыми. Конечно, чудовищная химера, отдаленная родственница акул, обладала, как и неясное животное, изображенное мистером Петри, спинным гребнем, идущим от вздутия на конце головы и до самого кончика острого хвоста. Но явной неправдой было утверждение

Окена, что «уже вылавливались экземпляры химер длиной в десять метров». Самые крупные из известных нам едва достигали одного! Чудовищная химера в 16 метров 75 сантиметров – это предположение настолько чудовищно, что его без колебаний можно счесть воистину химеричным.

Доверившись, в свою очередь, описаниям доктора Гамильтона, шотландского натуралиста, весьма, кстати, предвзятым, профессор Генрих Ратке из Кенигсберга, которому мы обязаны столь значительным взлетом в изучении развития и анатомии позвоночных, в 1841 году взял себе в голову, что зверь из Стронсы похож на плезиозавра, огромного мезозойского морского ящера, открытого немного ранее, и что, следовательно, подозрительный зверь относится к рептилиям.

Эта гипотеза, обязанная своим появлением одним и тем же чертам в описании морского змея, впоследствии выдвигалась довольно часто. По меньшей мере можно сказать, что она не была неожиданностью. Вскоре после того как профессор Ратке обнаружил ее в «Архив фюр натургешихте» за 1841 год, издатель этого самого журнала, профессор В. Эриксон, счел своим долгом подчеркнуть всю ее несуразность, опираясь на описание и вид сохранившихся частей зверя из Стронсы:

Гидрофис

«Эверард Хоум уже объявил, что животное было акулой, и, невзирая на все противоположные уверения доктора Баркляя, именно ею оно и является, только, вероятно, не *Selache maxima*, а *Lamna cornubica* – представителем вида, который достигает значительных размеров».

Как жалко, что подобное ясное утверждение закончилось столь очевидной ошибкой! В действительности прожорливая тварь, в просторечье называемая китовой акулой, или ламией, никогда, по нашим данным, не достигала даже шести метров.

Подобные промашки и рост количества гипотез по поводу сущности монстра только еще сильнее уверили общественное мнение в том, что эта самая сущность по-прежнему остается загадкой. Во всяком случае, в 1849 году, через сорок лет после происшествия, Эдвард Ньюман, издатель лондонского журнала «Зоолоджист», совсем не был убежден в хрящевой природе зверя из Стронсы: «...совершенно невозможно, чтобы у акулы длиной в 16 метров 75 сантиметров была голова в 18 сантиметров диаметром и шейный позвонок диаметром в 5 сантиметров. Очевидно, настоятельно требуются еще более углубленные изыскания в этой области».

Мистер Ньюман полагал, что еще должны оставаться целы некоторые части животного, которые могли бы стать объектом изучения каких-нибудь компетентных специалистов. Еще он предлагал обратиться к шотландским натуралистам – пусть они еще раз прольют свет на это столь щекотливое дело и дадут ответы на серию вопросов.

На самом деле выдать мистеру фонарь, необходимый для освещения, было весьма нетрудно: достаточно объяснить, что не голова таинственного животного, а его черепная коробка была размером 18 сантиметров, и что не начало шейного позвонка, а оконечность носового хряща достигала толщины 5 сантиметров. Увы! Мистер Джэйсон С. Хоуден из Муссельбурга, который взялся ответить мистеру Ньюману, предпочел отнести все очевидные противоречия в размерах зверя из Стронсы к тому, что «ни один из людей, достаточно образованных, его не видел: все, кому это удалось, были

безграмотными профанами». Сам неспособный отличить череп от головы, он подозревал измерительную линейку плотника в «решительной склонности ко всякого рода чудесам». Что касается частей животного, весьма досадно, но, по его словам, череп куда-то затерялся. Что до позвонков, то три из них были выставлены в королевском колледже хирургов Эдинбурга, а четыре в университетском Музее естественной истории этого города. Первые, сохранявшиеся в засушенном состоянии (и несколько ссохшемся!), достигали 15 сантиметров в диаметре. Но несмотря на это, мистеру Хоудену и в голову не пришло вскрыть грубую ошибку, допущенную доктором Барклаем, принявшим кончик носа животного за начало художавой шеи. Однако он уведомил мистера Ньюмана об авторитетном мнении специалиста, с которым он консультировался по поводу позвонков, то есть с профессором Гудсером: «...он сказал мне, что осмотрел их и что они, несомненно, принадлежат акуле (*Squalus maximus*), так же, как и череп, грудная кость и лопатки, фигурировавшие в «Записках Вернеровского общества».

Однако это столь решительно высказанное мнение совсем не рассеяло сомнений мистера Хоудена. На самом деле его собственные выводы характеризовались как крайней осторожностью в отношении идентификации зверя с Оркад, так и чрезвычайной дерзостью касательно определения живого создания на Гебридах, которое, очевидно, не имело ничего общего с выброшенными на берег останками: «...если животное из Стронсы не было акулой, то, определенно, оно не было и великим морским змеем, который, если и существует, то, судя по всему, обнаруживает сродство с плезиозаврами прошлого; именно на них кажется столь похожей тварь, виденная преподобным Маклином на острове Эйгг».

ГИГАНТСКАЯ ИЛИ НЕТ?

Этот вопрос мог только ослабить позицию эдинбургских натуралистов, которые ринулись в контрнаступление. Собственно, оно началось через несколько лет, в 1854 году,

когда доктор Томас Стюарт Трайл, который, подробно перебрав все данные дела, подверг весьма резкой критике утверждение сэра Эверарда Хоума, тем временем уже возведенного во дворянство и успевшего довольно давно уйти из мира сего. Определенно справедливы были упреки к покойному, отвергшему точность измерений зверя из Стронсы под предлогом того, что они были проведены «невежественными рыбаками». Доктор Трайл лично знал трех главных свидетелей: двое из них были фермерами зажиточного сословия и таким же был третий, впрочем являвшийся по профессии плотником, мастер — золотые руки, несомненно, привыкший обращаться с измерительными приборами. «Они, — говорил он, — люди такой честности, ума и достоинств, что я не могу поставить под сомнение точность утверждений, основанных на их собственных тщательнейших наблюдениях». И прибавил, что гигантская акула, которую так часто вылавливают на Оркадах, им, без сомнения, была гораздо более знакома, чем сэру Эверарду.

У доктора Трайла были свои резоны подчеркивать несуряницу в размерах монстра и акул, никогда не достигавших 10 метров. Но и он одобрил все свои доводы целым рядом грубых ошибок. Не только повторив все, допущенные доктором Барклаем и мистером Хоуденом, но и прибавив несколько штук собственного изготовления. К примеру, он заявил, что шесть «лап» могли быть остатками плавников: грудных, брюшных и анальных; но анальный плавник — один! Он также отметил, с другой стороны, что «оркадское животное, кажется, имело по две круглых отдушины с каждой стороны шеи... тогда как у гигантской акулы — по пять вытянутой формы отдушин с каждого бока». Ведь известно, что на самом деле у этой акулы как раз пять пар жаберных щелей и ровно две пары отдушин.

Наконец, неверно считать, как утверждал доктор Трайл, что тварь из Стронсы оставалась «в сносом состоянии на протяжении продолжительного времени»; все указывает на то, что именно прогнившие, в состоянии далеко зашедшего разложения останки выбросило на берег в

1808 году. Эта ошибка вполне объясняет отказ доктора Трайла принять определение Хоума, несовместимое с показаниями очевидцев, и утвердить собственное мнение по этому вопросу:

«Все доказывает, что оркадское животное было рыбой из хондроптеригиевых, отличной от всех описанных натуралистами; но нельзя согласиться с обозначением морского змея как некоего родича змей, это становится понятно, если судить по его внешнему виду и, без сомнения, по способу передвижения в воде. Невозможно уверенно соотнести его с какой-либо известной нам акулой, да и вообще поместить его в само семейство акулых».

Не стоит отвечать на слишком категоричное суждение Эверарда Хоума суждением противоположным, но не менее решительным. Если нет ничего, что позволяет уверенно определить зверя из Стронсы как гигантскую акулу, то ничто не позволяет и отрицать это: в крайнем случае, он мог быть экземпляром ненормально крупных размеров.

Стоит ли удивляться, что после более чем векового парада противоречивых гипотез, очевидных ошибок и чрезвычайно решительных выводов один также выдающийся зоолог, профессор из Арси по имени У. Томпсон, еще мог утверждать в 1928 году, что зверь из Стронсы «был, почти вероятно, большой рыбой из рода *Regalecus*».

«Верно, — признает он, — сэр Эверард Хоум определил два (?) сохранившихся позвонка как принадлежащие гигантской акуле, но я осмотрел позвонки двух других сомнительных рыб и полагаю, что в состоянии большей или меньшей деформации их может спутать даже профессиональный анатом».

К слову сказать, было бы гораздо действенней провести сравнительный осмотр по другим признакам, по шероховатости кожи и делению «желудка» на разделы, выдающие вероятное наличие спирального клапана, не пренебрегая и изучением анатомических таблиц, представлявших череп, грудную кость и грудной плавник, которые никак не могли быть остатками *Regalecus*. Но тем не менее, суждение профессора Томпсона лишней раз показало хрупкость построе-

ний, основанных лишь на нескольких позвонках, которые остались от зверя из Стронсы.

Часть их была подарена, неизвестно зачем, поэтессе и драматургу Джоанне Бэйли, которая в 1815 году, в свою очередь, подарила их леди Байрон, думая, что это может заинтересовать ее прославленного и увлекающегося всем на свете мужа. Другая часть была распределена, что более понятно, между двумя эдинбургскими музеями. Во всяком случае, три позвонка, хранившиеся в спирте, окончили свой путь, навеки пристав к Королевскому Шотландскому музею, и именно поэтому у профессора Джеймса Ритчи, бывшего хранителя отдела естественной истории этого учреждения, возникла идея изучить их снова. Его выводы были опубликованы 16 декабря 1933 года в «Таймс». Они только подтвердили диагноз Эверарда Хоума: позвонки, по его мнению, идентичны позвонкам гигантской акулы и зверь из Стронсы не что иное, как эта самая рыба, неверно определенная ранее из-за разложения.

Я не нанесу оскорбления ни сэру Эверарду, ни профессорам Гудсэру и Ритчи, если предположу, что они могли и ошибиться, определив выброшенное на берег существо как акулу конкретного вида, располагая только его позвонками. Действительно, трудно спутать их с окостеневшими позвонками всех прочих видов позвоночных. В данном случае невозможно предположить, что речь идет о рептилии или млекопитающем.

Но более точная идентификация невозможна при отсутствии зубов и проб кожи. Сразу установив, благодаря звездчатой структуре позвонков, что животное относится к хрящевым и даже к акулам гигантских размеров, можно предположить, что речь идет или о китовой акуле (которая вполне способна достигать длины в шестнадцать метров), или о гигантской, достигающей двенадцати. Первая не встречается в холодных водах, а вторая, наоборот, привычна к Оркадам, так что чаша весов склоняется именно к ней.

Но никто не сможет утверждать, что этот выбор обязателен.

ЛЕВИАФАН ИЗ НЬЮ-ДЖЕРСИ И ФЛОРИДСКИЙ ПЛЕЗИОЗАВР

Ясно, что зверь из Стронсы не был единственным морским змеем, выброшенным на берег.

Французский зоолог Шарль-Александр Лесуер, участвовавший в экспедиции Бодэна вокруг света и долго проживший в Америке, в 1822 прослышал, что морское чудовище огромного размера, пойманное в заливе Раритэн (Нью-Джерси), демонстрируется американской публике под именем Левиафана или Wonderful Sea-Serpent. Этот «чудесный морской зверь» был на самом деле, говорит Лесуер, гигантской акулой. Именно он предположил, что акула этого вида, в естественном состоянии весьма массивная, может принять, будучи случайно или намеренно искалеченной, внешнее сходство со змеей.

Меньше века спустя после появления зверя из Стронсы другое существо весьма похожего вида стало объектом интереса американских обывателей. Вот факты, которые сообщены мистером Дж. Б. Холдером.

«Весной 1885 года преподобный Гордон из Милуоки, президент Human Society Американских Штатов, по долгу священнослужителя посетил одну удаленную и малоизвестную область на атлантическом побережье Флориды.

Когда он остановил свое суденышко в устье Нью-Ривер, лапы якоря зацепились за какой-то предмет на дне, на поверку оказавшийся скелетом значительных размеров. Мистер Гордон тут же определил в нем позвоночное и поначалу решил, что перед ним костяк китообразного. Но при внимательном осмотре у животного обнаружил черты, которые скорее заставили подумать о ящере. Полная длина останков была 12 метров 80 сантиметров. Окружность туловища — метр восемьдесят. Голова отсутствовала, но можно было видеть две плавательные лопасти или передние лапы, а также худую шею длиной в метр восемьдесят. Труп разложился, брюхо было вспорото и внутренности вывалились наружу.

Маленькие размеры грудной клетки по сравнению с величиной остального тела и хвоста, естественно, внушили

начитанному мистеру Гордону мысль о больших ящерах, чьи кости часто находили в различных местах вдоль атлантического побережья. Ни одно из китообразных, известных науке, не имело столь изящного корпуса и столь замечательной тонкой шеи. Все признаки заставляли думать о эналиозаврах, и, поняв всю научную важность открытия, мистер Гордон вытащил туловище из воды и предпринял все возможные меры предосторожности, чтобы сохранить останки до того времени, как их смогут увезти.

Мистер Гордон был глубоко убежден, что наткнулся на останки во плоти и кости одного из последних представителей рода, раньше считавшегося вымершим. Не располагая средствами и временем, чтобы изучить свою находку более тщательно, он был вынужден оставить ее в том месте побережья, до которого, как казалось, не могло бы добраться море. К сожалению, данная местность славится весьма неустойчивой погодой и предательскими ураганами: воды «вечно сердитых Бермуд» утащили обратно странную находку».

Тут же множество людей возомнили, что пропавший скелет из Флориды — тот самый, долгожданный, точно относящийся к настоящему морскому змею. На самом деле мало что определенного можно сказать о находке, описанной в еще более общих фразах, чем зверь из Стронсы, кроме того, что оба этих существа дьявольски схожи между собой. Следовательно, вполне возможно, что и на этот раз речь шла о громадной хрящевой рыбе, лишившейся из-за разложения своего черепа, жабер и большей части плоти. Однако маловероятно, что гигантская акула заплывла в теплые Флоридские воды, где зато много раз отмечали китовых акул.

ЗМЕИ С ЛОШАДИНОЙ ГОЛОВОЙ С ОСТРОВА ГЕНРИ

Следующая находка из ряда «монстров», всегда описываемых в весьма похожей манере, возможно, даст нам ключ к решению загадки большей части тварей, принятых за морского змея.

В 1934 году море выкинуло на пляж острова Генри, в Британской Колумбии, гниющие останки животного примерно девятиметровой длины. Его ткани, как сообщалось, были красноватого цвета, кожу покрывали волоски с иголками, у него имелась лошадиная голова и к позвоночнику были прикреплены отростки, которые казались четырьмя плавниками или плавательными лопастями.

Животное вытащили на пристань местечка Принс-Руперт, куда сразу сбежались толпы зевак, чтобы поглядеть на диковину и даже пофотографировать ее. Доктор Нил Картер, директор экспериментальной станции рыболовства, расположенной как раз в этот городке, без колебаний заявил, что это млекопитающее, и прибавил: «Живое оно было весьма изящным и гибким». Вспомним, воды Британской Колумбии частенько тревожили морские змеи: одного некий журналист даже окрестил пышным именем кадборозавр (в просторечии – Кэдди). В точности как в деле Стронсы, немедленно нашлись люди, которые, оценив слова об изяществе и гибкости зверя при жизни, сопоставили труп со славным кадборозавром.

Но когда череп и часть позвоночника прислали для окончательной идентификации на биостанцию в Нанаимо, ее директор доктор Клеменс объявил без обиняков, что они принадлежат гигантской акуле.

Это не помешало хранителю музея провинции Виктория, со своей стороны, объявить, что перед нами, без сомнения, останки последней стеллеровой коровы (*Hydrodamalis stelleri*). Известно, что эта гигантская морская корова, которая достигала девяти метров в длину, была открыта в 1741 году экспедицией Витуса Беринга в море, которому впоследствии присвоили его имя. Считалось, что уже к концу восемнадцатого столетия бедная стеллерова корова исчезла с лица земли в результате систематических боен, но в дальнейшем выяснилось, что полной уверенности в этом нет до сих пор. Чудовище с острова Генри – могло ли оно на самом деле оказаться последним из этих морских могикан? Я уже говорил выше, что абсолютно невозможно спутать позвонки млекопитающего и хрящевой рыбы. Не только из-

за различий в структуре, но и потому, что первые, оснащенные многочисленными апофизами, очень сложны по форме, тогда как у вторых она сводится к простым цилиндрам, или к неким гантелям. Шестилетний ребенок не смог бы принять одно за другое. Но, видимо, некоторые эксперты по разумности еще не достигли этого возраста.

В газете «Иллюстрийтед Лондон ньюс» в номере от 15 декабря 1934 года догадались опубликовать под фотографиями канадского монстра, точнее его частей – черепной коробки и позвоночника, – фотографии тех же частей тела стеллеровой коровы и муляжа скелета гигантской акулы. Одного взгляда, брошенного на эти три скелета, хватало, чтобы понять, что нет ни малейшего сходства между первым и вторым, но вид первого и третьего удивительно совпадает. Профиль черепа, положение глазниц, форма позвонков и даже их приблизительное количество, наличие спинных сухожилий, которые их соединяют, все соответствовало совершенно неукоснительно.

Итак, волосатый монстр с лошадиной головой с острова Генри был, несомненно, большой разложившейся хрящевой рыбой, по всей видимости, гигантской акулой. Впрочем, уже в год открытия псевдокоровы-долгожительницы появился еще один таинственный скелет, который позволяет лучше понять механизмы зарождения «морских змеев».

КЕРКЕВИЛЛЬСКОЕ ЧУДОВИЩЕ

Полудни 28 февраля 1934 года огромный труп необычного вида был обнаружен рыбаками на пляже Керкевилля, к западу от Шербура. Свидетели утверждали, что его голова похожа на верблюжью и к тому же держалась на тонкой шее. У него были две большие плавательные лопасти в передней части удлиненного тела, один плавник на спине и длинный хвост с острым концом. Кожа, казалось, была покрыта мехом из беловатых волосков, коротких и густых. По размерам он достигал шести метров в длину, из которых девяносто сантиметров приходилось на шею, и был полтора метров в

диаметре в самом толстом месте. В пятидесяти метрах от тела валялась куча внутренностей, среди которых, согласно журналу «Croix», различили легкие, брюшину и почки зверя.

Всякий, кто слышал о пересудах по поводу зверя из Стронсы, должен был недоверчиво отнестись к перечню примет нового скелета или к изображающим его фотографиям. Но пресса, информированная лучше всех, как ей и положено, решительно отмахнулась от воспоминаний о деле, которое сотрясало научный мир столетием раньше, и принялась изливать на читателей целые потоки разных домыслов, основанных на более или менее правдоподобных предположениях. В то время, как агентство Рейтер задумчиво поделилось с читателями версией, что речь идет о китообразном, его британский собрат Юнайтед Пресс заявил, что, по словам знатоков из музея естественной истории, это морская корова. И все это — невзирая на очевидную хрящевую природу скелета животного, что было объявлено одной из самых характерных черт. Решительно никаких плодов не принес урок Стронсы!

Как и в этом памятном деле, внимательное рассмотрение трупа не наталкивало ни на одно из этих предположений. Между тем капитан и владелец буксира 117 объявил всем, кто желал его слушать, что 25 и 26 января он встречал неподалеку от волнореза Керкевилля огромное морское существо, передвигавшееся со значительной скоростью. Когда внезапно животное подняло голову из воды, она показалась ему похожей на лошадиную. А когда чудовище появилось снова, в ста пятидесяти метрах, то на этот раз стала чуть видной его шея, и бравый моряк нашел в ней сходство с верблюжьей.

Вынужденные поделиться своими мыслями о природе существа после простого созерцания фото, три английских специалиста, и не из худших, изложили воззрения по этому вопросу, в корне расходящиеся друг с другом, в одной и той же «Дейли мейл». Доктор Берджес Барнетт, хранитель Дома рептилий лондонского зоопарка, объявил, что речь, безо всяких сомнений, идет о маленьком ките, а доктор У.Т. Колман, хранитель отдела зоологии Британского музея

естественной истории, предположил, что это должно быть, гигантская акула. Их коллега Мартин Хилтон счел, что перед ним огромный тюлень. Вспомнив невероятный парад несуразных суждений насчет зверя из Стронсы, можно не удивляться тому, что один из этих специалистов мог случайно оказаться и правым.

Парижский музей ограничился официальным сообщением, что «первого марта сего года на нормандский берег выбросило сложно определимое существо». Направленный выяснить, что же там было выброшено на самом деле, доктор Жорж Пети прибыл утром третьего марта к скелету, который «представлял из себя на первый взгляд бесформенную массу сероватого цвета, которую сначала можно было принять за скалу, если бы она не была так вытянута в длину, и если бы не был так заметен позвоночник с кусками мяса и череп, голый и беловатый».

«Я тут же понял, — заявил доктор Пети, — что передо мной никакого не морское млекопитающее, как подозревали, а хрящевая рыба.

С помощью людей, видевших животное до меня, я восстановил его общий вид. Первый отдел позвоночника еще сохранился, изрядно покалеченный; место второго, брюшного и анального, намного меньших, целиком утерянных, я смог обнаружить и также восстановить форму хвостового, отделить от прочих кости грудины. Метрах в пятидесяти от туловища находилась куча фрагментов внутренностей, среди которых сохранился спиральный клапан, характерный для хрящевых, и красноватые дольчатые железы, которые, по очереди, казались мне сначала яичниками, потом поджелудочными железами, но, как выяснилось, были селезенкой. Я собрал для отправки в музей несколько «доказательств», среди которых череп и передняя часть позвоночника.

В итоге наблюдений у меня создалось впечатление, что «монстр» из Керкевилля, должно быть, гигантская акула. Известно, что точное определение вида акулы в отсутствие зубов и кожи невозможно. Мы также лишены ряда других данных, которые обеспечили бы необходимые измерения, а также всех материалов для сравнения, так как

даже череп, имеющийся в нашем распоряжении, имеет повреждения.

Тем не менее, наши библиографические изыскания и различные сопоставления позволили подтвердить то, что мы полагали правильным с самого начала».

Как отрадно для зоолога, познакомившись с выводами по столь тягостно запутанному делу, узнать, что все же существуют, и в той самой области науки, которая ему так дорога, люди добросовестные, способные вынести ясное суждение, как нельзя лучше выраженное, каждое определение которого дано с такой тщательностью и осмотрительностью!

Основательно допросив хозяина 117-го буксира, доктор Пети заключил, что живое существо имело прямое отношение к скелету, более искалеченному, нежели прогнившему, и что, вероятнее всего, именно эту акулу, ныне выброшенную на берег, и наблюдал моряк месяцем раньше. По его мнению, буксирщик рассмотрел только край головы рыбы и — может быть, под влиянием вида ее предполагаемого мертвого тела! — вообразил, что она держалась на длинной шее. Но, поскольку месье Пети уверял, что буксирщик не видел спинного плавника — характерного органа, который сложно не заметить у акулы, плавающей на поверхности, — я лично склонен считать, что эта встреча не имеет ничего общего с находкой в Керкевилле.

После скрупулезных комментариев доктора Жоржа Пети по поводу самого скелета истина наконец-то явила себя миру.

Мы не считаем чем-то особенным, что в глазах неспециалистов гигантские акулы посмертно приобретают сходство с плезиозаврами, как только их касается разложение. Без сомнения, это обусловлено весьма особенной структурой их жаберных перегородок: они такой большой длины, что практически соединяются на спине, окружая разрезами всю шею. Эти акулы, образно говоря, живут как бы в полуобезглавленном состоянии. Как только гниение охватывает рыхлые ткани, весь жаберный аппарат легко отделяется и утаскивает за собой челюсти и все мясо вплоть до начала грудных плавников, как будто их и не существовало, так что остаются крошечная черепная коробка и позвоночник, окруженный

одними мышцами, — это-то и создает впечатление худой длинной шеи.

На другом конце тела нижняя доля хвостового плавника акулы тоже быстро отваливается, лишенная опоры: позвоночник в действительности продолжается только до верхней доли. Тогда труп приобретает длинный и заостренный хвост.

Что придает чудовищный вид сложным столь экстравагантно псевдоплезиозаврам, так это их «пушистость». На самом деле у хрящевых рыб поверхностные мышцы и волокна соединительных тканей становятся совершенно нитевидными в результате гниения и работы любителей падали, которые сдирают с них кожу. В результате рыбы оказываются покрыты густым, пыльным «мехом», окрас которого варьирует от грязно-белого до рыжего, в зависимости от степени разложения или высушивания при попадании на берег. Там, где еще сохраняются бахромы спинные плавники, этот «мех» принимает вид гривы.

Как мы видим, совсем не требуется особого полета мысли или наивности средневекового сознания, чтобы создать монстра из того, что на деле является всего лишь останками большой рыбы. Похоже, что самой Природе время от времени доставляет удовольствие мистифицировать нас подобным образом. Так что лучше ей не слишком доверять. Но урок Стронсы, повторенный в Керкевилле, кажется, не пошел впрок ни «знатокам», как вскоре доказали их фантастические выводы по поводу канадского чудовища с острова Генри, ни профанам, что можно констатировать, заглянув в любую газету.

В декабре 1933 года, взволнованный слухами о лохнесском чудовище, мистер Е.Дж. Гармсон сообщил в «Таймс», что весной 1928 года он лично созерцал на пляже в Пра-сэндс, в Корнуэлле, искалеченный труп «очень любопытного зверя». Естественно, он был волосат, у него была длинная шея и вытянутый узкий хвост и четыре лапы. Находку никогда не осматривали зоологи, но на одной из фотографий можно разглядеть позвоночник, который удивительно похож на позвоночник гигантской акулы.

Руперт Т. Гуд, который занялся этим делом, рассудительно заметил, что «в нем с удивительной точностью повторяются все детали прототипа из Стронсы».

28 января 1942 года, в разгар Второй мировой войны, радиотелеграфная станция немцев выпустила в эфир следующее сообщение: «Сенсация! Лохнесский монстр действительно существует. Его труп был найден недавно детьми на побережье в Дипдэйл-Холм, на одном из Оркадских островов, у берегов северной Шотландии. Монстр составляет в длину семь с половиной метров. Голова походит на коровью и держится на чрезвычайно длинной шее. Три горба на спине».

Можно предположить, что множество людей, уловив это послание решили, что столкнулись с зашифрованным текстом. Но — ничего подобного. Под Рождество 1941 года действительно некий таинственный скелет выбросило на берег у Дипдэйл-Холма. Кажется даже, что подобное происшествие случилось и на Хунде, другом острове Оркад, расположенном от него в восьми километрах.

Описание, данное первой находке местными жителями, напоминает все прочие: голова, как у коровы — по мнению одних, как у шетлендского пони — по мнению других, глазницы большие и глубокие, шея удлинённая, четыре лапы похожие на руки с раздельными пальцами, острый хвост, рыжий мех, напоминающий волокна кокосового ореха. У этого экземпляра даже сохранился спинной плавник.

Через пять недель два дипломированных натуралиста прибыли осмотреть тело и признали без всяких околечностей, что речь идет — а то мы сомневались! — о разложившихся останках гигантской акулы. Несмотря на это, оркадцы не пожелали отступить от своего чуда: ведь они никогда не видели — и не случайно — столь странного строения у этой акулы!

В августе 1953 года случилось новое переиздание дела: рыбаки из Гирвана, графство Эйршир в Шотландии, оповестили о находке на берегу «морского чудовища десятиметровой длины с шеей жирафа, головой верблюда и хвостом на четыре метра и покрытого конскими волосами». Можно слышать здесь знакомый рефрен.

Фото скелета, опубликованное во многих газетах, не замедлило проявить волнующее сходство чудовища из Гирва-

на с его собратьями из Стронсы, с острова Генри, Керкевилля, Пра-сэндс и Дипдэйл-Холма. Это не помешало некоторым лондонским «специалистам» объявить, и весьма решительно, что мы имеем дело «с огромным китом» (!), а журналисты тут же возвестили, что «лохнесское чудовище воскресло», под предлогом того, что зверь, отвечавший приметам трупа из Гирвана, был замечен живьем не так давно в устье Клайда. Как если бы знаменитый монстр, являющий себя время от времени озерным жителям, вдруг вознамерился отправиться на курорт к шотландскому побережью и безо всякого труда выбрался для этой цели из своего «Лоха»! Впрочем, весьма сомнительное воскрешение.

ЗАГАДКА МОХНАТОГО МОРСКОГО МОНСТРА

Для натуралиста, отправившегося по следу морского змея, всегда найдется другое занятие, нежели культивация недоверия публики к делу Стронсы и его дальнейшим переизданиям.

То, что гниение способно придать рыбе «пушистый» вид, может внести ясность во многие загадки древности. Вспомним, к примеру, Плиния, который сообщает о волосах у некоего *Pristis*, в котором мы узнаем рыбу-пилу. Без сомнения, чудесное описание, которое он дает этой рыбе, обязано тому, что несчастная была выброшена на берег и целиком прогнила. То, что этот пристис, проживая в Индийском море, способен достигать двухсот локтей и, следовательно, девяноста метров (тогда как нам не известен ни один экземпляр рыбы-пилы больше девяти метров), нас не должно особо тревожить: склонность ученых античности к бахвальству проявлялась особенно ярко, когда они заводили речь о Востоке.

Рассуждая о многообразии морских животных крупных размеров, Олаф Магнус написал давным-давно в своей «Истории северных стран»: «Эти большие рыбы, или морские красавицы, бывают нескольких видов. Одни сплошь покрыты волосами и огромны, как четверть «листа земли» (каж-

дый такой лист имел размеры двести сорок на сто двадцать футов), другие безволосы и гораздо меньше».

Можно принять с большой долей скептицизма существование монстров в семьдесят два метра длины и тридцать шесть ширины. Впрочем, знаменитый скандинавский прелат здесь только ссылается на Плиния, который, в свою очередь, говорит о «китах в четыре арпана» (старофранцузская мера длины) и «рыбе-пиле в двести локтей», и сообщает даже: «Те, которые волосаты, — живородящи, как рыба-пила, кит или морской теленок».

Однако в 1658 году адмирал Этьен де Флакур передает в своей «Истории Великого Острова Мадагаскар» сведения о существе, весьма похожем: «А еще жители рассказывают, что есть в море чудовищная рыба, которую зовут Фанган, точь-в-точь как та, что мы называем Драконом, много больше кита, и что лет тридцать назад в бухточку Рануфучи занесло волнами такую, которая была в три раза крупнее кита, вся волосата, и так воняла гниющим мясом, что никто не решился к ней подойти».

Настойчивость и неутомимость в деле возрождения подобных слухов дает повод для размышлений. То, что размеры описанных зверей были преувеличены, не оставляет никаких сомнений, но подозрительна именно упорная вера в существование морских волосатых чудовищ крупнее китов, которая распространена в очень удаленных друг от друга краях. Конечно, возможно, что основами для всех легенд служили редкие и особо памятные визиты к прибрежному населению в древности неких «морских змеев», действительно покрытых волосами, — представителей какого-нибудь неизученного вида крупного млекопитающего. Это, во всяком случае, соответствует теории, которую защищал в 1891 году с несравненной эрудицией и добросовестностью доктор А.С. Удеманс. Но совсем необязательно прибегать к столь дерзкой гипотезе для того, чтобы объяснить подозрительные слухи о чудовищах: у нас есть конкретные доказательства, что в море были, по меньшей мере когда-то, существа, способные подойти под приписываемые им приемы.

В учебниках по зоологии можно прочесть, что киты — самые крупные животные, которые когда-либо жили на нашей планете. Это далеко не бесспорно. Медуза цианея капиллата имеет тело три метра в диаметре, а ее щупальца достигают 40 метров! Есть сведения и о гигантских кальмарах, превышающих по размерам китов. Никто не знает, какой точно величины достигали акулы вида *Carcharodon megalodon*, гигантские братья современной белой акулы (*C. rondeleti*), которые часто бывают двенадцати метров в длину, и, кажется, могут дотянуть и до двадцати. Исследуя драгами дно Тихого океана в конце XIX века, знаменитое судно «Челленджер» вытащило на поверхность зубы белой акулы длиной 12 см, которые должны были принадлежать особи более 20 метров длиной. По приводящей в смятение величине зубов, которые находят в слоях земли, датированных третичным периодом, и по реконструкции содержавших их ужасных челюстей специалисты вычислили, что *Carcharodon megalodon* мог достигать от двадцати пяти до тридцати пяти метров в длину. Эти оценки основаны на величине зубов, соотносимой с размерами различных родственных видов, но не следует забывать, что гигантизм почти всегда, по чисто механическим причинам, характеризуется непропорциональной удлинённостью: следовательно, самые завышенные, на первый взгляд, цифры могут оказаться самыми верными. И без сомнения, даже они уступают истине.

Так могли ли акулы столь большой величины дожить до исторических времен или даже — до наших? Открытие живого целаканта убедило нас, после стольких других схожих чудес, что было бы неосторожно отвергать подобное утверждение априори. Все кажется более правдоподобным еще и оттого, что и в настоящее время в океане существуют скорее необычайно прожорливые, чем агрессивные чудовища, превышающие двадцать метров, которым удалось бы остаться невидимыми, если бы нам в руки не попались несколько раз случайно их зубы. Во всяком случае, существование в прошлом еще более крупных кархародонов пока оставляет акулам право претендовать на первенство в вопросе величины. Для нашего очерка этого вполне достаточно. Ведь это

значит, что в конце концов легенды о волосатом морском монстре, столь широко известные во всем мире, возникли при открытии прогнивших останков – как в случае, приведенном де Флакуром. И не принадлежали ли они гигантским хрящевым, способным посмертно «покрываться шерстью»? (Мы еще вернемся к гигантской белой акуле в конце нашего повествования...)

Давайте вспомним, что размеры хрящевой рыбы из Стронсы, которую никогда не идентифицируют точно, сильно превышали размеры известных нам гигантских акул. И давайте спросим себя, разве так уж невозможно, что во всех этих сомнительных случаях осмотренные трупы принадлежали акулам, родственным пилигримам, но только более крупным и вытянутым?

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ГИГАНТСКАЯ ПЛАЩЕНОСНАЯ АКУЛА?

Настало время напомнить, что существуют хрящевые рыбы, настолько похожие на змей, что их можно принять за гигантских угрей, такие, как плащеносная акула.

Открытая в XIX столетии в глубинах Японского моря, эта архаичная рыба была описана только в 1884 году Самуэлем Гарманом. С тех пор выловили еще несколько редких экземпляров, не только в японских водах, но и у восточных берегов Европы. Площадь распространения этого вида, одного из самых скрытных, должна быть, по всей вероятности, гораздо большей, чем ее представляли, потому что в июне 1948 года рыбак из Санта-Барбары по имени Пит Метсон выловил одну рыбу на поверхности океана в Калифорнии.

Как указывает ее родовое имя *Chlamydoselachus*, шесть жаберных щелей этой акулы запрятаны под складками кожи, в виде ряда воротничков или плаща. Как указывает видовое имя *anguineus*, тело акулы напоминает угриное.

Так же, как и прочие древние акулы, хламидоселах обладает только одним спинным плавником, но, кроме того, его отличает черта, редкая для всей архаической группы, а

именно – рот, который расположен почти на краю морды, а не под головой (то есть конечный, а не нижний), Гарман и Гилл удостоили плащеносную акулу репутации живой окаменелости, существа самого примитивного из всех рыб и даже из всех ныне здравствующих позвоночных, большей частью по причине чрезвычайной древности группы, к которой она принадлежит. Но гораздо больший знаток ее анатомии, Вертрам Дж. Смит, вынес по ее поводу в 1937 году более осторожное суждение: «Мое основное впечатление от плащеносной акулы таково: она представляет собой странное собрание черт от чрезвычайно примитивных до очень развитых. В этом она сравнима с химерой, хотя отличается от нее весьма сильно по всему остальному. Хламидоселах – это пример глубоководной адаптации акулы очень древнего типа, и она продолжает поныне вести заранее проигранную битву в борьбе за существование».

Конечное положение рта, удлинённая и узкая форма тела, спинной треугольной плавник, расположенный далеко сзади, воротнички, которые можно принять за развешивающуюся гриву, – вот те черты, которые заставляют вспомнить некоторые описания морского змея. Увы! Самые крупные известные особи плащеносной акулы не достигают и двух метров в длину.

Но расстаться с ней на этом мешает лишь то, что именно в тот год, когда Самуэль Гарман описал плащеносную акулу, он сделал следующее заявление «по поводу морского змея»:

«Найдем ли мы когда-нибудь огромного ящера с легочным типом дыхания, как в начале его истории? Не имею ни малейшего понятия. Существование вымерших ящеров, появлявшихся на земле в различные геологические эпохи, возможно, но маловероятно. Геологические архивы пока очень неполны... За какие-то несколько лет мы, с нашим несовершенным научным аппаратом, извлекли из великих глубин целые толпы доселе неизвестных странных созданий, но ни одно из них не было слишком большим или слишком могучим. Конечно, в нашем распоряжении лишь простые подозрения, что подобные существуют но, принимая их во вни-

мание, мы не должны удивляться ничему, что может вырваться на поверхность. Если и есть морской змея, пока неведомый ученым, он вполне может оказаться рыбой или акулой из бездны».

Великий зоолог Теодор Джилл, который также одним из первых занялся изучением хламидоселаха, высказался в свое время еще более определенно. Он не верил в морского змея как в змея, но предполагал, что тот может оказаться гигантским представителем семейства плащеносных акул. Семейство, возникшее еще в кайнозойскую эру, могло с тех пор породить какие угодно формы, в том числе и гигантов, как другие виды хрящевых.

Я далек от мысли объяснить все случаи наблюдения предполагаемого морского змея появлением представителя какого-нибудь выжившего вида огромных плащеносных акул. Слишком много очевидцев показывают, что виденный ими монстр часто держал голову высунутой из воды — что акулы вряд ли могли бы делать достаточно долго и что, впрочем, вообще противоречит их строению — и даже, что голова располагалась под прямым углом к шее, как ручка старомодного зонтика, — поза, абсолютно невозможная для любой рыбы. Бесспорно, что гипотеза, выдвинутая Гарманом и особенно Джиллом, может объяснить некоторые приметы зверя, удостоенного имени великого морского змея. Если он был рыбой, то есть существом, не наделенным свойством дышать на поверхности, и кроме того, рыбой, чей нормальный биотип располагается в нескольких сотнях метров глубже, редкость его явлений объяснима достаточно просто, так же как и тщетность заловить его на гарпун, его «летальные» визиты к побережью и даже продолжительность его явлений.

Суть в том, что время от времени вылавливают больших хрящевых рыб змеевидной формы, совершенно неизвестных ранее. Так, в августе 1880 года, американская газета «Сид-Сайд пресс» опубликовала следующую примечательную заметку:

«С.У. Ханна из Пемакида, штат Мэн, поймал в свои сети то, что можно было бы назвать морским змеенышем. В нем было семь с половиной метров длины и двадцать пять сан-

тиметров в диаметре в самой толстой части. Он имел форму угря. Голова его была уплощенной, а в верхней части находился рот, маленький и заполненный острыми зубами. Он был найден уже мертвым».

Дж.М. Аллен, натуралист из Хартфорда, штат Коннектикут, поспешил написать капитану Ханне, который подтвердил точность всех изложенных фактов и прибавил еще кое-что: «Кожа у него была не как у чешуйчатой рыбы, но больше похожа на ту, что у акулы, разве только гораздо мягче. Я не очень-то глядел на эту рыбу, ибо не знал, что поймал. По совести говоря, она меня совсем не заинтересовала, я только думал, как мне не повезло, она ведь жутко изодрала сеть (из-за своего веса, конечно, так как весила она, должно быть, целую тонну), и сильно досадовал, что она сорвала мне весь лов».

Тогда был потревожен один из самых известных американских натуралистов, профессор Спенсер Ф. Бэрд, которого направила на место происшествия U.S. Fish Commission. Он снова расспросил рыбака, и тот даже, по его просьбе, набросал по памяти рисунок своего пленника, сопроводив его новыми подробностями: «...Тело было круглым или почти... на спине — шиферного цвета, а на брюхе бело-сероватого... голова напоминала акулю, но более сплюснутая, то есть она не так выдавалась вперед... рот был очень маленький, ну, не такой большущий, как у акулы, а с маленькими зубами-колючками, и под самым носом».

Капитан Ханна с определенностью прибавил, что «нос» возвышался надо ртом на один или даже два сантиметра.

Принимая во внимание жаберные щели, несомненные признаки пластиножаберных, треугольник спинного плавника и профиль морды, напоминающий гигантскую акулу, можно предположить, что рыба имела все приметы хрящевой. Однако капитан Ханна уточнил, что плавники не были «жесткие и заостренные, как у акулы или рыбы-меча, а больше походили на боковые, как у трески или рыбы-луны». Да еще хвостовой плавник, который оборачивался вокруг хвоста, как у угря, — разве мог он принадлежать хрящевой рыбе?

Когда четыре года спустя открыли плащеносную акулу, стало очевидно: да, существуют змеевидные акулы с хвостами, как у угрей, и ртами на самом краю морды. Следует поразмыслить, не была ли подозрительная рыба капитана Ханна сродни хламидоселаху, его, так сказать, версией-переростком? Может быть, рыбак из Пемакида просто плохо запомнил расположение спинного плавника, который у плащеносной акулы находится не так далеко сзади? Может быть, речь идет, к тому же, о рыбе, дальше ушедшей от известного науке образца? По крайней мере, этот случай, по всей видимости, подтвердил существование змеевидных хрящевых рыб более значительных размеров, чем у маленького хламидоселаха.

В августовском номере «Шиппинг газетт» я отыскал еще один факт, весьма занятный, только, кажется, увы, ускользнувший от внимания ученого мира, поскольку история осталась без продолжения:

«Сообщают о поимке у Карабеллы во Флориде морского змея рыбацким пароходом «Кресцент Сити», которого тащили на буксире, прежде чем убить. Пленник пятнадцати метров в длину и метр восемьдесят в обхвате. Он имеет угревидную форму, голову акулы и хвост с огромными плавниками. Его выловили с помощью крючка на акулу, а потом пристрелили».

Довольно странно, что гипотеза о крупной хрящевой рыбе угревидной формы, одна из наиболее правдоподобных, не рассматривалась и даже не упоминалась в трудах, посвященных целиком или полностью морскому змею: ее не найти ни у Госса, ни у Удеманса, ни у Гуда, ни у Лея, ни у Каррингтона. Неужели она слишком прозаична и настолько неромантична, чтобы удовлетворить души любителей приключений?

Может быть, наступит такой день, когда Поэт, благодаря своей гениальной интуиции, первым найдет истину — или, по меньшей мере, один из ее ликов — в этой загадке. Когда в «Охоте на Снарка» Льюис Керролл захотел вывести тип неуловимого чудовища, он составил его имя, на основании того, что зовется принципом Шалтая-Болтая, из слов

Снэйк (Змея) и Шарк (Акула). Получилось: «Снарк» — «Акула-Змея». Разве не подходящее имя для члена семейства плащеносных? А ведь это случилось в 1876 году, за восемь лет до открытия первого живого представителя этого семейства!

НЕ ОТВЕРГАЙТЕ ПОДАРКОВ НЕПТУНА

Настало время подвести итог разным, но дьявольски схожим скелетам, приписываемым великому незнакомцу из моря. Стоит попробовать покончить навсегда с неуместными находками изуродованных акул, которые на протяжении многих веков исправно пополняли собой хроники появления морского змея.

Когда на берег выносит огромного зверя, покрытого волосами, с длинной шеей и головой то ли лошадиной, то ли верблюжьей, в большинстве случаев можно сразу биться об заклад, что речь идет об искалеченных или прогнивших останках крупной хрящевой рыбы. Вероятней всего, гигантской акулы, из-за ее несуразного строения вечно «полубезглавленной». Но наука — не игра наугад, и заклады не выигрываются без подтверждений. Каждый раз, когда море извергает очередного монстра, приходится его «навешать» и тщательно анализировать попавшее в наше распоряжение добро Нептуна, ревнивого к своим тайнам, не пренебрегая ни одной гипотезой. Не стоит забывать историю о Гийо, кричавшем «Волки!». Люди также кричат: «Морской змей»! как только на берег выносит новую гигантскую акулу, и у зоологов всегда появляется соблазн, едва услышав о находке на берегу крупного змеевидного зверя, сразу отмахнуться, даже не потрудившись проверить, что речь идет об одной из этих акул. Конечно, я прекрасно понимаю, что тревожиться попусту тоже не стоит, но все же кое-какие меры предосторожности не лишни. Всегда есть возможность попросить людей с места находки выслать вам определенный фрагмент, или фотографию, или даже рисунок, которые чаще всего и позволят определить, нужно приезжать туда лично или нет.

Так, осенью 1959 года на северное побережье Новой Южной Галлии в Австралии, в старой сети для рыб обнаружили

останки странного животного змеевидной формы и большой величины. Его вытянули на берег, а затем перетащили в ангар. Это случилось на другом конце света: для меня было затруднительно добраться до места. По счастью, некий меcье А.Р. Миртлфорд, который как раз рыбачил в тех местах, не поленился остановиться перед скелетом, начисто лишенным плоти, и потом описать все в газете «Остралэжн пост»: «Кажется, никто ничего не знал об этом предмете, и никто особо не интересовался. Но, вспоминая все рисунки и иллюстрации, которые я видел о морском змее, я думаю, что это он и есть».

Также господин Миртлфорд не пожалел десяти фунтов стерлингов на приобретение шестиметровой тухлятины, которую счел совершенно уникальной.

Но покупка оказалась так себе. На любителя. Сделка была не слишком удачной. На фото, которое он сделал, можно весьма ясно различить звездчатую структуру позвонков: они определенно принадлежат акуле. В силу отсутствия зубов и образчиков кожи невозможно с точностью определить вид, к которому она принадлежит, но поскольку и размеры ее не были необычны, то и приезд специалиста не оправдал бы себя.

Часто удаленность не в пространстве, а во времени делает путешествие трудным и рискованным: это когда о находке вам сообщают с запозданием в несколько лет. Хотя это не обязательно означает, что точная идентификация невозможна.

Совсем не следует думать, что этот длинный список разочарований служит одной цели — показать, как бессмысленно для зоолога волноваться по поводу сообщений о находках морского змея. Разве всегда речь идет о крупной полусгнившей акуле?

А что если когда-нибудь настоящий морской змей, огромное, еще никем не классифицированное животное, испустит последний вздох на одном из наших берегов и будет лежать, никем не замеченный, и только «невежественные рыбаки» будут удивляться его диковинному виду, и только морские птицы — разрезать его плоть, и одни лишь волны станут препираться над его драгоценными костями?

НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ ОГРОМНЫЕ ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ЯЩЕРЫ

В первой половине XIX столетия можно составить довольно детальное описание примет американского морского змея, хотя и несколько обрывочное и слегка запутанное из-за наличия, по крайней мере, двух разных его типов. Этот портрет станет чуть-чуть более полным немного позже, но, кроме того, он выиграет в изяществе и чистоте благодаря последовательным подтверждениям. Во всяком случае, пока еще преждевременно отказываться от столь значительных примет при возможной идентификации морского монстра.

Однако большая часть ученых, которые уже верят в его существование, упрямятся, вопреки очевидности, и хотят видеть в нем только настоящего змея. Уже довольно давно никто даже не подозревает у него наличие каких-либо конечностей, хотя именно вертикальные движения подсказывают о непрременном участии в такого рода движениях плавников. Биологи никак не могут смириться с тем, что некий вид змей может обладать лапами. Вспомним, что еще Понтопидан без колебаний выбросил из своего списка морских змеев — не только монстра с большими плавниками Ханса Эггеде, но даже и «змея с «лапами» зундморских крестьян, который, вероятно, схож с крокодилом». Ведь просто невозможно вообразить себе змея, оснащенного конечностями!

Те читатели, которые в наши дни уже с детства знакомы с внешностью плезиозавра, который фигурирует во всех трудах по зоологии, появляется в мультиках и фантастических фильмах, может быть, даже удивятся тому, что никто не додумался сблизить морского змея с этим первобытным морским пресмыкающимся, которого геолог Уильям Букланд так мило охарактеризовал, описав как «змею, засунутую в панцирь черепахи». Но не стоит забывать, что огромные морские ящеры мезозоя известны нам не так уж давно.

Первым открыли мозазавра, чей скелет обнаружили в 1780 году около Маастрихта в голландском Лимбурге. Но только после невероятных перипетий Кювье смог его изучить и дал ему в 1808 году имя «Ящерица из Меза», кото-

рое немного позже англичанин Конибир переделал в «мозавра».

Как указывает его начальное имя, это животное не слишком отличалось от знакомых нам пресмыкающихся. Совсем другое дело – с ихтиозавром и плезиозавром, которых описали соответственно в 1821 и 1823 годах. Кювье, обыкновенно весьма невозмутимый, на этот раз не постыдился выказать свой восторг и изумление перед их столь странной анатомией:

«Перед нами существа, так мало похожие на всех рептилий и, может быть, даже на всех животных, которые нам известны, и обладающие такими чертами, которые удивляют натуралистов своим строением, и которые, без сомнения, показались бы невероятными любому, кто лишен возможности изучить их лично. Вот ихтиозавр: морда дельфина, зубы крокодила, голова и грудная клетка ящерицы, конечности китообразного, однако в количестве четырех, и, наконец, позвонки рыбы; вот плезиозавр, с точно такими же конечностями китообразных, головой ящерицы и длинной шеей, похожей на змеиную... Плезиозавр, вероятно, самый удивительный из всех обитателей первобытного мира, и он один из всех них по-настоящему заслуживает названия монстра».

Так что удивляться не следует: не прошло и десяти лет с первых регулярных визитов морского змея к американским берегам, как несколько отважных натуралистов уже начали поговаривать, что подозрительное животное не что иное, как некий водный ящер первобытного вида, доживший до наших дней.

Так, в 1833 году английский геолог Роберт Бейкуэлл осмелился в четвертом, весьма расширенном издании знаменитого «Введения в геологию» предположить, что гигантский морской змей, так зачистивший к побережью Соединенных Штатов, принадлежит, без сомнения, к рептилиям, родственным вымершему ихтиозавру, или даже относится к тому же самому роду.

«Я вспоминаю, – пишет он, оправдывая свое утверждение, – одно из самых подробных описаний морского змея,

данное американским капитаном, который видел, как животное поднимало большую часть своего туловища над водой: он сообщает, что существо было большой длины и едва ли толще большой бочки; у него были лапы, почти как у морской черепахи, и огромные челюсти, как у крокодила. Это описание определенно заставляет подумать об ихтиозавре, о котором, вероятно, капитан никогда ничего не слышал».

Эта идентификация была, наверное, достаточно законна в отношении таинственного животного, которого видел не менее таинственный американский капитан: но она совсем не годится для большей части описанных морских змеев. Ведь ихтиозавра никак не назовешь змеем. Это животное, чье имя означает «рыбоящер», в той же степени заслуживает прозвища «ящер-дельфин», так как удивительным образом напоминает, видимо благодаря биологической конвергенции, это китообразное. Как и киты, этот явственно морской ящер триаса и юры не имел видимой шеи, обладал вытянутой мордой, с коническими, едва разделенными промежутками, зубами, парой дольчатых грудных плавников и спинным плавником треугольной формы. Отличие между ними прежде всего в наличии второй пары плавников и, как и следует ожидать от рептилии (то есть от животного, движущегося изгибами в горизонтальной проекции) – вертикальным расположением хвостового плавника. Но, с другой стороны, сходство с дельфином подкрепляется не только его диетой, основанной на рыбах и кальмарах, но и его живородящими свойствами. Действительно, иногда среди их окаменевших остатков находят отпечатки, на месте живота, полдюжины маленьких ихтиозавров, последний из которых обращен головой назад, что свидетельствует о том, что речь идет о доношенном плоде, а не об эмбрионе, заключенном в яйце. Размеры взрослых ихтиозавров колеблются от одного до десяти метров в зависимости от вида.

Само собой, это был совсем не тот портрет, который мог напомнить всем то или иное описание морского змея. Но это не могло помешать проявлению интереса к нему профессором Бенджамином Силлименом из колледжа Йеля, ко-

торый был просто без ума от гигантских пресмыкающихся древности. Поэтому в 1820 году именно его прежде всего уведомили о находке в Коннектикуте первых известных костей тех огромных наземных ящеров, которых Ричард Оуэн впоследствии назвал динозаврами. И именно ему принадлежит следующая поправка в предисловии к американскому изданию труда Бейкуэлла: «Весьма толковая гипотеза мистера Бейкуэлла, по которой морской змей может оказаться ящером, еще сильнее подкрепляется предположением, что речь идет о плезиозавре, а не об ихтиозавре, так как короткая шея последнего никак не согласуется с традиционным обликом морского змея».

Через несколько лет, в 1841 году, то же самое предположение было выдвинуто известным немецким зоологом Генрихом Ратке, после того как он насобирал в Норвегии различные свидетельства о морском змее. В это время доктор Ратке уже прославился своими трудами по кровообращению позвоночных и по эволюции ракообразных, так же как и открытием жабер у эмбрионов птиц и млекопитающих. Он объяснил, почему морского змея, сиречь плезиозавра, так редко видели, несмотря на то, что тот, благодаря своему строению, должен часто подниматься на поверхность, чтобы вдыхать воздух: «...весьма возможно и приемлемо, что, вытягивая свою длинную шею, обычно он не показывается из воды, выставляя лишь кончик носа, да и то на весьма короткое время, скрывая всю остальную часть туловища внизу, так что становится нелегким делом различить его среди морской ряби и волн».

В номере за 1847 год журнала «Зоолоджист», где было напечатано это суждение доктора Ратке, сам Эдуард Ньюмен тоже предположил, на обложке своего журнала, что морской змей может относиться к группе эналиозавров, к которым принадлежит целое сообщество морских ящеров. И в следующем номере того же журнала медик-эрудит доктор Чарлз Когсуэлл даже опубликовал длинную «Речь в защиту морского змея Северной Атлантики», чтобы подчеркнуть прозорливость и убедительность гипотезы, по которой монстр может быть отнесен к плезиозаврам.

Мы хорошенько обсудим его доводы в следующей главе, ибо они вскоре стали, и остаются до сих пор, весьма популярными в среде натуралистов, верящих в существование великого морского змея.

Но, однако, некоторые черты неопознанного крупного змееподобного существа — такие, как волнообразные движения в вертикальном плане, способ дыхания как у китов, гладкая кожа и грива — позволяют утверждать, и с достаточной степенью вероятности, что речь идет скорее о млекопитающем, хотя никто пока и не подумал отстаивать всерьез именно такое воззрение. Может быть, однажды откроется, что никто в то время не был так близок к истине, как автор одной бесстыдной фальшивки...

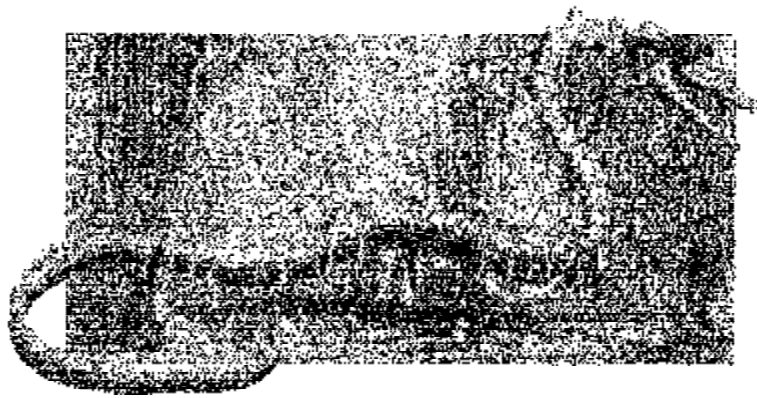
ДОКТОР КОХ И ЕГО ХОЗЯИН ВОД

Хотя это и случилось полтора столетия назад, Бродвей уже был пульсирующим центром Нью-Йорка: никакая другая артерия Соединенных Штатов не собирала таких густых толп, как эта прославленная улица. И именно ее выбрал в 1845 году некий доктор Альберт Карл Кох для того, чтобы выставить в «Салоне Аполлон» фантастический скелет одной окаменелости, пышно обозначенной как *Hidrarchos sillimani*, то есть Хозяин Вод Силлимана. Животное было посвящено профессору Бенджамину Силлиману, потому что именно он, как мы помним, не колеблясь признал в 1827 году существование великого морского змея. И таким образом, животное, чьи останки были продемонстрированы восхищенной нью-йоркской публике и извлечены, по словам Коха, из земли в Алабаме, было не чем иным, как тем самым монстром, который до сих пор живьем бороздит океанские воды.

И на самом деле, этот скелет змеевидной формы, длиной в 34 метра, обладавший вытянутой головой и устрашающими челюстями, с рядом ребер, образующих яйцевидное удлиненное туловище, и оснащенный парой ласт, казалось, напоминал о животном, отвечающем удивительным описа-

ниям большинства свидетелей. Чтобы довершить это сходство, вдумчивый и тщательный Кох дошел до того, что придал скелету изогнутую форму и даже приподнял ему голову в позе, столь привычной для морского чудовища.

Это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Злая судьба доктора Коха возжелала, чтобы среди нью-йоркских зевак, которые с любопытством валом валили поглазеть на удивительное существо за двадцать пять звонких центов, оказался однажды ученый анатом, профессор Джеффриз Уимэн. Это был тот самый Уимэн, который два года спустя опубликовал первое научное описание другого «монстра», которого тогда также считали чем-то мифическим: гориллы. Ученому не составило большого труда «раскусить» по зубам с двумя корнями морского «ящера», выставленного на Бродвее. Тот на самом деле оказался млекопитающим, и, что гораздо серьезней, весь скелет был составлен из многочисленных частей других скелетов, ловко сцепленных. Так как Кох представлял все дело так, буд-

Несостоявшаяся сенсация: морской змей с Бродвея на поверку оказался умело сфабрикованной мистификацией. В августе 1848 года, в облачную погоду, обычную для Южной Атлантики, морской змей прошел прямо под кормой фрегата «Дедал». Рисунок сделан по наброскам капитана и еще семи свидетелей

то бы он нашел весь костяк сразу, и в том положении, которое он придумал ему на выставке, с позвонками, образующими единый ряд, делом чести профессора Уимэна было доказать, что «отец» гидрархоса был не неловким палеонтологом, а ловким мошенником!

Уимэн не поленился даже идентифицировать животных, которые невольно поучаствовали через миллион лет после своей гибели в рождении Хозяина Вод: это были вымершие китообразные из рода зеглодонов, достигавших на самом деле длины в пятнадцать метров! Кстати, Кох не соврал, заявив, что нашел кости в Алабаме: именно там, действительно, чаще всего находят останки зеглодонов, датируемые концом третичной эпохи. Но он не был так уж неопытен, предполагая, что кости млекопитающих примут за скелет ящера: некий блистательный зоолог ошибся в этом вопросе незадолго до всей этой истории.

В 1832 году доктор Ричард Харлан получил от судьи Г. Брая гигантский позвонок, весивший двадцать килограммов, который судья нашел среди других двадцати семи подобных позвонков на берегу Уахиты, в Луизиане. Харлан отрапортовал об останках первобытного ящера из класса эналиозавров и, решив, что его размеры явно велики, создал в честь него новый род базилозавров, то есть «царей-ящеров».

Затем похожие позвонки и различные другие части скелета от того же животного были найдены на плантации судьи Джона Дж. Крифа в Алабаме, где испуганные черные рабы опознали их ничуть не хуже, приняв за останки падшего ангела... Потребовалось много времени, пока прославленный Ричард Оуэн не осмотрел все окаменелые обломки (в 1839 году) и не вынес заключения, что они не принадлежат ни гигантской рептилии, ни ангелам. Великий британский анатом был первым, кто подчеркнул, что если у животного зубы с двумя корнями, то речь идет о млекопитающем. Это, вероятно, было первобытное китообразное, этакий первокашалот, для которого Оуэн предложил ввести новое имя зеглодона (то есть «зубы-под-коромыслом», так как зубы были соединены костным гребнем).

Оповещенный о проделке Коха, профессор Силлиман поспешил отклонить сомнительную честь, которую оказал наш поддельщик, посвятив ему зверя, описанного за тридцать лет до того доктором Харланом. Странный жулик-палеонтолог нимало не огорчился и воспользовался случаем, чтобы исправить орфографию в родовом имени своей сборной окаменелости: он попросту нарек ее *Hydrarchos harlani*.

Кох, однако, не впервые совершал подобные демарши. В 1848 году «Иллюстрейтед Лондон ньюс» сообщил о существовании окаменелого скелета морского змея, извлеченного из земли неким доктором по имени Альберт Кох. Издатель достойного журнала определенно не осознавал, что речь идет о звучной мистификации. Но тут же английский геолог и палеонтолог Гидеон Элджертон Мантел поспешил развеять его неведение и направил подробное разъяснение истинной природы гидрархоса и его открывателя.

«Господин Кох, — утверждал он помимо всего прочего, — это тот самый человек, который несколько лет назад, собрав прекрасную коллекцию костей слонов и мастодонтов, составил из них огромный скелет, который выставил в Египетском зале на Пиккадилли, под именем «Миссуриец». Эта коллекция была куплена администрацией Британского музея и из нее же отобрали кости, которые ныне образуют изумительный скелет мастодонта в нашей Национальной галерее органических останков».

Итак, еще до того, как Хозяин Вод въехал на Бродвей, у Пиккадилли уже был свой «Миссурийский Левиафан».

Однако не ошибется тот, кто допустит, что доктор Кох совсем не был человеком, начисто лишенным достоинств. Наоборот, то был великий новатор, имя которого должны ныне повсюду в Америке произносить с уважением. Ведь это он первый в 1839 году, обнаружив наконецники кремневых стрел, глубоко ушедшие в кости мастодонта и древнего кабана, установил подлинную древность человека на североамериканском континенте, которую можно исчислять тысячелетиями.

Все тогда, и особенно коллеги, жестоко его осмеяли: в то время господствовало убеждение, что индейцы прибыли

в Америку всего за несколько веков до Колумба. Без сомнения, проникнувшись отвращением к невежеству и самодовольству этих так называемых знатоков, осмеянный палеонтолог с тех пор затаил мечту обязательно отомстить и одурачить их самих... Раз они отказываются в своей слепоте от открытий, основанных на убедительных и подлинных доказательствах, то почему бы им в силу той же слепоты не принять псевдооткрытия, сфабрикованные при помощи поддельных доказательств? Может быть, он даже сможет получить кое-какую финансовую помощь на эти фальшивки, что позволит ему продолжить раскопки и свои работы, а его идеи — смогут наконец обрести заслуженные признание и триумф.

Бедный, озлобленный человек, не обладавший силой характера Рафинеска, для которого поиски истины были на первом месте всегда, он забыл о существовании компетентных и сведущих ученых — и ничего не добился, кроме позора, покрывшего его на всю жизнь...

Подделка, совершенная не слишком внимательным Кохом и разоблаченная профессором Уимэном, скоро, естественно, стала объектом иронических комментариев и злобных выпадов в различных научных журналах, как в Европе, так и Америке. Но вопрос всплыл еще раз в февральском номере, за 1846 год, «Нойе нотитцен» Фрорипа. На следующий год в июне в третьей серии «Нотитцен» один из его сотрудников, который, по логике, уже должен был быть знаком с подлинной сущностью гидрархоса, сделал следующее предположение в несколько странном стиле, который так любят многие немцы:

«А случайно, не идентичен ли морской змей гидрархосу, то есть не представляет ли он живьем этот древний род, следы которого по-прежнему видны и сейчас, разве только род сократился до нескольких редких экземпляров по сравнению с ушедшими эпохами?»

Говоря яснее, это должно было означать, по крайней мере, согласно Удемансу: «Не может ли морской змей принадлежать к тому же роду, что и базилозавр (то есть зеглодон), дотянувшего до наших дней?»

Автор того оригинального предположения подписался только инициалами: М. Я. Ш., но его идентификация не представляет ни малейшей сложности, потому что главным редактором «Нотитцен» в то время был ботаник Матиас Якоб Шлейден, один из двоих бессмертных защитников клеточной теории. Шлейден когда-то был адвокатом, и это объясняет вымученный и двусмысленный характер его замечания.

Если вспомнить, что тогда уже подозревали в разных облику видах того, кто появлялся под одним названием «морской змей», то можно предположить, что гипотеза должна была привлечь особенное внимание заинтересованных кругов. Ведь почему наконец зеглодон (чтобы не давать ему слишком «рептильного» имени базилозавр, которое ему принадлежит — увы! — по закону первенства) не может быть морским змеем?

Некоторые экземпляры зеглодонов достигали двадцати и больше метров в длину. Это были животные исключительной стройности и гораздо более змеевидные, чем нынешние китообразные. Вместо хвоста у них был хвостовой отросток, оканчивающийся острием, по крайней мере, так думали тогда. Как и у прочих китообразных, у него не было ничего, кроме передних лап, трансформировавшихся в плавники, но гораздо менее жесткие, чем у рыб, так как их оконечности не совсем атрофировались; были различимы пальцы, без сомнения, даже оснащенные когтями. Внимательное исследование скелетов зеглодонов показало, что у них не было даже дышал, как у нынешних китов и дельфинов, на голове, а были ноздри, расположенные обычно на краю морды. У них была очень вытянутая вперед голова, что объединяет их с дельфинами, и различные зубы, клыки и моляры, последние и режущие и дробящие, как у большинства тюленей. Продолговатые шейные позвонки, точно такие же, как у последних, еще позволяли этим примитивным китообразным свободно крутить головой на относительно короткой, но все же подвижной и гибкой шее.

Но, однако, есть очень серьезные возражения против гипотезы о морском змее — зеглодоне. Во-первых, шея последнего была слишком коротка, чтобы принимать вид «руч-

ки зонтика» или «перископа», если это кому-то нравится больше, что так часто можно видеть у некоторых больших змееподобных. Но если принять, что морской змей и не вел себя подобным образом, когда принадлежал к роду базилозавров, то разве тогда он не тот самый «ужасный морской зверь», которого Ханс Эгgede описал как некую супервыдру? И ведь остается только мечтать о столь верном сходстве, которое есть у зеглодона со зверем на рисунке преподобного Бинга! Все тут есть: и общая форма, удлинённая голова, ноздри на конце морды, посвист китообразного, гибкая шея, длинный и заостренный хвост, единственная пара плавников. К тому же, этот портрет дан за век до того, как были открыты окаменелые кости базилозавров, и, следовательно, можно предположить, что тогда еще существовали животные подобного телосложения. Вот над чем действительно стоит поразмышлять.

В том, что зеглодон дожил до наших времен, на самом деле нет ничего поразительного, потому что уже доказано, что некоторые виды дотянули, по крайней мере, до начала миоцена: их останки обнаружили в геологических слоях, датируемых едва ли тридцатью миллионами лет. А что это по сравнению с шестьюдесятью или семьдесятью миллионами лет, в течение которых целакант оставался незамеченным в эпоху человека, конечно, как натуралистами, так и палеонтологами?

Эта гипотеза настолько соблазнительна, что к ней возвращались еще несколько раз, начиная с 1880 года, даже в связи с морским змеем с шеей жирафа, что, конечно, не очень оправданно. Во всяком случае, именно такой, какой она была высказана в 1846 году Матиасом Якобом Шлейденом — в несколько уклончивой и странной форме, — эта гипотеза осталась без признания. И никого это не удивит.

СКАНДИНАВСКАЯ ЖАТВА

Плачевный конец гидрархоса, мог привести, без сомнения, только к одному — к дискредитации морского змея,

чья репутация и без того подвергалась столь жестоким испытаниям, особенно начиная с 1817 года. Поспешные экспертизы выброшенных на берег останков, газетные утки, промашки экспертов, надувательства, подделки... Сделавшись темой для толков в научных обществах, морской змей затем стал цирковой звездой, предметом продажи и объектом журнальных сенсаций, героем фантастических романов и разных насмешливых песенок. Искренние и подлинные свидетельства обращались в шутку, и было бы неудивительно, если бы мало-помалу морского змея окружили стеной насмешливого молчания и он вовсе исчез бы с мировой сцены.

Однако, когда проблема вновь возникла в 1848 году, в то время, когда сказочного зверя в течение добрых двадцати минут наблюдала команда британского военного судна «Дедал» (известного, среди прочего, достоинствами своих офицеров, которым едва ли была присуща склонность к разного рода шуточкам), то множество накопившихся свидетельств вновь стали объектом коллекционирования. Пришлось признать, что за последние тридцать лет — этакого темного средневековья для «змееведения» — морское чудовище показывалось очень часто: больше ста раз, по моим подсчетам, причем если брать только те наблюдения, которые сделались темой отдельных отчетов. А ведь наверняка было много других, особенно в восточных землях, которые ускользнули от ока наших исследователей.

Во всяком случае, примечательно, что около семидесяти раз змей появлялся между Новой Землей и мысом Гаттерас и флегматично проплывал вдоль этого атлантического побережья Северной Америки, которому он явно отдавал некоторое предпочтение. Но не забылись при этом и старые привязанности: всего в два раза реже он заходил в норвежские фьорды.

Этой богатой скандинавской жатве на чудеса мы обязаны больше всего двум расследованиям (проведенным с разницей примерно в двадцать лет английским путешественником Артуром Кэйпеллом Бруком и немецким зоологом профессором Генрихом Ратке) и регулярным публикациям но-

вых сообщений в «Нотитцен» Людвиг фон Фрорипа, у которого унаследовал с 1847 года как журнал, так и эту добрую традицию его сын, Роберт фон Фрорип.

Прежде всего, в своей книге «Путешествие по Швеции, Норвегии и Финляндии летом 1820 года», опубликованной в 1823 году, капитан Кэйпелл Брук привел около десяти рассказов о летних визитах морского змея к норвежскому побережью с 1818 по 1822 год. Одно из этих посещений можно сравнить по длительности с уже упоминавшимся глочестерским 1817 года, по другую сторону океана: в июле 1819-го, в одно особо жаркое лето, морской змей мелькал долго и часто перед глазами всех жителей маленьких островков Оттерсум и Кроегей, являясь буквально каждодневно в течение месяца.

Среди особо выдающихся свидетелей, отмеченных британским путешественником, следует упомянуть епископа Норвегии и Финляндии, который незадолго до 1820 года созерцал пару морских змеев в Трондхjemском фьорде. Летом 1820 года один юный рыбак точно так же получил исключительную возможность видеть сразу двоих у Хундхольма.

Все собранные свидетельства отличаются большим единодушием, во всяком случае в том, что касается облика виденных зверей. Их приметы, по крайней мере, характерная голова темно-серого цвета, возникавшая на поверхности воды благодаря широким вертикальным изгибам тела, заставляют вспомнить о змее, о котором сообщал епископ Понтопидан.

То обстоятельство, что все эти норвежские свидетельства приписывают своему морскому змею одинаковый сероватый цвет, тогда как в Соединенных Штатах говорят о коричневато-черном, не обязательно позволяет заключить о некоей специфической различности. Ведь другие норвежские наблюдатели приписывали своим монстрам как раз коричнево-черноватый цвет. Часто бывает довольно сложно с точностью определить темный цвет, тут важно, какие близкие цвета подсказывает художественное чутье, а в морских условиях, столь различных по времени и окраске самой воды, настоящий цвет объекта может изменяться.

Но можно уверенно сказать, что норвежский тип с большими изгибами весьма различается анатомически с американским, чья спина оснащена множеством бугров. Это бросается в глаза, если, конечно, не полениться графически сопоставить оба типа, вырисовав их точные пропорции.

«Нотитцен» Людвиг фон Фрорипа, кажется, ничего не упустили, приведя семь норвежских наблюдений за годы с 1827 по 1843-й, в общем, малоконкретных и неинтересных, кроме, разве что, намека на появление в июле 1837 года экземпляра с чрезмерно большой головой и конской гривой, усатого, как тюлень, и с характерными черными глазами, большими, как блюдца. Но восемь наблюдений за то же самое время, объединенных профессором Ратке, благодаря его личному пребыванию в Норвегии, гораздо богаче подробностями. Они, впрочем, почти такие же по своему содержанию, за исключением, кажется, случая, который имел место в Кристиансундском фьорде, или в соседнем. Люди, давшие свои показания, весьма отличаются друг от друга по уровню образования и культуре. Среди них конечно же — неизбежно — рыбаки и один рабочий, Нильс Ри, но еще и два купца, Вильгельм Кнудтсон и Джон Джонсон, доктор теологии Буклун, директор школы Хаммер и его помощник Крафт, и «соренскривер» (сельский судья) Гешке.

Самое интересное сообщение, пожалуй, принадлежит Ларсу Йонену, 50-летнему рыбаку из Смолена. Нельзя сказать, чтобы его приключение привлекло внимание публики, падкой на сенсации. Но, очевидно, именно его относительная банальность придает ему правдивости. Это донесение отличается от прочих указанием на естественную природу гривастого «чудища», что, впрочем, характерно почти для всех безыскусных описаний: речь идет о безобидном существе, иногда напуганном или любопытном.

Вот подлинные показания Йонена, которые профессор Ратке публикует в своей книге, добавляя в скобках собственные замечания:

«Я видел морского змея много раз, только было двенадцать лет перерыва между тем временем, когда я видел его

впервые и недавним наблюдением, в фьорде, недалеко отсюда (Кристиансунд), в полдень, когда я был один и рыбачил с лодки. В этот день я видел его за два часа три раза, а один раз он был очень близко ко мне. Он подплыл к моей лодке и оказался в метре восьмидесяти сантиметрах от меня. (Йонен показал в комнате расстояние примерно в шесть футов и сказал, что вот так и было между ним и монстром.)

Я встревожился, поручил свою душу Богу и лег на дно лодки, подняв одну голову над бортом, чтобы наблюдать за змеем. Он продолжал плавать вокруг барки, которую яростно трясли волны, происходящие от его движений в воде, до того спокойной и гладкой как зеркало, а затем удалился. Когда он отплыл от меня на большое расстояние, я обернул литье вокруг маленького инструмента, который обычно используют в наших краях (рамка, вертящаяся на оси), и снова принялся рыбачить. Но немного погодя змей снова появился около лодки, которая опять принялась яростно колыхаться от его движения под водой. Я опять улегся и оставался совершенно неподвижным, не опуская, однако, глаз с животного. Он снова меня покинул, отплыл довольно далеко и опять вернулся, приблизившись еще больше, чем прежде.

Зверь постоянно держал голову над водой под острым углом; и так высоко, что его нос мог заехать за борт лодки. Еще сзади головы начиналась грива, похожая на лошадиную, она довольно широко расходилась по шее с каждой стороны; волосы были средней длины и развевались в воде. Грива была точно так же, как голова и остальная часть тела, коричневая. Я не заметил ни пятен, ни полосок другой окраски, и не было никаких чешуек: все тело казалось очень гладким.

Животное передвигалось быстрыми или медленными изгибами-крючками; когда оно приближалось к моей лодке, то они были медленные».

Как заявил Ларс Йонен, рисунок, данный Понтоппиданом, вполне соответствует его собственному чудовищу. Он рассмотрел его с удивлением, улыбнулся и сказал, что видит между ним и животным, которое наблюдал сам, боль-

шое сходство. Он также сказал, что некоторые другие морские змеи, которых он видел раньше, за двенадцать лет до этой встречи, были гораздо длиннее, чем этот.

Само собой, по причине чрезвычайной близости наблюдателя к объекту, определение, данное Йоненом о гриве, украшавшей шею зверя, должно быть понимаемо буквально. И речи не может идти о предположении, будто это пучки водорослей, прилепившихся к затылку животного или что-то другое, как, например, жабры, вылезшие из своих боковых отверстий. Впрочем, рабочий Нильс Ри, который тоже видел такое животное во фьорде Кристиансунда в то же самое время, дает этой гриве почти идентичное описание, и то же волосяное украшение упоминается, с другой стороны, судьей Гешке, купцом Кнудтсоном, доктором теологии Буклуном и множеством других анонимных свидетелей той же встречи.

Описание, которое дает рыбак глазам своего морского змея — сверкающие, красные, в дюжину сантиметров в диаметре, — достойно того, чтобы подчеркнуть его особо. Оно подтверждается и другими свидетелями. Нильс Ри говорит, что «глаза были очень большие и сверкали, как у кошки». Что до судьи Гешке, он уточняет: «То, что я принял за его глаз, было, по моим оценкам, нечто величиной с окружность чайной чашки (9 см)».

Вспомним кстати, что, в зависимости от угла, под которым на них смотрят, глаза кошек, собак и вообще всех хищников сверкают красным и фосфоресцирующим светом.

Все свидетельства, собранные профессором Ратке, в целом показывают, что морской змей имел гриву и огромные глаза, что является редкостью для Северной Америки, и наоборот — очень часто упоминается в отношении змея с норвежских берегов. Он так же, как и его американский собрат, с множеством бутров, двигается вертикально-волнообразно, и так же, как американец, должен относиться к млекопитающим, на что, впрочем, намекает и грива.

На первый взгляд, ничего оригинального нет в том, чтобы собрать сведения о девяти визитах змея на все тот же норвежский берег между 1826 и 1846 годами, к тому

же уже пересказанных в разных газетах и научных журналах. Именно так и может кто-нибудь подумать при упоминании о том, что некий преподобный П.У. Дейнболт, архидьякон Мольда, ручается за честность четырех людей, которые 28 июля 1845 года на рыбалке повстречали в ромсдальском фьорде морского змея в двенадцать-пятнадцать метров длиной.

В поручительстве речь шла о книгопечатнике Я.С. Лунде и его подмастерье Кристиане Фланге, торговце Дж.С. Крофе и чернорабочем Йоне Элгенсесе. В тот чудный летний день, около семи вечера, сообщает преподобный Дейнболт, «они увидели некое длинное морское животное, которое медленно проплыло мимо них, как им показалось, с помощью двух плавников, расположенных в передней части туловища, очень близко к голове: это они поняли по бурлению воды по разным сторонам тела...»

Звучите, трубы! Это наблюдение должно быть отмечено монументом, ведь, кроме невнятного упоминания у геолога Роберта Вейкуэлла, сделанного в первый раз, да и то насчет американского, а не норвежского побережья, только здесь морскому змею приписывают пару плавников! Конечно, их еще не видели, но о них догадались. Это уже прогресс. Неужели среди норвежцев получило популярность описание плезиозавра и наконец оно подсказало им кое-какие идеи?

Что удивляет сильнее всего в собрании норвежских свидетельств за период с 1818 по 1848 год, так это крайние расхождения в оценках длины разных виденных животных. Из шестнадцати версий, предложенных свидетелями, однанадцать настаивают на цифрах от десяти до сорока пяти метров, что еще можно принять, но ведь еще есть те, которые говорят о ста семидесяти, двухстах, четырехстах и даже пятистах метрах. Могильщик из Маасоя дошел даже до утверждения, что животное растянулось от острова Магерой до континента. Если же кто-нибудь подсчитает среднее арифметическое от всех указанных оценок, то получит длину примерно в сто метров! Это вам не «рассказни» врунов-янки, в которых животные едва достигали двадцати двух метров в Массачусетсе и восемнадцати у «строптивных южан» Мэна.

Конечно, в Норвегии речь идет о другом животном, может быть, и большей величины. Но все же, сто метров...

Кстати, надо отметить, что указанный могильщик, более привычный к обращению с трупами, а не с живыми чудовищами, был охвачен паническим ужасом, едва завидев морского змея, и удрал от него во всю прыть, яростно загребая веслами. В подобных условиях едва ли можно рассчитывать на трезвые оценки. Замечательно также, что измерения больше сорока пяти метров давались практически всегда анонимами, и причем теми, кто находился на берегу.

ТАИНСТВЕННАЯ ДОБЫЧА ТРАУЛЕРА «ЗУЙО МАРУ»

Криптозоологи утверждают, что разложившаяся туша, случайно запутавшаяся в сетях японского траулера недалеко от Новой Зеландии в 1977 году, — плезиозавр или иное доисторическое морское чудовище. (Плезиозавры — это группа длинношеих, водных хищных рептилий с четырьмя конечностями-ластами. Считаются давно вымершими вместе с динозаврами, около 65 миллионов лет назад.)

Однако результаты анализов образцов ткани, взятых у трупа перед тем, как он был выброшен, со всей очевидностью указывают на то, что это была акула, и скорее всего гигантская акула. Это вовсе не удивительно, ибо известно, что гигантская акула при разложении напоминает плезиозавра и ее тушу часто принимали в прошлом за тушу «морского чудовища».

К сожалению, результаты научных исследований по данным останков не получили такой огласки, как другие сенсационные случаи, и это породило массу слухов. Мы постараемся исправить эту оплошность. Давайте обо всем по порядку...

25 апреля 1977 года рыболовное судно «Зуйо-Мару» компании «Тайо» занималось ловлей скумбрии в примерно 30 милях от городка Кристчэрч, Новая Зеландия, когда в сетях на глубине около 300 метров запуталась туша огромного живот-

ного. Едва останки массивного животного весом около 16 тонн подтянули к кораблю и подняли на палубу, помощник руководителя производства Мичихико Яно сказал капитану Акире Танаке: «Это же стнивший кит!» Однако, после того как Яно получше рассмотрел животное, он начал сомневаться, что это кит. Примерно 17 других членов экипажа видели тушу. Некоторые посчитали, что, возможно, это гигантская черепаха без панциря. Словом, никто на борту не мог сказать, что же это такое.

Несмотря на возможную научную важность находки, капитан и команда решили выбросить дурно пахнущую тушу за борт, чтобы не испортить рыбный улов. Однако когда скользкую тушу перетаскивали, чтобы выбросить в океан, она выскользнула из веревок и упала на палубу. Это предоставило возможность 39-летнему Яно, выпускнику Высшей океанологической школы Ямагучи, исследовать животное

Огромная разложившаяся туша, попавшая в сети японского траулера «Зуйо Мару» в 1977 году, была сфотографирована и зарисована, прежде чем капитан распорядился выбросить смердящую массу за борт.

Длинношеее существо весило около 10 тонн

более тщательно. Хотя он так и не мог идентифицировать существо, у Яно было впечатление, что оно определенно необычное, и это подвигло его сделать несколько замеров и фотографий.

Длина туши была 10 метров. Яно также вырезал 42 куска «мозолистого волокна» с переднего плавника в надежде помочь дальнейшим попыткам идентификации. Затем животное было выброшено за борт и затонуло в своей морской могиле. Все это заняло не больше часа. Около двух месяцев спустя Яно сделал набросок туши. Набросок и описание появились в «собранных документах об останках неизвестного животного, пойманного около Новой Зеландии «Зуйо-Мару», 1978 года».

Как только Яно вернулся в Японию на другом корабле 10 июня 1977 года, он немедленно проявил фотографии. Представители компании были поражены фотографиями, на которых было представлено необыкновенное животное с длинной шеей и маленькой головой. На них попросили взглянуть местных ученых, которые ограничились репликой, что никогда ничего подобного не видели. Некоторые даже считали, что это, в принципе, может быть доисторическое животное, такое как плезиозавр.

20 июля 1977 года, когда всеобщий интерес и споры по поводу находки начали расползаться по стране, официальные лица рыбной компании собрали пресс-конференцию, чтобы во всеуслышание объявить о своем загадочном открытии. Хотя научный анализ образцов ткани и других данных еще не был завершен, представители компании начали делать упор на то, что это морское чудовище. В тот же самый день несколько японских газет на первых страницах опубликовали сенсационные сведения о находке, после чего последовало огромное количество радио- и телевизионных репортажей по всей Японии. Хотя некоторые японские ученые были весьма осторожны, другие упорно продвигали идею о том, что это плезиозавр. В газете «Асахи симбун» появилась цитата профессора Йошинори Имаизуми, руководителя отдела по исследованию животных в Токийском государственном научном музее, который сказал: «Это не рыба, не кит

или какое-нибудь другое млекопитающее... Это рептилия, и на рисунке она выглядит плезиозавром. Это ценная и важная находка для всего рода человеческого. Похоже, это указывает на то, что подобные животные не совсем вымерли». Токио Шикама из Йогогамского университета также поддерживал коллегу: «Это должно быть плезиозавром. Вероятно, такие создания все еще плавают в морях около Новой Зеландии, питаясь рыбой».

Тем временем американские и европейские ученые в своих интервью об останках в целом опровергали теорию о морском чудовище. Палеонтолог Боб Шеффер из американского Музея естественной истории отметил, что примерно каждые десять лет очередные останки приписываются «динозавру», но потом всегда оказывается, что это гигантская акула или взрослый кит. Олвин Уилер из Британского музея согласился, что это, вероятно, была акула...

Объясняя это тем, что трупы акул разлагаются необычным образом, Уилер также добавляет: «Даже более опытные люди, нежели японские рыбаки, обманывались схожестью останков акулы с плезиозавром».

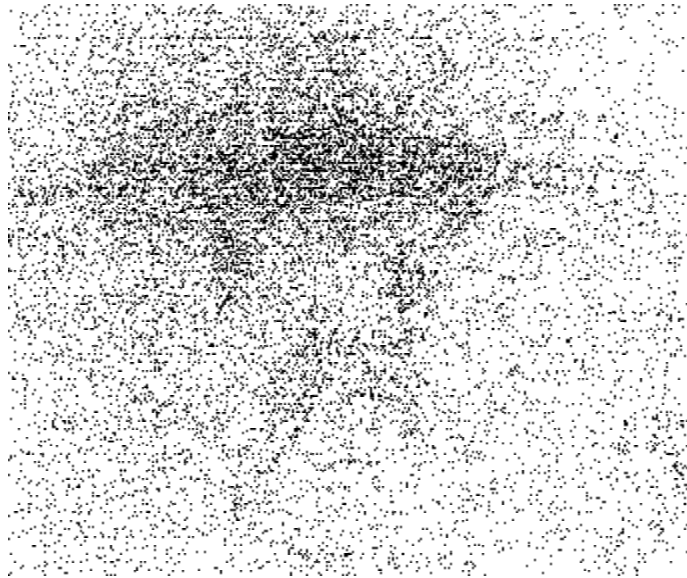
Другие западные ученые предложили свои собственные версии: зоолог Алан Фрэйзер-Браннер, куратор аквариума в зоопарке Эдинбурга в Шотландии, выдвинул идею о том, что это были останки морского льва, несмотря на огромные размеры животного. Карл Хаббс из Скриппсовского института океанографии (Калифорния) считал, что это был, наверное, маленький кит, стгнивший до такой степени, что большая часть мяса слезла». Джордж Заг, смотритель рептилий и амфибий в Смитсоновском институте (Вашингтон), выдвинул идею о том, что это стгнившие останки кожистой черепахи.

Расхождение во мнениях у разных ученых может объясняться тем, что многие биологи привыкли работать с целыми, свежими представителями вида, а не с разложившейся тушей или, что еще хуже, с ее фотографиями, где как внешние, так и внутренние органы могут иметь совсем другой вид, нежели чем у живых особей.

25 июля 1977 года рыбная компания «Тайо» опубликова-

ла предварительный отчет по биохимическим тестам (при использовании ионообменной хроматографии) образцов ткани. В отчете отмечалось, что «мозолистая ткань, взятая у туши, была в сущности сходна с плавником и указывает на группу ныне живущих существ».

Под «ныне живущими существами» понимались акулы. Однако в отчете это ясно не утверждалось, что привело к дальнейшей путанице в японских средствах массовой информации и последующему распространению динозавромании. Производители игрушек стали раскручивать проекты для производства моделей животного, в то время как компания-разработчик камеры Яно развернула целую рекламную кампанию вокруг его фотографий «морского чудовища». Сообщалось, что десятки рыболовецких судов из

Зарисованный свидетелем на «Зуйо Мару» этот таинственный обитатель морских глубин похож по форме на рептилию. Но дальнейшее исследование показало, что он мог оказаться и гигантской акулой

Японии, России и Кореи спешат к Новой Зеландии в надежде перехватить в спешке выброшенное тело. Японское правительство даже выпустило новую почтовую марку, на которой был изображен плезиозавр. Со времен Годзиллы не один монстр не покорял Японию так прочно и надолго!

Прения об останках продолжали появляться в американской прессе, но с меньшей долей сенсационности.

26 июля 1977 года в «Нью-Йорк таймс» появилась заметка о том, что профессор Фуджио Ясуда, изначально поддерживавший идею о плезиозавре, признал, что начальные хроматологические тесты показали вид аминокислот, очень схожих с контрольным анализом, взятым у голубой акулы. Статья, появившаяся в «Ньюсуик» 1 августа 1977 года, кратко прошла по «чудовищу из Южного океана», не принимая точку зрения ни одной из сторон. Несколько месяцев спустя в журнале «Оушнс» появилась более подробная статья Джона Костера. Она и явилась основой для многих последующих репортажей, которые украшивали или слишком упрощали различные аспекты всей этой истории. Сам Костер предполагал, что маленькие размеры головы животного, хорошо сформированный спинной хребет и отсутствие спинного плавника говорят не в пользу теории об акуле.

Вскоре противоречивые новости о туше попали в поле зрения некоторых последовательных криптозоологов. Они как бы вопрошали: как мы можем доверять геологам, если животное, которое считалось вымершим миллионы лет назад, может попасть в рыболовные сети?

Однако, если подтвердилась бы теория о плезиозавре, концепция эволюции осталась бы прежней. Ведь многие другие современные животные существовали во время мезозойской эры, например: крокодилы, ящерицы, змеи и различные рыбы. Такие животные, как целакант и туатара, считались вымершими многие десятки миллионов лет, однако потом выяснилось, что они живут, немного эволюционировав, и в наше время.

Тем не менее, обнаружение современного плезиозавра было бы в своем роде потрясающим научным открытием, подтвердившим теорию о том, что длинношеие «морские змеи» — не давно вымершие животные или объект для баек моряков, а настоящие «живые ископаемые». Думается, что более тщательное изучение свидетельств, безусловно, опровергло бы теорию плезиозавра.

Уже упоминалось, что некоторые ученые с самого начала были убеждены, что это останки акулы; версия основывалась на знании случаев, как происходит разложение гигантской акулы и схожих с ней крупных рыб.

По отчетам, составленным известным криптозоологом Бернаром Эйвельмансом, свыше десятка туш «морских змеев» в прошлом оказывались определенно или вероятно останками акул или, в большинстве случаев, гигантских акул. Среди таких останков (здесь перечислены далеко не все) известный «зверь из Стронса» с Оркнейских островов, Англия (1808 г.), останки, найденные в бухте Раритан, Нью-Джерси (1822 г.), туша, найденная на острове Гени, Британская Колумбия (1934 г.) и Керкевилльское чудовище во Франции, обнаруженное также в 1934 году. За ними последовали Хендайская туша во Франции (1951 г.), туша из южного Уэллса (1959 г.) и еще две туши, найденные в 1961 году (Венди, Франция, и Нортамберленд, Англия). В 1970 году другое предполагаемое «чудовище» вынесло на берег в Ситуэйте, штат Массачусетс. Говорили, что этот 12-метровый зверь очень напоминал плезиозавра, однако также оказался разложившимися останками гигантской акулы. В 1996 году еще один предполагаемый морской змей выбросился на берег острова Блок. Также было доказано, что это, по всей вероятности, гигантская акула, которую окрестили «Блок-Несское чудовище».

Что интересно, у гигантских акул есть склонность подражать морским змеям, даже когда они живые. Очень часто они кормятся группами на небольшой глубине, иногда выстраиваясь в два или более ряда.

При этом спинной и хвостовой плавники могут быть на поверхности, что выглядит как многочисленные «горбы» и голова огромного морского чудовища.

Когда выходила статья журнала «Оушнс», ученые в Японии уже сформировали исследовательскую команду для более тщательного изучения дела «Зуйо-Мару». Копии снимков туши были посланы ученым в Токийский институт рыбного хозяйства, и его директор доктор Тадайоши Сасаки предложил устроить встречу ученых для совместного исследования собранного материала. Первые встречи прошли 1 и 9 сентября 1977 года, в них участвовали более десятка ученых, включая специалистов по биохимии, ихтиологии, палеонтологии, сравнительной анатомии и т.п. Участники встречи договорились не публиковать заключение до полного завершения работы.

В июле 1978 года сборник из девяти документов по результатам исследований команды ученых был опубликован в докладах Франко-Японского океанографического общества. Несмотря на разногласия по некоторым пунктам, большинство ученых высказалось в пользу того, что это останки сильно разложившейся акулы, вероятнее всего, гигантской. Вот что выяснилось.

Данные по тканям

— Мозолистые волокна, взятые у туши, были жесткими, игольчатыми образованиями, загнутыми на обоих концах и имевшими полупрозрачный бело-коричневый оттенок. Данные свойства характерны для хрящевых волокон плавников акулы. Обнаружено, что волокна тканей туши и такие же волокна гигантской акулы «имеют поразительное сходство».

— Приблизительный анализ на аминокислоты тканей туши показал результаты, сходные с подобными анализами эластоидина, взятыми у гигантской акулы. Эластоидин — это протеин, который можно найти только в организме акул и скатов (а не у рептилий или другой рыбы). Данные всех видов гистологических исследований говорят о том, что это животное было гигантской акулой или ее близкой родственницей.

Анатомия

— Рисунок туши демонстрировал шесть шейных позвонков. С точки же зрения японских ученых Обаты и Томоды, их было «примерно семь», что полностью совпадает с замерами Яно длины шеи (150 см) и каждого позвонка (20 см). Это также указывает на акул. Однако 6 или 7 шейных позвонков не бывает у плезиозавров и других морских рептилий. Даже у плезиозавров, которые часто именуются «короткошеими», по крайней мере, 13 шейных позвонков, а у длинношеих и того больше.

— В докладах указывалось, что голова животного напоминает черепащу. Это соответствует черепным останкам гигантской акулы, при описании которой упоминается черепащья голова. В отличие от этого у плезиозавров более треугольные головы, не совсем напоминающие черепащу.

— Снимки и свидетели подтверждают наличие плавников, которые присутствуют у большинства рыб, включая и акул. Наоборот, плезиозавры имели костные фаланги, из которых состояли их плавники, что не было выявлено в туше.

— На одном из снимков изображен спинной плавник. Большая часть рыб обладает спинным плавником, включая акул, что нехарактерно для плезиозавров.

— Длина ребер составляла 40 см, что слишком коротко для плезиозавров и других морских позвоночных, за исключением акул. Также неизвестно, точно ли Яно измерил ребра, которых не видно на фотографиях. Может быть, по ошибке он измерил жабровые дуги или мышечные желобки, приняв их за ребра.

— Как видно по фотографиям, передние плавники продвинуты вправо к плечу, что придает сходство с акулами, а не плезиозаврами. Грудной пояс, видимый между передними плавниками на рисунках, кажется сломанным, но по форме напоминает акул.

— Если бы останки принадлежали плезиозавру, тело вряд ли изогнулось бы таким образом, как изображено на снимках, так как кости животного были бы большими и плоски-

ми. Подобным же образом брюшные кости плезиозавров должны были остаться при сохранении передних плавников, а этого в туше не заметно.

— У плезиозавров кости всех конечностей находились в брюшной (нижней) части тела, поэтому, если животное было бы стгнившим плезиозавром, конечности скорее всего уже отвалились бы от туловища.

— В данной стадии разложения плезиозавр наверняка сохранил бы верхние челюсти и зубы, но у найденной туши не было зубов. Однако гигантская акула легко теряет обе челюсти, и даже если и сохраняется верхняя челюсть, ее необычно маленькие зубки легко не заметить.

— Пропорции тела весьма сходны с большой гигантской акулой, особенно с акулой, потерявшей свой хвост. Потеря хвоста почти очевидна, так как широкий хвост сломается в узком суставе во время разложения из-за ударов о волны. Это объясняет даже не конусообразный, а тупой конец хвоста на рисунке Яно. Кончик носа тоже, возможно, был утерян, что значительно не повлияло бы на длину тела и его пропорции. Если добавить хвост, акула была 12,5 метра при жизни, что очень много, но все же укладывается в рамки размеров гигантских акул — в конце концов, этот бедный гигант, возможно, умер от глубокой старости.

Таким образом, анатомические данные в целом показывают, что это была акула, а не плезиозавр.

Различные наблюдения

— Представители японской перерабатывающей промышленности, которые часто имеют дело с тушами акул, идентифицировали животное на снимках Яно как акулу.

— В сентябре 1977 года в Немуре, Хоккайдо, выбросило на берег тушу, сразу же идентифицированную как гигантская акула. Она очень напоминала тушу с «Зуйо-Мару». Описывая сентябрьское приключение, морские биологи Омуро и Камия писали: «У туши отсутствовали челюсти и жабровые дуги, а череп имел сходство с черепащим... концы грудных и тазовых плавников отсутствовали, но все же имелись

сами плавники. Результаты этого эксперимента, предпринятого природой, поддерживают взгляд о том, что туша с «Зуйо-Мару» была гигантской акулой, потерявшей челюсти и жабры».

Подытоживая все данные, полученные в результате исследований, Хасегава и Уейно заявляют: «Мы убеждены, что это новозеландское животное не является «новой Несси», чего ждал весь мир, а вероятнее всего, это останки, принадлежащие акуле очень больших размеров».

Мнимые противоречия

Справедливости ради, нужно поговорить о некоторых противоречиях в выводах ученых.

— Говорили, что туша пахла мертвым морским млекопитающим, а не источала запаха аммиака, характерного для акульих туш. Однако неизвестно, все ли акулы источают запах аммиака при разложении или как долго такой запах присутствует. Те же авторы заметили, что отсутствие запаха аммиака могло иметь место вследствие значительной потери кожи и сильного разложения, так что аммиак смылся с останков. Известно, что даже при жизни гигантские акулы испускают крайне неприятный, характерный только для них запах, который мог перебить запах аммиака.

— Белое, клейкое, похожее на жир вещество покрывало большую часть туши. Хотя Нирманн и некоторые другие считали, что это самое веское доказательство против версии об акуле, все-таки и этот факт совпадает с главной гипотезой. Гигантские акулы имеют большие отложения жира в некоторых мышцах и печени. Согласно некоторым источникам, они накапливают жир во время лета для зимнего периода. Данное животное, вероятней всего, умерло в конце марта или в начале апреля, когда в Новой Зеландии конец лета. Более того, один из японских рабочих объяснил феномен формирования жировоска при разложении туш акул и других животных. Беловатое, пахнущее гнилью вязкое веще-

ство, покрывавшее тушу, как раз говорило о формировании жировоска.

— Снимки показывают наличие красноватой мышцы, которая, по предположениям Обаты и Томоды, указывает на четвероногое животное. Однако наличие красноватой мышцы говорит и о том, что это акула. Акулы, как и другие рыбы, имеют как белые, так и красные мышцы. Красноватый оттенок также мог появиться вследствие осевшей крови.

— Некоторые свидетели отрицали наличие спинного плавника. Однако отсутствие спинного плавника можно объяснить тем, что он стнил и отвалился. Во-вторых, как уже упоминалось, на одном снимке все-таки есть что-то похожее на спинной плавник, который был не замечен Яно. Омуро, Мочизуки и Камия заявляют: «...при тщательном рассмотрении фотографии мы можем ясно различить основание спинного плавника, хотя он и слез с линии середины спины».

— Говорили, что голова была твердая, тогда как у акул нет костей, только хрящи. Однако хрящ в акульих черепах может быть достаточно твердым и плотным, а особенно у крупных акул скелет — с большим содержанием кальция. Также при старении череп акулы твердеет и плотнеет. Размеры туши четко указывают на старого представителя вида.

Все научные доклады за 1978 год предоставляли неоспоримые доказательства в пользу того, что это была акула, и доводов против не приводилось. К сожалению, все доклады 1978 года почти не стали достоянием широкой читательской аудитории, в отличие от первых репортажей о «морском чудовище».

Как и ожидалось, новозеландская история о чудовище просочилась в Интернет, чаще всего в искаженных формах.

Рекомендации будущим охотникам за чудовищами

Перед тем как закончить наше повествование, дадим дружеский совет каждому, кто хочет встретиться с неиз-

вестным морским животным в будущем. Хотя нам повезло, что Яно взял образцы ткани, но если бы он или другие на борту сохранили бы еще и голову животного или хотя бы позвонок (которые можно было бы поместить в ведро или другой контейнер, чтобы избежать заражения рыбы), мы сэкономили бы кучу времени, не потребовалось бы таких усилий при исследованиях и не нужно бы было строить дополнительные теории. В большинстве случаев даже один элемент скелета позволяет ученым идентифицировать неопознанное животное.

Также нужно было сделать как можно больше снимков, в том числе и близкий план головы и других частей тела, а не только несколько фото на расстоянии. То, что это все не было сделано, наводит на мысль, что команда даже не подозревала о том, что выловленный труп мог быть плезиозавром, пока другие позднее не выдвинули эту идею. Как оказалось, нет сомнений в том, что они поймали разложившуюся акулу. Тем не менее, возможно, что океан в своих глубинах все еще прячет неопознанных животных. Как доказательство этому может служить то, что за пять месяцев перед инцидентом с «Зуйо-Мару» военно-морское исследовательское судно около Гавайев случайно налетело на странную акулу 4–5 метров длины, которая попала в якорь в форме парашюта. У странной рыбины была необычайно большая голова и широкие, тарелкообразные челюсти, из-за чего ее вскоре прозвали «мегапасть». Ее челюсти были наполнены сотнями мелких зубов и открывались сверху, а не снизу, как у большинства акул. Что еще более странно, внутри ее рот отсвечивал серебристым светом. Очевидно «мегапасть» использует свою светящуюся пасть для привлечения мелких ракообразных при кормлении на большой глубине, куда почти не проникает солнечный свет. Потом странную рыбину окрестили научным именем *Megachasma pelagios* и определили как представителя нового вида, рода и семейства акул.

СУДЬБА «КОКТЕБЕЛЬСКОГО ГАДА», ИЛИ КРЫМСКИЕ РЕЛИКТЫ

Чаще всего криптозоологические объекты являют себя очевидцам в местах, достаточно удаленных от цивилизации – будь то моря, океаны, дремучие леса, горы и пустыни. Этот же представитель загадочного племени неопознанных существ является странным исключением из правила... Вряд ли кто мог допустить, что таинственное чудовище появится не где-нибудь в озерах Якутии или фьордах Норвегии, а в... Крыму!

Начнем с сообщения, пришедшего от директора Карадагского заповедника П. Семенькова в 1994 году. Он написал, что рыбаки случайно поймали сеть недалеко от Лягушачьей бухты дельфина – черноморскую афалину, у которого из живота был вырван огромный кусок. Рана была похожа на укусы – отчетливо были видны следы зубов диаметром около 40 миллиметров по краям дуги. Дельфин был еще жив, значит, трагедия произошла совсем недавно. Рыбаки, люди не робкого десятка, быстро отрезали сеть и ушли из опасного района...

Прошло полгода. И снова попался дельфин со следами таких же зубов, но уже на голове. Его поместили в морозильную камеру и пригласили ученых, в том числе и из Санкт-Петербургского института зоологии. Но те не приехали, потому что не верят в монстров. Между тем слухи о таинственных неопознанных животных в Крыму появились не в наше время, а очень давно. (Да и роман М. Булгакова «Роковые яйца» родился у писателя под впечатлением очередной заметки в одной из курортных газет о встрече отдыхающих с чудовищем в начале 20-х годов.)

В феодосийских газетах в 1921 году можно найти сообщение о том, что в район давно потухшего вулкана Карадаг была отряжена рота красноармейцев для поимки загадочного гада, объявившегося в тех местах и выбиравшегося на берег. Мария Степановна Волошина, жена поэта, присылала Булгакову вырезки из газет с рассказом об этом событии.

Армейские части, как помнится, никого не поймали, но шуму наделали много (может, поэтому и не поймали?). Другой писатель, Всеволод Иванов, спустя много лет в Сердоловской бухте наблюдал странное существо со змеиной головой, поднявшейся из воды. Было это 14 мая 1952 года.

Через четыре месяца местная жительница Зазуля снова увидела змея. Она пошла к мысу Мальчин за хворостом и вот что произошло: «Скала эта у самой тропы, в нескольких метрах от моря. Там тихое прогретое место. Там оно и спало». Она приняла рептилию за кучу хвороста и чуть не наступила на нее. «Животное проснулось, подняло голову. Боже мой! Такая маленькая голова, шея тоненькая, а дальше спина, как столб, толстая. Высоко-высоко поднялась голова». Женщина в испуге замахала руками, и «оно пошло, пошло разматываться, сколько там метров было, не знаю, и ушло к морю...»

Эти описания очень похожи на строки из повести Булгакова.

Но на этом встречи не кончились. Примерно там же в 80-е годы акванавты подводной лаборатории «Бентос-300»

Неуклюжее тело с бивнями, похожими на моржовьи, привлекло окрестных жителей на побережье Атаки, Египет. Выброшенное трехдневным штормом в январе 1950 года, существо так и не было идентифицировано учеными

на глубине 100 метров заметили существо, похожее на огромную серебристую змею. Оно промчалось так стремительно, что его не успели сфотографировать.

И еще два свидетельства. Работник Феодосийского райисполкома В. Вельский купался в бухте у мыса Клик-Атлама. Он отплыл от берега метров на сорок, когда увидел впереди себя огромную, в полметра, голову змеи, поднявшуюся над водой. Владимир Михайлович что было сил рванул к берегу и, уже сидя на камнях, наблюдал, как существо еще несколько раз показывалось из-под воды в том месте, где он только что нырял. А рыбинспектор В. Костюков поведал, что в районе Чауды люди некоторое время наблюдали огромное похожее на змею существо, которое гонялось за дельфинами.

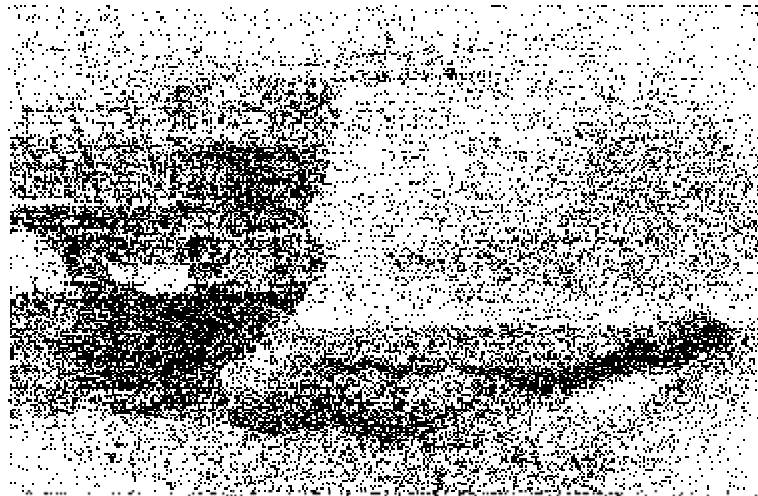
В заключение этого сюжета хочется добавить, что Черное море до сих пор полно загадок и в силу своего геофизического своеобразия может еще преподнести ученым массу загадок.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЯЩЕР «ДЕДАЛА»

Морской змей получил свое научное крещение в Европе от американского чудака, хотя и французского происхождения. Но это не сделало его *persona grata* в научных кругах XIX века. Сотни свидетельств, собранные за океаном, несколько не убедили и человека с улицы. Там, где не верили многочисленным рассказам жителей побережья древней Норвегии, можно ли было рассчитывать на успех потерявшим корни переселенцам из Северной Америки, рассказы об эксцентричности которых переполняли газеты? Свидетельство капитана 19-пушечного военного корабля флота ее величества королевы Виктории Питера Мак-Куа и его команды первым придало неожиданный вес историям о пресловутом морском чудовище, уже в течение нескольких веков гулявшим в народе. Перед точными фактами и неоспоримыми качествами свидетелей даже скептики отступили, по крайней мере в Великобритании.

Корвет «Дедал» прибыл в Плимут из Индии 4 октября 1848 года. Постепенно по порту поползли слухи, что корабль вроде бы встретил между мысом Доброй Надежды и островом Святой Елены морского змея длиной около тридцати метров. По рассказам очевидцев, его видели в течение двадцати минут капитан, большинство офицеров и членов команды. Сообщение об этом вскоре появилось во многих вечерних газетах и даже было напечатано в респектабельной «Таймс», в номере от 10 октября.

Для тех, кто интересуется морским змеем или даже просто обладает здравым смыслом, текст сообщения не мог вызвать никакого подозрения. Часть животного, находившаяся над водой, говорилось в нем, была не более 50 см в диаметре, но «когда змей открывал пасть, полную острых зубов, она казалась достаточно широкой, чтобы в ней стоя поместился человек».

Морской змей прошел прямо под кормой фрегата «Дедал».
Рисунок сделан по наброскам капитана
и еще семи свидетелей

РАПОРТЫ КАПИТАНА МАК-КУА И ЛЕЙТЕНАНТА ДРАЙМОНДА

Адмиралтейство, конечно, было раздосадовано поднявшейся шумихой и потребовало от офицера или официально опровержения, или подробного доклада. В ответ капитан Мак-Куа направил адмиралу сэру Гейджи следующее письмо, написанное сухим, административным языком и представляющее факты в их прозаической простоте, но не становящиеся от этого менее захватывающими:

«Корвет «Дедал», 11 октября 1848 г.

Сэр, этим посланием я отвечаю на Ваше письмо, датированное сегодняшним днем, в котором Вы просите от меня объяснений по поводу сообщения появившегося в газете «Таймс», согласно которому экипаж корвета флота ее величества «Дедал», находящегося под моим командованием, на пути из Вест-Индии видел морскую змею необычайно больших размеров. Имею честь Вам сообщить, что в 5 часов пополудни 6 августа мы находились в точке с координатами 24°14' южной широты и 9°22' восточной долготы. Было пасмурно и облачно, с сильным северо-западным ветром и крупной зыбью с юго-запада. Корабль шел курсом норд-ост-норд, когда гардемарин г-н Сарторис заметил какой-то необычный объект, быстро приближавшийся к кораблю, пересекая его курс. Он сразу же доложил об этом вахтенному офицеру лейтенанту Эдгару Даймонду, который вместе со штурманом Уильямом Барретом и мной находился на палубе.

Объект, привлечший наше внимание, напоминал огромную змею, голова и плечи которой возвышались над поверхностью воды почти на 1 м 20 см. Часть змеи на поверхности воды была длиной, по крайней мере, 18 метров. Казалось, что никакая видимая ее часть не служила для передвижения по воде, не было видно ни вертикальных, ни горизонтальных колебаний. Змея проплыла мимо с очень большой скоростью, но так близко от кормы, что если бы это было какое-нибудь знакомое мне морское животное, я без труда бы узнал его даже невооруженным глазом. Не

приближаясь к кораблю, не миновав его и не удаляясь, неизвестное существо ни на градус не отклонилось от своего курса, по которому оно двигалось со скоростью от 12 до 15 миль в час (22–27 км в час), как будто с какой-то определенной целью.

Диаметр змеи был сантиметров 40–50 сразу за головой, которая имела, несомненно, змеиные черты. Ни разу за те двадцать минут, что она была в поле зрения наших биноклей, она не скрылась под водой. Цвет ее был темно-коричневый сверху и бело-желтый на горле. У нее не было плавников, но что-то напоминающее лошадиную гриву или скорее охалку водорослей плавало за ее спиной. Змею также видели боцман и рулевой, кроме меня и вышеназванных офицеров.

По наброскам, сделанным сразу же после встречи, я сейчас рисую портрет змеи и, надеюсь, он будет закончен к тому моменту, когда это письмо будет отправлено по почте в Адмиралтейство.

Питер Мак-Куа, капитан корабля».

Когда письмо было 13 октября опубликовано в «Таймс», британскую публику, обычно флегматичную и невозмутимую, охватил лихорадочный интерес. Подумать только: если офицеры флота ее величества, желающие продолжать свою карьеру, без тени сомнения сообщают в официальном рапорте Адмиралтейству о существовании подобного морского чудовища, возможна ли в этом случае какая бы то ни было ирония? Большинство англичан ответили бы, что нет. Надо было видеть, с каким неистовством джентльмены в цилиндрах, рединготах и бриджах выхватывали у разносчиков номер «Иллюстрированный Лондон ньюс» от 28 октября, в котором были напечатаны изображения неизвестного животного! Они были выполнены профессиональным художником по наброскам и описаниям капитана Мак-Куа и свидетельствам других очевидцев.

Эдвард Ньюмен, главный редактор журнала «Зоолоджист», который так смело встал на сторону гипотезы о существова-

нии морского змея, попытался получить разрешение на публикацию подлинных эскизов капитана «Дедала». Не достигнув в этом успеха – все права на этот документ были у лондонской газеты, – он, однако, смог добыть неизданные до тех пор записи из личного дневника лейтенанта Эдгара Драймонда, который был в момент встречи вахтенным офицером. Этот текст в основном подтверждает рассказ капитана Мак-Куа и даже в чем-то дополняет его.

«Во время вахты с 4 до 6 часов, примерно около пяти, – писал лейтенант, – мы заметили с подветренной стороны необычную рыбу, которая пересекала наш курс за кормой в юго-восточном направлении. Ее голова, которая вместе со спинным плавником только и возвышалась над поверхностью воды, была вытянутой формы, заостряющейся к передней части и приплюснутой в верхней. Длина головы была около 3 метров (эта длина относится, очевидно, ко всей видимой над водой части существа – голове и части шеи) и окружена клоками пены. Плавник находился метрах в шести позади и появлялся время от времени. Капитан утверждал, что видел вроде бы и хвост и еще один плавник, на таком же расстоянии, что и первый. Верх головы и плечи казались темно-коричневого цвета, а нижняя часть головы и нижняя челюсть – светло-коричневые. Существо двигалось прямо, не отклоняясь от направления своего движения, держа голову параллельно поверхности океана, немного выступая из воды и иногда исчезая под волной на короткое мгновение. Оно двигалось со скоростью примерно 12–14 миль в час (22–25 км в час) и в момент максимального сближения находилось от кормы корабля примерно в 100 метрах. Животное было похоже или на огромную змею, или на огромного утря.

Никто на борту до сих пор не видел ничего подобного, настолько это было необычное зрелище. Животное оставалось видимым невооруженным глазом в течение пяти минут, и еще пятнадцать минут его можно было наблюдать в бинокль. Погода в этот момент была облачная и грозные тучи закрывали небо, на море было сильное волнение».

Нет ничего удивительного в том, что лейтенант Драймонд указывает на наличие спинного плавника в отличие от капитана Мак-Куа: то, что один принял за «что-то, напоминающее лошадиную гриву», другой мог воспринять как спинной плавник. Если спинной плавник или гребень состоял из отдельных элементов, он вполне мог походить на гриву.

МОГЛА ЛИ ИДТИ РЕЧЬ О ГИГАНТСКОЙ ВОДОРΟΣЛИ?

Чтобы рассматривать совокупность всех свидетельств, относящихся к этой встрече, следует добавить к уже рассмотренным документам письмо, которое другой офицер «Дедала» отправил десять лет спустя в газету «Таймс», опровергая одного из капитанов торгового флота по имени Фредерик Смит, рассказ которого лондонская газета напечатала 12 февраля 1859 года на первых полосах. Посмотрим, о чем же сообщил капитан Смит?

Капитан пишет, что 28 декабря 1848 года, то есть чуть позднее случая с «Дедалом», его корабль «Пекин» попал в штиль в районе южной Атлантики недалеко от того места, где произошла описанная выше встреча. Он и его люди заметили примерно в 800 метрах очень странный предмет больших размеров. «С помощью бинокля, — говорит капитан, — мы могли явно различить огромную голову и шею, покрытую лохматой, всклокоченной гривой». Экипаж единодушно решил, что это морской змей. Чтобы удостовериться в этом, капитан приказал спустить шлюпку, в которую сели его помощник и четверо матросов. С собой они взяли тонкий длинный линь — «на всякий случай». Нам неизвестны детали того, каким образом чудовище было поймано, но мы узнаем, что охотникам понадобилось около получаса, чтобы доставить пленника к кораблю. С помощью талей, закрепленных на рее, добыча была поднята на борт. «Предмет казался слишком гибким и был сплошь покрыт подобием вьющихся волос длиной до 45 см, так

что только через некоторое время стало очевидно, что это был кусок гигантской водоросли длиной 6 м и диаметром 10 см».

Не будем слишком акцентировать внимание на этой истории. Так же как и не будем обсуждать размеры найденной водоросли. Некоторые бурые водоросли семейства ламинарий в южных морях могут достигать 300 метров и более. В 1886 году капитан Джон Стоун, командир корабля «Клевер», встретил на широте экватора экземпляр *macrocystis pyrifera*, от одного до другого конца которого они плыли более 500 метров. Нечего сказать по этому поводу. Но мне трудно поверить, что капитан Смит отправил своих людей преследовать то, что они приняли за морского змея, вооружив их снаряжением, годным лишь для ловли плотвы. И я сомневаюсь, что матросы с легким сердцем согласились бы отправиться с такими снастями, если бы они хоть немного сомневались относительно природы того, что они должны были поймать. За двадцать лет изучения проблемы морского змея — а половину из них я провел на морском побережье — я ни разу не видел плавающих стволов деревьев, даже с корнями и ветками, бревен, покрытых водорослями, или других подобных предметов, силуэтом напоминавшими то существо, о котором идет речь. Да, и меня иногда охватывало волнение, когда игра волн оживляла какой-нибудь обломок, но при внимательном и продолжительном рассмотрении невозможно их перепутать, тем более если расстояние до предмета не более ста метров. Надо быть или недобросовестным человеком, или очень близоруким, чтобы утверждать обратное.

Отсюда следует, что правда состоит в том, что капитан Смит вскоре понял свою ошибку и решил узнать, что же за предмет он принял за морского змея, и поэтому отправил за ним шлюпку с людьми, приказав выловить его и доставить на корабль. После всего этого он заключил, вероятно, что объект, который ввел его в заблуждение, естественно, мог обмануть и остальных, в частности капитана и команду «Дедала». Что, впрочем, свидетельствует лишь о том, как мало

скромности в этом человеке. Но можно обвинить капитана Смита и в более тяжком грехе, так как, возможно, он совсем и не пережил того, о чем рассказал. Действительно, задолго до него капитан Гарриман с торгового судна «Бразилия» рассказал о том, как стал героем похожей истории. Если быть точным, это случилось 24 февраля 1849 года, то есть почти два месяца спустя после случая с «Пекином», но Гарриман не стал ждать десять лет, чтобы об этом поведать. Его сообщение появилось в номере лондонской «Сан» от 9 июля 1849 года.

Описания происшествий, данные Смитом и Гарриманом, настолько похожи, что нам простительно заподозрить одного в том, что он списал у другого. Маловероятно, чтобы два торговых судна попали в штиль почти в одном и том же месте, в один и тот же сезон (лето для южного полушария 1848–1849 года); что оба капитана заметили примерно в полумиле от корабля что-то, что они приняли за морское чудовище; что была послана шлюпка в погоню; что они оба удостоверились в том, что речь идет о пучке гигантских водорослей, когда добыча была поднята на борт; и наконец, что они оба выбросили их, не дойдя до берегов Англии, — это конечно слишком замечательная цепь совпадений.

Что отличает приключение капитана Гарримана от случая капитана Смита, так это то, что первый отправился на встречу с предполагаемым чудовищем, сам вооружившись солидным гарпуном, и убедился в ошибке, уже подплыв на более короткое расстояние. Эти детали придают рассказу Гарримана отпечаток правдивости, на что повествование капитана Смита не может рассчитывать.

Как бы то ни было, но то, что кто-то попал пальцем в небо, еще не означает, что обжегшись на молоке, надо дуть на воду. Сам капитан Гарриман не решился сделать тех обобщенных выводов, к которым с легкостью пришел его коллега Смит: то есть заявить, что морской змей, встреченный экипажем «Дедала», — тоже, и без всякого сомнения, просто пучок водорослей.

ТРЕТЬЯ ДЕТАЛЬ В НАШЕ ДОСЬЕ

Это наглое нападение на морского змея со страниц «Таймс» сразу же получило энергичный отпор в виде нижеприведенного письма главному редактору: «Я прочитал в вашей вчерашней газете сообщение, касающееся животного, называемого в обществе «морским змеем». Из него вытекает заключение, что предмет, наблюдавшийся с борта корабля «Дедал», был не чем иным, как морской водорослью. Я имею честь решительно заявить, что объект, встретившийся на пути корабля флота ее величества, был живым существом, которое передвигалось с большой скоростью в воде против движения волн и под углом к очень свежему ветру. Скорость его была такой, что грудь его поднималась из воды, когда он несся, делая не менее 10 миль в час (18 км в час).

Первым желанием капитана Мак-Куа было повернуть и начать его преследование. Но, оценив ситуацию, он понял, что мы не сможем ни пересечь ему путь из-за направления ветра (не забывайте, что речь идет о парусном корабле), ни догнать его, принимая во внимание его скорость. Нам не оставалось ничего другого, как наблюдать за ним в бинокли как можно дольше, пока он приближался к нам и затем удалялся. В момент наибольшего сближения с кораблем он находился не далее чем в 200 метрах, его глаз, пасть, ноздри, цвет и форма могли быть ясно различимы всеми находившимися на борту.

Мы все были поражены тем, что увидели, хотя среди нас были моряки, которые уже по тридцать–сорок лет занимались этим ремеслом, избороздили большую часть морей и океанов и повидали разных чудес. Капитан первый воскликнул: «Это, должно быть, животное, которое называют «морским змеем», и к этому выводу мы все присоединились.

Со своей стороны, могу сказать, что мне он показался больше похожим на ящерицу, чем на змею. Его движение было прямолинейным и равномерным, как если

бы движущей силой были лапы или плавники, а не колебания тела.

Начиная с того момента, как мы его увидели, и до того, как он скрылся из поля зрения, прошло минут десять, мы ведь двигались в противоположных направлениях, а ветер свежел и волнение усиливалось».

Под письмом стояла подпись: «Офицер корвета «Дедал».

Этим письмом заканчивается ряд свидетельств в деле морского змея «Дедала». Все три свидетельства сходятся в основных чертах при описании встречи с неизвестным животным. То, что они немного различаются, описывая само существо, совершенно естественно. Когда капитан Мак-Куа говорил о животном, похожем на «огромную змею», он наделял ее и чем-то вроде «плеч»; лейтенант Драймонд, более осторожно говорил, что оно ему напоминает большую змею или огромного утря, а безмянный офицер считал, что существо больше походило на ящерицу. В этом нет никакого противоречия: речь ведь идет о животном, которое со стороны могло напоминать змею, но необязательно должно было ею быть.

В «Литерери газетт» от 21 октября 1848 года какой-то эрудит не упустил возможности напомнить произведения Понттопидана и привести обширные выдержки из его классического труда о морском змее вместе с сопровождавшими их иллюстрациями и сделать следующие выводы:

«Нам остается только подчеркнуть бросающееся в глаза сходство описаний капитана Мак-Куа и Понттопидана. Можно подумать, что храбрый капитан прочитал старого датчанина и скопировал его, так похожи его описание и темно-коричневой головы, и светлого горла, и шеи, покрытой чем-то, напоминающим лошадиную гриву или пучок водорослей, все это почти в одних и тех же выражениях с древним историком».

Корреспондент английской литературной газеты указывал, надо отдать ему должное, и на отличия в рассказах капитана Мак-Куа и Понттопидана: «Движения животного не были извивающимися или змееобразными! Для этого оно должно было обладать мощными лапами? Должно же было что-то приводить его в движение».

СБОР СИЛ И УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ

Публикации, касающиеся «дела «Дедала», вызвали самую различную реакцию в обществе, часто диаметрально противоположную. Внезапно появилось множество сообщений, подтверждающих существование морского змея, но также и новые грубые мистификации. Пока одни натуралисты искали объяснение этой встрече среди уже известных представителей морской фауны, другие бросились на поиски самых невероятных гипотез природы таинственного зверя. Неожиданно морской змей снова вошел в моду.

Во-первых, прочитав сообщения уважаемых в обществе очевидцев, развязали языки те, кто до сих пор публично не решался рассказать о своих наблюдениях. Из архивов были извлечены многие свидетельства, уже опубликованные ранее, но оставшиеся похороненными под толстым слоем недоверия, пренебрежения и насмешек. Оказалось, что не первый раз офицеры британского военного флота свидетельствовали в пользу существования сказочного чудовища. В 1820 году, как вы уже знаете, это был лейтенант Сандфорд с «Леди Комбермер», затем, в 1826 году — капитан Фредерик Бичи с «Блоссом», в 1829-м — капитан Петри с «Ройял Саксон», в 1833 году — четверо офицеров и штабной интендант, расквартированные в Канаде, и, наконец, между 1836 и 1840-м — лейтенант корабля «Флай» Джордж Хоуп, с которым мы еще встретимся в дальнейшем. А как можно поставить под сомнение слова доктора Дэвидсона, главного хирурга вспомогательных сил Нагпура в Индии, находившегося на «Ройял Саксон» во время встречи со змеем?

Все это было очень убедительно, во всяком случае с точки зрения британцев. Однако даже небольшая мистификация могла бросить новое подозрение на сам факт существования морского чудовища, в реальность которого уже все почти поверили.

Едва сообщение капитана Мак-Куа было опубликовано, как через неделю в «Глоуб» появилось письмо, датирован-

ное 19 октября предыдущего года и посланное с якорной стоянки около Глазго неким Джеймсом Хендерсоном, капитаном судна «Мэри Энн». Этот капитан утверждал в нем, что 30 сентября встретился на рейде Лиссабона с капитаном брига из Бостона «Дафна» Марком Трелони, который ему рассказал, что за десять дней до этого в точке с координатами 4 градуса 11 минут южной широты и 10 градусов 15 минут восточной долготы он заметил «огромного змея с головой дракона», в которого он разрядил с расстояния 40 метров пушку, поспешно заряженную гвоздями и мелкими металлическими предметами. Тварь, длиной около 100 футов (около 30 метров), выразила свое недовольство бешеными извивами тела, а затем удалилась со скоростью 15–16 узлов (27–28 км в час)!

Когда «Таймс» легкомысленно опубликовала это сообщение, один из читателей с тонким чутьем, подписавшийся «Н. W.», ехидно заметил, что капитан Хендерсон забыл сказать, как «Дафне» удалось пройти за 10 дней от берегов Гвинеи до Лиссабона расстояние в 8000 километров. Для этого потребовалось бы идти с невероятной для того времени скоростью порядка 20 узлов (37 км в час)!

«Вероятно, — предположил насмешник, — морской змей взял бриг на буксир».

Эта публикация поставила под огонь критики, совершенно несправедливой и, возможно, злонамеренной, и свидетельство капитана Мак-Куа.

Проведенное расследование показало, что не было никакой «Мэри Энн», а также и капитана Хендерсона в Глазго последние несколько месяцев, а вся история оказалась провокацией. Конечно, эта грубая шутка поколебала уверенность некоторых людей, уже поверивших в существование змея «Дедала». Но капитан Мак-Куа и его офицеры не были плодом воображения порочного ума, и можно с уверенностью надеяться, что не будут, фигурально выражаясь, свалены в одну кучу с «капитанами-фантомами» и их «кораблями».

ОФИЦИАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ СЭРА РИЧАРДА ОУЭНА

Даже в то время хорошо информированные люди не могли, конечно, ставить под сомнение наличие корвета «Дедал» и его офицеров: это то же самое, что в наши дни сомневаться в существовании крейсера «Джон Барт» и его экипажа. Но ошибки, например д-ра Коха, и грубые розыгрыши, подобные истории с «Дафной», которая была только последней из целого ряда подобных, сделали некоторых ученых недоверчивыми. Так, когда стали появляться на свет свидетельства британских моряков, именно их соотечественник, знаменитый зоолог-анатом сэр Ричард Оуэн встал во главе разнузданной кампании выступлений против морского змея.

Сорокалетний Оуэн пользовался в то время громадным авторитетом в ученых кругах благодаря своим блестящим работам. Но он бесстыдно воспользовался своим авторитетом, чтобы категорично пресекать все вопросы и предположения, касающиеся зоологии. Он взял на себя роль папы римского в этой области науки. Его участие в травле Дарвина и его теории эволюции дает представление об уровне консерватизма его ума.

Естественно, большинство сторонников Оуэна обратились к нему, чтобы услышать «святое» мнение светила зоологии по делу морского змея «Дедала». Среди них оказался и один знаменитый писатель, увлеченный наукой, которому мэтр ответил пространным и подробным письмом. Но так как к нему обращались со множеством подобных просьб, Оуэн предложил «Таймс» опубликовать это письмо как ответ всем заинтересованным читателям.

Письмо сопровождалось рисунком, которое газета не воспроизвела, но подробно описала в следующих выражениях: «Это изображение головы животного, увиденного капитаном Мак-Куа, венчающей тело огромного тюленя, погруженного в воду, и завихрения воды сзади, оставленные работой задних ласт».

Но вернемся к самому письму. Мы процитируем здесь только отрывок, правда, довольно большой, относящийся к личному мнению сэра Ричарда об идентификации животного, встреченного экипажем «Дедала»: «Рисунки как будто подсказывают нам очевидный ответ на ваш вопрос – чудовище, увиденное людьми с «Дедала», не что иное, как ящер?» Если бы это был верный ответ, он придал бы этому происшествию налет романтизма и оказался бы самым приемлемым вариантом для тех, кто предпочитает плоды возбужденного воображения строгой логике рассуждения.

Я сам бы получил большое удовольствие от открытия неизвестного редкого животного, но чтобы получить повод для радости, требуется выполнение некоторых необходимых условий. Среди них должны быть убедительные доказательства его существования или хотя бы указания на них. Я также далек от того, чтобы ставить под сомнение информацию, которую капитан Мак-Куа предоставил нам об увиденном. Если ее проанализировать соответствующим образом, она ставит это явление в довольно узкие рамки, но мое знание животного мира позволяет мне сделать совершенно другие выводы, по сравнению с теми, что бравый капитан поспешно высказал публично.

Он, конечно, видел движущееся в воде большое животное сильно отличавшееся от тех, которых он когда-нибудь знал ранее. Это не был ни кит, ни дельфин, ни большая акула, ни аллигатор (стоит заметить, что аллигатор, плывущий по поверхности воды в открытом океане, действительно необычный феномен), ни какое-то другое большое морское существо, какое можно встретить во время морских путешествий. Капитан пишет: «Наше внимание привлек объект, напоминавший огромную змею (читайте – животное), голова и плечи которого поднимались на 4 фута над поверхностью воды. Диаметр змеи (животного) составлял от 40 до 50 сантиметров сразу же за головой, цвет ее был темно-бурый и бело-желтый на горле». Не было никаких плавников (капитан утверждает, что их не было, но, по его же словам,

он не видел большую часть тела животного и, следовательно, не имеет права настаивать на этом). «Что-то похожее на конскую гриву или, скорее, на пучок водорослей развевалось у него за спиной. Ничто на видимой части тела не служило для движения в воде, существо не совершало колебаний ни в вертикальной, ни в горизонтальной плоскостях». Оценка длины животного была сделана исходя из подобия неизвестного животного змее. Однако змея была бы последним видом животного, которое назвал бы опытный натуралист, глядя на форму и черты головы на рисунках капитана Мак-Куа переданных в Адмиралтейство и опубликованных в «Иллюстрейтед Лондон ньюс» 28 октября 1848 года.

Капитану существо сразу же напомнило змею, но при пристальном наблюдении части тела, находившейся над водой, не было обнаружено ни малейших колебаний его, в то время как подобные движения являются характерной особенностью, отличающей морских змееобразных от представителей других видов морских обитателей. Поэтому выводы, сделанные относительно длины тела животного – «около 18 метров» – на основании его принадлежности к морским змеям, кажутся мне наименее соответствующими действительности и являются неприемлемыми при попытке правильно определить природу животного.

Признаки, о которых можно с уверенностью говорить, следующие: голова с выпуклым черепом средних размеров, морда короткая и тупая, разрез пасти не выходит за линию глаз, маленьких и круглых, почти скрытых в складках кожи; цвет темно-коричневый в верхней части и бело-желтый снизу; кожный покров гладкий, без чешуи и роговых пластин; нет никаких других особенностей твердой и голой на вид кожи. Форма ноздрей не упоминается, но, судя по рисунку, они находятся на конце носа или морды.

Все эти признаки характерны для млекопитающего, существа теплокровного, и ни один из них не подходит к

змеям или рыбам, существам холоднокровным. Продолговатое тело, темно-коричневое, не извивающееся, без очевидных спинных плавников, с «чем-то похожим на конскую гриву на спине». Знание о кожном покрове имеет очень большую важность для зоолога при определении класса, к которому может принадлежать описанное выше существо. Из приведенного описания можно вывести, что существо обладает шерстью, которая слишком короткая и частая на голове, чтобы ее можно было различить, и становится видимой там, где она обычно длиннее — на загривке или верхней части спины. В свете приведенных рассуждений животное скорее не китообразное, а большой тюлень».

МОРСКОЙ СЛОН С РАСТАЯВШЕЙ ЛЬДИНЫ?

«Но, — продолжает свои рассуждения профессор Оуэн, — какой тюлень таких или любых других размеров мог встретиться на 24 градусах 44 минутах южной широты и 9 градусах 22 минутах восточной долготы, то есть примерно в 300 милях от западного берега южной Африки? (В действительности эта точка находится в 300 милях от берега, но в 1000 милях от южной оконечности континента. — Прим. авт.) Животное, которого мы можем встретить в этих водах, принадлежит к самому большому из ушастых тюленей и известно китобоям под именем «морской слон» или *Phoca proboscidea* и достигает длины 6–9 метров. (В своей работе авторитетный современный ученый Виктор Б. Шеффер (1958) приводит данные о самом большом из зарегистрированных экземпляров морского слона — 22 фута (около 6 м 70 см, включая и задние ласты. — Прим. автора). Эти огромные тюлени обитают в больших количествах на антарктических островах, и некоторые особи иногда дрейфуют вместе с айсбергами. Прошедшей весной в Лондоне показывали экземпляр молодого представителя *Phoca proboscidea*, который был пойман в подобной ситуации. Его плавучий ледяной дом течениями отнесло далеко на север в

сторону мыса Доброй Надежды, где временное убежище начало быстро таять.

Когда крупный экземпляр *Phoca proboscidea* или *Phoca leonina* таким образом удаляется от родного берега, он вынужден периодически возвращаться на свое временное пристанище для отдыха после ежедневных плаваний в поисках рыбы и кальмаров, служащих им пищей. В таких случаях животное может быть снесено течением до широты мыса Доброй Надежды или даже еще севернее, пока ледяная гора полностью не растает. После чего несчастное животное вынуждено пуститься вплавь в поисках берега и плыть до полного истощения сил. Я подозреваю, что именно в таком затруднительном положении находилось существо, которое г-н Сарторис заметил быстро приближающимся к «Дедалу». Оно, несомненно, надеялось получить возможность для отдыха, приняв корабль за плавучий остров. При таком повороте событий животное должно было высоко держать над водой голову, имеющую форму и цвет, описанные и изображенные на рисунках капитаном Мак-Куа, и размещенную на шее, диаметр которой совпадает с приведенными размерами. Мощная шея продолжается негибким телом, шерсть которого, более длинная и редкая, могла создать впечатление «конской гривы». Органы, приводящие животное в движение, не могли быть видны: грудные ласты находились глубоко под водой, а основную долю в передвижение вносят задние ласты и хвост, также находящиеся под водой и создающие тот характерный след, который легко мог быть принят за продолжение тела наблюдателем, встретившим незнакомое животное и принявшим его за морскую змею.

Более чем вероятно, что никто на борту «Дедала» никогда ранее не видел гигантского тюленя, свободно плавающего в открытом океане. Появившись внезапно в этой обширной водной пустыне, обычно необитаемой, подобное животное представляло собой странное и захватывающее зрелище и вполне могло быть принято за чудо. Но возможности человеческого воображения оказались довольно ограничены, и во всех случаях, когда настоящий

прототип «великого Незнакомца» становился известен, это оказывались или стая резвящихся морских свиней, или пара огромных акул. Гривастый морской змей Понтопидана считался в высшей степени плохим предзнаменованием до того момента, как завеса тайны была поднята».

Так профессор Оуэн объяснил происхождение чудовища, встреченного экипажем «Дедала». Надо, однако, признать, что сам он неточно придерживается своей версии в изложении фактов: «Я не уверен на сто процентов, — продолжает он далее, — что мое объяснение увиденного моряками феномена является единственно верным. Я отдаю себе отчет в том, что при столь сильном волнении, какое описано очевидцами, и при той большой скорости передвижения животного невозможно получить достаточных сведений для точного определения вида живого существа. Принимая во внимание только те детали, которые можно с уверенностью признать достоверными, любой зоолог может только определить класс неизвестного животного, и это, очевидно, не китообразные и не морские змеи».

Несмотря на упорное желание великого анатома отнести рассматриваемое животное к известному виду, его рассуждения не лишены известной изобретательности и некоторые его доводы необходимо признать разумными. Но сэр Ричард решил продолжить свое послание и попытаться доказать невозможность в принципе существования морского змея. Иначе якобы должны были быть найдены какие-нибудь вещественные его признаки, в виде останков — то ли ископаемых, то ли современных. Профессор придает этому негативному доводу, в котором мы усматриваем явную бессодержательную пресыщенность, больший вес, чем всем сообщениям людей, которые видели одного из этих чудовищ собственными глазами. Свое письмо он заканчивает следующим ошеломляющим аргументом: «Можно собрать больше свидетельств очевидцев в пользу существования привидений, чем морского змея».

ОТВЕТ КАПИТАНА МАК-КУА

Капитан Мак-Куа не оставил без внимания саркастические проповеди знаменитого ученого. Он обмакнул в чернила свое гусиное перо, и 21 ноября 1848 года в «Таймс» появился его энергичный ответ на критику: «Профессор Оуэн совершенно справедливо утверждает, что я ясно видел движущимся в воде большое животное, отличающееся от всех, прежде виденных мной. Это был не кит, не дельфин, не большая акула, не аллигатор и никакое другое из крупных созданий, которые можно иногда встретить в обычном плавании на поверхности океана. Со всей ответственностью я утверждаю, что это ни в коем случае не мог быть простой ушастый тюлень или морской слон. Его большие размеры и необычная голова исключают возможность, чтобы он оказался представителем рода *Phoca*. Существо имело плоскую голову, а не «широкую и выпуклую», и у него не было «твердое и негибкое» тело, как поспешно заключил уважаемый профессор Оуэн. Это не подтверждается и простым утверждением, что ничто на видимой нами 18-метровой части тела не служило для передвижения в воде.

Он также утверждает, что оценка длины тела существа была сделана на основании сравнения его со змеей, но и это замечание противоречит фактам. Только после того как животное приблизилось к кораблю на минимальное расстояние и после внимательного его рассмотрения и бурного обсуждения, насколько это возможно было сделать за тот небольшой промежуток времени, который у нас был, мы пришли к выводу, что это змея. Для тех, кто привык определять расстояния и величину предметов в море, не представляет труда на такой незначительной дистанции распознать истинное состояние объекта и не спутать его с гигантским тюленем, который, по словам профессора Оуэна, принял корабль за свой растаявший айсберг.

Возможно, что воображение человека достаточно ограничено. Поэтому не случайно я сразу же сделал наброски. Моим единственным желанием было предоставить в руки натуралистов, таких, как уважаемый профессор, точные

факты, а не какие-то преувеличения, вызванные оптическим обманом. Я прошу мне поверить, но тот факт, что старый Понтопидан украсил своего змея тривой, не мог дать мне идею прибегнуть к подобному приему, так как я до своего возвращения в Лондон не читал его трудов и не слышал о его морском змее. Таким образом, чтобы объяснить это чудесное совпадение в наших наблюдениях, надо поискать другие объяснения.

Также я отрицаю возможность какого-то ни было чрезмерного возбуждения или оптического обмана. Что касается формы, цвета и размеров животного, то я изложил их в своем рапорте адмиралтейству и настаиваю на них как на фактах, по которым ученые могли бы потренировать свое воображение до тех пор, пока более благоприятный случай не позволит нам ближе познакомиться с «большим Незнакомцем», который совершенно очевидно не является привидением».

НИ ГЛУБОКОВОДНАЯ «ПЛАВАЮЩАЯ ПАСТЬ», НИ ДРЕЙФУЮЩИЙ ПИТОН

После такого форменного разгрома профессора Оуэна нельзя однако считать, во всяком случае, по всем позициям, что победа осталась за капитаном Мак-Куа в его матче против ученого мужа. Капитан, конечно же, не мог принять за целое животное только его часть, расположенную над поверхностью воды, тем более, такой опытный моряк не мог сделать выводы о размерах животного произвольно, лишь продолжив видимую часть тела под воду. Хотим мы этого или нет, никогда морской слон, даже чудовище 9 метров длины, не могло бы выставить из воды часть тела в два раза большую! Но, с другой стороны, еще менее вероятно, что змееподобное существо, увиденное бравым моряком, могло быть настоящей змеей. Ни ее способ перемещения в воде, ни форма и черты ее головы не позволяют допустить такую возможность.

Но тогда кем мог быть этот таинственный незнакомец? Рассмотрим сначала некоторые предположения, сделанные в то время анонимным корреспондентом одной из лондонских газет. Этот человек ставит следующие вопросы: во-первых – не мог ли этот монстр быть одним из взрослых представителей *Saccopharynx flagellum* д-ра Митчела или *Ophiognathus ampullaceus* д-ра Говарда? Это та гипотеза, которая очень понравилась журналистам и была наиболее широко ими распространена в прессе. Нет ничего более верного для того, чтобы убедить в чем-нибудь общественность, как представить самое нелепое из доказательств. Напомним сразу же, что под этими научными названиями скрываются близкие родственники глубоководных рыб с червеобразными телами и пастью такой огромной, такой безразмерной и чудовищной, что они могут за раз проглотить добычу, в сорок раз превосходящую их по весу. Однако эти «плавающие пасти» глубин не превышают двух метров в длину. Даже если бы существовал гигантский экземпляр этой твари, в десять раз больше обычного, его необычный вид сразу же привлек бы внимание и не было бы допущено ошибки.

Подобное предположение, вероятно, исходило от профана, который мог случайно услышать о существовании подобных странных существ и немедленно применил свои «познания» к завязавшейся дискуссии вокруг дела «Дедала».

Другой такой же любитель-натуралист выдвинул гипотезу, что речь могла идти о какой-нибудь гигантской наземной змее унесенной в море. Действительно, Лансдаун Гильдинг в декабрьском номере «Зоологического журнала» за 1827 год приводит случай, когда огромный удав боа констриктор оказался у берегов острова Св. Винсента, из группы малых Антильских островов. Он был принесен ветрами и течениями вместе с деревом, вероятно, вырванным с корнем во время бури на берегу одной из южноамериканских рек, которое он обвил своим телом. Отметим, что Антильские острова находятся в 300 километрах от ближайшего конти-

нента. Морской змей «Дедала» был замечен в 500 километрах от африканского берега. Не мог ли это быть гигантский питон, унесенный с черного континента?

Конечно, мы знаем, что питоны — отличные пловцы, и были случаи, когда их видели в нескольких десятках километрах от берега на больших африканских озерах и даже в море, но я сомневаюсь, что они способны совершить большое путешествие в океане. Во-первых, он не может утолять жажду в соленой воде, с другой стороны, у него нет органов для стабилизации тела и беспрепятственного передвижения в постоянно волнующихся водах открытого моря. Морские змеи имеют для этой цели сплюснутый с боков хвост, которым они пользуются как рулем при плавании в горизонтальной плоскости, и его боковые колебательные движения создают движущую силу. Без сомнения, можно считать с уверенностью, что в нашем случае питон не мог плыть своими силами в открытом океане. Так же, как и морской слон Оуэна, предательски увлеченный в океан своим растаявшим айсбергом. Он мог бы лишь проплыть некоторое время, зацепившись за какой-нибудь обломок дерева, а затем продолжить путь своими собственными силами и в этот момент встретиться с кораблем.

Все так. Но в любом случае — мы уже об этом упоминали, — у неизвестного животного голова не была приплюснутой и треугольной как у питона. В этом ругаются различные очевидцы. Кроме того, питоны, самые крупные известные экземпляры которых (*Python reticulatus*) не превосходили 10 метров, имеют характерный яркий рисунок на коже, который невозможно не заметить. Наконец, они плавают, извиваясь в горизонтальном направлении, что не наблюдалось в нашем случае.

УЧЕНЫЙ СПОР ВОКРУГ ГИПОТЕЗЫ О ПЛЕЗИОЗАВРЕ

Прямолинейное движение монстра сбивало с толку всех, кто хоть немного знаком с анатомией. Уже выдвигались вер-

сии, что он обладал большими лапами, ведь что-то должно было его толкать вперед! Один из корреспондентов «Иллюстрейтед Лондон ньюс» подписавшийся «F.G.S.» (эти инициалы могли означать Fellow of the Geological Society, т.е. член Геологического общества, решивший остаться анонимным), сделал самые смелые выводы из описания капитана Мак-Куа: «Самая большая трудность, встающая перед исследователем и способная свести на нет любую аналогию между движением предполагаемого «морского змея» и любого известного змеевидного существа или угревидной рыбы, состоит в том, что наблюдатели видели, по крайней мере, 18 метров тела, перемещавшегося со скоростью 12–15 миль в час, и не заметили при самом пристальном наблюдении с очень небольшого расстояния никакого колебательного движения, которому можно было бы приписать движущую силу. Едва ли необходимо говорить, что ни змея, ни угорь не могут передвигаться в воде с высоко поднятой головой, а также плыть без того, чтобы передняя часть их тела не извивалась под действием колебаний хвоста.

Но тогда, если животное увиденное капитаном Мак-Куа, не было ни морской змеей, ни угрем, то к какому классу оно могло принадлежать? На это я могу сказать, что огромная рептилия могла бы принадлежать, несмотря на всю невероятность этого, к гигантским ящерам, считавшимся до сего времени вымершими, а конкретно — к плезиозаврам.

По своему анатомическому строению, которое нам известно по изучению ископаемых останков, эти животные могли поднимать из воды головы на длинных шеях (которые могли быть похожи на змеиные), в то время как передвигались они при помощи огромных ластов, находящихся под водой, а короткий но мощный хвост служил им рулем. Хотелось бы подчеркнуть, что реконструкции учеными этих доисторических ископаемых ящеров удивительно совпадают с описаниями неизвестного животного, сделанными очевидцами с борта «Дедала». В них много внешне совпадающих деталей, о которых можно судить по остаткам окаменевших скелетов. Короткая голова, змеевидное тело с несколькими лапами, расположенными ниже поверхности

воды, все это вызывает назойливую мысль о давно исчезнувшем животном. Даже развевающаяся грива, не похожая ни на что подобное у змей, имеет свой аналог в гребне игуан, которых палеонтологи считают родственниками доисторических ящеров. Но я хотел бы обратить особое внимание на характер движения животного. Наблюдаемую прямолинейность и скорость передвижения могли обеспечить только огромные ласты, которых у змей нет, но которыми обладали плезиозавры».

Мы уже знаем, что идея скромного «F.G.S.», согласно которой «морской змей» является гигантским ящером, считавшимся вымершим, не нова, и даже конкретно имели место ссылки на плезиозавра.

Несколько десятилетий назад гигантские доисторические рептилии уже были в большой моде, и наш «F.G.S.» имеет знаменитых предшественников в лице Роберта Бакуэлла, профессора Силлимена, д-ра Ратла, Эдварда Ньюмена и д-ра Когсуэлла. Впрочем, и многие другие наступали им на пятки на этом пути. Доводы, выдвигаемые ими, были, да и сейчас остаются, самыми популярными среди сторонников существования морского змея.

Они исходят из того, что из всех известных представителей животного мира плезиозавры как раз те существа, чей силуэт наиболее отвечает описаниям монстра «Дедала», если обобщить детали различных свидетельств. Морское чудовище действительно имеет бочкообразное тело, передвигается при помощи четырех мощных ластов, у него маленькая змеиная голова на длинной тонкой шее и мощный хвост, возможно, снабженный ромбовидным плавником, расположенным, естественно, вертикально. В общем, за исключением этих лап, похожих на конечности черепахи, он должен производить впечатление змеи, проглотившей бочку. Но змея должна быть огромной, так как его длина достигает в некоторых случаях 13 метров!

Такие черты, кажется, являются общими как для морского змея из Норвегии, так и из Новой Англии.

Увы! Если за плезиозавра приняли змею, проглотившую бочку, то эта змея слишком прожорлива, ее обед

проскользнул слишком далеко, и хвост плезиозавра оказался как раз нужной длины. Из многочисленных описаний морского змея следует, по крайней мере по д-ру Удемансу, что хвост существа составляет половину общей длины. А у плезиозавра хвост занимает не более пятой части длины тела.

Если же предположить, что речь действительно идет о плезиозаврах, которые жили в юрский период, то детали описаний указывают скорее на его «внучатого племянника» эласмозавра из следующей геологической эпохи. Конечно, шея этого представителя рода плезиозавров была еще длиннее, чем у его предка, но зато хвост еще более уменьшился и составлял уже почти 1/7 длины тела.

К этой эволюционной черте пришли все морские ящеры группы *Sauropterygiens* к началу мелового периода на пути гигантомании...

Нотозавры третичного периода, самые вероятные предшественники плезиозавров, были небольшими земноводными ящерицами едва больше метра в длину. В юрском периоде плезиозавры, уже полностью адаптировавшиеся к морской жизни, имели представителей от 3 до 5 метров и разделились на две главные ветви: на *Pliosaroides* с короткой шеей, но с удлинённой и крупной головой, и на *Plesiosauroides* с длинной, наоборот, шеей, но короткой и маленькой головой. К концу мелового периода первая линия достигла вершины своей эволюции в виде ужасного кронозавра из Квинсленда, с огромным черепом длиной около 3 метров при общей длине 13 метров. Вторая ветвь завершилась эласмозавром из Канзаса, который при почти таких же размерах тела имел череп, не превышавший 25 сантиметров.

Если верить Удемансу, большой морской змей имеет размеры от 15 до максимум 50 метров (о 75 метрах говорят некоторые экзальтированные очевидцы, но подавляющее большинство оценивает величину существа гораздо скромнее). Размеры плезиозавров не превышали 13 метров даже к концу мелового периода. Но если бы эволюция их вида продол-

жалась до нашего времени, не стали бы они еще более огромными и длинными? Не стали бы они похожи в конце концов на нашего морского «великого Незнакомца», который воплощает логическое и нормальное развитие специализации морских ящеров?

Подобные вопросы не вставали в 1848 году, поскольку идеи Ламарка были еще малопопулярны и даже непризнаваемы, и Дарвин еще не опубликовал свой основной труд. Но уже и в то время выдвигались серьезные возражения против самой возможности выживания гигантских ящеров мелового периода до наших дней. Каждому свое, и позволим сэру Оуэну представить нам аргументы, на которых основывались эти возражения. Для этого процитируем другой отрывок из его пресловутого открытого письма относительно морского змея «Дедала»:

«Морские ящеры мелового геологического периода были заменены в третичных морях морскими млекопитающими. Как никаких останков китообразных не найдено в отложениях юрского периода, так и никаких останков плезиозавров, ихтиозавров или других рептилий мелового периода нет в эоцене или с конца третичного периода до наших дней. Выводы, которые можно сделать из этого факта, подтверждаются полным отсутствием любых следов их останков в третичных слоях.

Спросим себя — если бы животные, заслуживающие названия «морской змей», существовали, или какой-нибудь морской ящер мог продолжать жить в наше время, могло ли случиться так, что никаких останков подобных рептилий не было найдено до сих пор? Это мне кажется менее вероятным, чем то, что люди могли ошибиться, наблюдая промелькнувшее животное, полускрытое под водой и плывущее с большой скоростью. Оно могло показаться странным только с их точки зрения. Иначе говоря, отрицательное доказательство, состоящее в полном отсутствии недавних останков морского змея, кракена или эналиозавра, должно иметь большее значение на весах общественного и научного мнения, чем категоричные утверждения любых очевидцев».

МОРСКИЕ ЯЩЕРЫ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ИСЧЕЗЛИ

Внимательный читатель может заметить, что аргументы сэра Ричарда основаны, по его же словам, на спорных фактах. Он считает, что его негативное доказательство больше весит, чем свидетельства очевидцев. Можно ему совершенно логично возразить, что как раз противоположное мнение верно *a priori*. Если человеческие наблюдения требуют доказательств — чего никто не отрицает — и вследствие этого имеют малый вес, то отрицательные доказательства Оуэна весят меньше, чем ничего.

Совершенно верно то, что никогда, даже после времени Оуэна, не находили в геологических слоях, датированных позднее 70 миллионов лет, ископаемых останков доисторических ящеров: динозавров, ихтиозавров или *Sauropterygiens*. Но это почти ничего не значит, кроме того, что эти виды стали гораздо менее многочисленными в третичный период. Ископаемые останки есть только результат случайности, достаточно редкое совпадение обстоятельств, и открытие окаменелых костей во многих случаях — дело удачи. Во всяком случае, наименее вероятно, без всякого сомнения, находка останков морских существ, обитавших в открытом океане, что потребовало бы раскопок в больших объемах донных отложений.

Мы могли уже много раз убедиться, чего стоят «негативные доказательства» профессора Оуэна. В наши дни известно множество «живых ископаемых», представителей реликтового мира, характерных для видов животных всех эпох, даже самых древних. Выдающийся американский натуралист, Луис Агасси, который ни в малейшей степени не сомневается в существовании морского змея, говорил еще в 1849 году, почему он не видел бы ничего удивительного, если бы открыли живого плезиозавра. Он отмечал, что достаточно часто доисторические виды животных представлены в настоящее время своими близкими родственниками. Такова черепаха *Chelydra serpentina*, большие лягушки и саламандры Северной Америки, даже обычные жуки. В эпо-

ху, когда щуки плавали в реках Западной Европы, в прибрежных водах водились плезиозавры и ихтиозавры. И вообще, разные континенты пережили различные геологические потрясения, и можно о них говорить, что они разного возраста. Отсюда и фауна на них имеет различный возраст. Поэтому животные разных эпох могут быть современниками.

Мы видим, что даже во времена профессора Оуэна ученые, не менее видные, чем он, могли иметь по этому вопросу противоположное мнение.

Были предложены различные гипотезы для объяснения почти полного исчезновения больших групп рептилий в конце мелового периода. Эти все гипотезы в той или иной степени хромают, потому что не объясняют, почему приводимые факторы не подействовали на другие, соседние группы животных, таких, например, как крокодилы или черепахи. Наиболее широко распространена теория изменения климата. Но совершенно очевидно, что морские животные были наименее подвержены этим изменениям. Условия жизни в океане претерпели наименьшие изменения в течение геологической жизни Земли. Даже если поверхностные слои воды изменяли свою температуру со временем, то это могло серьезно отразиться только на неподвижных или малоподвижных видах организмов, которые могли стать жертвами этих изменений. Действительно, даже при достаточно резких изменениях мигрирующие животные или те, кто был просто хорошим пловцом, могли без труда найти в других местах более благоприятные условия для жизни.

Хорошо известно, что как раз плезиозавры не отличались оседлым характером жизни. Это можно определить по едва уловимым признакам, которые легко могут заметить любители таинственных детективов.

Среди окаменевших скелетов плезиозавров часто находят большие камни, тщательно отполированные и закругленные. Ученые долго думали, что они служили для растирания пищи, что большие морские рептилии имели привычку глотать камни, чтобы как жерновами перемалывать

ими пищу, как это делают курицы, используя гравий в своем зобу. Плезиозавры, однако, являются родственниками крокодилов. Исследуя жизнь крокодилов Уганды, д-р Хьюго Котт пришел к выводу, что крокодилы заглатывают камни, чтобы нагрузиться и облегчить погружение под воду. Совершенно так же, как аквалангист или ныряльщик надевает свинцовый пояс. Это косвенно доказывает, что умершие особи морских рептилий должны были тонуть!

Как бы то ни было, но однажды, исследуя кости плезиозавров, найденные в Канзасе, и обследовав камни, выяснили, что они могли быть только из Северной Дакоты. Отсюда вытекает совершенно ясный вывод, что если в прошлом океан доходил до этого штата, то рептилии могли осуществлять плавания на расстояния не менее 1000 км. Существо, которое имело силы и вкус к подобным путешествиям, не могло так просто отдаться на милость менявшегося климата. В море даже резкая смена климата не могла иметь таких бедственных последствий, как на суше, ибо вода сохраняет тепло более продолжительное время, чем земля. А слои воды, расположенные в десятках метрах от поверхности, почти не чувствуют внешних влияний.

Отсюда вывод: неизвестны точные и бесспорные причины полного и бесповоротного исчезновения некоторых видов рептилий юрского периода. Вероятно, как все зоологические группы, они после долгого периода расцвета должны были пережить естественный закат. Их ряды мало-помалу становились все малочисленнее, пока наконец не канули в небытие. Их конец мог быть ускорен в конце мелового периода несчастным стечением неблагоприятных факторов, особенно климатических изменений. Однако, по примеру некоторых других животных, могли остаться какие-нибудь реликтовые виды, и, естественно, наибольшие шансы выжить имели представители морской фауны.

Если *a priori* допустить, что представители плезиозавров могли дожить до нашего времени, то можно утверждать а

posteriori, что мы могли об этом и не знать. Недавние открытия крупных морских животных, считавшихся вымершими десятки, а то и сотни миллионов лет назад, доказывают это.

Теперь вернемся к конкретным доводам сэра Ричарда Оуэна. Надо признать, что у него оказалась определенно «нелегкая» рука, когда он привел в качестве довода полное отсутствие останков «Кракена» или «гигантского слизня», как доказательство невозможности его существования. А теперь ни один зоолог не сомневается в реальности животного, получившего в свое время имя *Architeuthis*. Я уже рассказывал, как существование гигантских беспозвоночных не признавалось наукой вплоть до конца XIX века. Хотя уже было много встреч со множеством чудовищ в предшествующие столетия. И даже некоторые фрагменты этих монстров находились в музеях. По иронии судьбы, сам Оуэн был одним из первых исследователей, описавших огромное щупальце кракена, заспиртованное с давних пор в Британском музее. Но ослепленный своей идеей-фикс, он даже не подумал применить эту анатомическую деталь к мифическому монстру северных легенд...

ВОЗМОЖНО, ВСЕ ОШИБАЮТСЯ

А если случайно морской змей или, по крайней мере, одно из тех животных, которых называли этим именем, были китообразными типа зеглодона, как предположил Шлейден накануне происшествия с «Дедалом»? Тогда тот же ученый, который категорически отрицал существование легендарного чудовища, в конце концов сам дал ему научное название, признав его млекопитающим. Именно Ричард Оуэн в 1839 году установил первым, что ископаемое, названное Харланом *Basilosaurus*, оказалось в действительности китообразным, и он предложил его назвать «зеглодон».

Вся история о морском змее, казалось, была задумана и приведена в действие со злым умыслом. Развязка этого дела

вызвала бы взрыв смеха еще больший, чем на различных ее этапах. Ибо могло случиться, что ученые, твердо убежденные в существовании странного существа, ошиблись бы в определении его природы, а те, кто в него не верил, оказались бы правы.

Если решение этой проблемы так долго остается найденным, не является ли это результатом ослепления борьбой противоборствующих сторон? Подумайте, с одной стороны, в деле «Дедала» капитан Мак-Куа, не зоолог, но доверяющий своим глазам человек, с другой — профессор Оуэн, опытный анатом, но который ничего не видел и может только высказывать предположения. Первый своими глазами видел животное длиной, по крайней мере, 18 метров, которое ему показалось похожим на змею. Второй заявил, что, по этим описаниям, встреченное животное скорее является млекопитающим и, как самое большое из известных морских млекопитающих с удлинённой шеей, — морским слоном; отсюда он заключил, что речь могла идти только о большом представителе отряда ластоногих, размеры которого были преувеличены очевидцами.

Поскольку невозможно ни опровергнуть слова моряка, ни отвергнуть положительные стороны в рассуждениях зоолога, не разумно ли будет поискать в их мнениях точки соприкосновения, а не расхождения? Как дважды два — четыре ясно, что экипаж «Дедала» встретил в океане змееподобное животное двадцатиметровой длины, по внешним признакам похожее на млекопитающее. И так как до наших дней неизвестно ни одно животное, отвечающее такому описанию, то речь, возможно, идет о виде млекопитающего, неизвестного науке.

К такому логичному выводу пришли почти одновременно в 1880 году один английский любитель-натуралист и один голландский зоолог. Но до того общественное мнение оставалось расколото на два лагеря с непримиримыми позициями. С одной стороны, находились те, кто совершенно не верил в существование подобных порождений, — для них все свидетельства были или розыгрышем, или оптическим

обманом, или коллективной галлюцинацией, или, наконец, встречей с известным животным, но которое не удалось хорошо рассмотреть. В этом лагере мнения различались только по одной из этих причин. С другой стороны, почти все сходилось в том, что речь идет о виде огромного доисторического ящера, скорее всего, плезиозавра, дожившего до наших дней.

Новые обширные и сенсационные открытия палеонтологами останков гигантских рептилий меловой эпохи объясняют исключительную популярность в то время этой гипотезы. Но нельзя не учитывать и бросающуюся в глаза схожесть реконструкций вымерших чудовищ с описанием очевидцами морских змеев. Эта схожесть стала еще более разительной, когда еще одному британскому морскому офицеру повезло увидеть сквозь прозрачные воды калифорнийского залива животное, совпадающее с образом как морского змея, описанного ранее, так и с некоторыми видами плезиозавров.

КАЛИФОРНИЙСКИЙ ЭНАЛИОЗАВР «ФЛАЙ»

Упомянутый выше офицер однажды рассказал об этой встрече своему другу, который поспешил передать сообщение Эдварду Ньюмену. Тот немедленно опубликовал этот рассказ в февральском номере «Зоолоджист» за 1849 год под интригующим заголовком «Огромное неизвестное животное, возможно, принадлежащее к роду эналиозавров, видели в Калифорнийском заливе»:

«Капитан военного английского корабля «Флай» Джордж Хоуп утверждает, что в Калифорнийском заливе при спокойном море и прозрачной воде он видел на глубине большое морское животное, головой и телом похожее на крокодила, только шея была гораздо длиннее, и вместо лап создание имело две пары широких плавников-ластов, как у морской черепахи, причем задняя пара была больше, чем передняя. Существо и его передвижения можно было ясно разглядеть сквозь толщу воды. Казалось, оно преследовало свою

добычу около морского дна. Движения его напоминали змеиные и было заметно деление его тела на кольца или сегменты».

Рупперт Т. Гуд, который пытался разобраться с этой историей, проверил и выяснил, что Джордж Хоуп в период с 1836 по 1840 год служил на корабле «Флай» лейтенантом и был назначен капитаном корвета позднее. Но в этот период корабль действительно часто крейсировал в Калифорнийском заливе.

Если бы подобное животное плыло по поверхности, не могли бы мы его принять или за змею, из-за длинной шеи, или за вереницу небольших горбов из-за сегментированности его тела? На первый взгляд, вторая черта характерна только для некоторых беспозвоночных, таких как примитивные моллюски, собственно черви и артроподы. Но в то время никого не удивила их несовместимость, и никто не попытался это объяснить. Противники морского змея в этой необычной анатомической детали увидели только часть фантастического чудовища, созданного необузданной фантазией. А горячие сторонники плезиозавроподобного морского змея не обратили на нее внимание, тем более что в остальном их гипотеза как будто подтверждалась.

Однако история не закончилась сообщением, полученным из вторых рук и не дающим даже никаких размеров животного. Не мог Ньюмен не попытаться получить дополнительные сведения и подробности от самого капитана Хоупа. Вот что он сам говорил по этому поводу: «Когда я услышал эту историю от человека, которому она была рассказана, я загорелся желанием узнать, видел ли капитан Хоуп изображения вымерших животных — ихтиозавров и плезиозавров, предполагаемый облик которых так разительно похож на существо, увиденное им живьем, своими глазами. Я догадывался, что он ничего о них не знал, так как аллигатор оказался единственным животным, с которым он смог сравнить своего морского незнакомца».

Это еще не все. Когда в конце 1849 года бесстрашный издатель «Зоолоджиста» подводил итоги прошедшего года, он без обиняков заявил, что сообщение, «объявлявшее о существовании огромного морского животного, близкого родственника эналиозавра», является «выдающимся событием в естественной истории и самым интересным в этом столетии, ввиду того, что оно опрокинуло некоторые общепринятые и «самые модные» гипотезы геологической науки».

МОРСКИЕ ЗМЕИ ФЛОТА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Если правда, как поется в известной патриотической песне, что «Британия правит морями», то было бы вполне естественно получить большинство сообщений о встречах с морскими чудовищами от британских моряков. Однако, хотя превосходство британцев на море восходит к древним временам, это становится справедливым только начиная со второй половины XIX века. До этого времени преобладали свидетельства американские и норвежские. Но с 1850 по 1900 год мы внезапно обнаруживаем, что более двух третей всех сообщений приходит из Британии.

И этому есть великолепное объяснение. В 1848 году бесспорное свидетельство офицеров корвета «Дедал» круто повернуло общественное мнение Великобритании. После него, по крайней мере в этой стране, стало не стыдно выступить свидетелем в пользу морского змея — был достойный прецедент. Возражения некоторых научных кругов уже не могли этому помешать. Может быть, даже подвергнув сомнению истинность наблюдений капитана Мак-Куа и его команды, профессор Оуэн, сам того не желая, сослужил добрую службу морскому змею. Действительно, он покусился на узы солидарности, связывающие моряков флота, и заставил их отныне сплотиться и во всех возможных случаях занимать сторону товарища, обливаемого грязью. Теперь со всех концов Британской империи посыпались сообщения.

Важно подчеркнуть вот еще что: если можно разбить историю морского змея на периоды с национальной окраской, то не потому, что морское чудовище гостило попеременно в разных национальных водах — идея, которая поддерживает абсурдную легенду об единственном экземпляре существа, — но просто потому, что в некоторые эпохи разные народы не особенно интересовались подобными животными из-за более значительных событий.

Для престижа морского змея британский период, который прошел полностью в правление королевы Виктории, имел определяющее значение. Действительно, англичане, а еще более шотландцы, считались людьми спокойными, уравновешенными, флегматичными, мало склонными к розыгрышам и другим развлечениям эмоциональных и страстных натур. Если наблюдения, относящиеся к этому периоду, немалого более многочисленны, чем в предыдущее пятидесятилетие, они более точны, подробны и в большинстве случаев дают большую гарантию правдивости. Казалось, что на этот раз морской змей поймал ветер в свои паруса. Он медленно, но верно стал проникать в сознание людей вообще и в научные круги в частности. Своего апогея он достиг, когда голландский зоолог д-р Удеманс посвятил ему монументальную монографию в 1892 году. Поэтому я ограничил этот плодотворный для змея период годом, предшествовавшим этой публикации.

СВИДЕТЕЛЬСТВА В МОРСКОМ ЕЖЕГОДНИКЕ

За период с 1849 по 1891 год можно привести сотни наблюдений змея, достойных интереса, сделанные в разных частях света. Среди них почти половина приходит из традиционных зон: большинство из прохладных районов северной Европы, от берегов Норвегии, но особенно много — и это новое в нашей истории — из британских вод и даже, в двух случаях, с мыса Финистер. Некоторое число сообщений пришло из областей, примыкающих к атлантическому побережью Северной Америки, несколько наблюде-

ний были сделаны в открытом океане между двумя этими континентами.

Но, с другой стороны, существо, которое получило название морского змея, позволяло себя наблюдать и в более теплых водах. Его видели у берегов Португалии и Азорских островов, и даже, вот неожиданность, в Средиземном море! Правда, по древним легендам, он появлялся и еще южнее. Много раз большое змеевидное существо наблюдали у западного берега Африканского континента, от Канарских островов до Габона, то есть почти на экваторе. Сообщения стали приходить и из района от острова Св. Елены и до мыса Доброй Надежды.

В американской части Атлантического океана морской змей заставил говорить о себе также гораздо южнее обычного: в Карибском море и даже в Мексиканском заливе. Его видели и у экватора, напротив мыса Сан-Роке в Южной Америке. Сообщения о встречах с морским змеем в новых районах земного шара поступали почти отовсюду. Первые морские змеи появились и у восточного побережья Африки, в Индийском океане. Такое сообщение пришло даже из Аденского залива, из Красного моря. Другое — из Бенгальского залива. Еще дальше на восток его видели у Сингапура, затем за Малаккским проливом, уже в Тихом океане. И почти замыкая круг — у берегов Панама.

Казалось, что старый скандинавский монстр решил так или иначе завоевать весь мир. В действительности, в сообщениях очевидцев фигурирует достаточно много разновидностей этого животного.

Во всяком случае, не было больше никаких оснований считать морского змея мифологическим персонажем северных легенд, так же как и любимой мистификацией трепачей янки.

Из сотен случаев наблюдений, полученных за британский период, добрых два десятка собраны у берега или в непосредственной близости от него, в основном с рыбацких шхун или прогулочных яхт. Но большинство исходит

от настоящих моряков, которым придало смелости дело «Дедала». Начиная с этого прецедента, стали появляться и другие доклады, в том числе и официальные, поступавшие как с военных кораблей, так и с торговых судов. В период 1849–1891 годов над двумя третями из них развевался британский флаг. На таких кораблях военного флота служили многие известные офицеры и даже будущие адмиралы.

В конечном счете морской змей мало-помалу перестал быть сюжетом разговоров простых рыбаков или пьяных матросов, любителей таинственного или желающих удивить сухопутных жителей. Он занял свое место в корабельных журналах, в метеорологических бюллетенях и даже в архивах Адмиралтейства.

Отметим однако, что и среди сухопутных граждан нашлось в этот британский период много достойных доверия свидетелей, которых нельзя заподозрить в розыгрышах. Среди них такие естествоиспытатели, как профессор Мэтью Фостер Хэдл из Сан-Эндрю, врачи д-р Сутар из Голспи и д-р Биккар из Кейптауна, уважаемые граждане, как мистер Барфут, мировой судья из Лейчестера, Ф. Дж. Марлоу, нотариус из Манчестера, инженер Джордж Парк, офицеры капитан Стил из 9-го уланского полка и майор Джеймс Хардинг из колониальных войск в Индии, писательница леди Зели Колвил, а также такие аристократы, как лорд Макдональд Армадал и леди Флоранс Левесон Говер, плюс многие служители церкви.

Такое ощущение, что читаешь справочник «Кто есть кто».

АРИСТОТЕЛЕВСКИЙ МОРСКОЙ ЗМЕЙ «ПЛАМПЕРА»

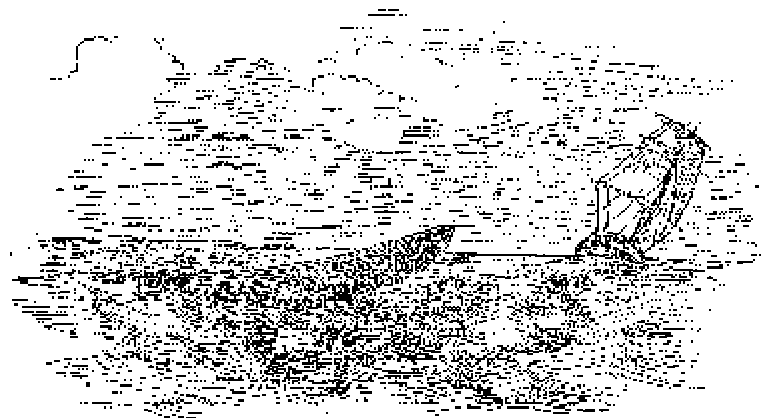
Обозначив таким образом космополитический, почти всемирный характер периода в жизни морского змея с 1848 по 1891 год, мы внимательно рассмотрим наиболее замечательные из случаев, особенно отмеченные детальным описанием, и понаблюдаем, какую реакцию они выз-

вали в обществе и какие были предложены объяснения. Не забудем обратить внимание и на ошибки, и на грубые шутки, которые во множестве появлялись вокруг этой проблемы.

Сообщение офицера военного корабля «Плампер», опубликованное всего через несколько месяцев после шумевшего дела «Дедала», показывает нам, во-первых, заразительность серьезных свидетельств и, во-вторых, дает в то же время представление о стиле большинства сообщений этой эпохи: подчеркнутая строгость изложения, почти сухость.

Под нажимом своих друзей (очевидно, взволнованных развернувшейся борьбой мнений вокруг дела «Дедала») один из офицеров «Плампера» послал 10 апреля 1849 года следующее сообщение в «Иллюстрейтед Лондон ньюс»:

«Утром 31 декабря 1848 года, в точке с координатами 41 градусов 13 минут северной широты и 12 градусов 31 минуту западной долготы, я увидел темное длинное существо с вытянутой головой, медленно перемещавшееся в воде со скоростью примерно 2 узла (3,7 км в час) в

Морской змей, увиденный офицерами корабля «Плампер»
в 1848 году

северо-западном направлении при довольно сильном холодном ветре и беспокойном море. Я не мог точно оценить его длину, но, судя по части спины, он мог достигать 6 и более метров, в зависимости от того, какая его часть находилась под водой. Его голова была, насколько я мог судить, от 1,5 до 2,5 метра. Я не успел рассмотреть более подробно, так как корабль шел со скоростью 6 узлов (11 км/час) в противоположном направлении. Существо пересекло курс корабля за кормой в направлении какого-то торгового судна, паруса которого виднелись по правому нашему борту чуть сзади. Я надеюсь, что они его тоже заметили. Офицеры и матросы нашего экипажа, которые плавали в разных морях мирового океана, где водятся киты и тюлени, заявили, что они никогда ничего похожего не видели и не слышали о чем-нибудь подобном. У него на спине было что-то, напоминавшее конскую гриву, которая при погружении существа в воду плавала на поверхности. Но прежде чем я сумел рассмотреть незнакомца внимательно, он был уже слишком далеко позади».

Письмо было подписано: «Офицер морского флота». Но спустя восемьдесят лет капитан корвета Руперт Т. Гуд проверил эти сведения по корабельному журналу «Плампера», и оказалось, что в обозначенный в письме день корабль как раз находился в названном месте. Но факт встречи с неизвестным существом — увы! — не был зафиксирован, однако было записано, что в 9 часов утра на юго-западе наблюдались паруса торгового судна, что также косвенно подтверждает правдивость сообщения.

Это описание, хотя и очень похоже на правду, не имеет очень большой ценности, не добавляет ясности и рисунок, который его сопровождал. Сделанное по наброскам офицера изображение показывает животное, имеющее форму обломка дерева. Но я бы не стал иронизировать по этому поводу, так как сомневаюсь, чтобы морской офицер мог принять обломок дерева, плывущий по воле ветра и волн, за живое существо. А ведь еще Аристотель говорил о животных «похожих на бревно».

ДВЕ ОШИБКИ, БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ ГРУБЫЕ

Шум, поднятый вокруг дела «Дедала», имел благоприятные последствия. Появилась возможность говорить о морском змее как о зоологической загадке, достойной научного разрешения. Многие люди добровольно спешили сообщить, что видели его, хотя часто это было что-нибудь совсем иное. Да и сами ученые иногда дополняли досье о морском змее деталями, относящимися к нему постольку-поскольку. Так д-р Удеманс приписал сюда случай, происшедший весной 1849 года с британским кораблем «Альфа». Само место встречи – Индийский океан южнее Австралии – может показаться достаточно необычным. Этот случай заслуживает более подробного рассмотрения, так как базируется на записях из личного дневника капитана корабля Эдвардса: «Среда, 30 мая, после полудня. Сильный северо-северо-западный бриз, большая волна. Около 1 ч. 15 мин. я почувствовал странный толчок в борт корабля. Г-н Томпсон, мой старший помощник, и г-н Джордж Парк, инженер, пассажир судна, выбежали на мостик одновременно со мной, и мы сразу же увидели у правого борта чудовище огромного размера. Оно не имело ни плавников, ни широкого хвоста, как у кита. Тело его было светло-бурого цвета с большим коричневым пятном на спине, позади головы. Голова заостренная, как у морской свиньи, и большие блестящие глаза. Шея была его самой темной и самой толстой (примерно 6 м в окружности) частью тела, которое затем постепенно утоньшалось к хвосту до 60 см в диаметре. Существо сделало полный круг около корабля и удалилось со скоростью около 30 миль в час (55 км в час!)».

Отметим для себя, что здесь нет и намек на животное, хотя бы отдаленно похожее на змею. Мы не получили никаких сведений о его длине, а его самая впечатляющая деталь – толщина тела (6 м!) – почти равна параметрам самых больших китов и в два раза больше толщины самого фантастического из морских змеев. Трудно поверить, что эта вели-

чина не преувеличена. По крайней мере, если внешний вид животного нельзя интерпретировать каким-нибудь особенным образом...

Вероятно, из того, что хвост чудовища не имел расширения, как у китообразных, следует вывод, что он заострялся к концу. Однако утончающийся хвост не встречается ни у одного известного вида рыб большого размера... за исключением гигантских скатов. Не одного ли из них, плавающего на поверхности моря, видел капитан Эдвардс?. Скот, скорее всего, был в шоке от столкновения с судном, а может быть, потому и наткнулся на него, что был ранен или умирал?

Таким образом можно объяснить очень большую ширину монстра на уровне шеи: самые большие скаты из известных науке достигали и даже превосходили шестиметровую величину. Таковы манта, или большой морской дьявол (*Manta birostris*), которая широко распространена в Атлантике, и малый морской дьявол (*Mobula*). Эти два вида рогатых скатов, конечно, не имеют голов, «заостренных, как у морской свиньи»: у манти передняя часть заканчивается огромной пастью, похожей на радиатор гоночного автомобиля, и украшена по бокам головными плавниками, похожими на рога; другой вид имеет пасть, расположенную нормально снизу, но голова такая же рогатая и почти такой же ширины. Возможно, именно один из рогов и был принят за остроконечную голову. По свидетельству ученых, которые изучали этих животных, они часто соединяют плавники вместе при плавании.

Кроме того, эти два типа скатов имеют бурую окраску, которая с возрастом темнеет. Если у таинственного животного действительно описанная окраска и оно принадлежит к названному виду, то это еще неизвестный науке экземпляр.

Аргументация, как видите, не очень убедительна, но она более похожа на истину, чем у д-ра Удеманса, который в своей классической работе поместил его в один ряд с морскими змеями Норвегии и Новой Англии.

По моему мнению, если в исследованиях по криптозоологии есть малейшая возможность представить таинственного монстра известным науке животным, надо воспользоваться этой возможностью без колебаний. И искать другие объяснения только тогда, когда очевидно, что животное неизвестно науке!

Такой случай произошел с «молодым морским змеем», которого рыбаки принесли в том же, 1849 году в один из шотландских музеев. Приведем отрывок из местной газеты, описывающий эту чудесную рыбалку: «Животное, как бы оно ни называлось, все еще живое и мы можем хорошенько его изучить. Право определить, является ли оно молодым морским змеем или нет, мы оставляем людям, больше нас разбирающимся в зоологии. Пойманный экземпляр представляет из себя существо длиной 6 м 10 см, толщиной 2,5 см, темно-шоколадного цвета. В спокойном состоянии его тело округляется, но в движении оно собирается в складки и сплющивается. На свободе его движения медленные и плавные, но когда его вытащили из воды, он сжался подобно каучуковой ленте, свернулся в спираль и скоро начал выделять через кожу липкую беловатую жидкость, которая склеивала различные части тела, как если бы существо хотело занять и сохранить наименьший возможный объем пространства».

Всегда наготове, Эдвард Ньюмен воспроизвел это сообщение в своем «Зоолоджист» со следующим комментарием: «Это существо, вероятнее всего, представитель вида *Gordius maximus*».

Понятно, как справедливо заметил д-р Удеманс, что Ньюмен имел в виду не *Gordius maximus* Линнея, кишечного червя-паразита, едва достигающего в длину одного сантиметра, а *Gordius maximus* Монтегю, более правильное название которого *Lineus longissimus*. Это чемпион по длине тела среди червей. Благодаря своей потрясающей эластичности он может за секунды увеличивать вчетверо свою длину: самый большой экземпляр может достигать 30 метров в вытянутом состоянии. И в то же время этот «гигант» не превышает 0,5 см в диаметре! Понятно, что такой живой

«гордиев узел» больше напоминает спагетти, облитые шоколадным кремом, чем грозного морского змея, даже молодого.

Чтобы увидеть всю сложность проблемы изучения морского змея, надо понять, что за него можно принять таких непохожих животных, как этот червь и гигантская манта.

ПУЗЫРЬ, ПРИНЯТЫЙ ЗА МОРСКОГО ЗМЕЯ

Приведенные примеры ошибок являются продуктом незнания. Перед тем как перейти к преднамеренным мистификациям, совершенным из злого умысла, надо сказать несколько слов об отличии даже грубой ошибки от умышленного введения в заблуждение окружающих. В основе искреннего, но ошибочного вывода, сделанного даже компетентным человеком, лежит неправильное истолкование обычного явления, иногда замаскированного необычными обстоятельствами.

Такой случай – морской змей, встреченный 12 марта 1870 года в Карибском море капитаном Слокамом и экипажем американской шхуны «Саладин». Портрет этого зверя, воспроизведенный Френком Баклендом со слов очевидцев в его журнале «Ленд энд Уотер», по меньшей мере, фантастический и сбивающий с толку:

«Это 30-метровое существо с 12-метровым телом и хвостом в 18 метров. Его характерной особенностью было огромное, твердое, хрящевидное на вид туловище высотой 4 метра и шириной около 12, совершенно пустое и представлявшее из себя большую емкость, наполненную воздухом. Этот пузырь и держал «змея» на поверхности. Его поверхность была покрыта равномерно расположенными бороздами, идущими от головы (пузырь находился в передней части тела) до того места, где пузырь соединялся с остальной частью тела. Расстояния между бороздами составляли около 10 см, а глубина их была около 5 см. Поверхность пузыря была эластичной и прогибалась под удара-

ми волн. Толщина ее была не менее 5 см, но она была настолько твердой и непроницаемой, что не поддавалась ни ударам ножа, ни ружейной пуле. С каждой стороны этого плавучего купола находились два больших массивных плавника длиной по 1,5 метра каждый, с помощью которых это чудовище, вероятно, передвигалось. Собственно рыба, которая была только придатком этого морщинистого воздушного пузыря, представляла собой массивную массу бурого цвета. На голове, почти в 3 метрах от пузыря, располагались два глаза, с двух сторон от большого рога. В задней части ее тело утончалось и переходило в раздвоенный хвост, такой же твердый и тяжелый, как железо. Капитан Слокам утверждал, что хвост, на вид, должен был весить не менее 100 фунтов на 1 куб. фут. Его лопасти располагались в горизонтальной плоскости под водой на глубине 1,5 метра, в то время как остальная часть тела легко плавала на поверхности».

Животное, обрисованное в таком виде, абсолютно непонятно, и Фрэнк Бакленд лишь посмеялся над чрезмерным воображением бравого капитана. Но тот клялся, что видел это странное существо собственными глазами. Вот о чем он не подумал — впрочем, как и такой знаток морской фауны, как Бакленд, — так это о том, что животное могло быть умирающим или уже погибшим и плавало вверх брюхом!

Если мы это предположим, сразу же приходит на ум кит-полосатик, горло которого, расчерченное характерными полосами, могло покрыться морщинами в процессе разложения или — кто знает? — от желудочной болезни. Тогда все объясняется: и большой размер животного, и расположение его плавников, и форма раздвоенного хвоста. Даже «рог» с «глазами» по бокам может получить простое объяснение: это, без сомнения, пенис, выступающий из толстых складок кожи, часто облепленный паразитами.

Но непонятно, как такой достаточно банальный вид, который сейчас часто можно увидеть в книгах, журналах

или кинофильмах, посвященных ловле китов, не был сразу же распознан? Может быть, потому, что в то время еще не привыкли видеть мертвых китов? Охотились только на живых китов и кашалотов! Только к концу XIX века, в результате усовершенствования оружия китобоев норвежцем Свендом Фойном, начали систематически охотиться на китов-полосатиков. Слишком опасно было на них охотиться с ручным гарпуном. Чтобы туши не утонули, их догадались надувать воздухом. Насколько бы было меньше разговоров о морских чудовищах, если бы точное наблюдение не получало бы неправильное объяснение!

Было и как бы второе издание истории со шхуной «Саладин». Десять лет спустя, 5 июня 1880 года, когда капитан М.Д. Инголс и экипаж его судна «Калцедон» заметили очертания чудовищного животного вблизи острова Монеган. Вот как капитан описывает то, что он принял за морского змея: «Он был мертв и плавал вверх брюхом, грязно-серого цвета. Голова его была около 6 метров длины и в самой толстой части достигала 3-метрового диаметра. Примерно в середине 12-метрового туловища виднелись два плавника белого цвета длиной около 3,5 метра. Тело уменьшалось от головы к хвосту до размеров строительного бруса, что отличало это животное от других китообразных. Я повидал множество животных, обитающих в этих водах, но ничего подобного не встречал».

Очевидно, капитан Инголс никогда до этого не видел плавающих кверху брюхом полустгнивших китов, хвостовые лопасти которых объедены хищниками...

Впрочем, этот случай не достоин того, чтобы его приводить в работе о морском змее.

ВЕРНЕМСЯ К ИЗУЧЕНИЮ ДОСЬЕ

Продолжим рассмотрение правдивых свидетельств или тех, которые имеют некоторые шансы ими быть.

Это рассмотрение, надо признаться, начинается не очень удачно и не очень относится к британскому периоду.

Первое свидетельство, в хронологическом порядке, является американским и из вторых рук. Как сообщил «Бостон атлас» 18 февраля 1849 года капитан Адамс со шхуны «Люси и Нэнси» как будто бы видел у Сэнт-Джонсон во Флориде морского монстра, похожего на змею. «Много раз она поднимала над водой свою змеиную голову, и вместе с ней появлялась большая часть ее тела и пара ужасных ластообразных когтистых лап в несколько футов длиной». Эта серо-бурого цвета бестия имела около 27 метров в длину, а самая толстая часть спины была примерно 2 метра в диаметре.

Описание внешности монстра довольно правдоподобно — он напоминает морское чудовище Ханса Эгедде, — но движения его менее правдоподобны. Трудно, действительно, представить морское животное, которое, поднимаясь над водой, обнажает большую часть своего тела, если только не выпрыгивает из воды. Напрашивается вопрос, не было ли это описание чудовища Ханса Эгедде, а не реальной встречи?

Если монстр «Люси и Нэнси» уж очень похож на один из известных типов морского змея, то следующий, напротив, полностью отличается от любого змея когда-нибудь виденного.

Летом 1849 года четыре канадских рыбака из Новой Шотландии, среди которых некто Джозеф Холленд и Джекоб Кедди, находились на маленьком острове Саут-Уэст, в западной части залива св. Маргарет, когда внезапно они увидели у самого берега очень большое животное. Приблизившись на лодке к неизвестному существу, они увидели, что оно было похоже на змею длиной 6 метров и толщиной с бочонок из-под рома.

«Она была похожа на утря (уточняет преподобный Джон Амброс из св. Маргарет-Бей, который и предал гласности эту историю), то есть тело ее утончалось к хвосту, но не было видно никакого хвостового плавника. Однако высокий плавник или ряд игл, каждая 2,5 см толщиной в нижней части, торчали по всей длине хребта, образуя настоя-

ший спинной плавник. Этот плавник из торчащих иголок, казалось, занимал почти треть длины спины почти на одинаковом расстоянии от головы и хвоста. По внешнему виду он издали напоминал парус лодки. Спина змеи была покрыта чешуей длиной 15 и шириной 7,5 см, расположенной рядами вокруг тела животного. Цвет животного — черный. Рыбаки не имели случая увидеть его брюхо, но им удалось познакомиться с содержимым пасти. Это создание, заметив лодку, подняло свою голову почти на 3 метра над водой и разинуло пасть, которая оказалась красного цвета и вооружена зубами длиной около 7,5 см, похожими на зубы сома. Рыбаки решили в этот момент, что пора заканчивать свидание, быстренько развернули лодку к берегу и следовали за змеей уже на значительном расстоянии, пока та не оторвалась от преследователей и не скрылась».

Это очень детальное описание, на первый взгляд, относится к рыбе, но какой?

Несмотря на ряд высоких игл, торчащих на спине, это точно не рыба-ремень. Рыбы этого вида не такие толстые, как бочонок из-под рома, и цвета они не черного. Единственно представители угрей могут на некоторую высоту поднимать голову из воды. Они даже могут почти наполовину высываться из воды и продвигаться вперед, работая своим приплюснутым хвостом как кормовым веслом. Но у них нет ни чешуи, ни твердых игл. Иглы, если они действительно были у рассматриваемого существа, скорее наводят на мысль о паруснике (*Istiophorus*), виде меч-рыбы, высокий спинной плавник которой оправдывает такое название. Но, во всяком случае, если рыба и поднимется на трехметровую высоту, то она не может повернуть голову так, чтобы показать внутреннюю часть своей пасти.

Если описание правдиво и точно, оно относится скорее к рептилии, способной крутить головой на шее. Но так как подобное животное — какой-то морской вид диметродона — никогда и никем не был описан, даже в палеонтологических работах, настоящее описание невозможно никуда применить, и оно вызывает очень большие подозрения.

В любом случае, морской змей из залива св. Маргарет имеет мало общего с гривастым морским змеем, которого видели в 1846 году учитель Джеймс Вильсон и его друг Бонер, оба из Пеггикуув, с другим, встреченным также обитателями этого местечка мистером Уильямом Круксом и его сыном Генри несколькими годами ранее. Это был не очень крупный экземпляр темно-бурого цвета длиной около 5 метров 60 см в обхвате. «Он плавал у самого берега и, казалось, пытался выбраться из воды. По-видимому, цель его усилий не была желательной для мистера Крукса, который, вместе со своим сыном, тотчас же убежал и почувствовал себя в безопасности только среди домов Пеггикуув».

Следующее сообщение, если двигаться в хронологическом порядке, касается более «нормального» (если можно так сказать) морского змея. Мы нашли его в работе испанского натуралиста Россенда Серры-и-Палеса «Фантастическая зоология», опубликованной в Барселоне в «Бюллетене общества естественных наук». Автор приводит рассказ одного из своих родственников, капитана корабля, который, в свою очередь, услышал его от коллеги и друга, командира испанского фрегата.

Это, конечно, свидетельство из третьих рук и, возможно, сильно преувеличенное по известному принципу «испорченного телефона». Если ему верить, корабль вроде бы встретил в 1850 году в Атлантическом океане по пути в Гавану морское чудовище, колоссальная шея которого вздымалась на высоту марсея, что, ясное дело, чересчур высоко. Видно было его тело, похожее на тело кита, и два плавника. Странное животное следовало около корабля почти сутки, что в конце концов привело экипаж в состояние панического ужаса.

Этой истории можно предъявить почти те же претензии: монстр был слишком любезен, показывая тело. Но, повторимся, угреобразные способны поднимать над водой почти половину своего тела, правда, только на очень короткое время.

ЗМЕЯ С СОБАЧЬЕЙ ГОЛОВОЙ «КЛЕОПАТРЫ» И ЗМЕЙ С ПЕТУШИНЫМ ГРЕБНЕМ «БАРХАМА»

Следующие случаи переносят нас в Индийский океан, где до сих пор морские чудовища, достойные называться морским змеем, неизменно оказывались «чем-то другим». Тот, что был встречен 15 сентября 1849 года экипажем английского военного корабля «Клеопатра», был сначала лишь скромно упомянут в сообщении одного из офицеров для «Иллюстрийтед Лондон ньюс». Известно было о нем только, что длина его составляла около 9 метров. Но, к счастью, в 1882 году Джордж Льюкас, служивший когда-то на «Клеопатре», отправил в британский журнал «Answers» некоторые подробности той встречи с морским змеем, который не очень напоминал рептилию: «Голова чудовища была сильно похожа на собаку, тело имело около 2,5 м в окружности. Цвет был зеленовато-бурый»...

Еще более необычным был змей, который встретился на пути английского корабля «Бархам» у берегов Мозамбика. Два совпадающих свидетельства делают событие очень вероятным, но Удеманс посчитает позднее, что опубликованные свидетельства описывают животное, уже известное науке. Так ли это?

Первое сообщение принадлежит кавалерийскому капитану Стиллу, который в то время возвращался в свой полк в Индию. Он упоминает о змее в письме, которое получил его брат и передал в руки уважаемого натуралиста Альфреда Ньютона, профессора зоологии и сравнительной анатомии и вице-президента Королевского общества, который, в свою очередь, передал его в редакцию лондонского «Зоолоджист»:

«28 августа на 40° восточной долготы и 37°16' южной широты, около 2 часов после полудня, мы все спустились с палубы, чтобы приготовиться к обеду. Вдруг второй помощник капитана позвал нас, чтобы присутствовать на необычайном спектакле. Примерно в 500 метрах от корабля появилась голова и шея огромной змеи. От 5 до 6 мет-

ров ее тела были над водой, и фонтан воды при дыхании разлетался на порядочное расстояние от ее головы. Вдоль спины у нее тянулся гребень, похожий на петушиный. Она медленно двигалась в воде но, однако, за ней тянулся заметный след длиной 15–18 метров, как если бы под водой было продолжение ее тела. Капитан изменил курс корабля и направил его к змее. Но когда мы приблизились, она погрузилась в воду. Кожа ее была зеленой со светлыми пятнами. Ее видели все находившиеся на борту». Все – увы! – не взяли на себя труд сообщить о своих впечатлениях, но нашелся еще один офицер, отметивший происшедшее в письме, отрывок из которого напечатала «Таймс» 17 ноября:

«Вы удивитесь, узнав, что мы действительно видели морского змея, вокруг которого столько споров. Новость капитану сообщил матрос в тот момент, когда мы собирались обедать. Я находился в это время в своей каюте и узнал об этом по шуму и восклицаниям, даже подумал, что на корабле пожар. Я бросился на палубу и, посмотрев за борт, увидел действительно удивительное зрелище, которое буду помнить до конца дней. Голова чудовища находилась на высоте около 4 метров над водой и не переставая поднималась и опускалась, иногда открывая мощную шею с высоким гребнем в форме пилы. Вокруг нее вились птицы, и мы сначала подумали, что это мертвый кит. За ним тянулся след, как за кораблем, и, оценивая его и принимая во внимание размер головы и видимой части шеи, можно заключить, что его длина была не менее 18 метров, а может быть, и больше. Капитан изменил курс, чтобы приблизиться к нему. Но когда мы были уже на расстоянии около 100 метров, змей медленно скрылся под водой. Когда мы обедали, он появился еще раз и один гардемарин сделал рисунок, копию которого я вам посылаю».

Этот рисунок, насколько я знаю, никогда не был опубликован, к большому сожалению. В нашем деле он стоил бы гораздо больше длинных разговоров и по нему можно было бы составить более определенное мнение.

Ф. Госс справедливо написал по поводу этих двух свидетельств:

«Эти описания сильно отличаются от описания чудовища, виденного с «Дедала», и не могут служить его подтверждением, но могут доказывать, что в океане водится немало крупных животных, неизвестных еще науке».

Видный английский натуралист был менее удачлив, однако, в своей попытке идентифицировать животное:

«Если бы не фонтан – который мог быть выдуман одним из наблюдателей или явиться результатом иллюзии, – я склонялся бы к мнению, что речь идет о рыбе-ремень (сельдяном короле), среди некоторых видов которых встречаются в океане огромные экземпляры (в действительности это не совсем точно: самые большие из известных экземпляров этой рыбы не превышают 7-метровой длины). У них на спине высокий зубчатый плавник, и плавают они с головой, поднятой над водой».

Д-р Удеманс также готов присоединиться к этому мнению, но с оговорками, которые совершенно все меняют:

«Вероятно, разъяснения, которые дал г-н Госс, являются самыми правдоподобными, и это рыба-ремень, или рыба-лента. Спинной плавник, который у этого вида рыб начинается прямо на затылке, красного цвета и зубчатый и может создавать впечатление петушиного гребня или гребня в форме пилы. Но сельдяной король – глубоководное существо. И если появляется на поверхности, то оно или умирает или уже мертвое. Никогда они не плавают «с головой, поднятой над водой»! Кроме того, зеленый цвет не согласуется с серебристым цветом этих рыб».

По-моему, здесь д-р Удеманс совершил психологическую ошибку, считая, что спинной плавник рыбы-ремень мог быть описан подобным образом. Красный цвет слишком бросается в глаза, чтобы его не заметил ни один из свидетелей. Мы еще далее увидим, что существуют и другие описания существ с зубчатыми гребнями, не имеющих никакого сходства с этой рыбой.

Приходится принять, что морской змей «Бархама» не относится ни к классическому типу, ни к рыбам-ремням, а является большой морской змеей, до сих пор никому не встречавшейся.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО ЧЕРЕЗ МАЛОИЗВЕСТНОЕ

Когда 26 марта 1849 года странное морское животное, которое «Иллюстрейтед Лондон ньюс» не колеблясь окрестило «морским змеем», было поймано у побережья графства Нортумберленд, сомнения длились недолго. Скоро животное 3,75 метра длиной осмотрели два натуралиста, Олбани Ханкок и д-р Деннис Амблтон, и заключили, что это новый вид *Gymnetrus* (одно из имен, которым называют сельдяного короля). Этот случай показывает, что вполне можно принять подобную рыбу-ленту за морского змея.

Только в 1856 году некий господин А. Дж. Мор впервые ясно высказал гипотезу, согласно которой «во многих случаях, когда речь шла о морском змее, за него принимали какой-нибудь вид сельдяных королей, животных крайне редких».

Мы знаем также, что эти рыбы часто плавают по поверхности и поэтому постоянно находятся под угрозой быть выброшенными на берег. Так как единственный живой экземпляр, находящийся в «добром здравии», достоверное сообщение о котором у нас имеется, плавал с головой, высунутой из воды, и передвигался, извиваясь всем телом, не могут ли существовать другие виды этой рыбы, еще более огромные, колебания спинных плавников которых можно было бы принять за «гриву» большого морского змея?»

Конечно, мистер Мор имеет право предположить, что есть еще неизвестные виды рыбы-ремня. Но так же, как и д-р Удеманс, я не могу представить, как такая глубоководная рыба может нормально плавать с поднятой над

водой головой. Какого дьявола она это делает? В действительности, когда такая рыба по каким-то ненормальным причинам поднимается на поверхность, она попадает в слои воды все более теплые и насыщенные кислородом. Она начинает задыхаться. Удушье может ее заставить высунуть голову из воды, чтобы — напрасно — глотнуть воздуха. Вот почему «короля» иногда видели в таком абсурдном положении. Это, естественно, не является для них признаком «добротого здравия»!

С другой стороны, эти рыбы настолько отличаются от других, что каждый раз, когда ее видят на поверхности (конечно же, умирающую), когда ее ловят или она выброшена на берег, не возникает никаких по этому поводу сомнений, даже если для большего развлечения толпы ее обзывают «настоящим морским змеем». Частично это демонстрирует рассказ капитана британского военно-морского флота Хаутена, который направил в январе 1860 года письмо в журнал «Зоолоджист». Оно было опубликовано под заголовком: «Морской змей на Бермудах».

«Имею честь отправить вам настоящий отчет о поимке у этих берегов странного морского монстра, — пишет капитан, — который не иначе как тот самый огромный морской змей, которого видел капитан Мак-Куа с корабля «Дедал» несколько лет назад. Два господина из рода Тримингем прогуливались по берегу острова Гамильтон в воскресенье вечером, примерно в 11 часов, когда их внимание привлек сильный шум падающего в воду предмета. Когда они подошли ближе, то увидели огромное морское чудовище, выброшенное на камни и умирающее в бессильных попытках вернуться в воду. Господа набросились на него с вилами, предназначенными для сбора морских водорослей, которые были в их руках, и — увы! — сильно повредили его, но все же захватили. Рептилия [sic] была длиной 4,75 метра, и тело ее было вытянуто как у змеи. Оно было овальной, приплюснутой с боков формы, и в самой своей высокой части, примерно во второй трети от головы, достигала 28 см. Шкура ее была серебристого цве-

та и блестящей. Она лишена чешуи, но шершавая и бородавчатая. Голова чем-то напоминала голову бульдога, но пасть без зубов. Глаза большие, плоские и сверкающие. У нее были небольшие грудные плавники, крохотные брюшные и огромные жабры. Ряд спинных плавников располагался почти по всей длине тела и состоял из мелких иголок, соединенных тонкими прозрачными перепонками. Существо не имело костей, но был хрящ, который тянулся вдоль всего тела. Вдоль туловища располагались кольца, которые были более гибкими, чем остальные места, и это, вероятно, позволяло змею сворачиваться в спираль. Самой замечательной особенностью создания была серия из восьми тонких ярко-красных иголок, которые торчали на голове и располагались друг от друга на расстоянии дюйма. Самая длинная находилась в середине, теперь она у полковника Манро, помощника губернатора колонии, и я имел возможность рассмотреть ее вблизи. Она длиной 69 см и окружностью в 1 см у основания, к вершине она равномерно утоньшается и на конце становится плоской, как лопасть весла».

Надо ли продолжать дальше? Невозможно вообразить более точного описания сельдяного короля! Именно его и узнал натуралист Мэтью Джонс в останках «змея», которые ему были представлены.

Спрашивается, какое заблуждение могло заставить кого-нибудь принять эту рыбу-ленту с ярким гребнем за морского змея, которого видели капитан Мак-Куа и его команда? Но такова опасная склонность большинства людей к обобщениям, когда приходится объяснять явление, непонятность которого их беспокоит. Если морской змей оказался пучком водорослей, значит, все морские змеи — пучки водорослей. Другой «морской змей» — сельдяной король, и, значит, все решают, что и в остальных случаях это был он. Таким образом устанавливается настоящая мода в объяснении необычных явлений, и каждый раз последняя гипотеза становится в глазах общественного мнения единственной и самой верной. Мы уже видели, что морской змей оказывался и цепоч-

кой морских свиной, и толстым тунцом, и удавом, и морским слонем и т.п. Будьте уверены — на этом не остановятся, мода переменчива и не любит стоять на месте. Но из всех гипотеза рыбы-ленты оказалась самой живучей. Так ум, пытаясь объяснить Неизвестное, в нашем случае — феномен морского змея, легко перескакивает на Очень Мало Известное, у нас — на сельдяного короля.

ОТ СУПЕРУГРЯ «ПЕГГИ» ДО ЗЛОБНОГО ЧУДИЩА «АЛЬБЕОНЫ»

Во всяком случае определенно не «короля» видел капитан Уильям Тейлор с корабля «Пегги» из Ливерпуля в конце 1852 года почти в миле от своего корабля, который шел, груженный маслом, из Лагоса (Нигерия) вдоль западного берега Африки. Это также не был какой-нибудь известный науке вид животного, перечисленный нами ранее. Этот случай напоминает, скорее, объяснение гениального Рафинеска, который превратил сказочное чудовище в неизвестного и огромного члена семейства утрей.

«Сначала я подумал, — рассказывал капитан Тейлор в письме, адресованном в журнал «Ансерс», — что это плавающее водоросли, но, направив на них бинокль, увидел быстродвигающийся объект. Я позвал нашего хозяина, который находился внизу, в каюте, на мостик и он приказал изменить курс корабля, чтобы приблизиться к объекту, который был — мы его уже хорошо различали — огромной рыбой, похожей на змею. Она передвигалась частью погруженная в воду, частью над поверхностью.

Ее голова была примерно в 1,5 метра над водой, и я назвал ее огромным утрем с головой змеи, длиной 30 метров, а может быть, и больше».

Достаточно похожим, но более классическим по характеру движения был морской змей, появившийся в то же время у шотландского берега, прямо на глазах уважаемого джентльмена мистера Эндрю Стренга. Вот что рассказал об этом в 1854 году его лучший друг д-р Т.С. Трайл:

«Однажды, во время рыбной ловли в открытом море, он увидел проплывающую под его судном, на глубине 2,5–3 м, рыбу огромной длины, по форме похожую на угря. Она медленно плыла, извиваясь, и ее длина была около 6 м».

Напротив, кажется возможным отнести к известному виду животных другого морского монстра, которого бриг «Альбеона» из Ливерпуля встретил в 1854 году на 13° восточной долготы и 38° южной широты, то есть отгибая южную оконечность Африки на пути в Китай. Точность наблюдения, которое капитан Чарльз Ричардсон записал в судовом журнале, достойна подражания:

«4 сентября, 5 часов после полудня, ветер слабый, море спокойно. Наблюдаю водяные брызги сзади по левому борту, примерно на расстоянии трех корпусов судна. Внезапно появилась из воды и поднялась на высоту около 9 метров под углом 60° голова и часть туловища огромного чудовища. Голова длинная и узкая, глаз не видно. От носа по обеим сторонам головы примерно на 3,5 метра тянется белая полоса 30 см шириной; считаю, что это закрытая пасть. Почти в 2 м от окончания этой полосы на спине видно завихрение, похожее на воронку. Его тело, находящееся над водой, почти такой же толщины, что и корпус корабля».

Под нижней челюстью у него виднеется мешок из складок кожи, как карман у пеликана. Этот мешок имеет более светлый цвет, чем остальная часть тела, которое казалось черным и покрытым шерстью или волосом, но в то же время выглядело гладким. Длина животного составляла около 55 метров. Брызги взлетали в нескольких местах вдоль тела, что, по-моему, могло производиться такими же протуберанцами, что и за головой. Существо оставалось на виду почти пятнадцать минут, во время которых оно погружалось три раза, каждый раз оставаясь под водой около одной минуты. Оно постоянно крутило головой и двигалось в воде не по прямой, а зигзагом, все время находясь рядом с кораблем. По его положению в воде и на-

блюдая за ним с такого близкого расстояния, я ни секунды не колебался и сказал, что это знаменитый морской змей, которого видели в 1849 или 1850 году с военного корабля «Дедал».

В действительности рассматриваемое животное не так уж и похоже на морского змея «Дедала». Если нарисовать его портрет со слов капитана, то скорее увидим силуэт, очень похожий на кита, обыкновенного синего кита, поднявшего голову и часть тела из воды.

Этот вид китообразных имеет некоторые характерные особенности: его левая и правая половины нижней губы окрашены в разный цвет, в серый и белый соответственно, и могут казаться издали светлой полосой длиной 3,5–4 метра и шириной до 30 см. И когда чудовище «Альбеоны» плыло по левому борту от корабля, то его правая сторона с белой «полосой» и была представлена для обзора.

Примерно в 2 метрах от пасти у кита расположено дыхало, края которого образуют воронку, похожую на протуберанец, увиденный капитаном. Наконец, множество складок на горле могут навести на мысль о мешке, похожем на карман пеликана. Таковы совпадающие детали.

Кроме того, этот кит — относительно стройный, и когда он поднимает голову над водой, кажется еще тоньше, так как нижняя часть тела у него светлая и только верхняя отчетливо просматривается на фоне воды. Наверное, это и заставило капитана Ричардсона принять кита за змею и отсюда предположить, что она длиной 55 метров.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КЛАССИЦИЗМУ

Классического морского змея мы вскоре снова найдем в той же части южной Атлантики, где голландский капитан встретил в 1854 году морского змея с конской гривой в худших традициях Понтопидана. Об этом позднее рассказал графу Дж.А. Бентинку, которому мы и обязаны этой информацией, капитан Де Вердт, внук свидетеля и сам моряк.

Еще об одном морском змее 1854 года нам стало известно благодаря представительнице аристократии, леди Амелии Матильде Мюррей. В своих письмах, опубликованных в виде книги, она сообщает, как весной этого года капитан Пит на пароходе «Уильям Скалрук» поднимался вверх по течению реки Саванны на юге Соединенных Штатов, когда все находившиеся на борту увидели гигантскую змею, внезапно появившуюся перед носом судна. На следующий день в устье той же реки капитан Роллинс с парохода «Изабель», в свою очередь, видел, как это животное подняло из воды голову почти на высоту дымовой трубы парохода...

Через два года подобная тварь внезапно появилась в самом центре северной Атлантики около британского корабля «Иможен». Его командир Джеймс Ги проявил счастливую для нас инициативу, сообщив об этом событии в «Иллюстрейтед Лондон ньюс» и передав копию записи в бортовом журнале:

«Иможен» следует из залива Алгоа в Лондон. Воскресенье 30 марта 1856 года, 29°11' северной широты, 34°34' западной долготы. На юге и западе видны четыре корабля.

В 11 ч. 5 мин. утра сигнальщик привлек наше внимание на что-то двигающееся в воде и создающее сильную волну почти в 400 метрах от корабля по правому борту.

Через несколько секунд стало ясно, что это существо примерно 12 метров длиной (видимая в воде часть). Мистер Стэтхем сразу же поднялся на рею мачты, а капитан Ги и мистер Харрис с мостика следили за животным в подзорную трубу.

Обогнув корабль на расстоянии около 800 метров, змея изогнулась в нашу сторону и подняла голову, вероятно, чтобы нас рассмотреть. После чего удалилась в северном направлении, возможно направляясь к Азорским островам, с высоко поднятой головой. След ее был виден с мачты почти до самого горизонта, а на мостике мы потеряли ее из вида к 11 ч. 45 мин. утра.

Нет никаких сомнений, что речь идет о громадной змее, так как были явно различимы зигзагообраз-

ные движения ее тела. Погода была хорошая, и зеркальная поверхность океана лишь изредка морщилась под легким дуновением ветра, поэтому мы могли легко видеть ее движения».

Под записью стояли подписи капитана Джеймса Ги и трех пассажиров: Дж.М. Стэтхема, Джулиана Б. Харриса и Д.Дж. Уильямсона.

Также великолепно выполненные наброски подкрепляют и даже в чем-то поправляют словесное описание. Рисунки представляют животное, движущееся при помощи колебаний тела в вертикальной плоскости, и показывают серию протуберанцев на спине. Змея, как думают свидетели, не может двигаться таким образом. Но это ничуть не умаляет ценность их наблюдений, ведь мало кто из людей имел случай в своей жизни видеть плывущую змею и можно извинить их незнание того, как это пресмыкающееся передвигается в воде.

КИТООБРАЗНАЯ СКОЛОПЕНДРА «ПРИНЦЕССЫ»

Через несколько месяцев в «Иллюстрейтед Лондон ньюс» получили новое свидетельство о морском змее из южной Атлантики – и о каком морском змее! В письме, отправленном 25 сентября 1856 года, некто Эдмонд Дж. Уиллер с друзьями сообщает из Лондона:

«Мы передаем вам фрагменты записей в судовом журнале нашего корабля «Принцесса», который под управлением капитана Тремирна прибыл в Лондон из Китая 15 сентября этого года:

«Среда 8 июля 1856 года. 34°56' южной широты, 18°14' восточной долготы. В 1 час пополудни увидели очень большую рыбу с головой, похожей на голову моржа, и с 12 плавниками, подобными плавникам глобицефала, но развернутых в обратную сторону. Длина спины от 6 до 9 метров и очень длинный хвост. Нет ничего невероятного в том, что этого монстра можно принять за большого морского змея.

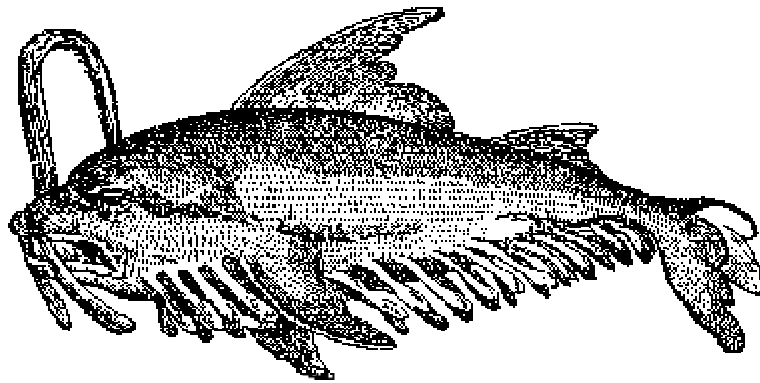
По нему выстрелили из карабина, и пуля попала в область головы».

Затем следуют длинные комментарии судовладельцев, расписывающие честность капитана Тремирна и его шестилетнюю безупречную службу, и даются все возможные гарантии правдивости его рассказа. И в конце приводится рисунок этой необычной рыбы.

Сразу скажем, что не хватит никаких гарантий, чтобы заставить нас поверить в существование такого экстравагантного создания. На первый взгляд, это помесь сколопендры с картины художника-юмориста и кита в момент выдоха.

В своем ненасытном желании добавить как можно больше свидетельств о морских змеях к своему собственному морскому змею, имеющему только четыре лапы-плавника, д-р Удеманс принял в эти ряды и «очень большую рыбу» «Принцессы», несмотря на ее «12 плавников». Он оправдывает это тем, что капитан Тремирн якобы «стал жертвой оптической иллюзии, в результате большой скорости, с которой животное размахивало своими передними плавниками».

Мне кажется, что видный голландский зоолог, ослепленный собственным энтузиазмом, еще раз совершил ошиб-

Китообразная сколопендра, по рисунку Гийома Ронделе

ку, не разобравшись в тонкостях психологии. Если бы, что само по себе необычно, скорость движения пары плавников могла бы дать кому бы то ни было иллюзию, что их больше, чем есть на самом деле, свидетель говорил бы о множестве плавников, но никогда не назвал бы точное число.

Уважаемый мореход был не первым, кто описал подобное чудовище, совсем нет. Его экземпляр полусколопендры-полукита произвольно напоминает существо, до сих пор не определенное современной наукой, которое Гийом Рондоле в своей знаменитой книге XVI века «Полная история рыб» называл сколопендрой китообразной:

«Есть два вида сколопендр, — писал отец ихтиологии, — одна маленькая, из числа тех, что имеют множество вырезков на теле, о них мы поговорим позднее. Другие — китообразные, которых называют сколопендрами за множество ног, как и у земной сколопендры. Ноги этой сколопендры служат ей веслами, которые приводят ее в движение. Моряки рассказывают, что видели ее несколько раз поднимавшейся на поверхность и наблюдали у нее на носу очень длинный волос, похожий на хвост лангуста. Остальная часть тела по своим размерам сравнима с трехрядной галерой с ногами, висящими с одной и другой стороны».

Вполне вероятно, что «очень длинный волос» у нее на носу есть одна из характерных черт, роднящая ее и монстра капитана Тремирна, и, следовательно, «очень большая рыба» с 12 плавниками могла быть китообразной сколопендрой Рондоле.

Не будем рисковать и торопиться определять природу этого странного животного. Позднее мы получим более подробные сведения о ней. Удовлетворимся констатацией, что она существует в истории морского змея, чтобы в дальнейшем дополнить ее. Какой бы фантазмагорической она ни казалась, мы не можем ее игнорировать, если хотим без предвзятости пролить максимум света на это темное дело.

ПЕРЕСТАНОВКИ В ЮЖНОЙ АТЛАНТИКЕ, НО НА ВОСТОКЕ ОПЯТЬ НИЧЕГО НОВОГО

Следующие наблюдения снова приводят нас в южную часть Атлантического океана.

Что можно подумать о морском змее, увиденном 16 февраля 1857 года д-ром Биккаром и его родственниками с высоты старого маяка Грин-пойнт на мысе Доброй Надежды? Перед нами врач, открывший нам некоторые новые интересные черты морского монстра, но, без сомнения, он слишком был поглощен стрельбой из карабина в бедное животное, пока полностью не опустошил магазин. Все, что нам дает южноафриканский стрелок, состоит из двух очень схематичных набросков и следующих скудных деталей:

«...Расстояние, которое отделяло животное от берега, не превышало 200 метров. Его длина была около 60 метров, но я не могу ничего сказать о его толщине, была видна только его передняя часть. Голову он лишь моментами приподнимал, поэтому я видел ее неясно. Я видел протуберанец в верхней части головы, но не смог разглядеть глаз, несмотря на близкое расстояние и превосходный бинокль. Цвет его был темный, лишь на голове различались белые пятна».

Что могло заставить д-ра Биккара принять так называемый «протуберанец» за голову животного, ведь он похож на все, что угодно, только не на голову? Что касается тела, которое на рисунке изображено странно скрученным, действительно ли оно было видно или его местонахождение определялось по волнам?

Надеемся, что д-р Биккар знал анатомию человека лучше, чем строение змей.

Предоставим лучше слово судовым журналам британских кораблей с их уверенной четкостью. В конце 1857 года ободренный, как и многие другие, прецедентом «Дедала», капитан Джордж Генри Харрингтон отправил выписку из своего судового журнала сначала в министер-

ство сельского хозяйства, а затем в министерство торговли, которое дало добро на пересылку ее в лондонскую «Таймс»:

«Корабль «Кастилия», 12 декабря 1857 года, северо-восточная оконечность острова Св. Елены, 10 миль на северо-запад.

Когда я и мои офицеры (Уильям Девис и Эдвард Уиллер) находились на мостике и смотрели в сторону острова, мы заметили большое морское животное, которое высунуло голову из воды примерно в 20 метрах от борта. Затем оно исчезло на минуту-две и снова появилось, открыв нашим взорам свою голову и 3–4 метра шеи. Голова его имела форму буя, и я думаю, она была диаметром около 2,5 м в

Натуралист Майкл Дж. Николл с коллегами видел это длинношеее, с широкими плавниками животное с борта судна у берегов Бразилии однажды утром в 1905 году. Позже оно было замечено уже при лунном свете тремя членами команды. Животное явно было тем самым змеем, добавляет Николл, о котором часто сообщали в те годы

самой широкой части. Что-то похожее на сверток или комок мягкой кожи обвивало голову примерно в 60 см от вершины. [...]

Корабль шел слишком быстро, и не было возможности точнее определить его размеры, но, насколько мы могли видеть с мостика, оно могло быть длиной не менее 60 метров. Боцман и некоторые из матросов, наблюдавших за животным с мачты, утверждали, что оно было почти в два раза длиннее корабля, из чего следует, что его длина должна быть не менее 150 метров. Как бы то ни было, я убежден, что животное было змеей. Голова ее была темного цвета с белыми пятнами».

Не будем задерживаться на оценках, очевидно, слишком преувеличенных, длины животного. Самое интересное в этом сообщении — даже интереснее, того, что змею видели с расстояния 20 метров, то замечание, что какой-то «сверток или комок мягкой кожи» обвивал ее голову и образовывал венец на затылке. Вероятно, речь идет о том же, что многие другие очевидцы называли «гривой» или описывали как пучок водорослей, но, конечно, мы в этом далеко не уверены.

Несмотря на точность описания и несомненную честность свидетельства, которое было не больше, но и не меньше, чем официальный отчет о происшествии, сообщение капитана Харрингтона и его офицеров было поднято на смех. Более того, это сделал его коллега. В своем письме в «Таймс» капитан корабля «Пекин» Фредерик Смит заявил, что морской змей «Кастилии», так же как и «Дедала», не что иное, как гигантская водоросль, которую и он сам однажды принял за неведомое чудовище. Возмущенный контр-адмирал Хамилтон сам встал на защиту капитана Харрингтона, чтобы прояснить вопрос. В частности, он сам расспросил главного свидетеля после его прибытия в Лондон. Тот охотно согласился, подробно ответил на все поставленные вопросы и предоставил все желаемые гарантии своей искренности и полнейшей невозможности мистификации. Это не помешало капитану Смиту выразить новый

сарказм по этому поводу. Мы уже убедились выше, что из двух капитанов плут не тот, на которого могут подумать незнающие люди.

Еще через шесть недель морской змей, отличный от предыдущего, а скорее всего, вообще новый, был замечен между островом Св. Елены и Кейптауном капитаном Саклингом с корабля «Карнетик». Капитан описывает змея как «большой шест, выступающий над водой на 9 метров». Настоящее змееподобное существо никогда бы не могло подняться на эту высоту!

А затем — смена декораций: два следующих сообщения пришли из Индийского океана. Неужели мы скоро сможем увидеть героя нашего исследования в океанариуме? До этого, правда, еще далеко. Один из описанных случаев (змея «Бритиш Баннера») оказался, как мы уже показали ранее, явной мистификацией. И до нас не дошло никакого описания второго, которого вроде бы видели в Малаккском проливе, между сторожевыми бригами «Кришна» и «Менкс» индийского военного флота. Этот объект длиной от 15 до 30 метров мог быть и чем-нибудь другим, а не только морским змеем...

БОЛЬШИЕ ПИСАТЕЛИ И НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ ПРИЗНАЮТ ЗМЕЯ

Британский период морского змея достиг своего апогея в 1860 году с публикацией книги видного естествоиспытателя викторианской эпохи Филиппа Генри Госса «Роман естественной истории». Этот классический труд, популяризирующий Естественную Историю, произведение ученого и поэта, так же хорошо написано, как и документировано.

Неудивительно, что этот романтический, исключительно тонкий ум посвятил целую главу своей книги существованию того, кого называют «Great Unknown», Великим Незнакомцем. Никто не пожалеет, что крайний

шовинизм заставил его отбросить все иностранные свидетельства и привлечь только «свидетелей английского происхождения, известных своей честью и положением в обществе, большинство из которых были офицерами военного флота ее величества». (Он цитирует и семерых офицеров, свидетельства которых мы уже рассмотрели). Нет нужды представлять здесь произведение Госса как апологетику морского змея. Действительно, все приведенные им аргументы нашли место в нашей книге и приводятся там, где я посчитал их уместными. Часто нам достаточно только его точки зрения при идентификации чудесного зверя.

Рассортировав различные свидетельства и отделив вероятные появления именно морского змея от ошибочных наблюдений или известных объектов, рассмотрев также возможность существования очень больших китообразных и огромных угрей, писатель-натуралист пишет:

«Нам остается рассмотреть гипотезу, выдвинутую г-ном Э. Ньюменом, г-ном Моррисом Стирлингом и «F.G.S.», согласно которой морской змей является близким родственником таких необычных животных, как эналиозавры или морские ящеры, окаменевшие скелеты которых находятся в таком множестве в отложениях юрского периода».

И делает вывод после вполне здравых рассуждений: «Я должен признаться, что сам склоняюсь к этой гипотезе больше, чем к какой-нибудь другой».

Поставив вопрос, не может ли морской змей быть «в основном плезиозавром, который являлся бы далеким и огромным потомком плезиозавров», он продолжает: «Я не нахожу такое предположение невозможным, если иметь в виду, что свидетели, которые утверждают, что видели морского змея, часто указывают на наличие у него «гривы» или другого кольшащегося украшения. Трудности получаются скорее от незнания, чем от противоречия реальности. Мы не знаем, не была ли снабжена гладкая кожа эналиозавра подобным украшением, и я не вижу непреодолимых причин ее наличия. Самый ближайший пример, который я могу приве-

сти, — хламидозавр, большая наземная австралийская ящерица, шея которой снабжена воротником из тонкой мембраны. Она может складываться и расправляться, подобно крыльям или плавникам, на значительном расстоянии от тела животного».

Вот, во всяком случае, сравнение, которое превосходно объясняет «что-то вроде свитка или комка мягкой кожи» капитана Харрингтона.

Мы обязаны Чарльзу Гуду, сыну известного зоолога и художника-анималиста австралийской фауны Джона Гуда, описанием встречи с морским змеем, также имевшим воротник, подобный хламидозаврскому. Этот случай приведен в другой известной книге британского периода «Мифические чудовища» (1886). В этом произведении автор пытался доказать, что «многие животные, считающиеся мифическими и в течение столетий являвшиеся основой для легенд и сказок почти всех народов мира, являются в действительности субъектами естественной истории и могут рассматриваться не как плод возбужденного воображения, но как животные, которые действительно существовали и от которых — увы! — остались только неясные и искаженные описания, дошедшие до наших дней сквозь толщу веков».

В этой замечательной книге, намерения которой мне так близки, одна глава полностью посвящена морскому змею, который, по идее автора, не только существовал когда-то, но и живет сейчас. Эта глава исключительно хорошо документирована: кроме многочисленных свидетельств, взятых из больших статей или монографий по этой проблеме, приводится десяток случаев, больше не встречающихся нигде в другом месте. Это происходило потому, что многие сообщения были направлены прямо автору во время его длительного пребывания на Дальнем Востоке. Так, когда он находился в Сингапуре в 1880 году, он получил сообщение от капитана Андерсона, в то время служившего в компании P. & O. первым помощником на корабле «Плутто».

«Капитан меня уверяет, — пишет автор, — что два раза видел большого морского змея. Один раз у берегов Уэссана, когда служил помощником капитана на корабле «Дельта» в 1861 году. Из-за опасений насмешек не было сделано никаких записей в судовом журнале и ничего не сообщалось в газеты. В тот раз вся команда корабля видела монстра. Он был на расстоянии 5(?) миль (8 км) от корабля, и выступающая из воды часть его тела составляла примерно 5 метров. Он был похож на змею, но с большим воротником вокруг шеи. Он, вероятно, плыл вперед, и голова его совершала движения взад-вперед, как у змеи. Виден был он в течение четверти часа».

Присоединимся к удивлению Гуда насчет расстояния, на котором этот бретонский монстр был виден (конечно, здесь ошибка). Кроме того, если при своем движении змея покачивает головой, то это движения в боковые стороны, а не «взад-вперед».

Еще один раз змея с воротником была описана у западного берега Африки офицером почтового судна «Афинянин». Это сообщение попало к нам из письма, которое этот офицер благодаря блестящей (для нас) идее отправил своему другу в Лондон: «Можно теперь отбросить всякий скептицизм, — пишет он, — что касается существования морского змея. 6 мая (1863 г.) королевское почтовое судно «Афинянин» встретило его на траверзе Тенерифе. Примерно около 7 часов утра боцман корабля Джон Чейпл, находясь на мачте, увидел что-то двигающееся в направлении корабля. Он указал на этот объект священнику Смигу и еще одному пассажиру, которые находились на палубе. Приблизившись к пароходу, существо оказалось огромной змеей 30-метровой длины, темно-бурого цвета. Голова и хвост ее выступали из воды, а тело находилось под водой. На голове у нее было нечто похожее на гриву или пучок водорослей. Толщина тела была примерно, как у нашей главной мачты. Разрешаю вам опубликовать это письмо в газете, если захотите».

Что и было сделано (в «Зоолоджисте» и в «Иллюстрированных Лондон ньюс»), к величайшему нашему удовлетворе-

нию. Действительно, это один из редких случаев достойный доверия, когда хвост животного был виден. Не считая чудовища «Альфы», которое, скорее всего, было огромным угрем, до тех пор не было и шести подобных случаев.

Достаточно замечательно, что в пяти из семи этих случаев хвост описывается как змеиный, то есть длинный и тонкий, в тех же пяти случаях и многие другие подробности описывались достаточно одинаково. Три раза тело было утолщенным в отличии от шеи и хвоста. Это исключает возможность того, что речь действительно идет о змее или даже об угре. Кроме того, грива была упомянута три раза, а в четвертом случае кожа описывалась покрытой шерстью, что выдает млекопитающего. Еще два раза животное выпускало фонтан, как кит.

Короче, в этих пяти случаях очевидцы имели дело с гривастым морским змеем типа супервыдры, с относительно короткой шеей, но длинным хвостом, о которой певец Гренландии Ханс Эгедэ оставил нам великолепное описание и замечательные наброски.

Можно ли говорить, что другие виды морских змеев не имеют таких хвостов? Было бы дерзостью утверждать это до сего дня, так как трудно описывать форму этой части тела морского животного, если она никогда или очень редко появляется над водой. Но надо признать, что в двух оставшихся случаях, когда морской змей показывал свой хвост над волнами, он имел немного другой вид и каждый из двух сильно отличался.

Единственный вывод, который можно сделать теперь, это тот, что морские монстры типа супервыдры и гривастого более расположены показывать свой хвост над водой, без сомнения потому, что он у них длиннее, чем у других. Этим свойством обладают и животные, более гибкие во всех плоскостях, т.е. млекопитающие, что согласуется и с такой их особенностью, как наличие шерсти.

В Великобритании к тому времени, под давлением множества ясных и тщательно собранных свидетельств, пре-

доставленных уважаемыми людьми, честность которых не подлежала сомнению, многие естествоиспытатели втягивались в изучение тайны морского змея. Отныне невозможно было отделаться простым пожатием плечами или шуточками. Все эти свидетели не могли врать. И даже если они случайно ошиблись, что же тогда они видели? Надо было найти удовлетворительный ответ хотя бы на этот вопрос.

Среди британских журналов, освещающих вопросы естествознания, «Зоолоджист» Эдварда Ньюмена недолго оставался единственным, постоянно и серьезно обсуждавшим на своих страницах проблему морского змея. С 1870 года к нему присоединился журнал «Ленд энд уотер», который издавал уважаемый натуралист, сын великого геолога Уильяма Бакленда, Френк Т. Бакленд, в то время инспектор министерства рыболовства. Еще через два года примеру «Зоолоджист» последовал и великолепная «Нейчур», процветающая до наших дней. В номере от 5 января 1878 года в «Ленд энд уотер» другой именитый писатель-натуралист д-р Эндрю Вильсон опубликовал небольшую статью о морском змее. И в ней мы находим историю поимки в 1863 году змееподобного чудовища, которая — о чудо! — имеет все признаки правдивости.

МОРСКОЙ ЗМЕЙ, ПОЙМАННЫЙ В КИТАЕ

Настоящее сообщение является частью записи в судовом журнале шхуны «Бевер», принадлежавшей Адаму Смитту и находившейся под командой капитана Бойля. Запись сделана 2 августа 1863 года, и все произошло «на восточном побережье Китая около Хамаи». (Скорее всего, на юго-востоке. — Ред.)

«Я бросил якорь почти в полночь примерно в 2 милях от порта, — пишет капитан. — В половине третьего, сегодня утром, я сошел на берег с пятью китайцами. Люди в деревне, находившейся почти в 3 милях вверх по реке от нашей стоянки, были возбуждены. Я никак не мог по-

нять, что случилось. Немного позднее у реки я увидел местных жителей окруживших что-то, но я не мог разглядеть, что именно. Сначала я подумал, что они вытащили на берег ком грязи из реки, которая в этом месте была шириной не больше 6 метров. Но когда я немного приблизился к толпе местных жителей и присоединившимся к ним китайцам, которые пришли со мной, то увидел, что предмет, который там был, похож на большую рыбу. Она была еще жива. Я подошел еще ближе, и некоторое время с любопытством рассматривал морское чудовище. Вокруг собралось не менее 3000 местных жителей вместе с детьми, каждый был вооружен — кто топором, кто копьем, ножом или гарпуном. Большая часть из них наносила удары своим оружием по монстру. Пока я обошел эту толпу с другой стороны, им удалось отрезать часть, примерно 12-метровой длины, со стороны хвоста, похожего на змеиный, где была самая маленькая толщина. Я попросил отрезать для меня ее голову, сказал, что дам им за это 500 монет (около трети доллара в то время), чтобы рассмотреть его пасть. Это предложение было с радостью принято, хотя некоторые стояли около меня, тяжело дыша от такой нелегкой работы топорами. Я спросил у них, как эта рыба попала сюда. Они ответили, что она сама приплыла, а они уже увидели ее на мелководье, бьющейся в страшных конвульсиях, поднимая фонтаны песка и воды. Сначала все испугались, но затем самые смелые из рыбаков решились подойти к ней и крикнули остальным, что это большая рыба и она в их власти. Это ободрило присутствовавших, и они бросились на нее, вооружившись всем, что попало под руку, чтобы отрезать себе кусок. Пока я разговаривал с местными жителями, голова чудовища была отрезана, но при этом сильно обезображена. Я выволок ее на берег и открыл пасть, чтобы ознакомиться с ее содержимым.

Я увидел, что она совершенно такая же, как у змеи, но несла в себе три ряда мягких, как казалось, зубов. Все они были одинакового размера. Они были подвижными, то есть

я мог легко отогнуть их к губам. Около входа в глотку я обнаружил странную субстанцию в форме колосников, очень твердую. Она была покрыта чем-то вроде красноватой кожицы, что заставило меня подумать, что это чудовище питалось планктоном. Морда была плоская, глаза похожи на пороссячи, кожа толщиной около 4 см и чрезвычайно твердая, серо-голубого цвета. Я думаю, в этой рыбе было несколько тонн китового жира. Длина ее была около 27 метров. Так как моя обувь промокла, да и солнце палило нещадно, я вынужден был уйти, иначе бы остался до самого конца, пока туша не была бы разделана и взвешена, но это было выше моих сил. Поэтому я не знаю ее истинного веса».

15 августа капитан Войль сделал еще одну запись: «Я сошел на берег в сопровождении боя и не нашел ни малейшего следа морского монстра».

Предоставим д-ру Вильсону возможность прокомментировать это сообщение, что он, однако, сделал достаточно убедительно:

«Что касается природы животного, о котором идет речь, трудно сказать что-нибудь определенное. Упомянутые детали мало что говорят с зоологической точки зрения, одно исключение — зубы. Примечательно — капитан Войль отметил, что зубов было много, они были одинаковыми и подвижными. Эти черты указывают на несомненную принадлежность существа к рыбам, а «твердая субстанция в виде колосников» в пасти, вероятно, являлась частью дыхательной системы или языка, или, скорее, их развитием».

Вот мы опять возвращаемся к гипотезе большой змееобразной рыбы. Идет ли речь снова об огромной неизвестной рыбе класса хрящевых, как это предполагалось в случае со зверем Стронсы? Некоторые детали наводят на эту мысль: во-первых, огромная длина, едва ли не самая большая из всех у этой группы животных; плоская морда; три ряда зубов; питание планктоном, которое мы видим уже у гигантской и китовой акул, самых больших из известных представителей этого класса, живущих до сих

пор. Глаза выпуклые и похожие на глаза свиньи (глаза акулы не такие круглые и безразличные, как у других рыб).

Но хвост у акул не такой простой, как у змей, а с двумя лопастями. Хотя у некоторых видов верхняя лопасть такая большая, а нижняя такая маленькая и неразвитая, что хвост животного, находящегося на мелководье, которого несколько сотен человек разделяют на куски, мог показаться таким же утончающимся к концу, как у змеи.

Отметим это и, несмотря на три ряда зубов, не будем окончательно отбрасывать идею об огромном угре, которая хорошо согласуется с общими чертами пойманного животного. Кажется, что киты и акулы приговариваются самой природой питаться планктоном, как только они превзойдут определенный размер, возможно, что и утри, и мурены длиной больше 25 метров переходят на такой же режим питания, чтобы выжить.

ВНУК МЯТЕЖНИКА С «БАУНТИ» ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ В ЮЖНУЮ ЧАСТЬ ТИХОГО ОКЕАНА

После 1863 года девять лет морской змей классического типа, действительно доисторического вида, не упоминал о себе, за исключением одной ошибки и одной мистификации. В это верится с трудом. Начиная с 1815 года его регулярно встречали почти каждый год, а то и по два раза, и вот внезапно его окутывает длительное молчание.

В действительности такое молчание объясняется часто только отсутствием информации. Так, в научном годовом отчете философского общества в Ливерпуле за 1877 год я нашел сообщение, что морского змея вроде бы видели в 1870 году в южной части Тихого океана. Это произошло в совершенно новом районе, в окрестностях острова Норфолк, а главным свидетелем является китобой Джон Адамс, внук боцмана с «Баунти», того самого мятежника, кото-

рый основал вместе с местными жителями на острове Питкэрн небольшую колонию, существующую и в наши дни. Нет ничего удивительного в том, что встреча, происшедшая на обратной стороне Земли, так долго оставалась неизвестной в западном мире. Известие о ней пришло с письмом, отправленным 7 января 1874 года одному из членов военного совета королевского флота мистеру Дж. Л. Палмеру:

«Что касается морского змея, которого видели в этих местах, я вам расскажу, как было на самом деле. Должен вас предупредить, что здесь при охоте на китов, когда ничего нет в поле зрения, мы идем под парусом, внимательно осматриваясь. 15 октября 1870 года легкий ветер дул с юго-востока и наше судно находилось примерно в миле от берега, когда наблюдатель заметил теленка (так здесь зовут молодых китов) примерно на расстоянии полутора миль от нас с левого борта. Мы взяли курс к нему, и когда оставалось около 100 метров до предполагаемого теленка, наблюдатель сказал: «Я не могу разобрать, что это такое. Я до сих пор ничего похожего не видел, но это, несомненно, животное. Его спина виднеется из воды и от него расходятся волны». — «Прекрасно, — ответили ему, — следи за ним хорошенько». Судно продолжало движение и приблизилось уже на расстояние нескольких метров, как вдруг наблюдающий закричал: «Смотрите! Это морской змей!» И было на что посмотреть. Корабль прошел почти в метре от него, и это был настоящий морской змей. Профессор Оуэн или любой другой профессор естественной истории может сколько угодно заявлять, что ничего подобного не может быть, но в метре от борта, прямо перед нашими глазами находилось живое опровержение его теории. Когда мы его увидели в первый раз, я подумал, что оно спит. Голова лежала на поверхности воды, а тело кольцами оборачивалось вокруг. Я ясно различал хвост монстра, опускавшийся на 4 или 6 метров под воду. Когда мы вплотную приблизились к зверю, если его можно так назвать, он поднял голову над водой, посмотрел на нас,

затем медленно вытянулся и легко поплыл в сторону. Я не могу точно назвать его длину, но, на мой взгляд, она была от 9 до 12 метров. Кожа у него была рыжеватого цвета, а толщина тела составляла 30–45 см в диаметре. Мы плавали вокруг острова почти каждый день в течение 18 лет, но никогда не видели подобного существа ни до того, ни после этого случая».

Подтверждение истинности происшествия пришло к нам совершенно с другой стороны. 21 августа 1883 года капитан военного флота Маркус Лоутар послал письмо капитану Древару, который только что сообщил о встрече со змеем, со словами поддержки (они требовались в тех обстоятельствах). Он и передал ему историю, которую когда-то услышал от своего друга Джона Адамса, и добавил: «Я его знаю, он неспособен на ложь».

Надо признать, что рассказ потомка мятежника с «Баунти», если принять его за правду, немного сбивает с толку. Ведь существо, способное сворачиваться кольцами и без лап, которых наш свидетель не видел в прозрачной воде, должно быть, скорее всего, настоящей змеей! Неужели в самом деле существуют морские змеи десятиметровой длины?

Конечно, можно было бы обвинить Джона Адамса во лжи и грубых инсинуациях по принципу: «Разве внук мятежника с «Баунти» может заслуживать доверия?» Но признайтесь, что было бы нечестным обвинять кого-то во лжи только потому, что его слова не соответствуют какому-то нашему представлению.

Можно посчитать, что Джон Адамс ничего не видел, и оставить морского змея в покое. Так же, как и он, отдохнем, переведем дыхание и прокрутим в уме череду неизвестных науке морских чудовищ, которых мы повстречали за первую половину британского периода: доисторических ящеров с воротниками или развевающимися гривами, гигантских угрей, монстров с зобами и китообразных сколопендр, мант, пятнистых, как леопард, и супервыдр, морских коней и рыжих змей...

МОРСКОЙ ЗМЕЙ-КОСМОПОЛИТ

Хорошо быть морским змеем. Нет никакой гордыни, не надо заботиться о своем престиже. Девять лет молчания и забвения — это слишком много для звезды, которая не сходила с афиш почти полвека. Особенно если ее вспоминают только в связи с какой-нибудь ошибкой или мистификацией. Как в тот день 1870 года, когда капитан Сломкам, со шхуны «Саладин», увидел то, что, несомненно, было мертвым китом, плававшим по воле волн вверх брюхом, наполненным газами, выделяющимися при разложении. Тот случай пресса, конечно не без усмешек, объявила возрождением морского змея. Надо же до такого дойти: принять этот надутый пузырь за его величество повелителя океанов!

Было хуже. В 1872 году директор Лейденского музея Герман Шлегель пошел еще дальше и заявил, что еще в 1837 году он «доказал» принципиальную невозможность существования такого гигантского животного, как морской змей! Действительно, в 1837 году в своей книге «Эссе о видах змей» он с видимым удовольствием несколько раз повторил, что наш герой не что иное, как иллюзия, основанная на наблюдениях стаи морских свинок, плывущих гуськом.

Это положение не могло долго продолжаться. Пора было готовить триумфальное возвращение. Первая попытка — увы — была не очень убедительной.

Весной 1872 года известный судовладелец и уважаемый в Ливерпуле торговец мистер Дж. Ф. Уолтью передал в новый английский журнал «График» следующее сообщение, полученное им от капитана Хасселя, командовавшего норвежским барком «Св. Олаф», который шел из Ньюпорта в Техас.

«За два дня до прибытия в Гальвестон, — сообщал капитан, — мы находились в точке с координатами 26°52' с. ш. и 91°20' з. д. В 4 часа 30 минут после полудня 13 мая, когда погода стояла тихая и море было спокойно, я уви-

дел стаю дельфинов, обгоняющую корабль. Примерно через две минуты один из матросов закричал, что наблюдает с подветренного борта что-то, похожее на перевернутую бочку. Затем другой сообщил, что видит что-то, похожее на поднимающегося из воды человека огромного роста. Когда мы приблизились, перед нами предстала огромная змея, которая подняла голову из воды примерно в 60 метрах от корабля. Она спокойно лежала на поверхности воды, и движения ее были, как у обыкновенной змеи. Мы не могли видеть ее целиком, но та часть тела, что была открыта нашим взглядам, растянулась примерно на 20 метров и была везде одинаковой толщины, за исключением головы и шеи, которые были тоньше. На спине у нее виднелись четыре плавника, а вся спина была желто-зеленоватого цвета с коричневыми и белыми пятнами. Весь экипаж наблюдал за ней почти десять минут, пока она не удалилась. Диаметр ее был не менее 1,8 метра. Один из офицеров сделал карандашные наброски змеи, которые дают ясное о ней представление».

Д-р Удемандс оценил это сообщение как мистификацию или, по крайней мере, оптический обман. По его мнению, то, что капитан Хассель и его команда видели — если они вообще что-нибудь видели! — было четверкой дельфинов, плывших друг за другом, и только первый из них время от времени поднимал над водой голову. Подобное поведение, правда, не является обычным для дельфинов. Более того, если бы какие-нибудь дельфины, двигаясь гуськом, действительно могли некоторое время изображать морского змея, свидетели, которые только что видели их стаю, были бы последними из тех, кто ошибся. Поэтому предположение о простой и чистой воде мистификации наиболее вероятно.

Возможно, голландский зоолог имел основания не поверить капитану Хасселю, но аргументы его не совсем справедливы. Это не потому, что морской змей с четырьмя спинными плавниками не соответствует теории, что он похож на мифическое чудовище, он обязательно плод

воображения или иллюзии. Мы должны признать, что монстр «Св. Олафа» очень похож на змея со множеством крыльшек, которого уже дважды видели у берегов южной Африки, с борта «Бархема» в 1852 году и с «Принцессы» в 1856-м. Подобных мы встретим еще не раз и в дальнейшем.

Надо честно признать, что карибской неудачей наш герой немного подпортил свое возвращение. К счастью для него, он вскоре с лихвой реабилитировал себя, появившись в августе перед глазами одного английского лорда, совершавшего морскую прогулку на своей паровой яхте. Конечно, это случайное появление не было таким длительным, как представление, какое он дал летом 1819 года у побережья Массачусетса, на глазах большой толпы зрителей (в Америке, надо заметить, все самое большое). На этот раз его появления в ряде заливчиков западного побережья Шотландии продолжались только пять дней, но его там видели очень важные персоны.

Эти посещения морского змея имеют для нашей истории крайнюю важность. Так как не только открывают новую фазу в британском периоде морского змея, этап его вторжения на территорию самой метрополии, или, точнее, фазу признания его достаточно частого присутствия в водных пространствах, омывающих Великобританию. До 1872 года, за исключением свидетельства его преподобия Маклина, который видел морского змея во внутренних водах Гебрид, ходили только неясные слухи о якобы появлении странных животных в территориальных водах Британии. И вот, в течение 16 лет, вдруг поступает в общей сложности 16 достаточно подробных сообщений.

В надлежащим образом описанном прорыве большого змееподобного существа в пролив Слит надо видеть не только начало нового, более «домашнего» этапа в британском периоде, но и первые решительные шаги шотландского периода, который мы переживаем сейчас и звезда которого — лохнесское чудовище.

БОЖЬИ СЛУГИ ВЫСТУПАЮТ НА СТОРОНЕ МОРСКОГО ЗМЕЯ

Для этого нового слушания вызовем к барьеру сначала главных свидетелей, двух уважаемых епископов, преподобного Джона Макрая, пастора из Гленельга, и преподобного Дэвида Твопини, викария из Стокбери в Кенте. Предоставим им слово:

«20 августа 1872 года мы покинули Гленельг на маленьком суденышке «Леда» для посещения Лох-Урна. В нашей группе, кроме нас, были две дочери пастора Макрая, мисс Форб и мисс Кэтти, его внук мистер Джильберт Богль и слуга. Наш путь пролегал через пролив Слит, который разделяет остров Скай и большую землю. Средняя его ширина в этом месте около 3 км. Погода стояла тихая, солнечная и безветренная, море было совершенно спокойным.

Когда мы плыли на веслах по проливу, мы заметили темную массу в воде, примерно в 200 метрах позади, в северном направлении. Пока мы рассматривали ее в бинокли (на борту их было три пары), еще одна темная масса, похожая на первую, поднялась слева от нее на небольшом расстоянии, затем третья и еще одна, все через равные интервалы. Мы ни минуты не сомневались, что речь идет о живом существе. Оно пересекло наш след и исчезло. Вскоре первая масса, которая, наверное, была головой, появилась снова и затем возникли другие массы, как и в первый раз.

То их появлялось три, то четыре, пять или шесть, а потом они опять погружались в глубину. Когда существо всплывало, сначала показывалась «голова», а затем остальные темные массы появлялись через равные промежутки, постепенно проявляясь в толще воды. Когда же оно погружалось, эти массы пропадали одновременно и сразу, иногда оставляя лишь одну голову.

Создавалось впечатление, что чудовище изгибало спину, подставляя ее солнцу. Не было видно никаких призна-

ков зигзагообразного движения: когда массы погружались, в просветах между ними другие не появлялись. Самое большое число этих масс, которое нам удалось насчитать, было равно семи, то есть всего восемь вместе с головой [...]. Разные части отделялись друг от друга расстоянием, равным собственной длине, голова была меньше и более плоская, чем остальные, а нос животного едва показывался из воды. Мы не видели, чтобы голова полностью поднималась над водой ни в тот день, ни в следующий, и поэтому ничего не можем сказать о глазах. У нас не было возможности точно определить и длину существа, но приблизительно, если считать, что расстояние между соседними массами было около 1,8 м, вся длина видимой части тела могла быть 14 метров.

Пока мы рассматривали существо, оно вдруг двинулось в нашу сторону, разведя на воде большую волну. Почти все его тело скрылось под водой и лишь голова быстро приближалась к нам, в окружении облака брызг. Не видно было, ни с помощью чего оно плыло, ни как дышало. Мисс Форб Макрай испугалась и спряталась в каюте с криком, что чудовище напало на нас. Когда существо подошло к нам на расстояние примерно 100 м, оно внезапно нырнуло и удалилось в направлении острова Скай, все время находясь под водой, так что мы могли следить за его передвижением только по волнам, которые поднимались на гладкой поверхности воды. Отплыв на расстояние около мили, оно снова появилось на поверхности и продолжило свои эволюции до тех пор, пока мы находились в этой части пролива. Но в этот день мы не видели его больше так близко и четко, как в первый раз. В один из моментов мисс Форб и мистер Богль вроде бы заметили появившийся позади головы плавник, но мы в это время не смотрели.

Возвращаясь на следующий день, мы снова попали в штиль в северной части Лох-Урна, там, где ширина его достигает примерно 5 км. День стоял такой же теплый и солнечный, как и накануне. В тот момент, когда мы мед-

ленно плыли, во второй половине дня, существо снова появилось с южной стороны, у берега, но дальше, чем вчера. Теперь оно казалось тремя или четырьмя продолговатыми [...] линиями и длина его представлялась гораздо большей. По нашему мнению, она была около 18 метров. Вскоре существо начало движение и, оставляя на поверхности только небольшую часть спины, как и прежде, поплыло в сторону Лох-Урна.

Еще немного позднее, когда мы на веслах дошли почти до острова Сандайт, эта тварь внезапно преградила нам путь примерно в 150 метрах впереди. Она плыла с большой скоростью, и только черная голова виднелась сквозь прозрачную воду, да позади тянулся след потревоженной воды».

Во второй половине дня, пока экскурсанты плыли в северном направлении проливом Слейт, животное оставалось в поле зрения до самых сумерек. К рассказу о том, что они видели своими глазами, наши два священнослужителя добавили несколько случаев, наблюдавшихся другими людьми, правдивость слов которых они гарантируют: «В Кайлере прохожие видели его с обоих берегов пролива плывущим с большой скоростью вечером 21 августа, и очевидцы слышали, как он плескался в воде. Они сначала подумали, что это стая дельфинов, но их удивила скорость, с которой они плыли. Мистер Финли Макрай находился 21 августа на корабле в проливе Лох-Урн и вместе с другими пассажирами видел существо с расстояния 150 метров.

23 августа Александр Макмиллан, инженер с верфи в Дорни, ловил рыбу у входа в залив Лох-Дич между Драйдагом и Кастледонамом, когда увидел животное достаточно близко, чтобы слышать, как оно плещется, и видеть след на воде. Он утверждал, что позади головы виднелись три или четыре темные массы или «полусферы», как он их назвал, которые то поднимались, то опускались одновременно. Он оценил длину существа от 18 до 24 метров. Он также его встречал в два последующих дня. Во всех этих случаях вместе

с ним был его брат Фаркуар, они оба сильно испугались и поспешили пристать к берегу.

Одна дама из Дьюсдала, расположенного на побережье пролива Скай, говорила, что рассматривала море в бинокль, когда увидела странный предмет, похожий на цепочку из восьми ткуленей, плывущих один за другим. Это случилось почти в то же время, когда его видели и мы.

Мы также узнали, что похожее существо видели у острова Эйг, примерно в 32 км от Лох-Урна».

Чтобы сразу покончить со свидетельствами этого появления морского змея около острова Скай, добавим, что 22 и 23 августа лорд Макдональд и его гости, приглашенные им на борт своей паровой яхты – среди гостей преподобный Мак-Нейл, пастор со Скай, – видели зверя еще два раза в Лох-Урне.

Кроме «показаний» этих двух главных свидетелей, которое появилось в «Зоолоджист» в мае 1873 года, каждый из них, сразу же после происшествия, опубликовал свои собственные показания, пастор Макрай – в августовском номере «Инвернесс курьер» за 1872 год, преподобный Тупени, под скромной подписью «Т.Т.» – в «Ленд энд уотер» в следующем месяце.

Первый из них, которого его коллега называл «большим знатоком зоологии», предпослал своему рассказу критические замечания относительно ценности своего свидетельства и предложенного им вывода о возможной природе существа:

«Ни его вид, ни способ передвижения ни в малейшей степени не указывают на его принадлежность к китообразным, акулам или другим известным науке рыбам. В случае, если кто-нибудь из ваших читателей вообразит, что я рассказываю сказки, вы можете поставить под этим сообщением мое полное имя. Я думаю, что среди очень большого круга людей, которые меня знают, не найдется ни одного, кто сможет заподозрить меня в том, что я могу выдать за истинную правду то, в чем сомневаюсь. Все подтвердят, что я достаточно хорошо знаком с обитателями моря, чтобы не

узнать кита, акулу, морскую свинью или плавающую бочку, если я их увижу».

Другие свидетели также предоставили прессе короткие описания своих наблюдений. Мисс Кэтти Макрай и ее сестра мисс Форб позднее передали свои наблюдения д-ру Удемансу. Мистер Богль напечатал свои впечатления в номере «Ньюкастл уикли кроникл» от 32 декабря 1877 года.

Можно не приводить полностью эти различные сообщения, впрочем достаточно короткие, тем более, что они почти повторяют друг друга в мельчайших деталях. Я взял из них, в дополнение к основному свидетельству, только действительно новое.

Перед такой кучей совпадающих свидетельств инспектор Фрэнк Т. Бакленд вынужден был признать, что обнаруженное животное не может быть помещено ни в одну категорию известных науке животных, к которым причислял морского змея профессор Оуэн, его идол в вопросах зоологии: ни к ткуленям, ни к морским свиньям, ни к морским черепахам, ни, наконец, к плавающим стволам деревьев, облепленным ракообразными. На этот раз он не считал также, что это был огромный морской угорь, как он предположил предыдущий раз, но все еще не отбросил идею, что это могла быть рыба-ремень, или сельдяной король, с той оговоркой, что: «Рыба-ремень и угорь при движении совершают зигзагообразные движения в горизонтальной плоскости, а все свидетели утверждают, что животное изгибалось в вертикальной. Однако плоские рыбы совершают похожие движения, поэтому это мог быть какой-нибудь вид глубоководных рыб».

Свидетели не могли с уверенностью сказать, что «не было никакого зигзагообразного движения». Еще раз, как и в заокеанском случае, предполагаемые вертикальные изгибы могли быть следствием как анатомического строения животного, так и способа его передвижения. Но Бакленд, который, казалось, был настроен видеть в любом появившемся морском чудовище только разновидность известного

научному миру животного, не принимал это во внимание. Он предпочитал верить в пьяную или полупарализованную рыбу-ремень, плавающую на боку, или в рыбу, являющуюся плодом воображения страдающего манией величия рыбака, только потому, что эта рыба не вписывается ни в одну категорию животных, подлежащих его инспектированию.

В любом случае, описанное существо не имеет ничего общего ни с рыбой-ремнем, ни с какой другой плоской рыбой, что является достаточным доводом, чтобы не продолжать рассматривать эту безосновательную гипотезу.

Эдвард Ньюмен, издатель «Зоолоджист», как обычно, был гораздо более осторожен. В 1860 году, после поимки на Бермудах морского змея, оказавшегося совершенно новым видом сельдяного короля, его вера в существование живого плезиозавра была, казалось, несколько поколеблена, и он готов был согласиться, что чудовище «Дедала» могло быть все же рыбой-ремнем (чего я лично не смогу понять никогда!). Но эта серия наблюдений вернула ему более оптимистический взгляд на проблему: «Я и раньше считал, что существует большое морское животное, неизвестное науке, теперь я уверен в этом больше, чем когда бы то ни было».

ПРЕПОДОВНЫЙ ДЖОЙС ЗАЩИЩАЕТ «СВОЕГО» ПЛЕЗИОЗАВРА

Спустя год после памятного появления морского змея в Лох-Урне, другое подобное создание четыре раза было замечено у другой стороны Шотландии. Сначала у берегов Сазерленда. Это был первый случай, когда такое животное появилось у восточного побережья Великобритании.

В середине сентября 1873 года леди Флоранс Левесон Гоув и миссис Кок проезжали по берегу примерно в 8 милях к северу от Данробина, когда они заметили в море то, что казалось большим морским животным. «Это определенно морской змей», — решили дамы.

На следующий день, в 7 часов утра, одеваясь к завтраку, д-р Сутар из Голспи увидел плывущее вдоль берега существо длиной 12–15 метров. Оно подняло над водой голову на длинной шее примерно на 1,5 метра. За завтраком доктор заявил своим домочадцам: «Если бы я верил в морского змея, я бы сказал, что видел одного сегодня утром».

Затем настала очередь преподобного Джеймса Джойса, местного пастора, археолога-любителя и человека с научным складом ума, встретиться с чудесным гостем. Узнав, что он не первый, с кем это случилось в эти дни, он сообщает об этом своему другу д-ру Мейнарду, который также знаком и с д-ром Сутаром, следующее: «На следующий день, в полдень, я увидел в бинокль, примерно в 800 метрах от берега, нечто, плавающее на поверхности моря. Это скорее всего была туша мертвого или умирающего животного. Ее медленно сносило течением вдоль берега. За все время наблюдения существо не поднимало свое тело над водой выше, чем в момент, когда я его заметил, а через некоторое время оно внезапно исчезло под водой. Масса была коричневого и светло-желтого цвета, видимая часть достаточно велика — примерно 2,5–3 метра. Я наблюдал за ней почти полчаса и сделал несколько набросков на листе бумаги».

Преподобный Джойс указывает, что название «морской змей», по его мнению, не очень подходяще, поскольку «существо напоминало ящероподобное создание, родственное плезиозавру». И затем защищает свою идею следующими доводами: «Хрящевые рыбы австралийских морей (например, акула Порт-Джексона) имеют зубы того же типа, что были у пресмыкающихся юрского периода, и питаются они моллюсками, ракообразными и червями, не изменившимися с каменноугольного периода. Почему бы ящеру той эпохи, или какому-нибудь его близкому родственнику, не дожить до наших дней в неисследованных районах океана?»

Письмо преподобного Джойса попало в руки мистера Френсиса, главного редактора газеты «Филд», и было пере-

правлено им в «Таймс», в Лондон, с комментариями, из которых ясно, что он ничего не понял об упоминавшейся акуле Порт-Джексона, этом уцелевшем ископаемом юрско-го периода.

«Было бы удивительно, — пишет он, — если бы животное, о котором идет речь, оказалось в действительности чем-то вроде чудовищного ящера. Кроме того, если бы оно питалось теми мелкими живыми существами, о которых упоминает мистер Джойс, ему понадобилось бы немало времени, чтобы насытиться».

Публикация письма преподобного Джойса вызвала приступ сарказма у Фрэнка Бакленда, в который раз принявшегося объяснять, на этот раз читателям «Таймс», что увиденный морской змей представляет собой на самом деле стадо морских свиней, морскую черепаху, морского угря, рыбу-ремень, стаю птиц, гигантскую акулу, полузатопленный ствол дерева или, наконец, обломок корабельной мачты.

Знакомая песня.

«Я не могу, — добавляет он, — согласиться с теорией мистера Джойса, по которой его морской змей — доживший до наших дней представитель доисторических ящеров-плезиозавров. Мистер Френсис сообщает, что на рисунке у существа видны уши, похожие на лошадиные, но согласно реконструкции мистера Хокинса в «Кристалл Пэлес», плезиозавры не имели ушей».

Сразу же уточним, что реконструкции мистера Хокинса изобилуют множеством грубых и даже забавных ошибок. Следовательно, они не могут служить доказательством того, что плезиозавры или другие известные науке рептилии не имели наружных ушей. Но, так или иначе, у всех встреченных и принятых за морского змея животных не было ушей. Однако преподобный Джойс никогда и не собирался украшать подобным органом «своего» плезиозавра, это он и подтвердил в категорической форме в своем ответе. Он также выразил удивление, что было опубликовано письмо, которое не предназначалось для печати, поэтому возможна некоторая неточность изложения.

«...Эти два джентльмена говорят, — писал он, — что наш змей имел уши, похожие на лошадиные, и ссылаются на рисунок из моего письма — торопливый набросок, сделанный неопытной рукой. По моему мнению, обсуждаемые выступы больше похожи на рот или полупрозрачные, полукруглые створки расположенных на конце головы ноздрей. Глазные впадины отстоят гораздо дальше сзади, и их блеск, вместе с внезапным исчезновением, были единственными признаками жизни этого существа за все то время, что я за ним наблюдал».

Не ставя под сомнение очевидную компетентность преподобного Джойса в вопросах зоологии, я просто привлек ваше внимание к описанию того, что он назвал створками ноздрей. У некоторых типов морских змеев они описываются часто как уши или рога, но мы встретим однажды и очень изобретательное объяснение: это дыхательная трубка, шноркель, подобная тем, которыми снабжены подводные лодки, позволяющая дышать животному, остающемуся под водой.

Через месяц после встречи пастора-натуралиста со змеем, 18 ноября 1873 года (время необычно позднее для этого вида живых существ), появился отличный от предыдущего морской змей примерно в 250 км южнее, в заливе Ферт-оффорт, где за его перемещениями наблюдала целая толпа зевак числом в 120 человек.

Один из них, которого позвал возбужденный приятель, воспроизвел происшествие в том порядке, в каком его впоследствии описала газета «Скотсмен»: «Почти на середине залива Белхавен, примерно в 400 метрах от того места, где мы находились, в воде виднелось «черное, длинное и большое животное», похожее на ящера, описанного мистером Джойсом. В первый момент, когда его заметили, оно двигалось в сторону берега. Его голова и некоторые части тела были видны над водой. Подплыв к берегу, оно развернулось на запад и продолжало движение в этом направлении довольно долгое время. Иногда казалось, что оно вытягивается во всю длину, в эти моменты его голова

и хвост одновременно показывались из воды, и только небольшая часть тела в середине оставалась погруженной. Однако гораздо чаще движения его были волнообразными, на поверхности тогда были видны одновременно два или три кольца тела. Для наблюдателей, находившихся на том расстоянии, эти кольца казались извивами змеи, так как между водой и нижней поверхностью тела ясно был виден просвет. Время от времени существо ныряло и тогда скрывалось полностью под водой, но оставалось там каждый раз не более двух минут, не показывая над поверхностью ни одной части своего тела. В вытянутом состоянии оно имело длину, вероятно, 30 метров при толщине 60–90 см. Возможно, размеры его были и больше. Оно оставалось в поле зрения почти четверть часа, и все окружающие имели прекрасную возможность следить за его движениями».

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛИ: ДВА БУДУЩИХ АДМИРАЛА

Чтобы представить проблему в истинном свете и без предвзятости, надо иметь смелость приводить факты, содержащие детали, имеющие значение, независимо от того, подтверждают они или нет личную теорию автора о происхождении животного или животных. Правда, одна только правда, ничего, кроме правды. А теперь бегло просмотрим остальную часть британского периода, по пути отмечая все интересные свидетельства, касающиеся предполагаемого морского змея. Иногда этим именем, словно в насмешку, обзывали животных самого неподходящего вида. В нужный момент мы каждый раз будем обращаться к мнению экспертов.

Перед тем как высунуть нос у восточного берега Шотландии, великий морской Незнакомец 20 марта 1873 года появился у Антильских островов. Происшествие стало достоянием широкой публики только в 1906 году. В этом году редактору «Иллюстрейтед Лондон ньюс» пришла замеча-

тельная, с нашей точки зрения, идея обнародовать недавнюю встречу с морским змеем двух профессиональных зоологов и опубликовать, кроме того, письмо ученого-натуралиста В.П. Пиккрафта, подтверждающее существование чудовища. Ободренный свидетельствами таких компетентных специалистов, капитан в отставке Реджинальд Йонг отыскал на дне своего старого сундука судовой журнал фрегата «Оронт» и отправил следующую выписку из него в адрес лондонского журнала: «20 марта 1873 года, 3 ч. 15 мин. утра. Поломка тяги клапана воздушного насоса. Двигатели остановлены в 7 ч. 20 мин. утра. Когда капитан корабля Перри и я находились на палубе, мы увидели нечто, привлекавшее сначала наше внимание своей белизной, постепенно поднимавшееся из воды и затем оставшееся в этом положении несколько секунд. Это оказалась голова огромного монстра, своими очертаниями она мне показалась похожей на голову утря. Эта тварь возвышалась над поверхностью воды примерно на 1,5 метра, но я не могу сказать, какая часть его тела оставалась под водой. Капитан направил корабль в его сторону. Я спустился в штурманскую рубку каюту, чтобы взять ружье. Пока я за ним ходил, чудовище погрузилось (как потом сказал мне капитан), чтобы через несколько секунд снова появиться вблизи корабля – почти касаясь его борта, и капитан смог его разглядеть еще лучше. Рыба, казалось, совсем не была обеспокоена близостью корабля, она спокойно развернулась и поплыла в юго-западном направлении, показавшись еще раз или два на поверхности океана до того, как капитан выстрелил в нее из ружья, которое я ему принес. Больше мы его не видели. Из экипажа его видели также боцман Флеминг, сигнальщик Рэнсон и лейтенант Лэнг, находившийся в своей каюте. Он потом говорил, что его внимание зверь привлек сначала звуками своего дыхания. Очевидцы оценивают его длину примерно в 12 метров. Задняя часть головы была черная, горло и брюхо – белые, глаза также белые и расположены глубоко в задней части головы».

В своем письме, отправленном в журнал, капитан Йонт добавляет следующие интересные подробности:

«В этот момент мы только что прошли проход Мона между островами Св. Доминика и Пуэрто-Рико. Погода стояла великолепная.

Капитаном фрегата был Джон Перри, ставший потом адмиралом, имя которого и теперь можно найти в Морском ежегоднике, с припиской — «в отставке». Лейтенант Лэнг — теперь Уильям Меткалф Лэнг, также адмирал в отставке.

Я хорошо помню, что когда адмирал сэра Родней Абанди инспектировал в Портсмуте корабли, он отозвал меня в сторону и подробно расспросил о морском чудовище. Я показал ему и рисунки, которые сделал. Я уверен, что должен существовать его доклад Адмиралтейству об этом происшествии, ведь сохранился же судовой журнал фрегата».

Какого же черта два адмирала Королевского военно-морского флота до сих пор не проронили ни единого слова? Впрочем, как и еще один, уже третий, адмирал, которого морские чудовища, кажется, очень интересуют. Единственное эхо того события — письмо капитана Кохрейна, также в тот момент находившегося на борту фрегата, отправленное несколько лет спустя своему коллеге капитану торгового флота Джорджу Древару. Кохрейн тоже претендует на то, что видел морского змея. Только отношением прессы, которая осмеивала очевидцев, можно объяснить и извинить их упорное молчание...

МОРСКОЙ БОА КОНСТРИКТОР «ПОЛИНЫ»

В начале лета 1875 года барк «Полина», которым командовал Древар, покинул Англию и отправился в длительное двадцатимесячное плавание. 8 июля в 20 милях от мыса Сан-Роке в Южной Америке весь экипаж корабля явился свидетелем смертельной дуэли кашалота с существом, которое было похоже на огромную змею. Пять дней спустя, другое

подобное чудовище — все решили, что то же самое — было замечено в 200 метрах от корабля.

Когда судно с грузом угля прибыло в порт на Занзибар, о происшествии скоро стало известно. О нем узнал и преподобный Д.Л. Пенни, капеллан военного корабля «Лондон». Этот образованный священник расспросил многих свидетелей, составил отчет по их словам и даже изобразил по описаниям морское сражение на бумаге. Все эти сведения он отправил в «Иллюстрейтед Лондон ньюс».

Позже капитан Древар сам отправил подробный рассказ о случившемся, и мы приводим это свидетельство из первых рук, записанное в судовом журнале «Полины» 8 июля 1875 года:

«Погода хорошая, солнечная, ветер и волнение умеренные. Видели несколько темных пятен на воде и белесую колонну, высотой примерно 10 метров над ними. Сначала я принял пятна за подводные скалы, так как вокруг них море кипело от брызг и пены, а колонну — за вершину скалы, белеющую под солнечными лучами. Но колонна вдруг обрушилась в море, а на ее месте поднялась другая. Они поднимались и падали поочередно во все возрастающем темпе. В хороший бинокль я рассмотрел, что это огромный морской змей обвил двумя кольцами тело кашалота. Голова и хвост чудовища, каждые длиной в 10 метров, действовали как огромные рычаги, и заставляли крутиться с большой скоростью змея и его жертву. Иногда они скрывались под водой почти на две минуты, чтобы снова появиться на поверхности, постоянно вращаясь. Конвульсивные движения кита и его двух сородичей, которые находились рядом с местом битвы, превратили участок моря в кипящий вулкан. Это странное и ужасное зрелище длилось около пятнадцати минут, и в конце концов хвост кашалота взметнулся в последний раз вертикально вверх, затем качнулся вперед-назад, хлестнул по воде в предсмертных конвульсиях, и затем несчастное животное исчезло с наших глаз, уйдя головой вперед под воду, где, несомненно, будет сожрано морским змеем. Возможно, после такого обеда этот

монстр из монстров будет оставаться в неподвижности, переваривая свою добычу в течение нескольких месяцев. Два оставшихся кашалота – наверное, они были самыми большими из тех, которых я когда-либо видел – медленно удалились от места трагедии, они двигались бесшумно и не выбрасывая фонтанов, вероятно, парализованные страхом. Правда, и по моему телу пробежала дрожь, когда я смотрел на предсмертную агонию бедного кита, который казался таким же бессильным в железных объятиях страшного чудовища, как голубь в когтях ястреба. Говоря о двух кольцах, обвивавших тело кашалота, я думаю, что змея должна была быть не менее 50 метров в длину и около 2,5 метра в окружности. Цветом она была похожа на морского угря, а голова, может быть из-за зияющей пасти, казалась самой толстой частью тела».

Капитан Древар не думал, очевидно, что еще когда-нибудь встретится с ужасным монстром, но «... в 7 часов утра 13 июля, почти в 80 милях восточнее мыса Сан-Роке (каково же было мое удивление!) я опять увидел этого монстра, или существо, ему подобное. Он вытянул свою голову и примерно 12 метров тела почти горизонтально над поверхностью воды и пересек наш курс позади корабля».

Моряк стал размышлять, почему именно с его кораблем произошла эта встреча, и пришел к выводу, что белая полоса на борту, шириной два фута, могла обмануть змея и заставить его принять корабль за родственника. Так, размышляя, он отвлекся, когда вдруг раздался крик: «Вот он опять!» И на небольшом расстоянии от корабля снова появилось морское чудовище, со свирепым видом уставившееся на корабль.

«Так как я не был уверен, что он удовлетворится обзором нашего такелажа, – признался капитан, – мы приготовили все наши топоры, багры и другое оружие, настроенные, в случае нападения бестии на «Полину», перебить ей хребет. Возможно, единственный раз в своей жизни чудовище встретило бы достойного противника».

Опасения и самые худшие предположения капитана были оправданы в его глазах тем фактом, что «почти три года назад в Индийском океане один из кораблей был перевернут каким-то морским чудовищем». Это, несомненно, намек на трагический конец шхуны «Перл», увлеченной в пучину 10 мая 1874 года гигантским кальмаром. (Капитан немного ошибся в датах, но ошибка вполне простительна, так как он вспоминал об этом факте, не имея под рукой никаких документов и литературы.)

Рассказ капитана Древара заставляет сначала подумать о животном того же рода. Мы знаем, что кашалот и гигантский кальмар – естественные и смертельные враги. Кольца, которыми предполагаемый морской змей обвивал тело кита, не могли ли они быть двумя щупальцами огромного кальмара, а хвост – третьим? Что касается головы, «которая казалась самой толстой частью тела», не была ли она просто оконечностью одного из двух щупалец с присосками? Обозначенные размеры не намного превышают габариты самых больших экземпляров этого вида из известных и измеренных. А мы знаем, что они не самые большие из существующих. Многие авторы приводят пример щупальца кальмара, обнаруженного в желудке кашалота, длина которого была около 10 метров и окружность превышала 2 метра.

Не забудем, что в 1875 году мир едва только стал узнавать о существовании чудовищных головоногих, после того как несколько раз на берегах Северной Атлантики находили их выброшенные на берег умирающие тела. Капитан Древар мог и не знать о последних открытиях океанографической науки. Его практичному уму «гигантский Слизень» древних мореходов казался менее вероятным существом, чем морской змей. Поэтому он предпочел скорее увидеть соперником кашалота фантастических размеров морского боа констриктора, чем представить кальмара, пожирающего кашалота. Его выводы выглядят, впрочем, достаточно обоснованными.

Надо признать, что обсуждаемое животное имело, по крайней мере, две характерные особенности, которыми не

обладает кальмар: с одной стороны — «широко разинутая пасть», с другой — темный цвет тела сверху и светлый — снизу. Это очень четко представлено на рисунке преподобного Пенни и свидетельствует в пользу истинности рассказа. Действительно, большинство людей попытались бы изобразить удава, обвинившего свою жертву, с животом, прильнувшим к добыче, что совершенно невозможно, потому что рептилия душит, всегда прикикая к телу жертвы боком!

Способ передвижения чудовища при следующем появлении также не характерен для кальмара. Можно, конечно, предположить, что это совсем другое животное, но встретиться в течение пяти дней, почти рядом, двух таких необычных животных, как гигантский кальмар и морской змей, было бы слишком необычно.

Был ли монстр «Полины» действительно змеей? В 20 милях от берега, вероятно, можно встретить большого удава, унесенного течением в открытое море. Вторая встреча, в 80 милях от берега, уже менее вероятна, но тоже возможна. Однако его расцветка совсем не сочетается с цветом знаменитой анаконды, самой большой южноамериканской змеи, как, впрочем, и других змей (даже если допустить, что они могут достигать 14-метровой длины).

По моему мнению, речь может идти, скорее, о гигантском угре, его окрас вполне соответствует описанию. Эти змееподобные рыбы действительно обладают огромной сдавливающей силой, если вспомнить, как раненая мурена может погнуть металлический гарпун аквалангиста-охотника. Известно, что кашалоты ныряют на большую глубину, чтобы открытой пастью, как драгой, собирать кальмаров и подобную добычу. Может быть, какой-нибудь огромный экземпляр был извлечен кашалотом из глубин, но кит переоценил свои силы?..

В будущем мы, возможно, узнаем больше о существовании гигантских видов угрей.

Во всяком случае, было бы абсурдным предположить, что два кольца, которыми морской змей капитана Древаря обвивал свою жертву, могли быть шеей животного,

обладавшего еще и телом типа плезиозавра или млекопитающего неизвестного вида. Гибкость шеи всегда относительна. Ни гигантский ящер мелового периода, ни птица, подобная лебедю, не могли бы своей шеей образовать полный круг, не говоря уже о двойном кольце, в каком бы то ни было виде. Именно поэтому я не понимаю, как д-р Удеманс мог включить морского змея «Полины» в свое личное досье.

Нет ничего удивительного в том, что пресса с радостью накинута на сообщение капитана Древаря: некоторые газеты добавляли к нему еще более сногшибательные подробности. Большинство окатило бедного моряка целым градом насмешек. Поэтому неудивительно, что этот смелый человек взорвался в конце концов возмущенным письмом, которое напечатала 15 января 1876 года индийская газета «Калькутта инглишмен». Следует сказать, что в то время «Полина» находилась в Бирме.

«Я тоже могу смеяться, — писал капитан Древар, — и отпускать шуточки по этому поводу не хуже других. Но мне непонятно, почему люди, которые не в состоянии аргументированно опровергнуть мой честный рассказ, должны для этого использовать насмешки, ложь и подтасовки. Так, «Дейли телеграф» утверждает, что я вроде бы слышал, как лопались один за другим ребра несчастного кита и звуки эти были похожи на выстрелы пушки. Что рев жертвы затем прекратился и, цитируя меня как главного очевидца, «это всех нас наполнило ужасом». Если бы тот, кто писал эту статью, хоть немного был знаком с моряками, он никогда не написал бы этот бред. Страх и ужас неведомы морскому волку, эти красноречивые понятия мы оставляем на совести резвых репортеров, набивших руку на описаниях «смертельных схваток» человека с собакой. Случай, который я описал, так же реален, как то, что в Лондоне на каждом углу можно услышать, что у «Телеграф» самый высокий тираж в мире. Для такой газеты легко сделать из любого простого человека посмешище. Ничего удивительного, мне мои близкие пишут, что ничего никому

не сказали бы, если бы увидели хоть сотню змеев. А одна дама даже написала мне, что ей жаль родственников того, кто видел морского змея».

Капитан Древар на этом не остановился. Решительно настроенный доказать свою честность, он отправился, по прибытии «Полины» в Ливерпуль, к мировому судье, и 10 января 1877 года он и члены его команды под присягой подтвердили истинность своих слов. Нет необходимости приводить здесь эту торжественную процедуру, она в точности повторяет предыдущий рассказ капитана в чуть более сжатой форме и протокольным, юридическим языком. Под присягой подписались: Джорж Древар, капитан; Уильям Леварн, стюард; Горацио Томпсон, первый помощник; Джон Хендерсон Ланделл, второй помощник; Оуэн Бейкер, матрос.

МОРСКОЙ ЗМЕЙ ИЗ МАССАЧУСЕТСА

После этого волнующего эпизода, который, правда, не может служить доказательством существования классического морского змея в западном секторе тропической Атлантики, мы снова узнаем, как бы в новом издании, о появлении так называемого морского змея образца 1819 года у берегов Массачусетса. Но на этот раз, чтобы остаться в атмосфере текущего британского периода, мы посмотрим на него глазами англичанина, знатока и популяризатора естественной истории, преподобного Джона Джорджа Вуда. Он опубликовал в 1884 году в бостонском журнале «Атлантик мансли» одну из лучших статей, когда-либо написанных о морском змее. Уважаемый священник прибыл в Америку в августе 1883 года, чтобы совершить ознакомительную поездку, к тому же он давно интересовался этой проблемой. Находясь в Англии, он очень сожалел, что не мог присутствовать на месте происшествия, в Бостоне, во время памятного посещения его морским змеем. «Однако в то время, — писал он, — я собирался поехать в Америку не более чем отправиться к Поляр-

ной звезде. Поэтому, оказавшись в Бостоне, и не вспомнил о связи этого места с морским змеем. Но когда через несколько дней д-р Дж. С. Уоррен показывал мне свою великолепную коллекцию, спрятанную в тихом доме на боковой улочке, вместо того чтобы находиться в сияющем дворце на центральной площади, я наткнулся на портрет этого морского змея».

С этого момента началась волнующая для него игра по отысканию очевидцев происшествия и сбору снова их показаний, которые они уже давали почти восемь лет назад. Преподобный Вуд преподносит нам факты с юмором, который выдает их происхождение: «Происшествие, которое взволновало весь зоологический мир, было следующим: некие люди, находившиеся на борту яхты «Принцесса», имели счастье видеть между Нагантом и Эггроком морское существо, аналогичное тому, что посетило эти места двадцать четыре года назад. Они были так дерзки, что наблюдали за ним почти два часа и приближались к нему настолько, что могли заглянуть ему в пасть. Самое главное, они его тщательно зарисовали, написали отчет о своем приключении и украсили этот документ своими подписями. Документ и рисунок находятся сейчас передо мной.

Самое непростительное в этой истории для некоторых то, что очевидцы не какие-то неизвестные и суеверные матросы, а уважаемые и благопристойные граждане. Это в частности: мистер Френсис В. Лоуренс и миссис Лоуренс; преподобный Артур Лоуренс, пастор церкви св. Петра в Стокбридже, и миссис Мери Фосдик. А также два матроса: Альбион Рид и Роберт Рид». Через один или два дня после случившегося преподобный Артур Лоуренс записал свои впечатления в следующем виде:

«30 июля 1875 года наша компания находилась на борту яхты «Принцесса» и мы плыли где-то между Свампскоттом и Эггроком, когда увидели очень странное создание. Насколько мы смогли рассмотреть с расстояния около 150 метров, его голова была похожа на голову черепахи или змеи.

Она была черная сверху и белая снизу. Существо поднимало время от времени голову на высоту от 1 м 80 см до 2 м 40 см над поверхностью воды, оставаясь на виду каждый раз 5–10 секунд. Позади головы виднелся плавник, похожий на плавник глобифефала, а снизу, на некотором расстоянии от горла, виднелся какой-то выступ, похожий на начало пары плавников или ластов, подобных тюленьим. Диаметр его головы был около 75 см. Мы не можем ничего сказать о длине существа, поскольку из воды появлялись только его голова и шея. Мы следовали за ним почти два часа. Несколько раз мы стреляли в него из карабина, но без видимого успеха, хотя по крайней мере одна пуля в него явно попала. Животное видели все, кто находился на борту яхты».

Под письмом — подписи.

Бостонское общество изучения естественной истории опубликовало тогда статью об этом происшествии, содержащую 34 конкретных вопроса для определения с наибольшей точностью возможных характеристик животного. Один экземпляр был предложен преподобному Лоуренсу, который ответил на все вопросы очень осторожно, избегая делать малейшие предположения. Нет смысла приводить здесь эти ответы, они в точности повторяют его свидетельство. Приведем лишь его мнение о природе животного: «Я склоняюсь к мнению, что существо, встреченное нами, принадлежит к ящерам. Оно не показалось мне ни рыбой, ни змеей, ни черепахой. Если бы существовало какое-нибудь животное типа ихтиозавра, я бы подумал, что это именно оно». (Очевидно, слово «ихтиозавр» должно здесь рассматриваться не в *sensu stricto*, а в значении «ящер-рыба», т.е. ящер, живущий в воде.)

Кроме того, преподобный Вуд узнал и довел до нашего сведения, что, кроме пассажиров яхты «Принцесса», были и другие очевидцы этого появления морского змея:

«Мистер Дж. Келсоу из Свампскотта, — сообщает Вуд, — ловил рыбу неподалеку, и животное, преследуемое яхтой,

проплыло от него в нескольких сотнях метров. Он почти дословно подтвердил слова мистера Лоуренса. Расстояние от создания было достаточно близким, чтобы рассмотреть на его темной коже два продолговатых белых пятна примерно 1,5 м длиной и 15 см шириной. Еще один рыбак, мистер Дж.П. Томас, также видел этого змея и рассказал, что он медленно появлялся из воды и был похож на большую мачту».

В архиве одной из газет Бриджтауна (штат Нью-Джерси) преподобный Вуд откопал письмо читателя, который любопытным образом подтверждает различные свидетельства, приведенные выше. Оно было подписано капитаном парохода «Норман» мистером Гартоном и содержало его рассказ о встрече с похожим животным в 50 км южнее бухты Свампскотта двумя неделями раньше.

Вечером 17 июля 1875 года его пароход проходил мимо Плимута, когда капитан увидел странное змееподобное существо, быстро плывущее в его сторону: было похоже, что оно преследовало какую-то большую рыбу, возможно, меч-рыбу.

«Голова чудовища — писал капитан Гартон, — поднималась над водой не менее чем на 3 м, но оставалась в таком положении лишь несколько секунд, так как змея была в постоянном движении, то ныряла в волну, то снова внезапно появлялась, поднимаясь на прежнюю высоту. Морской левиафан был раскрашен черными и белыми полосами различной длины от головы до хвоста. Горло его было чисто-белым, а голова, очень большая и массивная, совершенно черной. Над головой, похожей на голову ящерицы, возвышалась на 2 или 3 см (может, чуть больше) пара глубоких черных глаз, величиной с чайное блюдце. Тело его было округлой формы, как бочка для рыбы, и его длина превышала 30 метров. Движения животного были червеобразными, с той лишь разницей, что голова змея поднималась над водой, а голова червя все время прижата к земле».

В этом описании, несколько более туманном, чем предыдущие, есть, однако, детали, в основном совпадающие с

теми, вплоть до полосатой окраски, о которых говорил мистер Келсоу. Самое интересное в этом свидетельстве — сравнение его движений с движением червяка.

Капитан Гартон также был не единственным свидетелем этого появления. Один из пассажиров парохода «Ромэн», следовавшего в тот день из Бостона в Филадельфию, видел змея, находясь от него на расстоянии примерно 400 метров, и дал его описание, довольно похожее. Но ему показалось, что это совсем не змей преследовал меч-рыбу, а совсем наоборот: «Когда меч-рыба нападала на него, — писал очевидец, — змей поднимал голову почти на 3 м над водой, затем снова погружался. Он так много раз повторял это движение, что мы отлично его рассмотрели. Голова его была приплюснута и похожа на черепашью. На спине, в нескольких футах от головы, находились плавник, еще два, меньшего размера, виднелись по бокам. Тело было около 2 м в диаметре, блестящим и покрытым крупной толстой чешуей. Когда он вертел головой, вода около него вспенивалась и вокруг расходились волны, как будто еще большая часть его тела оставалась под водой. Мы считаем, что длина его была не меньше 18 метров, но штурман нам сказал, что за несколько недель до этого животное вынырнуло недалеко от парохода и его длина была 36 м».

В 1884 году, спустя девять лет, в руки преподобного Вуда попало, совершенно независимо от первых, еще одно свидетельство встречи с морским змеем у берегов Массачусетса. Художник-маринист Джордж С. Уоссон сообщил ему, что 15 июля 1877 года вместе со своим другом Б.Л. Фернальдом они наблюдали с борта яхты «Гюльнар» за подобным монстром у берегов Глочестера: «День был пасмурный, дул легкий северо-восточный бриз. Когда мы находились, по нашим расчетам, примерно в 2 милях от входа в порт Глочестера, в 300 метрах от нас вынырнуло это чудовище. Я как раз смотрел в этом направлении и видел его появление. Мистер Фернальд его сначала не заметил. Он почувствовал шум от потревоженной воды,

обернулся и закричал: «Какой прибор на этой скале». Именно на шум разбивающейся о рифы воды был похож звук, сопровождавший появление монстра. Само чудовище своей формой и цветом было больше похоже на обросший ракушками камень, чем на что-нибудь другое. Из-за крайней неровности поверхности его кожи мы нашли, что он очень похож на аллигатора. Но не только кожа была неровная, все его тело состояло из бугров различной величины, некоторые были величиной с 70-литровую бочку. Ближе к крайней точке виднелось некоторое сужение, которое мы приняли за шею. Впереди была голова, которая возвышалась над водой раза в два ниже, чем тело, но мы не заметили ни глаз, ни пасти, ни плавников, ни малейших следов хвоста. Животное произвело на нас впечатление огромной бесформенной массы. Я предполагаю, что его тело поднималось на высоту около 3 м, во всяком случае, не меньше, а когда оно снова погружалось со страшным шумом, брызги разлетелись на многие футы от него. Там, где монстр исчез, еще долго вода была белой от пены. По тому, как вода сомкнулась над ним, и по волнам, поднятым при его погружении, мы думаем, что масса его должна была быть огромной и что он круто пошел ко дну. Самый большой кит, которого я видел, не производил столько шума и такого волнения, сколько это существо. В заключение я хочу добавить, что мистер Фернальд ловит рыбу в море уже пятнадцать лет и прекрасно знает всех китообразных, появляющихся у наших берегов».

Отвечая на вопросник Бостонского общества изучения естественной истории, который ему предъявил преподобный Вуд, мистер Уоссон уточнил еще, что видимая часть тела существа была от 12 до 18 метров, что она была черного цвета и передвигалась оно со скоростью 5–6 узлов (9–11 км в час).

Нельзя, естественно, поклясться, что монстр, встреченный господами Уоссоном и Фернальдом, был тем же самым, за которым наблюдали пассажиры «Принцессы», ка-

питан «Нормана» и пассажир «Ромэна». Нельзя даже с уверенностью утверждать, что он принадлежал к тому же виду. Самое большее, что можно сказать, — есть некоторая вероятность этого, исходя из близости этих мест, и особенно если предположить, что некоему змееподобному животному очень странного вида понравилось по каким-то причинам жить в заливе Массачусетса.

Правда, мистер Уоссон сожалел, что его описание не совсем совпадает с рассказами предыдущих очевидцев. На что преподобный Вуд справедливо заметил, что речь идет не о совпадении теории, а о представлении фактов. Однако противоречия между рассказами очевидцев были в действительности только кажущимися. «Первые, — рассуждал преподобный Вуд, — видели только голову, второй — только спину».

Совокупность собранных английским священником-натуралистом свидетельств имеет огромную важность для пополнения наших знаний о морском змее атлантического побережья Северной Америки, так как позволяет разрешить два больших противоречия.

Шкура монстра была гладкой или покрытой чешуей? Гладкой, отвечали одни очевидцы; чешуйчатой, отвечали другие. В действительности, кажется, она может быть где-то гладкой, например на голове и шее, а где-то бугорчатой или покрытой крупной чешуей (а может быть, роговидными или костяными пластинами), например на спине и на боках.

На хребте находится плавник или горб (горбы)? Ряд горбов, говорят одни; один плавник, возражают другие. Теперь, кажется, трудно отрицать, что вдоль спинного хребта есть иногда горбы, иногда плавник, иногда даже то и другое. В дальнейшем мы подробнее остановимся на выводах, которые преподобный Вуд сам сделал из этих различных наблюдений.

ПОЛОСАТАЯ СУПЕРСАЛАМАНДРА «НЕСТОРА»

Было бы слишком просто и слишком хорошо, если бы каждое новое появление большого змееподобного су-

щества добавляло новые черты к его портрету и он постоянно уточнялся, как становится отчетливым удаленный предмет при направлении на него бинокля. В случае с монстром, встреченным в 1876 году британским пароходом «Нестор» ливерпульской пароходной компании «Лампорт и Хольт», мы снова удаляемся от классического типа морского змея. Это не должно нас очень удивлять, ведь встреча произошла в Индийском океане, где до сих пор мы ни разу не встречали приемлемого вида морского змея. Но, так как главный свидетель имел несчастье произнести вслух это вещее имя, данный сюжет отныне приговорен заполнять страницы большинства монографий и статей, посвященных вопросу, являющемуся темой нашего исследования.

Едва «Нестор» в середине сентября 1876 года бросил якорь в порту Шанхая, как корабельный врач и еще один пассажир судна поспешили сообщить в местные газеты, что они видели необычайного морского монстра между Малаккой и Пенангом. Информация появилась в газетах 18 сентября. После чего капитан парохода Джон К. Уэбстер отправил в газету письмо, в котором заявил, что готов поручиться за истинность этого сообщения, ибо сам находился на мостике с первым и третьим помощниками в момент встречи с морским чудовищем, отвечающим общепринятому представлению о морском змее. Затем следовало краткое описание этого монстра, которое — увы! — совершенно не похоже на обычного морского змея, но не становится от этого менее интересным.

Владелец газеты мистер Камерон был так любезен, что предупредил храброго капитана, что его сообщение может вызвать серьезные сомнения. Но это того не оставило, и он настаивал на опубликовании своего сообщения. К тому же его свидетельство подтвердили известный торговец из Сингапура мистер Бовер и некоторые другие пассажиры судна. Чтобы придать своим словам более официальную форму, сам капитан и судовой врач д-р Джеймс Андерсон сделали под присягой следующее заявление:

«11 сентября в 10 ч. 30 мин. утра, находясь в 15 милях от маяка Нортсэнд в Малаккском проливе, в хорошую погоду и при спокойном море капитан увидел объект, который его помощник определил как «мель». Удивленный тем, что обнаружена неизвестная мель в таком хорошо изученном месте, я пристальнее присмотрелся к объекту и обнаружил, что он двигался и скорость его была равна скорости корабля, так что он находился все время от нас на том же расстоянии, что и в момент его обнаружения. Неизвестное животное напоминало своей формой «гигантскую лягушку». (Судя по описанию, капитан Уэбстер хотел сказать «гигантского головастика».) Над водой возвышалась часть головы светло-желтого цвета длиной около 6 м и высотой 1,8 м. Я напрасно пытался различить глаза или рот, вероятно, они находились под водой. Туловище начиналось сразу же за головой, без какого-либо намека на шею. Тело, длиной от 14 до 15 метров, было овальной формы и совершенно гладким, но, возможно, вдоль спинного хребта тянулся небольшой гребень. Спина выступала из воды на 1,8 м. Огромный хвост, длиной почти 45 метров, также возвышался на несколько футов над поверхностью воды. Этот хвост — я его прекрасно рассмотрел от начала до конца — был, похоже, цилиндрической формы и слегка утоньшался к концу, его толщину я оцениваю в 1,2 м. Тело и хвост были расчерчены полосами или кольцами черного и светло-желтого цветов. Эти полосы различались до самого кончика хвоста. Ничего не могу сказать, заканчивался хвост плавником или нет. Мы также не смогли различить ни плавников, ни ластов, ни чего-нибудь похожего на лапы. Казалось, что животное передвигается при помощи колебаний хвоста в вертикальной плоскости (т.е. вверх-вниз)».

Мистер Андерсон, судовой врач, подтвердил слова капитана по всем основным позициям. Он определил создание как огромную морскую саламандру: «Она была явно мягкой на вид. Хотя она не отставала от корабля, то есть двигалась со скоростью около 10 миль (18 км в час), ее

движения казались вялыми и замедленными. Я не видел ни плавников, ни лап и уверен, что дыхание ее не было похоже на дыхание китообразных. Мне и в голову не пришло сравнить ее со змеей. Единственными живыми существами, с которыми можно ее сравнить, могли быть тритоны или лягушки».

Совершенно очевидно, что это полосатое животное не имеет ничего общего ни своей формой, ни расцветкой с нашим старым добрым знакомым Морским змеем. Это вполне понятно, так как наивно было бы думать, что океан не мог бы спрятать в своей толще еще одно неизвестное животное, кроме нашего Большого Незнакомца. Но если подобная ошибка простительна моряку, слабо разбирающемуся в этом вопросе, то не такому знатоку, как д-ру Удемансу, который и на этот раз хочет любой ценой включить это сообщение в досье «своего» морского змея.

Такая попытка потребовала от него некоторой акробатической гибкости. Заметив, что это довольно редкий случай, чтобы морской змей появлялся над поверхностью воды на всю свою величину, голландский ученый объясняет отсутствие всяких следов шеи тем, что она была «втянута». Трудно объяснить такое поведение для животного, имеющего длинную цилиндрическую шею. Я плохо представляю себе жирафа, втянувшего шею и похожего на окапи, или же лебедя, принявшего форму утки. Что касается полосатости, то Удеманс объясняет это следующим образом: «...животное плавало некоторое время на поверхности моря и частично его кожа обсохла на солнце».

Если выражение «притянута за волосы» имеет какой-нибудь смысл, то это как раз нужный случай. Представьте себе спину, высохшую от долгого пребывания на солнце, которую случайные брызги воды раскрасили в полосы, как у зебры. Это объяснение не согласуется с длительностью наблюдения, что исключает всякую возможность сохранения случайной раскраски:

«Животное, или как его там еще можно назвать, — пишет капитан, — казалось, не беспокоила близость на-

шого корабля. Оно некоторое время плыло по правому борту, а затем обогнуло судно, и его можно было видеть с левого борта. Всего оно находилось рядом около полу-часа».

Если полосатое чудовище «Нестора» не могло ни в коем случае быть классическим видом морского змея, оно, тем не менее, оставило нам нерешенную загадку. Д-р Эндрю Вильсон увидел в нем громадного кальмара, «способ плавания которого, расцветка, отсутствие органов и т.п. соответствуют деталям описания», а длинный хвост являлся не чем иным, как одним из щупальцев головоногого, обычно передвигающегося пятась. Но капитан Уэбстер видел только один хвост цилиндрической формы, а не пучок хвостов. И кроме того, кто когда-нибудь видел полосатого, как зебра, архивтевуса?

Корреспондент шанхайской газеты «Селестиэл эмпайр» предложил еще более нелепое объяснение: «Чудовище, встреченное «Нестором», было, вероятно, одним из видов черепах, «Отцом всех черепах», как его называют местные жители Суматры, которые верят в существование чудовища. Действительно, Бомгартен в своей книге «Малайзиец», вышедшей в Амстердаме в 1829 году, описывает монстра, длина и ширина которого равны 60 и 15 метрам (размеры соответствуют описанию капитана Уэбстера)».

Хотел бы я встретить черепаху с таким длинным хвостом, как у чудовища «Нестора». Но все же, давайте не будем приплетать к истории морского змея еще и «Отца всех черепах» под суматранским соусом. Действительно, черепаха-змея древности была в некотором роде морским змеем, и мы в дальнейшем много раз успеем сравнить чудовищ такого рода с гигантской черепахой.

Единственным достаточно разумным предположением, сделанным в то время по поводу загадочного животного, была гипотеза английского астронома Ричарда Проктора, для которого изучение историй о морском змее было любимым занятием:

«Животное могло принадлежать к классу, родственному скатам. Огромный экземпляр существа типа ската, без иголок и с маленькими глазками, представляет из себя довольно точный прототип чудовища, описанного капитаном Уэбстером. Рот и жаберные щели находятся у этих животных на брюшной части туловища, а хвостовой плавник часто имеет совершенно ничтожные размеры. Но все же скат общей длиной более 60 метров является такой же новацией в зоологии, как и огромная морская саламандра».

Все правильно. Кроме того, длина животного, замеченного в море, может показаться гораздо больше, чем истинная, из-за производимых им при движении завихрений воды. Однако намек на гигантского ската может нам напомнить еще об одном обитателе моря — китовой акуле. Ведь ни одна рыба не имеет головы, похожей на голову саламандры, кроме пресловутой *Rhineodon*. Ее спинной плавник, относительно невысокий, может быть описан как «небольшой гребень». Ее хвост очень вытянут и при движении создает след, способный ввести в заблуждение наблюдателя и представить ее намного длиннее, чем она есть на самом деле. Наконец, на теле и хвосте этой акулы есть светлые, регулярно расположенные пятна, из-за которых она получила на Кубе прозвище *pez dama* (рыба-шахматы). Если смотреть со стороны, то пятна могут сливаться в поперечные полосы и создавать впечатление светлых колец на темном фоне.

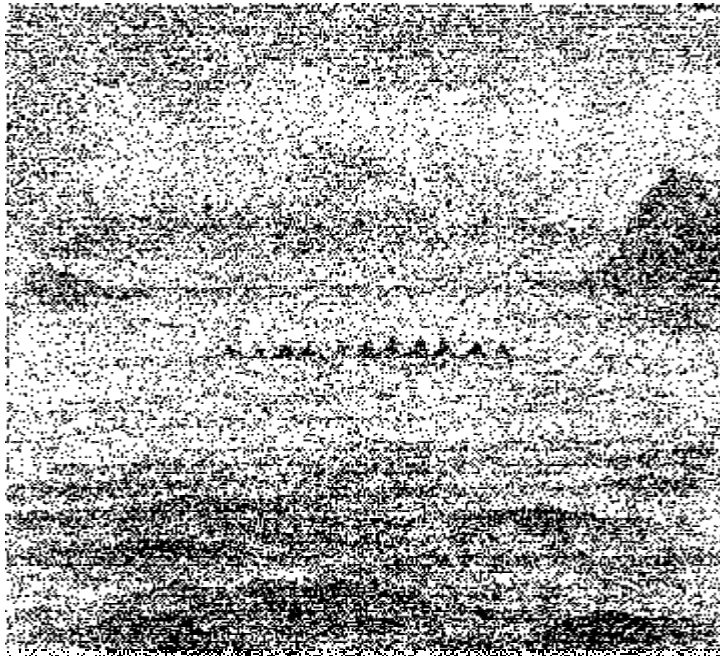
Конечно, китовая акула не может достигать длины 60 метров, она намного меньше, но, возможно, хвост длиной 45 метров — это след вспененной воды? Или несколько особей этого вида, но меньшего размера, следовали один за другим?

Не будем забывать, что в 1876 году *Rhineodon* был еще почти неизвестен. Американский ихтиолог Теодор Джилл описывал как неизвестную рыбу ее экземпляр, пойманный в Калифорнийском заливе! Впрочем, то, что суперсаламандра «Нестора» могла быть китовой акулой, это только предпо-

ложение. Возможно, это было действительно неизвестное науке животное, еще более таинственное, чем сам морской змей... Это, пожалуй, все, что мы можем извлечь из многих подобных историй.

Если следующее морское чудовище, наблюдавшееся в Индийском океане, определенно не китовая акула, то это и не морской змей обычного типа. Оно было встречено экипажем барка «Джорджина» 21 мая 1877 года к западу от Суматры и описывалось как «громадная, серо-желтого цвета змея 15 метров длиной и 25–30 см толщиной».

Если судить по его пропорциям, особенно по относительно небольшой толщине, можно спросить, не является-

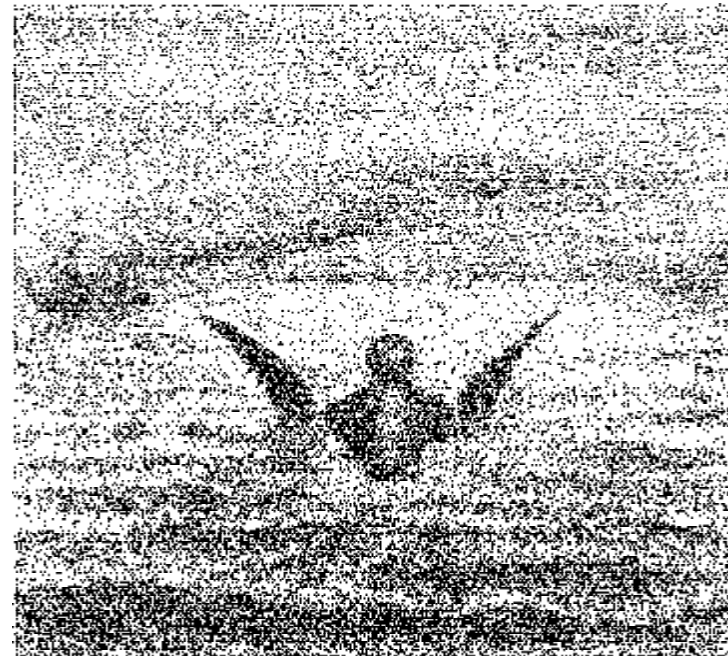

2 июня 1877 года офицеры и матросы корабля ее Величества «Осборн» видели нечто, описанное ими как чудовище, в тихих водах к северу от Сицилии

ся ли он просто «заблудившимся» питоном или, может быть, это хвост такого же чудовища, что в предыдущем случае?

СМЕШАННОЕ ЧУДОВИЩЕ «ОСБОРНА»

Для непредубежденного человека, серьезно изучающего проблему классического морского змея, туманные чудовища «Нестора» или «Джорджины» не могут долго занимать место в досье. Эти сомнительные случаи тем более неудобны, что непонятно, не являются ли они животны-

Один из свидетелей зарисовал ряд плавников, которые он заметил вначале, а потом и голову, и плечи, и остальные плавники существа

ми, ставшими уже почти обычными, которых так часто встречали по ту и другую сторону Северной Атлантики норвежцы, шотландцы и натуралисты Новой Англии. Таков случай с чудовищем «Осборна», который ценен не менее, чем история с «Дедалом», из-за личности тех людей, которые его видели.

В мае 1877 года, капитан Гуго Персон с королевской яхты «Осборн» направил в адрес Британского адмиралтейства через адмирала сэра Джорджа Эллиота рапорт о своей встрече с «морским чудовищем» у мыса Вито на Сицилии. В самом центре Средиземного моря, самого «населенного» и, вероятно, наиболее изученного места в мире! Трудно представить, что человек, составивший официальную бумагу такой важности, разыгрывает балаганный фарс. Рапорт содержал четыре свидетельства: самого капитана, лейтенанта Уильяма Хейна, лейтенанта Дугласа Форсифа и механика Уильяма Мура. Самым подробным среди них был, без сомнения, доклад лейтенанта Хейна, который в момент встречи, 2 мая 1877 года, стоял на вахте: «Вечером этого дня, — пишет он, — море было спокойным, словно озеро. Мое внимание сначала привлек ряд плавников, напоминающих гребень, выступавших из воды на высоту 1,5–1,8 м и длиной около 9 м. Рассмотрев их в подзорную трубу, расстояние до них было примерно полторы мили, я ясно различил голову, пару боковых плавников или ластов и почти 9-метровой длины хребет животного. Голова, насколько я могу судить, была толщиной около 1,8 м, шея, более тонкая — 1,2–1,5 м. Ширина туловища составляла примерно 4,5 м, а длина плавников-ластов была также около 4,5 м. Движения этих плавников напоминали движения морской черепахи, а само животное было похоже на огромного тюленя, особенно в задней части головы. Я не могу оценить длину головы, но от самой ее крайней точки до того места, где хребет появлялся из воды, я думаю, было не менее 15 м. Я не видел задней части существа, она находилось под водой, если только тот ряд спинных плавников, который привлек мое

внимание и исчез под водой, к тому моменту, когда я взял бинокль, не был продолжением тела животного. Голова создания не поднималась полностью над волнами, но время от времени появлялась на поверхности на несколько секунд и затем снова скрывалась под водой. Не было видно никаких признаков «дыхания».

Другие сообщения только подтверждали этот рассказ и отличались незначительными деталями в оценке некоторых величин.

30 июня в журнале «График» появились два рисунка этого существа, сделанные лейтенантом Хейном, которые он прислал в сопровождении подробного рассказа. Через некоторое время «Таймс» также опубликовал отчет об «исторической встрече», составленный по словам других очевидцев. Там можно прочитать следующее: «Осборн» шел на запад со скоростью 10,5 узла, и так как предстояло проделать еще длинный путь, он не мог сделать остановку, чтобы внимательно рассмотреть животное. Плавники (замеченные вахтенным офицером) перемещались в восточном направлении, и когда корабль подошел ближе, превратились в верхнюю часть спины гигантского морского чудовища. Его поверхность, насколько можно было видеть, не имела никакой чешуи и своим блеском напоминала кожу тюленя. Голова имела веретенообразную форму и заканчивалась остроконечной частью, похожей на морду тюленя, ее диаметр составлял около 1,8 м. Черты ее рассмотрел только один из офицеров и определил их как крокодиловые, и т.д., и т.п.».

В газетной статье была сделана даже попытка объяснить(?) появление чудовища, причисленного, по непонятно каким причинам, к обитателям глубин:

«... Монстра из морских глубин выгнало извержение подводного вулкана, которое произошло в Тунисском заливе в середине мая [...]. Вероятно, глубинные потрясения заставили его покинуть «родные места», так как извержение произошло всего в 180 км от места появления чудовища».

СЛОВО БЕРУТ ЭКСПЕРТЫ

Адмиралтейство передало документы, касающиеся морского монстра «Осборна», на рассмотрение высококочтимого А. Кроу, государственного секретаря при правительстве. Тот спросил уже известного нам мистера Бакленда, все еще инспектора министерства рыболовства, что он думает по этому поводу. Бакленд, в свою очередь, собрал мнения целой кучи различных специалистов: конечно же, профессора Оуэна, до сих пор считавшегося главным авторитетом в зоологии, А.Д. Барлетта, директора зоологического сада, капитана Дэвида Грея с китобоя «Эклипс», который охотился на китов и тюленей тридцать лет, и, наконец, исследователя-натуралиста Генри Ли, смотрителя Аквариума в Брайтоне. Результаты опроса были опубликованы 8 сентября в журнале «Ленд энд уотер», который возглавляет, как мы знаем, сам Фрэнк Бакленд.

Что же думают все эти господа? По мнению профессора Оуэна, вообще не о чем говорить. Двадцатью девятью годами раньше, по поводу дела «Дедала», знаменитый ученый по крайней мере взял на себя труд проанализировать описание животного, чтобы попытаться определить его происхождение. На этот раз он просто отмел все показания свидетелей, устроив им «кровавую баню». Не решившись поставить под сомнение их честность, он обвинил их в полной некомпетентности и небрежности. С возрастом он стал еще более нетерпимым к чужому мнению и даже просто сварливым стариком. Профессор, нападавший на Дарвина за его религиозные позиции, конечно, воздержался от комментариев по поводу змея Лох-Урна в 1872 году. Он никогда бы не позволил себе поставить под сомнение честь и даже компетентность в зоологии двух священников. Но в этом случае он не стал церемониться. Тон его критического выступления выдавал его несомненную склонность к профессии жандарма или даже судьи: «Противоречия в показаниях свидетелей указывают на трудности точного наблюдения этого животного с расстояния и в предложенных усло-

виях. Корабль и животное, или животные, находились в движении, и замечания на его счет, сделанные людьми некомпетентными в зоологии, не позволяют составить мнение, достойное обсуждения, о природе объекта или объектов наблюдения. Но хотя деталей и недостаточно для серьезного ученого, чтобы определить происхождение так называемого объекта, они никоим образом не оправдывают вывода о том, что встреченное существо является неизвестным и неопианным наукой животным. Нет никаких оснований называть его и «морским чудовищем». (Кювье, которого Оуэн называет своим учителем, однако, не колебался, когда сказал, что плезиозавр заслуживает более чем кто либо названия «монстр».)

В тексте, выдержанном в традициях военной инструкции, он говорит, между прочим, что если человек наблюдает объект, плавающий в море, но «не обладает надлежащими знаниями в области зоологии и не имеет времени для проведения точных исследований, которые требуются для правильного определения природы объекта, он обязан воздержаться от присвоения животному какого-нибудь специального названия».

Фрэнк Бакленд признался вначале, как хороший ученик Оуэна (мы это уже знаем), что он не из тех, кто верит в морских змеев (заявление, совершенно не относящееся к делу, так как речь идет не о вере, а о фактах). Затем он приводит особый аргумент, согласно которому, если бы такое животное существовало, то время от времени люди находили бы его останки. (Мы ответим подробнее на это заявление в заключительной главе, а сейчас заметим, что существует множество морских животных, мертвых тел которых никто не видел.) После чего он напомнил, что множество объектов, принятых вначале за морского змея, оказывались впоследствии или плавающими стволами деревьев, или водорослями, или рыбой-ремнем, другие же случаи могут быть объяснены ошибкой при встрече с кальмаром, с гигантским осьминогом, плавающим на поверхности (как будто осьминоги никогда не плавают на поверхно-

сти!), дельфинами, морскими черепахами, тюленями или морскими утрями. Наконец, он посчитал себя вправе заявить, что любую встречу с «морским чудовищем» можно объяснить через известное науке животное. Какое же в случае с морским змеем «Осборна»?

«Я могу ошибаться, — пишет он, — но по моей версии, это три или четыре акулы-парусника, плывущих друг за другом. Спинные и боковые плавники этих больших рыб, торчащие из воды, могут создать впечатление гребня, о котором говорили очевидцы».

В действительности, чтобы объяснить это явление, нет никакой необходимости привлекать гипотезу о нескольких известных животных, акулах или дельфинах. Достаточно представить, что ряд треугольных плавников, выплывавших в первый момент из воды, был расположен не на спине, а на боковой части животного. Морские животные, особенно млекопитающие, часто переворачиваются на бок, чтобы совершить разворот, иногда они даже крутятся «штопором», особенно это характерно для выдр и ластоногих.

Здесь можно вспомнить непонятного морского змея «Принцесса» (1856), то странное существо со множеством боковых плавников, которое Рондоле уже описал под именем «китообразной сколопендры», а Элин, еще до него, как «большую морскую сколопендру».

Продолжим рассмотрение доводов других экспертов.

Критические высказывания капитана Грея не только противоречили рассуждениям Бакленда, но часто и самим себе. Так бравый китобой утверждал, что рассматриваемое животное похоже «на гренландского кита, удаляющегося от наблюдателя». Но этот кит в два раза меньше описанного, он не может так поднимать плавники, которые к тому же имеют другую форму и размеры.

Капитан Грей рассказывал, что он встречал опытных моряков, совершавших грубые ошибки: принимавших моржа, тюленя или нарвала за кита. И делает отсюда вывод, что офицеры «Осборна», вероятно, ошиблись, наблюдая несколь-

ко плывущих рядом животных, поднимавших в воздух различные части своих тел.

Мнение директора лондонского зоопарка мистера Барлетта не кажется на первый взгляд таким уж невероятным, даже наоборот. Последовательно отбросив всех известных науке животных, которые могли бы быть похожи на обсуждаемое, он был вынужден признать, что речь идет о совершенно незнакомом ученым существе. И задал себе вопрос, нельзя ли предположить, что «на обширных пространствах огромного и бесконечного океана и в его необъятных глубинах могут существовать животные, может быть, ведущие ночной образ жизни (поэтому никогда не встречавшиеся, за исключением чрезвычайных случаев), которые своей формой напоминали бы вымерших рептилий, останки которых мы в таких количествах находим в древних геологических слоях земли?»

В подтверждение мистер Барлетт приводит следующий аргумент: «Очевидно одно: многие рептилии могли приспособиться оставаться долгое время (может быть, месяцы) под водой, на глубине, или в спячке в мягком иле, и иметь органы кровообращения и дыхания, позволяющие не подниматься на поверхность за воздухом». (Барлетт, вероятно, намекает на некоторые виды амфибий. В XIX веке только начала вырисовываться, а затем утвердилась картина различий между рептилиями и амфибиями.)

Мнение мистера Генри Ли имеет много общего с мнением Барлетта. Он говорит, что приписывать все встречи с морским змеем неточным наблюдениям, значит «допустить, что кабинетный ученый великолепно знает обо всех существующих больших морских животных, а очевидцы, плавающие по морям, такие неопытные и невежественные, что когда они утверждают, что видели что-нибудь, то это ничего не значит». Но, напоминает мистер Ли, при проведении недавних исследований «Лайтингом», «Покьюпайном» и «Челленджером» было поднято с глубин множество совершенно новых видов живых существ, одни из которых считались исчезнувшими еще в меловой период.

«Таким образом, — заключает он, — я считаю, что, во-первых, могут существовать неизвестные науке гигантские морские глубоководные животные, которые только иногда и случайно поднимаются на поверхность, избегая дневного света; во-вторых, кроме того, могут существовать, хотя их и считают давно вымершими, некоторые виды древних рептилий, о которых мы знаем по их окаменевшим останкам, или другие какие-нибудь виды, неизвестные даже палеонтологам».

Эти различные мнения прекрасно иллюстрируют отношение к проблеме морского змея в научных кругах в середине британского периода. Для скептиков — он только какой-нибудь плавающий предмет или известное животное, но плохо рассмотренное и неправильно интерпретированное. Для тех, кто верит в морского змея как в неизвестное науке животное, это, с большой вероятностью, крупная рептилия древних времен, но живущая на значительных глубинах.

Уверенность сторонников морского змея в его существовании, надо честно признать, поддерживается и модой на него. Открытие в XIX веке древних кладбищ останков гигантских ящеров — в Великобритании в первой половине, и в Северной Америке — во второй — живо подстегнуло воображение исследователей. И вот теперь новые океанографические исследования как будто открыли огромное окно в таинственный мир океанских глубин.

МОРСКОЙ КРОКОДИЛ «САКРАМЕНТО»

Сами морские змеи изменчивы как мода. 20 октября 1877 года американский корабль «Сакраменто» бросил якорь в порту Мельбурна. Его капитан Нельсон вскоре сделал заявление австралийской прессе, что 30 июля на 31°59' северной широты и 37° западной долготы, т.е. в центре Атлантики, Джон Харт, впередсмотрящий, вызвал его на мостик, передав, что видит морского змея. Не очень поверив, капитан не стал спешить. И когда наконец поднялся

на палубу, еще успел с удивлением увидеть чудовище, удалявшееся от судна. Но рулевой смог его хорошенько рассмотреть. Видимая часть животного составляла примерно 12 м. Оно было желтоватого цвета, с приплюснутой головой и толстым, как бочка из-под рыбы, телом. Ясно можно было различить глаза. Во всяком случае, так он описан в газете «Аргус». Но газете «Острелиэн скетчер» удалось получить рисунок, сделанный Джоном Хартом, который был опубликован 24 ноября вместе с комментариями автора:

«Это точное изображение морского змея, — пишет Харт, — которого я видел с борта корабля «Сакраменто» во время нашего перехода из Нью-Йорка в Мельбурн. Он имел тело большой змеи и его длина была, по-моему, 15–18 м. Голова похожа на голову аллигатора, и примерно в 3 м от нее находилась пара ласт-плавников. Цвет его был рыже-коричневый. В момент, когда я его впервые заметил, он был совершенно неподвижен и голова его возвышалась над поверхностью воды примерно на 90 см».

Голова аллигатора? Это серьезная новинка в описаниях больших змееобразных существ, в дополнение к тюленьей голове чудовища «Осборна», в которой один из очевидцев увидел что-то «крокодилье». На рисунке Харта голова существа, также без всякого сомнения, похожа на крокодилью.

Может ли речь идти о настоящем крокодиле? Единственный из известных крокодилов, который иногда выплывает в море — это гребенчатый крокодил (*Crocodylus porosus*). Эта большая рептилия может достигать 7 метров длины и даже иногда больше. Его часто встречают в прибрежных водах Индийского океана у Малайского архипелага, северных берегов Австралии и даже иногда у островов Фиджи, что доказывает его способность совершать длительные морские путешествия. Говорят, что его видели у островов Кокос-Килинг, почти в 1000 км от ближайшей земли. Но невероятно, чтобы он оказался в центре Атлантики более чем в 15 000 км от мест своего обитания!

Однако можно напомнить, что с конца юрского периода и почти весь меловой жили крокодилы, еще лучше приспособленные к жизни в морской воде, чем гребенчатый крокодил. Передние лапы этих *Thalattosuchiens*, или морских крокодилов, трансформировались в ласты, хвост изгибался книзу, как у ихтиозавров, расширялся к концу и был двухлопастной, как у рыб. Возможность дожить до нашего времени у *Thalattosuchiens* тем более вероятна, что многие крокодилы перевалили порог мелового периода и даже третичного. К этому времени некоторые виды достигали поистине великолепных размеров. Так *Ramphosuchus*, индийский гавиал плиоцена, мог превышать 15 метров, а некоторые собственно крокодилы (*Crocodylus*) того же района также могли ему не завидовать по этому поводу.

Возможно, раньше уже встречали крокодилов ужасающих размеров в Индийском океане. В своей книге «Four Years in Burmah» («Четыре года в Бирме») У. Маршалл, бывший главный редактор «Рангун кроникл», писал в 1860 году: «Когда «Немезис» держал курс к пункту нашего назначения, мое внимание привлек аллигатор огромных размеров, плывший против течения (в этом месте очень сильного) с необычайно большой скоростью. Я еще не встречал подобного чудовища. Он проплыл очень близко от корабля, и его голова и почти половина тела выглядывали из воды. Я думаю, его длина была не менее 14 м от головы до хвоста, а скорость — около 55 км в час».

Никакой из известных крокодилов не плавает с поднятой из воды частью туловища и с такой скоростью. Но, возможно, *Thalattosuchien*, благодаря своему рыбьему хвосту, был способен на такие трюки. И, без сомнения, наклон оси его тела указывает на наличие такой анатомической особенности, которая позволяет ему плавать с высоко поднятым над водой телом.

Если эволюция *Thalattosuchiens* продолжалась в третичный период, то она могла привести, среди других измене-

ний, к увеличению размера, подобно большинству крокодилов, оставшихся в меловом периоде.

Короче, нет необходимости призывать на помощь ящеров, чтобы объяснить встречи с морскими змеями, похожими на огромных крокодилов с перепончатыми лапами.

МОРСКОЙ ЗМЕЙ КАК СТАЯ ПТИЦ!

Пока перед нами появлялись морские змеи разных видов: с гривами и рогами, с лебедиными шеями или коренастые, с множеством горбов и с высокими кружевными гребнями, черные, желтые и розовые, пятнистые и полосатые, как зебры, а люди, с ними встречавшиеся, вопреки правилам сэра Ричарда Оуэна, называли их самыми различными именами, так вот, пока все это происходило, чем занимались господа эксперты?

Мы уже видели, как многие из них пускались во все тяжкие, пытаясь идентифицировать тот или другой из появлявшихся объектов, или чаще всего — увы! — смесь разных их типов. Мы также слышали их обычные объяснения — то со стороны упрямых скептиков, то со стороны сторонников, вера которых часто базировалась на предвзятых идеях. Но перед все увеличивающейся массой свидетельств, достоверность которых бесспорна, большинство ученых уже больше не осмеливалось отмахиваться от проблемы без строгих доказательств. До такой степени, что астроном Ричард Проктор смог написать в 1877 году: «Ученые-натуралисты теперь меньше подвержены недоверию, чем даже публика с улицы».

Так, когда судовой врач Артур Адамс понял, что предмет, который он принял издали за морского змея, оказался всего лишь стволом старого дерева, он увидел источник возможных ошибок, но воздержался от обобщений. И когда капитан Тейлор стал жертвой подобной ошибки — он вместе со своей командой полчаса яростно расстреливал пучок огромных водорослей, а пресса с удовольствием растиражировала рассказ этого современного

Дон Кихота, никто не рискнул на пораженческие комментарии.

Да, закончилось время ученых-натуралистов, которые, подобно Стрикленду и Мелвиллу в 1848 году, осмеливались еще заявлять, что морской змей только эхо старых норвежских мифов. Редко кто теперь с легкостью решал этот вопрос, не видя во всех морских змеях прошлого и настоящего ничего необыкновенного. Одним из них был некий д-р Джозеф Дрю, который 5 сентября 1878 года опубликовал в журнале «Нейчур» следующее письмо: «В понедельник 5 августа группа геологов, среди которых был и я, плыла на корабле в Булонь из Фолькстоуна, когда, находясь в 3 или 4 милях от французского берега, один из них вдруг закричал: «Посмотрите на этот странный объект, плывущий впереди по правому борту от корабля!» Повернувшись в указанном направлении, его товарищи увидели огромную змею длиной не менее 200 м, которая неслась вперед со скоростью 15–20 миль в час (20–37 км в час). Она была темного цвета спереди и светлее сзади. Ее длинное тело скользило по поверхности воды, изгибаясь и подрагивая.

Конечно, было сразу выдвинуто несколько разных гипотез для объяснения необычного феномена, но вскоре все сошлось на том, что объект не может быть ничем иным, кроме как самим Морским змеем...

Однако со мной был великолепный театральный бинокль Вейкера, и через несколько секунд все разрешилось самым простым образом: «монстр» представлял собой огромную массу низко летящих птиц. Те птицы, которые были посильнее, сбились в более плотную и кажущуюся более темной группу впереди, а остальные, более слабые, растянулись в длинный хвост. Это были *Pelecanus cristatus*, возвращавшиеся, вероятно, к гнездовьям из мест дневной охоты...

Я боюсь, что некоторые из товарищей не поверили моему биноклю и предпочли верить в любимого ими морского змея. Но я считаю своим долгом сообщить вам о случившем-

ся, чтобы ваши читатели, совершая морское путешествие, всегда имели при себе хороший карманный театральный бинокль и могли сами проверить, при случае, природу такого феномена, как морской змей».

ЛОВУШКА ДЛЯ ЗМЕЯ

В разные эпохи увлеченные змеем люди прилагали все усилия, чтобы выловить его всеми возможными средствами. Но даже в таких сравнительно небольших озерах, как Лох-Несс и Оканаган, дело это оказалось ох непростым. Что же говорить о необозримых просторах и глубинах океана?

Одним из научных центров, одержимых идеей поимки морского змея, являлся Скриппсовский институт океанографии в Ла-Джолле, Калифорния. Его директор, доктор Роджер Ревел, считал, что сообщения о «нашем подопечном» заметно сократились в последние десятилетия, хотя наблюдать его можно теперь уже и с нефтяных платформ, и быстроходных судов, и катеров. Просто ученые не ставят перед собой такую цель, считая все сообщения шарлатанством.

В Скриппсовском институте над разработкой ловушек для крупных морских животных – известных и неизвестных науке – работал инженер Джон Айзекс. Одна из таких ловушек была сделана из алюминия в виде пирамиды с прямоугольным основанием. Огромное отверстие близко к дну как бы манит заползти любопытное животное внутрь, а дыра повыше приглашает заплывать в пирамиду добычу помельче. Нагруженная стальной плитой, прикрепленной к днищу, клетка сбрасывается в открытом море в воду и погружается, увлекая за собой наполненные бензином поплавки и сигнальный буй. Тяжелое металлическое дно соединяется с клеткой эластичным тросом с магниевым замком. Через определенное время, которого должно хватить для поимки животного, этот замок разрушается под действием коррозии, и клетка,

внезапно освобожденная от груза, увлекается поплавкой на поверхность. Вместе с плитой ее днище теряет свою жесткость и прямоугольную форму, захлопывается, и животное, оказавшееся в ней, становится пленником. На поверхности сигнальный буй, снабженный отражателем радарных лучей, вымпелом и мигающим маячком, может быть быстро обнаружен.

Первые опыты были проведены с уменьшенным прототипом ловушки со стороной 1 м 80 см. Чертежи модели вдвое большей были готовы к началу 1959 года. Планировалось построить и еще более просторные ловушки, рассчитанные на самую крупную добычу, в частности на взрослых гигантских лептоцефалов д-ра Брууна, которые, как всякие уважающие себя угри, должны были охотно залезать в пустоты таких конструкций, как эти пирамидальные клетки.

Чтобы поймать животное действительно больших размеров, вроде супергигантского кальмара или крупного морского змея, Джон Айзекс предложил использовать также плоскую сеть диаметром в несколько сот футов (порядка сотни метров). К ее центру должен был крепиться балласт, а по периметру – поплавки. На заданной глубине балласт сбрасывается, и устремившаяся к поверхности гигантская сеть в форме обратного парашюта должна собирать попадающуюся по пути добычу, вплоть до самой крупной.

Институт Скриппса не был единственным американским научным заведением, которое лелеяло мечту поймать морского змея. Хотя это многим казалось бессмысленным занятием: как можно поймать что-нибудь, чего нет в природе? И все же это пытались делать самые серьезные, с наилучшими репутациями люди...

15 октября 1958 года «Вема», океанографическое судно Колумбийского университета, покинуло Нью-Йорк и отправилось в десятидневное плавание с целью детального изучения морских глубин у западного побережья Южной Америки и в южной части Атлантики. Из глубокой океанс-

кой впадины, тянущейся вдоль берегов Перу и Чили, примерно в 320 километрах от Лимы, специальные сети скоро подняли с глубины 5000 метров четыре экземпляра неопилины, но вида, непохожего на тот, что был открыт экипажем «Галатеи». (Экземпляр, пойманный в 1952 году датчанами, получил название *Neopilina galathea*, новый вид был назван *Neopilina palaeozoica*.)

Но кое-кто на борту не удовлетворился этой добычей, самой по себе достаточно сенсационной. Специалист по морской биологии из Южнокалифорнийского университета д-р Роберт Дж. Мензис желал большего: поймать самого морского змея!

За свою карьеру д-р Мензис имел частые профессиональные контакты с д-ром Антоном Брууном и был очарован его концепцией относительно зоологической природы мифического животного. Как и его датский коллега, он считал, что перуано-чилийская впадина, одна из богатейших планктонных зон океана, должна была быть одним из предпочтительных районов для обитания гигантских угрей, личинки которых были известны ученым.

В судовых мастерских «Вемы» был выкован огромный стальной крючок длиной почти 1 метр, который закрепили на конце кабеля, используемого для глубинного гидрографического зондирования и траления. Американский ученый решил поймать своего морского змея на удочку!

Кабель мог выдерживать нагрузку 2,5 тонны и крепился к мощной лебедке. Операция должна была производиться в холодную безлунную ночь, так как по мнению д-ра Мензиса, вполне справедливому, животное, привыкшее к сумеркам и прохладе глубин, не должно было подниматься к поверхности, если условия там сильно отличались от привычных.

«Нанизав на крюк большого кальмара, пойманного накануне, – рассказывал д-р Мензис, – я прицепил к тросу в качестве грузила 15-килограммовую свинцовую болванку. Моим единственным помощником в этой рыбалке был Том Доу, который должен был управлять лебедкой. В два часа

ночи он привел в действие нашу «удочку», пожалуй, самую большую в мире. Лебедка быстро опустила приманку на глубину 360 метров – несомненно, самую большую глубину, на которой когда-нибудь ловили рыбу с помощью крючка и наживки».

После долгого ожидания, во время которого волнение двух рыболовов не переставая возрастало, мощный рывок натянул кабель со страшной силой.

«Мы с удивлением переглянулись. Что бы там ни было, на противоположном конце троса, но оно с силой дергало за метровый крючок, пятнадцатикилограммовый груз и стальной трос почти в треть километра длиной! Тотчас же была приведена в действие лебедка, и туго натянутый трос пошел наверх.

Через несколько секунд после начала подъема мы заметили, что натяжение троса ослабло. Когда крючок появился из воды, судовые огни осветили его погнутое тело... и больше ничего.

Кое-кто может посчитать мои слова обычными рыбацкими байками. Я, конечно, не могу этого доказать, но считаю, что рыба, которая могла сотворить такое на глубине 360 метров, должна была быть первым морским змеем, попробовавшим наживку, приготовленную человеком. Теперь я буду возвращаться с крючками все более и более мощными, и надеюсь, в конце концов мы поймем этого самого неуловимого монстра в мире».

Хотя все мои симпатии на стороне д-ра Мензиса, и его оптимизм согревает мое сердце, я считаю его самоуверенность несколько преувеличенной. На самом деле в океане существует множество достаточно известных науке животных, способных совершить подобное.

Совершенно очевидно, например, что кашалот в сотню тонн весом мог без труда заглотнуть крючок длиной 1 метр с нанизанным на него в качестве приманки кальмаром и натянуть почти 400 метровый трос как струну. Он, конечно, не пропустил бы свою любимую добычу – крупного головоногого. Да и другой любитель кальмаров

среди китообразных, дельфин гринда, взрослая особь которого может достигать веса 3 тонн при длине в 9 метров, без сомнения, имеет силы, чтобы согнуть крючок из кованной стали.

Среди акул, на которых также может пасть подозрение в покушении на подобную наживку, можно вспомнить белую акулу, размеры которой могут превосходить 20 метров, и даже тигровую акулу, не превышающую 9 метров. Обе они прожорливы и свирепы, а их мускулистые многотонные тела обладают титанической силой.

Для крупных головоногих, в частности, для гигантского кальмара весом в несколько десятков тонн, такая мелкая кража, бесспорно, является детской игрой.

Отметим также, что если бы одно из упомянутых выше животных действительно попало бы на крючок, то я сомневаюсь, что самоуверенный рыбак смог бы его хотя бы поднять на борт. Их многотонные тела рано или поздно оборвали бы трос. Самые маленькие из них не могли быть подняты из воды даже мертвыми, так как их вес превосходит прочность троса. Эта относительная непрочность троса заставляет подозревать д-ра Мензиса в том, что он сильно недооценивал размеры морского змея, которого сам считал гигантским угрем.

Мы знаем, что угорь длиной 1,5 метра весит около 10 кг, следовательно, экземпляр в два раза крупнее будет весить в восемь раз больше (два в кубе). Таким образом, угорь или мурена трехметровой длины должны весить около 80 кг.

Элементарные вычисления показывают, что при сохранении всех пропорций змееподобная рыба семиметровой длины должна весить около 3430 кг и будет слишком тяжелой, чтобы поднять ее с помощью использованного троса. А какие шансы были у д-ра Мензиса поймать экземпляр 15-метровой длины и весом в 10 тонн? А это как раз и есть предполагаемый размер взрослого гигантского угля, по самым скромным расчетам д-ра Брууна.

Очевидно, еще не завтра можно будет легко поймать на удочку морского змея.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЕЩЕ НЕ СКАЗАНО

Если из огромного досье на морского змея и нужно выкинуть множество неправильных и ошибочных наблюдений, там, однако, останется еще достаточно много случаев, которые никоим образом нельзя объяснить появлением известного науке животного. Утверждение обратного выдает крайне слабое знакомство с материалами настоящего дела.

Основная масса наблюдений крупного морского змееподобного животного интерпретировалась по-разному видными зоологами, собравшимися в свое время в Париже у микрофонов Би-би-си.

Д-р Денис Таккер, который защищал в основном свою точку зрения относительно лохнесского чудовища, заявлял со своей обычной горячностью, что свидетельства, собранные Удемансом и Гудом, доказывают, что морской змей это плезиозавр. Д-р Антон Бруун, чья козырная карта — открытие существования гигантского лептоцефала, убежденно доказывал, что речь идет о гигантском угре. Только Джон Колман, директор станции морской биологии в Порт-Эрине, на острове Мэн, осторожно склонялся к более эклектичной идее. Порядка тридцати заслуживающих доверия сообщений могут быть разумно объяснены, по его мнению, существованием одного или нескольких видов неизвестных науке крупных морских животных. Гигантский угорь или плезиозавр? Колман считал, что существуют как минимум два вида.

Противники морского змея не испытывали больших трудностей в поисках аргументов, ослабляющих позиции его защитников. По двум причинам, очевидным для тех, кто хорошо знает всю сложность проблемы: сторонники морского змея придерживались в основном слишком исключительных гипотез, во всяком случае, они не приняли к рассмотрению самую убедительную из них: идею о млекопитающей природе большинства крупных змееподобных (о, забывчивый Альбион!)

В самом стане защитников морского змея не было единства.

Д-р Таккер доказывал, что морской змей не может быть гигантским угрем, потому что множество свидетелей подчеркивали, что у него была явно видна шея и расширяющееся тело, кроме того, голова его составляла иногда прямой угол с телом, что невозможно для рыб. Наконец, угри не имеют на спине так часто описываемых горбов, которые, по д-ру Таккеру, во всех случаях казались массивными и поэтому не могут быть результатом извивающихся движений. Если только за морского змея не принимали пучок водорослей, качающихся на волнах!

Д-р Бруун возражал, что плезиозавры — это животные, обитающие у поверхности, более того, около берега, и их существование было бы давно доказано. А наименее спорные наблюдения морского змея были сделаны, по мнению датского биолога, в открытом океане и очевидцы его описывали как громадного угря, во всяком случае существа, лишеного каких бы то ни было горбов. Если же, в редких случаях, речь и шла о горбах, то они могли быть изгибами тела плывущих на боку гигантских угрей — обитателей глубин, очевидно, в состоянии предсмертной агонии, погибающих от декомпрессии...

П. Дж. Корбин считал, что нет необходимости видеть в морском змее только гигантского угря, плезиозавра или гигантского кальмара, главное — присутствие в океане одного или нескольких видов крупных неизвестных животных, этого достаточно. Такие споры завязались в лагере сторонников морского змея, и его противники извлекали из этого пользу.

Д-р Уильям Свинтон, знаменитый палеонтолог, признавая, что ничто не противоречит самой идее существования в морях крупных животных, еще неизвестных науке — их многие видели! — направил свои атаки на гипотезу плезиозавра. Правда, его аргументы не всегда были достаточно убедительными.

«Плезиозавры, — говорил он, — животные, обитающие на поверхности. Однако никто их никогда не видел». (Довод очень интересный, особенно когда речь идет о необходимос-

ти объяснить свидетельства сотен очевидцев, видевших животное, силуэт которого напоминает плезиозавра.)

«Плезиозавры, — продолжает Свинтон, — яйцекладущие существа. Поэтому они должны выходить на сушу для выведения потомства, но опять никто и никогда не видел их за этим занятием и не находил ни одного яйца». (На что д-р Таккер справедливо заметил, что, как их родственники ихтиозавры, плезиозавры могли эволюционировать в сторону живорождения.)

«Плезиозавры, — настаивал д-р Свинтон, — являются скорее пресноводными животными. Конечно, — соглашается он, — их кости находили в морских отложениях, но они жили только в устьях рек. Каким образом они могли бы выжить в открытом океане? Приспособление к исключительно морской жизни потребовало бы коренной перестройки всего образа жизни и самой физиологии животного». На что можно ответить, что нет никаких доказательств того, что некоторые виды плезиозавров не претерпели подобные изменения. К тому же большинство палеонтологов считают плезиозавров морскими животными.

«Плезиозавры, — продолжал д-р Свинтон, имея в виду, несомненно, скандинавские и шотландские случаи, — не европейцы, а американцы». Это, однако, полная чепуха. Останки плезиозавров находили по всему миру, самые известные как раз найдены в Германии и Англии.

Очевидно д-р Свинтон был загипнотизирован внешним видом эласмозавра, более длинношеего и более похожего на морского змея, чем европейский плезиозавр. Но кости и эласмозавров находили не только в Америке, а и в Австралии и Новой Зеландии, что доказывает обширность ареала его обитания. Один малорослый скелет его (*Brancaesaurus*) был даже найден по другую сторону Атлантики, в Германии. В любом случае, палеонтология, основывающаяся почти исключительно на изучении найденных окаменелостей может дать только приблизительную оценку географии распространения древнейших животных.

Таким образом д-р Свинтон отказал в праве на существование морскому змею только потому, что он его никогда не видел. Это достаточно неудачный аргумент. Действительно, можно ли надеяться увидеть все, в существование чего ты веришь? Правда, он тут же поправился, что не верит, потому что НИКТО никогда не видел, не сфотографировал плезиозавра и до сих пор не находил его недавних останков. Но ни одного слова не было им произнесено против морского змея какого-нибудь другого вида.

Д-р Карлисль, принялся за гипотезу гигантского угря. Он подсчитал, что лептоцефал (личинка гигантского угря) размером 1м 80 см может дать взрослую особь в 3–3,5 м длиной, а это совершенно недостаточно для морского змея. К тому же, если на спине у животного есть горбы, то это, очевидно, не угорь.

«Но были ли горбы у морского змея? — задает следующий вопрос д-р Карлисль. — Название «морской змей» это только слова. Если люди говорят о змее, то обычно они имеют в виду извивающееся тело, но «горбы» предполагают изгибы вертикальные, что невозможно для змеи. Поэтому все это плод разыгравшегося воображения». (Если речь, конечно, не идет о млекопитающем!)

Как видим, д-р Карлисль нападает на слабые места той, то другой гипотезы присутствовавших сторонников морского змея.

Перескакивая с одного на другое, английский биолог вскоре запутался в противоречивых и сбивчивых аргументах, с трудом находя связь между ними.

«Морской змей, — говорил он, например, — представляется животным с легочным дыханием, а не рыбой. Однако рыбаки никогда бы не перепутали китовую акулу или морского угря с морским змеем. Если змей дышит легкими, то это, скорее всего, рептилия. (Почему?) Но дышащие легкими животные не могут нырять глубоко: кашалот не погружается больше чем на 1200 м». (Не правда ли, достаточно глубоко?) И, кроме того, что это до-

казывает? Короче, морской змей должен, по мнению д-ра Карлисла, жить на поверхности. Но тогда почему его не видели китобои, избородившие все океаны, или профессиональные зоологи с океанографических судов, за исключением случая с «Валгаллой»? (Этого не достаточно?) Следующий аргумент: морского змея в основном встречали в спокойную погоду, которая в тропиках обычно туманная. (А в других местах?) Туман деформирует размеры, и небольшая морская змея длиной 45 см, находящаяся вблизи корабля, может показаться огромным морским змеем, плывущим вдалеке. (Кто в это может поверить?) Многие сообщения можно объяснить встречей с известным животным. Что касается нескольких случаев, указывающих на неизвестных животных, дышащих легкими и похожими на плезиозавров, д-р Карлисл хотел бы увидеть хотя бы его труп, чтобы поверить в его существование. И добавляет: «Нельзя доказать преступление, если нет тела жертвы».

Очевидная ложность и догматический характер аргументов д-ра Карлисла — характерный, впрочем, прием для многих очернителей морского змея — ярко проявляется в этой последней фразе. Она является искажающим смысл переводом латинского выражения *corpus delicti*. Нет никакой необходимости иметь мертвое тело морского змея, чтобы доказать его существование. Мы знаем, что есть доказательства трех видов: свидетельские показания, косвенные улики и вещественные доказательства. Если вещественные доказательства необходимы для установления факта совершения преступления, то самого тела для этого не требуется. То, что справедливо для Права, справедливо и для Естественной Истории.

Можно только сожалеть, что великолепная радиопередача Мориса Брауна и Мартина Чисхолма заканчивалась почти пораженческим выступлением Джона Колмана, похвальная осторожность которого в данном случае кажется чрезмерной.

«Я не могу, — говорил он, — поклясться на Библии, что верю в морского змея. Я в него верю, но я не могу покля-

стись, что знаю о его существовании. Конечно, я считаю, что эти истории нельзя удовлетворительным образом объяснить ничем, кроме как действительными встречами с какими-то неизвестными крупными животными. Но это все, что мы имеем в качестве доказательств, нет никаких вещественных останков. Нам же нужна по крайней мере хотя бы одна единственная кость. Думаю, д-ра Свинтона удовлетворила бы и одна кость».

На самом деле вопрос не в том, чтобы доказать существование морского змея. Это уже давно сделано. Свидетелями, косвенными доказательствами и (для некоторых избранных счастливиц) прямым наблюдением. Остается только определить еще неизвестную природу этих животных, своим появлением способствовавших рождению легенд. Здесь необходимо подчеркнуть, что находка одной кости или даже случайная поимка какого-нибудь крупного змееобразного разрешит только один аспект этой многообразной проблемы.

«Использование слова «верить» к вопросу о морском змее меня всегда смущало, — говорил бывший заведующий секции рыб Британского музея Дени Такер, — оно привносит что-то напоминающее о религиозной вере, нечто, что невозможно проверить опытом. Оно означает, что человек может внезапно поверить, в результате какого-нибудь акта обращения, как будто некая религиозность верования здесь уместна. Я не считаю, что можно рассматривать какую-нибудь научную проблему в мире с этих позиций».

Если взять наши обычные учебники зоологии — большинство из нас по ним училось, и только потом мы стали к ним относиться с недоверием, — там найдем множество утверждений, которые мы принимаем на веру, в том смысле, что их невозможно проверить личным наблюдением. В случае морского змея мы имеем дело с людьми с большим опытом в наблюдении различных объектов в море и видевших нечто, отличающееся от всего прежде встречавшегося и превышающее их знания. Они описывают его

очень детально, и часто это были независимые свидетельства с очень высокой степенью совпадения. Думаю, мы должны относиться к этим сообщениям точно так же, как к утверждениям из наших учебников. Мы должны, если надо, смотреть на них скептически, должны искать дополнительные доказательства, но не можем отбрасывать их как моряцкие байки, не заслуживающие доверия, или что-нибудь подобное».

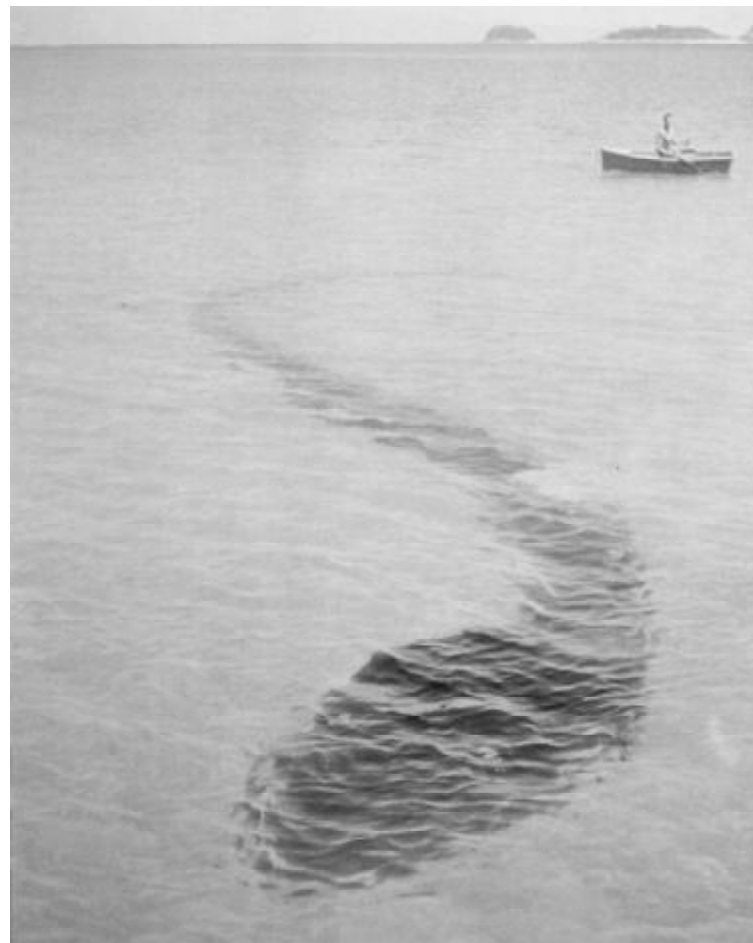
Нечего добавить к этим словам человека, глубоко изучившего проблему морского змея и защищавшего свою точку зрения с горячностью, может быть немного чрезмерной, но понятной.

**В АВСТРАЛИИ: МОРСКОЙ ЗМЕЙ
НАКОНЕЦ СФОТОГРАФИРОВАН
И СНЯТ НА ПЛЕНКУ**

Эпизод конца 1964 года может бросить новый свет и даже придать сенсационный блеск проблеме, которой мы занимаемся. Он основывается на документах, возможно впервые содержащих опубликованные фотографии неизвестного большого морского змееподобного. Автором этих снимков был француз, тридцатисемилетний бретонский фотограф Робер Ле Серрек.

Он покинул Францию в 1960 году на борту своей яхты «Сент-Ив д'Армор» в сопровождении жены Раймонды и пятилетней дочери Анны. За время долгого путешествия, которое в конце концов привело семью любителей приключений в Австралию, во время большой остановки на Антильских островах родились еще двое детей, один в Касабланке, другой в Нассау, на Багамах. Настал момент возвращения во Францию, но увы! 4 июня 1964 года яхта затонула у Большого барьерного рифа, недалеко от Маккая, в Квинсленде.

Купив небольшое пятиметровое моторное суденышко, Ле Серрек решил не возвращаться домой, не посетив волшебные острова, образующие коралловую цепь и особенно

В 1964 году французский фотограф Ле Серрек заметил в бухте Стоунхейвен на побережье штата Квинсленд в Австралии огромный продолговатый предмет менее чем в двух метрах от поверхности воды. Это было живое существо, ибо оно извивалось, как огромный головастик с крупной головой и сходящимся на конус змеиным телом. Ле Серрек сделал несколько снимков, которые навсегда остались в архивах криптозоолога

архипелаг Уитсанди. Он решил провести три месяца с семьей и молодым приятелем из Сиднея Хенком де Йонгом на острове Хук и, кроме того, написать книгу. Именно тогда и произошли события, сообщения о которых были переданы прессе в следующей версии.

В 9 часов утра 12 декабря 1964 года путешественники пересекли залив Стоунхевен, отправившись за пресной водой, когда мадам Ле Серрек указала мужу на «что-то странное в глубине под водой». Тот в это время находился в рубке, разбираясь со снаряжением для подводного плавания, вместе со своим молодым приятелем Хенком.

Мужчины поднялись на палубу. Младший сначала подумал, что это ствол дерева, перекрученный буквой S, лежал на двухметровой глубине на белом песке дна. Но вскоре оба различили сквозь прозрачную воду нечто похожее на колоссального головастика. За огромной головой следовало тонкое гибкое тело около 20 метров длиной.

Ле Серрек бросился за кинокамерой, а его жена принесла фотоаппарат, де Йонг встал к рулю. Нетрудно представить волнение, смешанное со страхом, которое охватило всех троих. Только дети оставались в олимпийском спокойствии, с удовольствием и любопытством наблюдая за существом, как за многими другими морскими животными, которых им случалось встречать во время путешествия.

Сделав несколько фотографий животного, сняв его на киноленту и увидев, что оно не пытается ни убежать, ни даже пошевелиться, они решили медленно приблизиться к нему с надеждой увидеть наконец, как оно двигается. Прошло полчаса, за это время они хорошо рассмотрели животное и заметили, что у него на спине белело большое, примерно 1 м 50 см длиной, пятно, возможно, рана, а голова его была очень похожа на змеиную. Услышав это слово, дети, воспитанные в страхе перед змеями, испугались, и их пришлось отвезти на берег в лагерь.

Без детей взрослые почувствовали себя свободнее и решили вернуться и сфотографировать животное с более близ-

кого расстояния. Они смогли рассмотреть два белых глаза на голове и темные поперечные полосы, окольцовывающие через равные расстояния его гигантское тело. Монстр оставался все это время неподвижным. Появилась идея даже кинуть в него камень, чтобы заставить его пошевелиться, но потом посчитали более благоразумным этого не делать, опасаясь, что реакция его могла быть слишком резкой. Существо подобных размеров могло бы без труда превратить в щепки их хрупкое суденышко одним движением хвоста.

Тогда мужчины решили осмотреть чудовище под водой и попытаться снять его на киноленту с помощью подводной камеры. Зияющая рана и белые глаза говорили им, что животное, возможно, мертво. Под водой они бы смогли в этом удостовериться.

Хенк де Йонг взял с собой специальное подводное ружье 12 калибра, очень эффективное средство против акул, но которое, вероятно, могло бы лишь немного толкнуть этот колосс. Однако присутствие оружия создавало некий моральный комфорт.

Ле Серрек погрузился первым, за ним — его молодой товарищ. Как это обычно бывает около тропических островов, вода, которая кажется с поверхности прозрачной, в действительности оказывается более мутной. Им пришлось приблизиться на расстояние 6 метров к существу, чтобы различить его черты, которые французский путешественник описывает следующим образом:

«Его череп казался очень плоским и, по крайней мере, метровой высоты. Кожа выглядела гладкой, но в то же время матовой».

Сцепив зубы, чтобы унять невольную дрожь, Ле Серрек запустил камеру и еще продвинулся в сторону животного:

«Внезапно, — рассказывал потом он, — пасть открылась угрожающим образом, как у побеспокоенной мурены. Затем наполовину закрылась и снова открылась. И так несколько раз. С видимым трудом зашевелившись, передняя часть чудовища начала поворачиваться в нашу сторону (мы снимали его в это время сбоку)».

Ни жив ни мертв, Ле Серрек еще некоторое время продолжал снимать, а затем они быстро развернулись и поплыли прочь.

Когда смельчаки поднялись на борт яхты, лежащей в дрейфе — мотор заглох и мадам Ле Серрек не смогла его завести, — они узнали от нее, что монстр уплыл. Он тронулся с места, подняв со дна облако песка, потом тяжело, медленно, с небольшой амплитудой извиваясь в горизонтальной плоскости, двинулся в сторону кольца рифов и скрылся в голубой глубине.

Несмотря на интенсивные поиски в течение всего дня, его больше не видели.

Подводя итоги происшествия, Ле Серрек и де Йонг оценили длину чудовища в 20–25 метров. Голова его была похожа на голову змеи, только верхняя часть черепа была более выпуклой, более округлой. Она была шириной почти 1 м 20 см и такой же в высоту, длина головы была от 2,5 до 3 м. Кроме того, его тело на длине почти 8 метров имело диаметр около 60 см, затем утончалось и заканчивалось хлыстообразным хвостом.

Не было ни плавников, ни каких-нибудь игл или лучей. Не было заметно и дыхательных отверстий, но свидетели признались, что все их внимание было приковано в основном к угрожающе раскрытой пасти. Они также не видели и зубов, возможно, зубы были очень мелкими. Рот располагался на нижней части головы, его внутренняя часть была белого цвета, с верхней челюсти спускался клочок какой-то темной субстанции.

Тело животного было черного цвета. На голове видны были более светлые пятна. Бурые кольцевые полосы на теле, сантиметров по 30 шириной, расчерчивали чудовище на расстоянии 1 м 50 см друг от друга. Так как животное лежало на дне и даже немного зарылось в песок, нельзя было рассмотреть цвет его брюха, которое казалось плоским.

Его глаза диаметром 5 см имели светло-зеленый, почти белый цвет и вертикальный зрачок.

Внешний покров был похож больше на шкуру акулы, чем на кожу утря, не было видно никаких признаков чешуи.

Мореплаватели считали, что огромное животное было ранено, очевидно винтом парохода, и был, вероятно, задет позвоночник. Поэтому оно не могло защищаться от атак более мелких хищных рыб, привлеченных кровью, вытекающей из открытой раны, в открытом море и нашло убежище на мелководье у самого берега, куда заплывало очень мало рыб.

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ГИГАНТСКИЙ ГОЛОВАСТИК УИТСАНДИ?

Форма головастика, в которой предстал морской змей с Уитсанди, для нас не является чем-то совершенно новым. Она напоминает очертания самых странных существ из истории морского змея, например черно-желтых полосатых чудовищ, встреченных в 1925 году г-ном Журданом на Змеином острове в Южно-Китайском море, которые, в свою очередь, казались уменьшенными версиями полосатого колосса «Нестора», 1876 года, из Малаккского пролива. Правда, мелкие чудовища господина Журдана имели четыре отростка в районе головы, но это мог быть, хотя и плохо объяснимый, результат временных изменений (может быть, края более глубокой раны?). Правда, огромный монстр «Нестора» перемещался, извиваясь в вертикальной плоскости, но мы знаем, что утри, например, могут достаточно долго плыть на боку.

Короче, перед нами три встречи со странными неизвестными животными, происшедшие в относительно соседних областях тропической части Тихого океана. Форма головастика, расчерченного желтыми и черными или коричневыми полосами, имеет для нас большое значение, так как свидетельствует в пользу достоверности последней встречи.

Возвращаясь к замечательному приключению семейства Ле Серреков и их австралийского друга, добавим, что они решили из предосторожности — у них уже похищали ценные кадры — ничего не говорить о своих впечатлениях до того,

как получают из австралийской лаборатории проявленные фото- и киноплёнки. Они боялись, что в противном случае нахлынувшие толпы журналистов помешают им спокойно закончить фильм, который они снимали на островах Уитсанди до начала сезона дождей.

Так, только 4 февраля 1965 года Робер Ле Серрек сообщил в местные газеты, о том, что произошло с ним и его близкими. Надо сказать, новость спровоцировала вскоре интенсивный обмен телефонными звонками между Парижем и Нью-Йорком, между Б. Эйвельмансом и А. Сандерсоном. Ле Серрек, который хотел получить за свои кадры хорошую цену, согласился послать их вместе со своим рассказом в Соединенные Штаты Сандерсону, самому большому американскому специалисту по криптозоологии, чтобы тот подтвердил подлинность документов и прокомментировал их с научной точки зрения.

Со своей стороны, я провел во Франции нечто вроде «расследования морального облика» Серрека, оказавшегося, увы, изрядным авантюристом, которого разыскивали толпы кредиторов. Айвен проверил фотографии — прекрасные цветные снимки 24×36 — с помощью технических средств. Специалисты не нашли никаких признаков фальсификации (ретуширования, монтажа или переделки).

Перебрав все возможные простые объяснения (затонувший ствол дерева, пучок гигантских водорослей, участок подводного нефтепровода, телефонный кабель и т.п.), Айвен оставил только три:

1) потерявшаяся пластиковая емкость. Такие емкости несколько лет назад американцы в экспериментальном порядке пытались использовать для транспортировки больших количеств топлива, буксируя их по воде;

2) оболочка метеорологического зонда «Скайхук», сдувшегося, упавшего в море и обросшего водорослями;

3) огромный кусок материала — например, цирковой тент, — свернутый в рулон, перекрученный и брошенный в воду.

Первая гипотеза может быть сразу отброшена. Информационная служба флота сообщила, что такие резервуары имели металлическую оболочку и плоскую форму очень длинного надувного матраса и ни один из них не пропал ни у американских берегов, ни в каком-нибудь другом месте.

Вторая гипотеза также не выдерживает критики. Когда зонд «Скайхук» взрывается, он полностью разрушается еще в воздухе. Если его оболочка только порвалась или получила пробоину, то зонд опускается медленно и за ним легко следить, поэтому его всегда подбирают. К тому же такой зонд не мог бы долго находиться под водой — достаточно долго, чтобы обрасти водорослями, — не разорвавшись на клочки об острые грани коралловых рифов.

Остается третья гипотеза, версия о преднамеренном обмане.

Стоит уточнить, что бухта Стоунхевен на острове Хук находится недалеко от нескольких часто посещаемых киторазделочных станций, размещающихся на соседнем острове Хеймен, расположенном как раз напротив, и на побережье самого континента. Эти воды бороздят каждый день множество моторных и парусных судов. Привезти на место материал, необходимый для фабрикации фальшивого чудовища длиной больше 25 метров (шлюпка, которую можно видеть на одной из фотографий, подтверждает эти размеры), придать ему требуемую форму, нарисовать глаза и кольца, а затем отбуксировать на некоторое расстояние от берега и затопить — это непростое дело. Еще труднее сделать это незаметно для постороннего глаза. Можно было бы изготовить макет морского змея на специализированной фирме, но невозможно его сделать надувным или из пластика. Если бы он был надут воздухом, он бы всплывал и не мог бы оставаться на дне. Чтобы удержать его под водой, требуется такая же или большая плотность наполнителя, как у воды, и, следовательно, игрушка таких размеров должна весить около 6 тонн...

Отбуксировать 6-тонную конструкцию по воде, даже на небольшое расстояние от берега, не могут три человека, даже имея в наличии что-то вроде морского бульдозера. А подобный бульдозер не спрячешь под палубой пятиметрового суденьшка!

В самом деле, если бы речь шла о мистификации, можно было бы принять к рассмотрению единственный вариант: на месте был случайно найден подходящий обломок, змееобразный силуэт которого мог натолкнуть на мысль о розыгрыше. Оставалось бы только каким-нибудь образом усилить сходство его с живым существом, расположив определенным образом и подрисовав глаза и кольца, что легко сделать на глубине 2 метра.

Эйвельманс больше склоняется к этому объяснению, особенно если принять во внимание расположение глаз монстра, которое кажется мне слишком ненормальным. У большинства позвоночных — особенно это заметно у рыб — глаза расположены по бокам головы, у некоторых — например приматов — они направлены вперед, но почти неизвестны животные, у которых они направлены вверх, как у морского змея с острова Хук. Правда, такое расположение можно найти у некоторых морских позвоночных (камбала, скаты), живущих у самого дна и даже часто зарывающихся в песок, что похоже на наш случай. Но глаза у них расположены ближе к передней части морды.

К тому же киноплёнка, запечатлевшая чудовище в движении, получилась некачественной, подводные кадры настолько расплывчаты и неясны, что ничего нельзя уверенно утверждать.

РАФИНСЕК, ВОЗМОЖНО, БЫЛ ПРАВ...

Если допустить — просто в качестве рабочей гипотезы, — что семья Ле Серреков и их приятель не повинны в обмане и действительно видели живое существо (еще живое, было бы правильнее сказать), то к какому зоологическому виду его можно было бы причислить?

Константин Самюэль Рафинек,
исследователь загадочного
морского змея

По поводу рассказа Ле Серрека директор Квинслендского музея д-р Дж. Т. Вудс заявил, не слишком рискуя ошибиться:

«Если описание точное, оно не может быть применимо ни к одному существу, известному науке».

Д-р Ф.Х. Талбот, смотритель секции рыб Австралийского музея, был более решителен. Он нашел это происшествие одним из самых необычных и выдвинул теорию, по которой неизвестное животное могло быть «гигантским угрем, показавшимся еще более громадным из-за эффекта рефракции в воде».

Мнение д-ра У.Х. Даубина с факультета зоологии Сиднейского университета было, напротив, полностью негативным: «Строение головы животного совершенно не похоже на угря». И добавил: «Это, конечно, не кит и не дельфин, изучение которых – моя специальность».

Тогда что же это было?

Самое простое объяснение было предложено подводным охотником и исследователем по фамилии Линклатер. Он считал, что Ле Серрек, возможно, видел массу рыб-котов из семейства морских сомов в процессе миграции. «Я не сомневаюсь, – заявил он, – что скопление большой массы таких рыб издали можно принять за чудовище вытянутой формы».

Мистер Дж.М. Сантер считал, в свою очередь, что «монстр» скорее был образован скоплением огромного количества мелких кальмаров. Эта гипотеза базировалась на фильме Ханса Хасса, который видел подобное образование, состоявшее из миллионов крошечных кальмаров.

На это ихтиолог У. Талбот и его коллега Дж. Уитли, его предшественник на посту смотрителя музея, ответили, что оба не знают в австралийских водах о подобном феномене, касалось ли это рыб-котов или кальмаров. «Однако, – соглашается д-р Талбот, – эта версия не выходит за пределы возможного. Некоторые морские животные могут собираться в большие скопления».

В Лондоне, в отделе естественной истории Британского музея д-р Гринвуд, эксперт по морской биологии, восстал более категорично против теории о скоплении рыб, указывая, что они собираются обычно в форме сферы, а не в форме змеи. Д-р Гринвуд также добавил, что когда маленькие животные собираются подобным образом в большие скопления, вне его всегда остается множество отдельно плавающих особей, которых можно было бы различить на фотографии.

Нет необходимости говорить, что и сам Ле Серрек, различивший у животного глаза, рот и кольца на теле, не принял эту гипотезу.

По его мнению, речь могла идти скорее о каком-то случае гигантизма неузнанного малоизвестного животного.

Правда, после тщательного изучения и анализа описания удалось сузить круг возможных претендентов на роль этого обескураживающего вида существа.

Эйвельманс с Сандерсоном сделали это, каждый со своей стороны (Атлантического океана), без взаимных консультаций.

Они оба посчитали установленным, что речь идет о позвоночном (хотя это, конечно, не абсолютно точно). Из позвоночных это не могла быть птица, но это, скорее всего, и не млекопитающее (ввиду полного отсутствия конечностей и белого цвета внутренней поверхности пасти). Только незначительный шанс есть у этого существа оказаться рептилией (из-за его высокого лба) и еще меньше шансов – амфибией (из-за его морского места жительства – по Сандерсону, из-за своих размеров – по Эйвельмансу). Короче, речь идет о рыбе. Все черты, упомянутые в рассказе, можно найти у того или другого вида рыб. Но затем пути ученых разошлись.

Приняв во внимание общую форму существа и вспомнив очень кстати о гигантском лептоцефале «Даны», Айвен подумал сначала об угре. Но у угря дыхательные отверстия явно обозначены и их легко заметить, а голова совсем не шире тела. Тогда заокеанский коллега вспомнил о семействе змееподобных рыб, которых иногда называют по-английски «swamp eels» (болотные угри), но на самом деле угрями (отряд безногих) не являющимися. О месте этих рыб в классификации ученые еще спорят. Они обитают практически во всех тропических водоемах со стоячей водой в Америке, Африке и Азии, но существует и морская форма очень небольших размеров (*Macroterna caligans*) в малайзийских водах. Их самая характерная черта – жаберные щели расположены на нижней части головы, а у некоторых видов вообще сливаются в одно отверстие. Отсюда их название – «одножаберные».

Своим внешним видом: увеличенной головой, за которой следует более тонкое цилиндрическое тело, заканчивающееся утончающимся хвостом; полным отсутствием парных плавников; вырождением спинного и брюшного плав-

ников в рудиментарный гребень; гладкой кожей и, наконец, невидимым со стороны дыхательным отверстием, особенно когда лежит на дне, она почти полностью соответствует описанию морского змея Ле Серрека.

Единственное несоответствие в этой гипотезе — никто еще не видел ни одного экземпляра болотного угря размером больше одного метра (морские виды едва достигают 20 см!). Сандерсон попытался отместить это препятствие: «Если небольшие речные дельфины пресных рек размером 1 м 80 см могут иметь гигантских родственников в океане (как, например, великана голубого кита в 30 метров длиной), почему маленький болотный угорь (*Monopterus albus*) Юго-Восточной Азии не мог бы иметь гигантских кузенов в море?» Эта параллель между китообразными и одножаберными кажется некорректной и трудно защитимой. Ведь если можно найти виды китообразных всех промежуточных размеров между дельфинами длиной 1 метр и тридцатиметровым китом, то в нашем случае неизвестен ни один вид, ни живой, ни вымерший, от одного метра до предполагаемого гиганта в 25 метров. Как я уже говорил, Природа не делает больших скачков...

«Свои собственные исследования я начал, приняв во внимание размеры животного, а не его форму, — рассказывает Эйвельманс. — Конечно, я тоже подумал об угрях — змееподобных существах, лишенных иногда конечностей и с гладкой кожей, — но вспомнил не только о гигантском лептоцефале «Даны», но также и о том, что среди них встречаются экземпляры длиной до 3 метров. Потом я обратился к классу животных, среди которых встречаются настоящие великаны в царстве рыб, — к хрящевым рыбам.

У этих рыб не только явно просматривается тенденция к гигантизму (вспомните китовую и гигантскую акулу, ската манту и т.п.), но и стремление к приобретению змеевидной формы. С другой стороны, по словам очевидцев, кожа монстра была скорее похожа на шкуру акулы, чем угря, а рот находился на нижней части головы, что очень характерно для хрящевых рыб. Наконец, из всех рыб некоторые акулы (в частности, Белая акула) единственные имеют вертикальные щелевидные зрачки.

Любопытная форма чудовища острова Уйтсанди в виде головастика также встречается у хрящевых рыб. Ее мы видим не только у рыбы-торпеды, но и у рыбы-гитары, вид которой, обитающий у берегов Индокитая, достигает 3-метровой длины. Заметим также, что у них у всех жаберные щели расположены на нижней половине тела и не видны, когда рыба прижимается ко дну.

Единственная серьезная нестыковка в этой гипотезе — хрящевые рыбы, в отличие от нашего монстра, все имеют плавники, хотя у некоторых видов они и не очень большие.

Пункт, в котором точки зрения Сандерсона и Эйвельманса снова сошлись, это вероятный пищевой рацион морского змея Уйтсанди. Не имея зубов, или с очень неразвитыми зубами, он скорее всего должен питаться планктоном, как это делают большинство из морских гигантов, как среди китообразных, так и среди рыб, или, точнее, среди хрящевых рыб (очко в мою пользу!)

«Несмотря на мои личные предпочтения, я бы хотел, из sentimentalных соображений, чтобы победила точка зрения Сандерсона, — говорит Эйвельманс. — Вспомним, что первый человек, который предположил (в 1817 году!), что один из видов морского змея мог принадлежать к одножаберным, был не кто иной, как наш старина Рафинеск... Я бы хотел, чтобы появилось новое доказательство гениальности первого зоолога в мире, признавшего в морском змее объект, достойный изучения наукой».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие, или Несколько критических замечаний в адрес «драконоведения»	5	Исчезающая раковина	165
Где вы, монстры?	5	Ползающие, плавающие и летающие головоногие	167
Часть первая		Часто путают осьминогов и кальмаров	169
ЛОХ-НЕСС И ДРУГИЕ ОЗЕРА	15	За пеленою волн	171
Путеводитель, или Необходимое предисловие к первой части	15	Случайная находка: целакант	176
Занавес приоткрывается.....	24	Существо, никогда не всплывавшее из пучины	178
Продолжение следовало	47	О тех, кто приподнимает полог.....	181
Заочная любовь к Несси	61	Что такое чудовище?	184
Почему ученые не занимаются Несси?	82	Море – это зоологический коктейль	187
Скептический взгляд на легенды	89	Как мало мы знаем о великанах!	191
Причины для сомнений и... надежд	100	Мир скромных гигантов	192
Китайские родственники	110	Необходим рисунок.....	197
Монстры ирландских озер	111	Морское чудовище, похожее на льва	199
Шамп появляется вновь	118	Манта с женскими руками	200
Огопого, покажи личико!	123	Молочные братья – гигантский спрут и морской змей	203
Не бейте чудовищ веслом!	128	Часть третья	
«Черт» из якутских озер	129	В ОБЪЯТЬЯХ СПРУТА	205
Поиски чудовища в Тверской области.....	135	Опасность пропорциональна размерам противника, или Необходимое предисловие к третьей части	205
Собрат Несси обнаружился в Волге?	136	Об агрессивности спрутов в литературе и в море	206
Мокеле-мбембе и другие живые динозавры Африки	138	Гигантский спрут, хранитель сокровищ затонувших кораблей	208
Мы не прощаемся, с тобой, Несси!	155	Невероятный спрут «Тружеников моря»	211
Часть вторая		Жертва осьминога-младенца	214
ГИГАНТСКИЙ КАЛЬМАР	160	«Омерзительная» анатомия	215
Кальмар-гигант попался, или Необходимое предисловие ко второй части	160	Битва Жильята со спрутом	218
Семейный альбом головоногих	161	Борьба науки с писателем	221
Жюль Верн – лжеученый	161	Спрут менее агрессивен, чем тыква?	222
Немного систематики	163	Входят ли люди в меню осьминога?	226
Головоногие с восемью и десятью ногами	165	Спрут – жертва своей природной агрессивности	228
		Охота на осьминога с человеческой приманкой	230
		Водолазы подвергаются наибольшему риску	232
		Осьминогам не нравится играть с нами	234
		Часть четвертая	
		МОРСКОЙ ЗМЕЙ	236
		Морские чудовища живы, или Необходимое предисловие к четвертой части	236
		Во времена мрака и позже	239
		Кем был библейский Левиафан?	240
		Черви и гигантские змеи античности	242

Палачи Лаокоона: невинные сельдяные короли	245
«Живые бревна» Аристотеля и дельфины Плиния	247
Досье на нашего подопечного – настоящая помойка	249
«Теннин» арабов: с точки зрения метеорологии	250
Драконы средневековья	251
Чудовище в XVIII столетии	252
Описание и анатомия змея о шести крылах	256
«Это огромный морской змей!»	260
Зверь с тонкой шеей с Гебридских островов	262
Свидетельства, экспертизы и выводы	263
Nalsydrus – не что иное, как гигантская акула	266
Правильность и крайности	
в выводах Эверарда Хоума	268
Злополучный осмотр доктора Баркляя	271
Химера, плезиозавр, ламия или?	273
Гигантская или нет?	276
Левиафан из Нью-Джерси	
и флоридский плезиозавр	280
Змеи с лошадиной головой с острова Генри	281
Керкевилльское чудовище	283
Загадка мохнатого морского монстра	289
Существует ли гигантская плащеносная акула?	292
Не отвергайте подарков Нептуна	297
На сцене появляются огромные доисторические ящеры ..	299
Доктор Кох и его Хозяин Вод	303
Скандинавская жатва	309
Таинственная добыча траулера «Зуйо Мару»	316
Судьба «коктебельского гада»,	
или Крымские реликты	329
Доисторический ящер «Дедала»	331
Рапорты капитана Мак-Куа	
и лейтенанта Драймонда	333
Могла ли идти речь о гигантской водоросли?	336
Третья деталь в наше досье	339
Сбор сил и укрепление позиций	341
Официальная точка зрения сэра Ричарда Оуэна	343
Морской слон с растаявшей льдины?	346
Ответ капитана Мак-Куа	349
Ни глубоководная «плавающая пасть»,	
ни дрейфующий питон	350
Ученый спор вокруг гипотезы о плезиозавре	352
Морские ящеры не обязательно исчезли	357

Возможно, все ошибаются	360
Калифорнийский эналиозавр «Флай»	362
Морские змеи флота ее величества	364
Свидетельства в морском ежегоднике	365
Аристотелевский морской змей «Плампера»	367
Две ошибки, более или менее грубые	370
Пузырь, принятый за морского змея	373
Вернемся к изучению досье	375
Змея с собачьей головой «Клеопатры»	
и змей с петушиным гребнем «Бархама»	379
Объяснение неизвестного через малоизвестное	382
От суперутря «Пегги» до злобного чудища «Альбеоны» ...	385
Возвращение к классицизму	387
Китообразная сколопендра «Принцессы»	389
Перестановки в южной Атлантике,	
но на востоке опять ничего нового	392
Большие писатели и научные журналы признают змея ...	395
Морской змей, пойманный в Китае	400
Внук мятежника с «Баунти» открывает дверь	
в южную часть Тихого океана	403
Морской змей-космополит	406
Божьи слуги выступают на стороне морского змея	409
Преподобный Джойс защищает «своего» плезиозавра ...	414
Знаменательные свидетели: два будущих адмирала	418
Морской боа констриктор «Полины»	420
Морской змей из Массачусетса	426
Полосатая суперсаламандра «Нестора»	432
Смешанное чудовище «Осборна»	439
Слово берут эксперты	442
Морской крокодил «Сакраменто»	446
Морской змей как стая птиц!	449
Ловушка для змея	451
Последнее слово еще не сказано	456
В Австралии: морской змей	
наконец сфотографирован и снят на пленку	462
Существовал ли в действительности	
гигантский головоастик Уйтсанди?	467
Рафинеск, возможно, был прав	470

Непомнящий Н.Н.

Н 53 **Лох-Несс и озерные чудовища.** : – М. : Вече, 2002. –
480 с. (Великие тайны)

ISBN 5-94538-212-4

Эта книга посвящена загадочным существам, которые и по сей день вызывают непрекращающиеся научные споры.

Их появление вызывает страх, они будоражат сознание человека, заставляют осмыслить загадочные явления природы. Итак, кто они, озерные чудовища и морские змеи? Ответы на эти и многие другие вопросы вы найдете на страницах данной книги.

Николай Николаевич НЕПОМНЯЩИЙ

ЛОХ-НЕСС И ОЗЕРНЫЕ ЧУДОВИЩА

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *Н.В. Колобов*
Корректор *Е.Л. Копелева*
Верстка *И.В. Резниковой*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления – *Д.В. Грушин*

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
ООО «Издательство «Вече 2000» ИД № 01802 (код 221)
от 17.05.2000 г.
ЗАО «Издательство «Вече» ИД № 05134 (код 221) от 22.06.2001 г.
ЗАО «Вече» ЛР № 040410 от 16.12.1997 г.

e-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>
www.100top.ru

Подписано в печать 20.09.2002. Формат 84×108 1/2.
Гарнитура «ТаймсЕТ». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 15. Тираж 5000 экз. Заказ